

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Филологический факультет
Отделение теоретической и прикладной лингвистики

Беляев Олег Игоревич

Коррелятивная конструкция
в осетинском языке
в типологическом освещении

Специальность 10.02.20
Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
к. ф. н. М. А. Даниэль

Москва 2014

Оглавление

Введение	5	
Глава 1	Основные сведения об осетинской грамматике	17
1.1	Морфология	17
1.1.1	Имя	17
1.1.2	Глагол	23
1.2	Синтаксис	28
1.2.1	Порядок слов в простом предложении	28
1.2.2	Именная группа	28
1.3	Выводы	30
Глава 2	Подчинительные показатели и конструкции	31
2.1	Подчинительные конструкции, использующие корреляты	31
2.1.1	<i>Чи, цы</i>	34
2.1.2	<i>Куы</i>	40
2.1.3	<i>Кæд</i>	44
2.1.4	<i>Кæм</i> и другие локативы	46
2.1.5	<i>Цалымæ</i>	47
2.1.6	<i>Куыд</i>	48
2.1.7	<i>Кæй</i>	50
2.1.8	<i>Цæмæй</i>	55
2.1.9	<i>Цыма</i>	58
2.1.10	Косвенные вопросы	60
2.2	Псевдосочинение	63
2.2.1	Причина	65
2.2.2	Цель	67
2.2.3	Следствие	69
2.2.4	Сентенциальные актанты	69

2.2.5	Сочинительная инверсия	70
2.3	Обсуждение	71
2.3.1	Коррелятивы как единый синтаксический тип	71
2.3.2	Различия внутри класса канонических придаточных	75
2.4	Распространённость коррелятивов	79
2.5	Выводы	81
Глава 3	Синтаксическая структура коррелятивов	82
3.1	Внутренняя структура зависимой предикации	82
3.1.1	Глагольный комплекс	84
3.1.2	Центральная зона	92
3.1.3	Периферийная зона	102
3.1.4	Формализация структуры клаузы в терминах ЛФГ	109
3.1.5	Ограничения на порядок однородных элементов	118
3.2	Синтаксическая позиция зависимой клаузы при корреляте	124
3.3	Ограничения на подчинительную группу	127
3.3.1	Доступность синтаксических позиций для релятивизации	128
3.3.2	Допустимые составляющие в релятивной группе	131
3.4	Ограничения на коррелят	133
3.4.1	Ограничения на форму коррелята	133
3.4.2	Островные ограничения	136
3.5	Множественная релятивизация	139
3.5.1	Подчинительные элементы в множественных коррелятивах	139
3.5.2	Ограничения на коррелят	142
3.5.3	Необязательность коррелята	144
3.5.4	Позиция зависимой клаузы	146
3.6	Сочинительная инверсия	147
3.7	Аргументы в пользу и против «передвижения» зависимой клаузы	150
3.7.1	Аргументы Бхатта	154
3.7.2	Другие аргументы	158
3.7.3	Островные ограничения	159
3.8	Формализация	164
3.9	Выводы	166

Глава 4	Семантика коррелятивов	169
4.1	Корреферентность в осетинских коррелятивах	169
4.1.1	Множественность antecedентов	170
4.1.2	Ассоциативная связь между подчинительной группой и коррелятивом	173
4.1.3	Неполная корреферентность	174
4.1.4	Имена собственные	176
4.1.5	Анафорический анализ: коррелятивы как «обратные резюме»	178
4.1.6	Типологические параллели анафорического анализа	191
4.2	Референциальный статус коррелятивов	195
4.3	Числовое маркирование относительной группы в коррелятивной конструкции	202
4.4	Формализация	203
4.4.1	Композициональная семантика	204
4.4.2	Синтактико-семантический интерфейс	211
4.5	Выводы	219
Глава 5	«Коррелятивная экспансия» как ареальное явление	220
5.1	Синтаксические заимствования при языковых контактах	220
5.2	Типологические параллели	222
5.2.1	Коррелятивы в других языках	222
5.2.2	Полисемия номинализации и релятивизации	223
5.3	Генетический обзор	225
5.3.1	Древнеиранские и среднеиранские языки	226
5.3.2	Новоиранские языки	230
5.4	Ареальный обзор	232
5.4.1	Картвельские языки	233
5.4.2	Нахско-дагестанские языки	235
5.4.3	Абхазо-адыгские языки: подчинение в адыгейском	239
5.5	Выводы	246
Заключение		247
Список глосс		250

Литература	257
Приложение А Теория Лексико-функциональной грамматики	282
Приложение Б Полная структура осетинского примера с коррелятивной конструкцией	300

Введение

Объект исследования работы — полипредикативные конструкции, в типологической и теоретической литературе называемые коррелятивными, в осетинском языке, который относится к иранской группе индоевропейских языков и который распространён на территории Северного Кавказа и в Закавказье.

Данный класс конструкций обычно рассматривают как подтип относительных придаточных. Коррелятивы можно определить как такие придаточные, которые характеризуются следующими признаками: зависимая клауза находится на левой периферии; NP_{rel}^1 (относительная группа) находится внутри зависимой клаузы в структурно выделенной позиции и может содержать именную вершину; NP_{mat} (антецедент, коррелят) находится в главной клаузе, выражена анафорическим местоимением или определённой именной группой, и не образует составляющей с зависимой клаузой:

- (1) хинди (индоарийские > индоевропейские)
[*jo laṛkii kharīi hai*] *vo lambii hai*
REL девочка стоя есть она высокая есть
'Девочка, которая стоит, — высокая.'

[Srivastav, 1991]

В работе [Зализняк, Падучева, 1975] такой тип релятивизации назван «архаическим» — вероятно, потому, что весьма распространён в древних индоевропейских языках (санскрите, хеттском и т.п.).

В ряде языков, например, в хинди, возможно также альтернативное позиционирование зависимой клаузы, при котором она непосредственно предшествует корреляту:

¹Сокращения NP_{rel} и NP_{mat} используются, как в [Andrews, 2007].

- (2) хинди (индоарийские > индоевропейские)
Ram-ne [*jo larṛkaa tumhaare piichhe hai*] *us larṛke-ko* [*jo*
 Рам-ERG REL мальчик твой за есть тот мальчик-DAT REL
kitaab Shantiniketān-ne chhaapii thii] *vo kitaab dii*
 книга Шантиникетан-ERG печатать.PFV был тот книга дать-PFV
 ‘Рам дал ту книгу, которую издал Шантиникетан, тому мальчику,
 который за тобой.’

[Lipták, 2009b, с. 17]

Такие конструкции обычно также относят к коррелятивам, т.к. по всем остальным характеристикам два типа позиционирования зависимой клаузы совпадают. Однако необходимым условием трактовки конструкции как коррелятивной является допустимость позиции в (1), которая считается канонической для этих конструкций.

Коррелятивы следует отличать от ряда близких типов относительных придаточных. Во-первых, как правило, к другой конструкции относятся т.н. вынесенные вправо относительные, которые можно проиллюстрировать следующим примером:

- (3) *larṛkii lambii hai* [*jo kharīi hai*]
 девочка высокая есть REL стоя есть
 ‘Девочка, которая стоит, — высокая.’

[Srivastav, 1991, с. 649]

В ряде работ, например, в [Lehmann, 1988], такие конструкции также относят к коррелятивам, т.к. на первый взгляд они обладают той же формальной структурой. Однако, как показала В. Сривастав [Srivastav, 1991], в хинди эти конструкции относятся к другому типу, т.к. в них невозможно использование внутренней вершины и они обладают иной семантикой. Впрочем, *a priori* нельзя исключать структурного тождества конструкций типа (3) и конструкций типа (1), однако пока что, насколько мне известно, примеров подобных языков лингвистическая типология не знает.

Коррелятивы следует также отличать от внутривершинных относительных:

- (4) навахо (атабаскские)
 [*Tl'éédáqá ashkii atháq-áq*] *yádooltih*
 прошлой_ночью мальчик 3SG.IPFV.храпеть-REL.PST FUT.3SG.говорить
 ‘Мальчик, который прошлой ночью храпел, будет говорить.’

[Platero, 1974]

Эти конструкции отличаются от коррелятивов тем, что отсутствует коррелят, зависимая клауза является частью NP_{mat} и ограничивает референцию внутренней вершины. Таким образом, внутривершинные релятивы являются подклассом канонических относительных в том смысле, что в них зависимая клауза и NP_{mat} образуют составляющую, тогда как для коррелятивов это в общем случае неверно.

Кроме того, формально схожи с коррелятивами конструкции с т.н. *attractio inversa*:

- (5) латинский (италийские > индоевропейские)
Urb-em [*qu-am* *statu-o*]
 город-SG.ACC который-SG.F.ACC основывать-PRS.ACT.1SG
vestr-a est
 ваш-SG.F.NOM быть-PRS.3SG
 ‘Город, который я основываю, — ваш.’ (НОМ > АСС)
 (Vergilius, Aeneis I 573)
- (6) ингерманландский финский (прибалтийско-финские > финно-угорские)
lampà-n [*minkä miä eilen ost-i-n*] *loikò*
 овца-GEN что.GEN я.NOM вчера купить-PST-1SG лежать-PRS.3SG
koi-n luon
 дом-GEN около
 ‘Овца, которую я вчера купил, лежит перед домом.’ (НОМ > GEN, букв.
 ‘овцу, которую я купил, лежит перед домом’)
 [Kholodilova, 2013, с. 97]

Здесь вершина (*urbem* ‘город’, *lampàn* ‘овцу’) стоит в падеже, приписываемом относительному местоимению, т.е. можно сказать, что падеж переходит из зависимой клаузы в главную, откуда и термин «*attractio inversa*». Подобные примеры в принципе можно было бы трактовать, как коррелятивы с нулевым коррелятом, если считать, что, соответственно, *urbem quem* ‘город который’ и *lampàn minkä* ‘овцу которую’ образуют составляющие и находятся внутри зависимой клаузы. Однако ряд фактов показывают, что это не так, и что в данном случае мы действительно имеем дело с «переносом» падежа мишени на вершину.

Наконец, в небольшом числе языков встречаются т.н. двухвершинные относительные конструкции [Cinque, 2012b]:

- (7) японский (алтайские)
 [*watakusi ga so-no ito no namae o wasure-te*
 1Sg NOM DemMed-ATTR человек GEN имя ACC забыть-CVB
sima-tta] *o-kyaku-san*
 закончить-PST NON-гость-NON
 ‘гость, имя которого я забыл’

[Kuno, 1973, с. 237]

Здесь лексическая вершина присутствует как внутри NP_{mat}, так и внутри NP_{rel}, в отличие от внутри- и внешневершинных относительных, где вершина имеется только в одной позиции. В этом они похожи на коррелятивы, где также может быть две вершины 2. Однако эти конструкции отличаются от коррелятивов, помимо прочего, тем, что здесь внешняя вершина образует составляющую с зависимой клаузой и не может быть отделена от неё.

Осетинские коррелятивы допускают оба варианта позиционирования зависимой клаузы в (1)–(2) и могут быть проиллюстрированы следующим примером:

- (8) *Хорз фысс-ын нæ ба-зон-дз-ысты*, [*тагъд чи₁*
 хорошо писать-INF NEG PV-знать-FUT-3PL быстро кто.NOM
фысс-ы], *уыдон₁*, [*хорз чи₂ фысс-ы*],
 писать-PRS.3SG DemDist.PL хороший кто.NOM писать-PRS.3SG
ба-зон-дзæн уый₂ тагъд фысс-ын кæд-дæр.
 PV-знать-FUT[3SG] DemDist[NOM] быстро писать-INF когда-INDEF
 ‘Те, кто₁ быстро пишет, хорошо писать не научатся; тот, кто₂ хорошо
 пишет, когда-нибудь научится и быстро писать.’

(ОНК: Дзасохты Музафер, *Зонд æмæ амонд*, 2012)

В этом предложении имеется сразу два примера коррелятивной конструкции, иллюстрирующие два альтернативных варианта её позиционирования. Во втором предложении зависимая клауза, обозначенная скобками, в которой относительная группа *чи* ‘кто’ находится в позиции непосредственно перед глаголом, предшествует главной клаузе, в которой указательный элемент *уый*, обозначенный цифрой 2, обязателен и не образует составляющей с зависимой клаузой (букв. *хорошо кто пишет, научится тот быстро писать когда-нибудь*). В первом же предложении зависимая клауза вложена в главную и непосредственно предшествует коррелятиву (букв. *хорошо писать не научатся, быстро кто пишет, тот*).

В работе будет показано, что коррелятивы в осетинском языке обладают рядом свойств, отличающих их как от канонических относительных придаточных, так и от других типов коррелятивов, описанных в литературе.

Актуальность исследования. В последние десятилетия релятивизация находится в центре внимания исследователей-специалистов по типологии и теоретической лингвистике. В работах Э. Кинэна, Б. Комри [Keenan, Comrie, 1977; Keenan, 1985], К. Лемана [Lehmann, 1984], А.А. Зализняка, Е.В. Падучевой [Зализняк, Падучева, 1975] были обнаружены многие интересные синтаксические свойства коррелятивов, в частности, ограничения на позицию NP_{rel} , различия между внутренней и внешней вершинами и корреляции между различными признаками относительных конструкций. Семантическая типология относительных конструкций была предложена в работах А. Гросу и Ф. Ландмана. Учитывая столь высокую степень изученности типологии релятивизации, большинство работ по коррелятивам так или иначе рассматривают их в контексте сходств и различий с каноническими относительными. Наиболее популярны два подхода: «дистантный», рассматривающий зависимую клаузу как исходно расположенную на левой периферии и анафорически связанную с коррелятом, отражён в работах В. Сривастав (она же В. Дайал) [Srivastav, 1991; Dayal, 1995], Э. Дэвисон [Davison, 2009], Б. Арсеньеви́ча [Arsenijević, 2009b] и других исследователей; «локальный», рассматривающий зависимую клаузу как порождаемую при корреляте и впоследствии факультативно передвигающуюся на левую периферию, предложен в работах Р. Бхатта [Bhatt, 2003], Р. Изворской (Панчевой) [Izvorski, 1996] и Г. Чинкве [Cinque, 2012a]. Нетрудно заметить, что первый подход рассматривает коррелятивы как особый тип относительных конструкций, в котором зависимая клауза не связана непосредственно с коррелятом, тогда как в рамках второго подхода коррелятивы фактически являются просто частным случаем канонических относительных. Ряд исследователей, например, А. Липтак [Lipták, 2008] и С. Кейбл [Cable, 2009], полагают, что в различных языках возможны различные способы деривации коррелятивов, и этот подход представляется наиболее разумным. Как будет показано в настоящей работе, в осетинском есть аргументы как в пользу, так и против «передвижения» зависимой клаузы, и наиболее разумным представляется гибридный подход, постулирующий различные конфигурации в зависимости от синтаксического окруже-

ния коррелята.

Все эти работы, несмотря на существенные разногласия в понимании синтаксической структуры коррелятивов, едины в том, что рассматривают семантику этих конструкций как в сущности ничем принципиально не отличающуюся от семантики канонических относительных. Так, в работе В. Сривастав [Srivastav, 1991] предлагается рассматривать значение зависимой клаузы в (1), в виде формулы « $\lambda P.P(\iota x(\text{girl}'(x) \& \text{stand}'(x)))$ », куда в качестве P подставляется главная клауза (с незаполненной позицией коррелята), в результате чего мы получаем в целом стандартное значение относительного предложения. В работах А. Гросу и Ф. Ландмана предлагается относить коррелятивы к особому типу относительных конструкций, «максимализирующему»; однако различие между максимализирующими и рестриктивными относительными придаточными состоит лишь в применении отдельной операции к множеству, выражаемому зависимой клаузой. Общий вид семантики коррелятивов во всех известных мне работах в целом так или иначе исходит из стандартного значения, предложенного для релятивизации в работах Б. Парти [Partee, 1975] и с тех пор практически не оспариваемого. В данной работе будет показано, что для осетинского языка такой анализ неадекватен.

Кроме того, в осетинском языке коррелятивы играют особо важную роль, используясь, как будет показано в этой работе, для подавляющего большинства типов зависимых клауз и функционально не сводясь к одной релятивизации. Поэтому описание коррелятивов в осетинском языке одновременно является описанием осетинской системы подчинения и также затрагивает такие области осетинской грамматики, как структура клаузы, референциальная система и семантика глагольных форм.

Цель исследования состоит в описании осетинских коррелятивов, выявлении их особенностей, представляющих интерес с типологической и теоретической точек зрения и их отличий от относительных и коррелятивных конструкций в других языках. Дополнительной целью исследования является также формализация структуры этих конструкций в терминах Лексико-функциональной грамматики.

Тем самым, в задачи исследования входят:

1. установление границ коррелятивной конструкции в осетинском языке;

- разграничение коррелятивов и иных типов придаточных;
2. исследование синтаксической структуры зависимой клаузы;
 3. определение доступных для релятивизации синтаксических позиций и ограничений на форму относительной группы и коррелята, а также ограничений на позиций зависимой клаузы;
 4. исследование синтаксических различий между простыми коррелятивами и множественными;
 5. установление, какой из синтаксических анализов коррелятивов — «локальный» или «дистантный» — лучше подходит для осетинского языка;
 6. анализ семантических типов кореферентности между относительной группой и коррелятом;
 7. определение допустимых видов референциального статуса коррелята;
 8. сравнение осетинских коррелятивов с другими конструкциями, требующими обязательной кореферентности участников;
 9. формализация синтаксиса и семантики осетинских коррелятивов в терминах ЛФГ и DRT²;
 10. сопоставление осетинских коррелятивов с аналогичными конструкциями в генетически родственных языках, в ареально близких языках и в типологической перспективе; определение возможных источников ареального влияния на осетинское подчинение.

Научная новизна. Осетинские коррелятивы как самостоятельный объект исследования никогда ранее не становились объектом самостоятельного и систематического изучения. Синтаксическое единообразие различных типов подчинения было обнаружено и описано ещё в первой осетинской грамматике, написанной А.М. Шёгреном, однако впоследствии, под влиянием русской лингвистической традиции, различные типы придаточных в большинстве

²Kamp, Reyle, 1993.

работ описывались отдельно, при этом практически не уделялось внимания структурному сходству между ними. Так, пары «союз-коррелят» описывались как «двойные союзы», без какого-либо внимания к «разделению труда» по выражению семантики подчинительной конструкции между этими двумя элементами. Некоторое исключение в этом плане представляет точка зрения Н.К. Багаева, рассматривавшего корреляты как «соотносительные местоимения», и считавшего только союзы и союзные слова носителями собственно подчинительного отношения. Однако и работы Н.К. Багаева всё же подвержены влиянию отечественной лингвистической традиции с её классификацией придаточных в соответствии с членами предложения, совершенно неадекватной для осетинского языка. В данной работе, таким образом, впервые со времён Шёгрена осетинские коррелятивы рассматриваются как самостоятельный объект исследования, без искусственного разделения на множество подтипов.

Кроме того, все предшествующие работы, в которых шла речь об осетинских коррелятивах, были общими описательными грамматиками осетинского языка; следовательно, свойства именно этой конструкции в них описывались непоследовательно и неполно. Данная работа является первым исследованием, в котором коррелятивная конструкция в осетинском языке описана с позиций современного типологического и теоретического языкознания.

Теоретическая значимость. Как будет показано в данной работе, осетинские коррелятивы не могут быть описаны с использованием стандартной семантики релятивизации, поскольку в них, в отличие от других известных в типологии относительных конструкций, отношение между относительной группой и коррелятом не сводится к простому совпадению референтов. В частности, в осетинском возможны такие явления, как контекстное связывание (bridging), расщеплённые антецеденты и неполное совпадение между множеством референтов NP_{rel} и NP_{mat} . Некоторые из этих явлений в рамках типологии релятивизации засвидетельствованы лишь в литературе по резумптивам, но и в ней отмечаются, как маргинальные особенности, характерные для разговорной речи и близкие к речевым сбоям. Этот факт, на мой взгляд, говорит о том, что осетинские коррелятивы с семантической точки зрения не могут быть признаны подвидом относительных придаточных и должны быть отнесены к особому классу полипредикативных конструкций.

Также данная работа является значимой в том, что находится на стыке нескольких направлений: типологически ориентированного описания, корпусной лингвистики, ареальной типологии, внутригенетической типологии и формальной лингвистики. Моё общее описание синтаксиса и семантики осетинских коррелятивов следует типологическому подходу: специфика осетинских коррелятивов отражается путём сравнения их свойств с известными из типологической литературы и работ по конкретным языкам. При этом исследование в значительной степени опирается на корпусные данные, в частности, на подсчёты частотности различных конструкций и вариантов позиционирования подчинительных показателей и относительной группы. За типологически ориентированным описанием синтаксиса и семантики коррелятивов следует формализация в терминах ЛФГ и Теории репрезентации дискурса (DRT) [Kamp, Reyle, 1993]. Это позволяет с точностью определить, какие именно предсказания следуют из предложенных мною обобщений, а также делает работу значимой не только для лингвистической типологии, но и для формальных подходов к языку. Наконец, осетинские коррелятивы сопоставляются с аналогичными конструкциями в генетически родственных и ареально близких языках с целью определения, является ли данная конструкция унаследованной от праязыка, возникшей под влиянием соседних языков или возникшей независимо.

Можно рассматривать данную работу как попытку синтеза формального и функционального подходов к языковому описанию. На мой взгляд, именно ЛФГ идеально подходит для исследования такого рода, т.к. в значительной степени формализует то представление о языке, которое сложилось в рамках неформальной типологически-ориентированной описательной лингвистики. Формализация же, на мой взгляд, является необходимым условием для дальнейшего прогресса синтаксической типологии, т.к. неформальное описание позволяет охватить лишь самые поверхностные факты.

Практическая значимость. Результаты работы могут быть использованы при разработке систем автоматической синтаксической разметки текстов, в частности, в рамках Осетинского национального корпуса. Они также частично войдут в грамматическое описание осетинского языка, над которым в данный момент работает группа российских лингвистов, включающая автора данной диссертации. Наконец, данные осетинского языка, полученные в

рамках настоящего исследования, могут послужить материалом для подготовки курсов по общему синтаксису и лингвистической типологии.

Основным материалом исследования являются данные, полученные из Осетинского национального корпуса (<http://corpus.ossetic-studies.org>) [Arkhangelskiy, Belyaev, Vydrin, 2012]³, состоящего из письменных текстов на осетинском языке и содержащего около 10 млн. словоупотреблений, что делает его одним из крупнейших корпусов для языков, сравнимых по распространённости с осетинским. В общем случае я следовал принципу, согласно которому как можно бóльшая доля примеров должна быть взята из корпуса; исключения составили особо редкие конструкции, случаи, когда необходимы минимальные пары, а также отрицательный материал. Такой подход позволяет свести к минимуму субъективный фактор и делает работу в минимальной степени зависимой от особенностей речи ограниченного круга носителей. Материал, не снабжённый указателем на источник, получен путём опроса носителей в г. Владикавказ, пос. Алагир, с. Дзуарикау в 2009–2013 гг.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены и обсуждены, в частности, на XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных “Ломоносов” (Москва, 12–15 апреля 2010 г.), на 4-ой международной конференции по иранскому языкознанию (Уппсала, Швеция, 17–19 июня 2010 г.), на 8-й конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2011 г.), на 45-м ежегодном конгрессе Европейского лингвистического общества (Стокгольм, Швеция, 29 августа – 1 сентября 2012 г.), на Семинаре по формальной семантике в Лексико-функциональной грамматике (Оксфорд, Великобритания, январь 2014 г. — по сети Интернет). Доклад на 45-м ежегодном конгрессе Европейского лингвистического общества был удостоен приза (3-е место). Лёгший в основу диссертации материал был использован автором при чтении учебного курса «Введение в лингвистическую типологию» в магистратуре МГГУ им. М.А. Шолохова.

Публикации по теме диссертации. Автор имеет три публикации по теме диссертации в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, из них од-

³В аннотациях примеров я буду ссылаться на материал Корпуса путём указания автора текста, названия текста и года выпуска; если же эти данные в корпусе недоступны, используется аббревиатура ОНК.

на — в журнале, входящем в системы цитирования Scopus и Web of Science [Belyaev, 2010; 2011; Беляев, 2011b]. Помимо того, опубликовано 7 публикаций по теме диссертации [Беляев, 2010a,b; Belyaev, Vydrin, 2011; Arkhangel'skiy, Belyaev, 2011; Belyaev, 2012c; Беляев, 2012; Belyaev, 2012b].

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии, и двух приложений.

Благодарности.

Прежде всего, я выражаю глубокую признательность Сергею Георгиевичу Татевосову и Екатерине Анатольевне Лютиковой, благодаря приглашению которых я в 2007 г. впервые поехал в экспедицию в Осетию. Если бы не эта экспедиция, я бы сейчас не занимался осетинским языком, и вся моя научная судьба, скорее всего, сложилась бы иначе.

В главах 3 и 4 большую роль играет формализация результатов в терминах ЛФГ. Я бы не осмелился использовать эту теорию в своей диссертации, если бы не Мэри Далримпл, чья неизменная поддержка, помощь в понимании различных вопросов и ценные комментарии, в том числе и по данной теме, очень помогли мне в моей работе. Я также благодарен Дагу Хаугу, в сотрудничестве с которым был разработан формально-семантический анализ, за ценные замечания по многим идеям, содержащимся в данной диссертации, особенно в её формальной части. Наконец, я благодарен всем остальным участникам Оксфордского семинара по семантике в ЛФГ, в особенности Эшу Асуде, за ценные замечания.

Особая благодарность Андрею Сидельцеву, внимательно прочитавшему текст данной диссертации и сообщившему ряд ценных замечаний и исправлений.

Я благодарен моим друзьям и товарищам по экспедициям в Осетию, Арсению Выдрину и Юлии Мазуровой. Без них сбор материала для диссертации был бы гораздо более скучной работой.

Кто когда-либо комментировал какие-либо идеи этой работы, всем им я также хочу сказать спасибо. Это Мария Холодилова, Юрий Ландер, Михаил Александрович Даниэль, Татьяна Никитина, Мария Хачатурьян, Михаил Князев, Константин Игоревич Казенин, Андрей Александрович Кибрик, Тимур Майсак, Елена Викторовна Падучева, Мати Рейнович Пентус, Нина Романовна Сумбатова.

Я также благодарен Владимиру Александровичу Плуногяну за его неизменную поддержку и многие ценные советы.

Я хотел бы поблагодарить всех носителей осетинского языка, предоставивших материал для данного исследования. Я выражаю особую благодарность Мадине Дарчиевой. Это исследование никогда не состоялось бы без её неизменной дружеской поддержки и блестящей языковой интуиции. Также большую помощь в сборе данных по осетинскому языку оказали Фатима Агузарова, Мадина Бутаева, Марина Гуриева, Эльвира Гутиева, Залина Дзуцева, Ирина Мирикова. Я также благодарен Аслану Гуриеву, Харуму Алихановичу Таказову, Тамерлану Таймуразовичу Камболову и Залине Константиновне Кусаевой за их неизменную поддержку в деле изучения осетинского языка.

В диссертации в небольшом количестве используются примеры из аштынского диалекта кубачинского языка (даргинская группа нахско-дагестанских языков). За них я благодарен Мураду Гаджимурадову, Шамилю Рабаданову и Абдулу Бахмудову.

Наконец, я благодарен Наталье Сердобольской за её терпение, а также за то, что она была самым внимательным слушателем и самым проницательным критиком всех идей, содержащихся в данной диссертации.

1. Основные сведения об осетинской грамматике

В настоящей главе будут представлены общие сведения об осетинской морфологии и основных вопросах синтаксиса — порядке слов, структуре именной группы, — с той целью, чтобы читателю было удобнее ориентироваться в представляемых в работе примерах. Кроме того, представленные парадигмы иллюстрируют используемые в работе глоссы.

1.1. Морфология

1.1.1. Имя

Существительные в осетинском языке изменяются в основном агглютинативно. Имеется, по сути, всего один класс склонения, в рамках которого окончания отличаются в зависимости от того, оканчивается ли имя на гласную или на согласную. Кроме того, возможны чередования в основе при присоединении показателя множественного числа $-(т)т$ (одинакового для всех существительных), напр. *хæдзар* ‘дом’ — *хæдзæр-ттæ* ‘дома’.

	лæг ‘мужчина’		къаба ‘платье’	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
NOM	лæг	лæг-тæ	къаба	къаба-тæ
GEN	лæдж-ы	лæг-т-ы	къаба-йы	къаба-т-ы
DAT	лæг-æн	лæг-т-æн	къаба-йæн	къаба-т-æн
ALL	лæг-мæ	лæг-т-æм	къаба-мæ	къаба-т-æм
ABL	лæг-æй	лæг-т-æй	къаба-йæ	къаба-т-æй
IN	лæдж-ы	лæг-т-ы	къаба-йы	къаба-т-ы
SUPER	лæг-ыл	лæг-т-ыл	къаба-йыл	къаба-т-ыл

(продолжение на следующей странице)

(продолжение)

EQU	лæг-ау	лæг-т-ау	къаба-йау	къаба-т-ау
COMIT	лæг-имæ	лæг-т-имæ	къаба-(й)имæ	къаба-т-имæ
DIR	лæдж-ырдаэм	лæг-т-ырдаэм	къаба-йырдаэм	къаба-т-ырдаэм
RECESS	лæдж-ырдыгæй	лæг-т-ырдыгæй	къаба-йырдыгæй	къаба-т-ырдыгæй

Инессив-иллатив и генитив у существительных никогда не различаются, но они по-разному маркируются у местоимений, поэтому я выделяю их у существительных. Также эти падежи могут вызывать палатализацию конечной заднеязычной согласной (для многих носителей эта палатализация факкультативна).

Я выделяю в осетинском директив (движение в сторону ориентира) и рецессив (движение со стороны ориентира) в соответствии с [Belyaev, 2010]. Эти падежи исторически восходят к послелогам, управляющим генитивом, так что они вызывают палатализацию так же, как генитив.

Кроме того, в осетинском языке наблюдается дифференцированное маркирование прямого объекта. Существительные в этой функции обычно маркируются генитивом, если являются одушевлёнными, и номинативом, если таковыми не являются; имена, обозначающие животных, допускают оба вида маркирования:

- (9) а. *Зауыр* { *Алан-ы* / * *Алан* } *фед-т-а*.
 Заур Алан-GEN Алан видеть.PFV-TR-PST.3SG
 ‘Заур увидел Алана.’
- б. *Зауыр* { *стъл* / * *стъл-ы* } *фед-т-а*.
 стол стол-GEN
 ‘Заур увидел стол.’
- в. *Зауыр* { *хъуг* / *хъудж-ы* } *фед-т-а*.
 корова корова-GEN
 ‘Заур увидел корову.’

В действительности правила несколько сложнее, см. [Кулаев, 1961], но в целом основным фактором выбора падежа прямого объекта в осетинском является именно одушевлённость.

Личные местоимения единственного числа в осетинском склоняются по принципу двух основ: генитив супплетивен по отношению к номинативу, и от него как от основы образуются все остальные падежи.

	æз 'я'	ды 'ты'
NOM	æз	ды
GEN	мæн	дæу
DAT	мæн-æн	дæу-æн
ALL	мæн-мæ	дæу-мæ
ABL	мæн-æй	дæу-æй
IN	—	—
SUPER	мæн-ыл	дæу-ыл
EQU	мæн-ау	дæу-ау
COMIT	мæн-имæ	дæу-имæ
	ме-мæ	де-мæ
DIR	мæн-ырдæм	дæу-ырдæм
	ме-рдæм	де-рдæм
RECESS	мæн-ырдыгæй	дæу-ырдыгæй
	ме-рдыгæй	де-рдыгæй

Личные местоимения множественного числа склоняются так же, как существительные, за исключением того, что генитив и номинатив совпадают.

	мах 'мы'	сымах 'вы'
NOM	мах	сымах
GEN	мах	сымах
DAT	мах-æн	сымах-æн
ALL	мах-мæ	сымах-мæ
ABL	мах-æй	сымах-æй
IN	—	—
SUPER	мах-ыл	сымах-ыл
EQU	мах-ау	сымах-ау
COMIT	мах-имæ	сымах-имæ
	не-мæ	уе-мæ
DIR	мах-ырдæм	сымах-ырдæм
	не-рдæм	уе-рдæм
RECESS	мах-ырдыгæй	сымах-ырдыгæй
	не-рдыгæй	уе-рдыгæй

Указательные местоимения в целом склоняются, как существительные, но в норме в единственном числе не различают номинатив и генитив (у молодых носителей практически нормативной стала форма генитива *уыйы*), во

множественном — различают факультативно, а также имеют нерегулярную форму инессива *уым/ам*; такой же вид имеет у этих местоимений основа датива и аблатива; в остальных падежах в качестве основы используется *уы-*.

	ближний план		дальний план	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
NOM	а, ай	адон	уый	уыдон
GEN	ай	адон(-ы)	уый(-ы)	уыдон(-ы)
DAT	ам-æн	адон-æн	уым-æн	уыдон-æн
ALL	а-мæ	адон-мæ	уы-мæ	уыдон-мæ
ABL	ам-æй	адон-æй	уым-æй	уыдон-æй
IN	ам	адон-ы	уым	уыдон-ы
SUPER	а-йыл	адон-ыл	у-уыл	уыдон-ыл
EQU	а-йау	адон-ау	уый-ау	уыдон-ау
COMIT	а-(й)имæ	адон-имæ	уы-(й)имæ	уыдон-имæ
DIR	а-рдæм	адон-ырдæм	уы-рдæм	уыдон-ырдæм
RECESS	а-рдыгæй	адон-ырдыгæй	уы-рдыгæй	уыдон-ырдыгæй

Указательные местоимения дальнего плана также используются как анафорические (т.е. местоимения 3 лица). Поскольку генитив и номинатив у демонстративов часто не различаются, нельзя точно сказать, какой именно падеж используется в функции прямого объекта; поэтому я буду глоссировать *уый* в этой функции как [NOM/GEN].

Вопросительные слова при склонении имеют несколько основ: номинатива, генитива, общекосвенную и основу датива и аблатива. Особая основа у местоимения *цы* используется в директиве и рецессиве. Кроме того, во множественном числе их склонение нерегулярно: показатель числа присоединяется после показателя падежа.

	чи 'кто'		цы 'что'	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
NOM	чи	чи-тæ	цы	цы-тæ
GEN	кæй	кæй-ты	цæй	цæй-ты
DAT	кæм-æн	кæм-æн-ты	цæм-æн	цæм-æн-ты
ALL	кæ-мæ	кæ-мæ-ты	цæ-мæ	цæ-мæ-ты
ABL	кæм-æй	кæм-æй-ты	цæм-æй	цæм-æй-ты
IN	кæм	кæмы-ты	цæм	цæмы-ты

(продолжение на следующей странице)

(продолжение)

SUPER	кæ-уыл	кæ-уыл-ты	цæ-уыл	цæ-уыл-ты
EQU	кæ-йау	кæ-йау-ты	цæ-йау	цæ-йау-ты
COMIT	кæ-имæ	кæ-имæ-ты	цæ-имæ	цæ-имæ-ты
	че-мæ, че-мæ-ты			
DIR	кæй-ырдаæм	кæй-ырдаæм-ты	че-рдаæм	че-рдаæм-ты
RECESS	кæй-ырдыгæй	кæй-ырдыгæй-ты	че-рдыгæй	че-рдыгæй-ты

Именно тот факт, что показатели директива и рецессива предшествуют в данном случае показателю числа, является веским доводом в пользу их падежного статуса (иначе мы бы ожидали *кæйтырдаæм, *кæйтырдыгæй).

Подобные формы иногда встречаются и от указательных местоимений, ср.:

- (10) *Дыууæ аз-ы фæстæ та мæ фæндаг у-уыл-ты*
 два год-GEN после CONTR 1SgPoss дорога DemDist-SUPER-PL.OBL
 уыд...
 быть[PST.INTR.3SG]

‘Два года спустя моя дорога шла через то же место...’ (Мах дуг 10, 2006)

Их использование характерно для случаев, когда множественное число не несёт своей обычной функции. Так, в приведённом примере показатель множественного числа в сочетании с инессивом обладает функцией пролатива [Arkhangelskiy, Belyaev, 2011].

Наконец, в осетинском языке имеются т.н. «ваккернагелевские» энклитические местоимения для всех лиц и чисел и всех падежей, кроме номинатива, комитатива, экватива, директива и рецессива:

	1 лицо		2 лицо		3 лицо	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
NOM	—	—	—	—	—	—
GEN	=мæ	=нæ	=дæ	=уæ	=æй/=йæ	=сæ
DAT	=мын	=нын	=дын	=уын	=(й)ын	=сын
ALL	=мæм	=нæм	=дæм	=уæм	(й)æм	=сæм
ABL	=мæ	=нæ	=дæ	=уæ	=дзы	=сæ
						=дзы
IN	=мæ	=нæ	=дæ	=уæ	=дзы	=сæ
						=дзы
SUPER	=мыл	=ныл	=дыл	=уыл	=(й)ыл	=сыл
EQU	—	—	—	—	—	—

(продолжение на следующей странице)

(продолжение)

COMIT	—	—	—	—	—	—
DIR	—	—	—	—	—	—
RECESS	—	—	—	—	—	—

Форма *=æй* используется после согласных, *=йæ* — после гласных. В других формах 3 лица начальный «й» вставляется в случае, если предшествующее слово оканчивается на гласную.

В качестве грубого приближения можно сказать, что энклитики ставятся после первого слова в предложении за исключением случаев, когда оно начинается с именной группы — тогда энклитики ставятся после неё [Абаев, 1949d]. Реальное распределение несколько сложнее, в частности, имеется ряд эффектов нелокального расположения энклитик [Беляев, 2011a; Belyaev, 2012a].

Что касается употребления энклитик, то здесь можно отметить, что генитивная форма энклитик не используется для обозначения приименных зависимых, а используется исключительно для маркирования глагольных аргументов; при этом генитив используется как для одушевлённых, так и для неодушевлённых прямых объектов, т.е. общее правило дифференцированного маркирования прямого объекта здесь нейтрализуется.

Также в осетинском имеется серия посессивных проклитик, в основном омонимичных генитиву энклитик:

	1 лицо		2 лицо		3 лицо	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
Poss	<i>мæ=/ме=</i>	<i>нæ=/не=</i>	<i>дæ=/де=</i>	<i>уæ=/уе=</i>	<i>йæ=/йе=</i>	<i>сæ=/се=</i>

Формы, оканчивающиеся на «е», используются, если следующее слова начинается на гласную «æ».

В данном разделе были кратко рассмотрены парадигмы склонения основных именных классов в осетинском языке. Более подробную информацию о структуре осетинской именной парадигмы и о различных «парадоксах» падежного маркирования см. в [Беляев, 2014].

1.1.2. Глагол

В отличие от имени, глагол в осетинском языке обладает синтетической парадигмой. Различаются две основы: «настоящего» (ОНВ) и «прошедшего» (ОПВ) времени; в действительности они не всегда соответствуют временной референции формы. Обычно основа прошедшего времени вторична по отношению к основе настоящего и деривируется от последней при помощи показателя *-т*, *-д* или *-ыд*. При этом могут происходить чередования гласных в основе, так что по форме основы настоящего времени форму основы прошедшего времени предсказать нельзя.

1.1.2.1. Финитные формы

В индикативе различается три времени: настоящее, прошедшее и будущее.

настоящее время ОНВ			будущее время ОНВ	
<i>кæнын</i> 'делать'			<i>кæнын</i> 'делать'	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
1 л.	кæн-ын	кæн-æм	кæн-дзын-æн	кæн-дз-ыстæм
2 л.	кæн-ыс	кæн-ут	кæн-дзын-æ	кæн-дз-ыстут
3 л.	кæн-ы	кæн-ынц	кæн-дзæн кæн-дзæн-и(с)	кæн-дз-ысты

прошедшее время переходный глагол ОПВ			прошедшее время непереходный глагол ОПВ	
<i>кæнын</i> 'делать'			<i>цæуын</i> 'идти'	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
1 л.	код-т-он	код-т-ам	цыд-тæн	цыд-ыстæм
2 л.	код-т-ай	код-т-ат	цыд-тæ	цыд-ыстут
3 л.	код-т-а	код-т-ой	цыд	цыд-ысты

В прошедшем времени различаются переходное и непереходное спряжения, причём в переходном спряжении лично-числовому окончанию предшествует показатель переходности *-т*. Морфологическая переходность чаще всего соответствует синтаксической, но имеет и множество исключений: так, *кæсын* 'читать' спрягается по непереходной модели, хотя управляет прямым

объектом (в отличие от *кæсын* в значении ‘смотреть’, управляющего аллативом), а *кæуын* ‘плакать’ и *згъорын* ‘бегать’, напротив, спрягаются по переходной модели, но прямого объекта не присоединяют.

К косвенным наклонениям относятся конъюнктив, оптатив, контрафактив и императив:

конъюнктив ОНВ			оптатив ОНВ	
<i>кæнын</i> ‘делать’			<i>кæнын</i> ‘делать’	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
1 л.	кæн-он	кæн-ам	кæн-ин	кæн-икк-ам
2 л.	кæн-ай	кæн-ат	кæн-ис	кæн-икк-ат
3 л.	кæн-а	кæн-ой	кæн-ид	кæн-икк-ой

контрафактив переходный глагол ОПВ			контрафактив непереходный глагол ОПВ	
<i>кæнын</i> ‘делать’			<i>цæуын</i> ‘идти’	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
1 л.	код-т-а-ин	код-т-а-икк-ам	цыд-а-ин	цыд-а-икк-ам
2 л.	код-т-а-ис	код-т-а-икк-ат	цыд-а-ис	цыд-а-икк-ат
3 л.	код-т-а-ид	код-т-а-икк-ой	цыд-а-ид	цыд-а-икк-ой

императив ОНВ		
<i>кæнын</i> ‘делать’		
	ед.ч.	мн.ч.
1 л.	(кæн-он)	(кæн-æм)
2 л.	кæн	кæн-ут
3 л.	кæн-æд	кæн-æнт

В контрафактиве так же, как и в прошедшем времени, у переходных глаголов между основой и окончанием вставляется показатель *-т-*; однако набор окончаний у этих двух типов глаголов в этом наклонении одинаков. Формы *кæнон* и *кæнæм* относит к 1 л. императива А.П. Выдрин [Выдрин, в печ.], но они совпадают с соответствующими формами конъюнктива, так что с чисто морфологической точки зрения такое решение не является бесспорным.

У глагола ‘быть’ нерегулярно изменяется настоящее время, а также имеет-

ся две парадигмы оптатива, остальные финитные формы образуются регулярно (ОНВ *уы*, ОПВ *уыд*).

1.1.2.2. Нефинитные формы

В осетинском языке имеется инфинитив на *-ын*. Он используется и как собственно инфинитив (т.е. маркирует сентенциальные актанты при односубъектном употреблении), и как номинализация, в последнем случае он может присоединять косвенные падежи:

- (11) *Уы-цы карз ныхæс-тæ зæл-ыны хъоды*
 DemDist-ATTR строгий речь-PL звучать-PRS.3PL запретный
кæн-ын-ау.
 делать-INF-EQU
 ‘Эти строгие слова звучат, как запрет.’ (ОНК)

Наиболее употребимых причастий в осетинском четыре: на *-гæ*, *-æг*, *-аг*, *-инаг* и *-т/-д*. Причастия на *-гæ*, *-æг* и *-аг* образуются от ОНВ и семантически все относятся к настоящему времени. Их распределение пока подробно не изучено, но в целом можно говорить о том, что причастие на *-гæ* чаще означает временный признак предиката (*цæугæ адæймаг* ‘идущий человек’), на *-аг* — постоянный признак или свойство (*зараг* ‘часто поющий, певец’), на *æг* — примерно в равной степени и постоянные, и временные признаки (*цæугæ* ‘идущий’, *уырнаг* ‘верующий; тот, кто верит’). Однако всё это лишь тенденции, и для каждой из них нетрудно найти контрпримеры.

Форма на *-гæ* также интересна тем, что может употребляться и в качестве деепричастия. Аблативная форма этого причастия обладает только деепричастным значением:

- (12) *Тæрс-гæ=риз-гæ-йæ цæр-ын чи с-ахуыр*
 бояться-PCVB=дрожать-PCVB-AVL жить-INF кто.НОМ PV-учёба
вæй-ы, [*хивæнд хицауад-ы бардзырд-тæ æххæст*
 бывать-PRS.3SG упрямый государство-GEN приказ-PL готовый
кæн-гæ-йæ], *уыдон сæ-хи аууæ-тт-æй дæр*
 делать-PCVB-AVL DemDist.PL 3PLPoss-Refl[GEN] тень-PL-AVL ADD
стъæлф-ын ра-йдаи-ыны.
 вздрагивать-INF PV-начинать-PRS.3PL
 ‘Те, кто научился жить, боясь и дрожа, выполняя приказы упрямой

власти, начинают вздрагивать и от собственной тени.’

(ОНК: *Мах дуг* 10, 2003)

Следует также обратить внимание на использование деепричастия на *-гæ* в эмфатических конструкциях (форма на *-гæ* смыслового глагола + глагол *кæнын*):

- (13) *Фæндыр хъуамæ ал-кæ-мæ дæр зын-гæ кæн-а!*
 фандур надо UNIV-кто-ALL ADD виднеться-PCVB делать-SBJV.3SG
 ‘Надо, чтобы фандур был всем заметен!’

(ОНК: Хугаев С.З. *Нарты фарнæг*, 2000)

Подробнее о формах на *-гæ* и *-гæйæ* см. в работе [Belyaev, Vydrin, 2011].

Причастие на *-инаг* обозначает референцию к будущему времени: *цæу-инаг адæймаг* (идти-PTCP.FUT человек) ‘человек, который пойдёт’.

У нефинитных форм глагола *уæвын* ‘быть’ основа настоящего времени не *уы*, а *уæв* (инфинитив *уæвын*, причастие-деепричастие *уæвгæ* и т.п.).

1.1.2.3. Имперсонал

В осетинском языке залог в основном выражается аналитически, но есть одна конструкция, в которой используются морфологические средства — это имперсонал. Имперсонал образуется от причастия прошедшего времени при помощи суффикса *-æ-* и форм 3 лица глагола *уæвын* ‘быть’. Например: *цыд-æ-уы* (идти-IMPER-S.PRS.3SG) ‘ходят’, *цыд-æ-уыд-и* (идти-IMPER-PST-3SG) ‘ходили’. Нерегулярна используемая в имперсональных формах основа глагола *кæнын* ‘делать’, *чынд* вм. *ко(н)д*, ср. *чынд-æ-уы* (делать-IMPER-S.PRS.3SG) ‘делают’. Подробнее об осетинском имперсонале см. [Vydrin, 2013].

1.1.2.4. Аспект

Осетинский язык относится к языкам с т.н. аспектом «славянского типа» [Bybee, Dahl, 1989], т.е. к таким языкам, где перфективный глагол образуется от имперфективного путём префиксации. Ср. *кæнын* ‘делать’ и *ба-кæнын* ‘сделать’, *зонын* ‘знать’ и *ба-зонын* ‘узнать’ и т.п. Как и в русском языке, превербы в осетинском также обладают пространственной функцией.

Единственным исключением является преверб *фæ-*, который не имеет пространственного значения и отличается к тому же тем, что необязательно яв-

ляется перфективирующим. Кроме того, в осетинском также есть вторичный имперфектив с префиксом *-цæй-*, употребляющийся преимущественно в случае, если преверб требуется употребить в чисто пространственном значении — например, очень часто этот префикс встречается с глаголами движения (*æрба-цæй-цыд-и* (PV-IPFV-идти-PST.INTR.3SG) ‘он шёл (по направлению к говорящему)’). Также частью осетинской аспектуальной системы является клитика второй позиции *=иу*, которая используется в хабитуальных и итеративный контекстах с глаголами совершенного вида (очень часто — для хабитуалиса в прошлом).

У небольшого числа глаголов перфектив образуется нерегулярно, с изменением основы и непрозрачным присоединением префикса, например, *раттын* ‘дать’ от *дæттын* ‘давать’, *фенын* ‘увидеть’ от *уынын* ‘видеть’. Насколько мне известно, единственным непроизводным перфективным глаголом в осетинском является *зæгъын* ‘сказать’. Подробнее о виде в осетинском языке см. [Tomelleri, 2009; Lyutikova, Tatevosov, в печ.]

1.1.2.5. Сложные глаголы

Значительную часть глагольной лексики в осетинском составляют сложные глаголы. Они состоят из именной части и т.н. лёгкого глагола (чаще всего *кæнын* ‘делать’, *уæвын* ‘быть’; встречаются и другие). При этом преверб может присоединяться как к именной части, так и к лёгкому глаголу (*с-цæттæ кæнын* (PV-готовый делать-INF), *цæттæ с-кæн-ын* (готовый PV-делать-INF) ‘приготовить’). Подробнее о синтаксисе сложных глаголов в осетинском см. [Гращенков, 2010].

Каузативную конструкцию в осетинском языке, состоящую из инфинитива смыслового глагола + глагола *кæнын* ‘делать’ также можно отнести к категории сложных глаголов, т.к. в ней преверб присоединяется именно к инфинитиву, а не к лёгкому глаголу. Подробнее о таком анализе см. [Lyutikova, Tatevosov, 2013].

Следует заметить, что довольно часто «лёгкий глагол» опускается. Например:

- (14) *Куы с-лæг, уæд æй ра-рвыст-а йæ*
 когда PV-мужчина тогда 3SgEncl.GEN PV-послать-PST.TR.3SG 3SgPoss

ра-йгуыр-æн бæст-æм — Дыгур-ы ком-мæ.

рV-рождаться-NMLZ страна-ALL Дигория-GEN ущелье-ALL

‘Когда он вырос, тогда он его послал на его родную землю — в Дигорское ущелье.’ (ОНК)

1.2. Синтаксис

1.2.1. Порядок слов в простом предложении

В целом порядок слов в осетинском языке свободен в том смысле, что грамматическая роль не определяет линейную позицию ИГ; немаркированным порядком является SOV:

- (15) а. SOV
Зауыр Алан-ы фед-т-а.
 Заур Алан-GEN видеть.PFV-TR-PST.3SG
- б. OSV
 Аланы Зауыр федта.
- в. SVO
 Зауыр федта Аланы.
- г. OVS
 Аланы федта Зауыр.
- д. VSO
 Федта Зауыр Аланы.
- е. VOS
 Федта Аланы Зауыр.

Подробнее структура осетинской клаузы будет рассмотрена в главе 3.

1.2.2. Именная группа

В отличие от клаузы, порядок слов в именной группе является довольно строгим и соответствует следующей схеме:

- (16) Poss > Det > Num > Adj, Gen > N

Иллюстрирующие примеры:

- (17) Poss > Det

- а. *Тæтæрхъан-ы уы-цы лæвар*
Татаркан-GEN DemDist-ATTR подарок
б. * *уыцы Тæтæрхъаны лæвар*

‘этот подарок Татаркана’ (Мах дуг 2, 2004)

(18) Det > Num

- а. *уы-цы æртæ бæх-ы*
DemDist-ATTR три конь-GEN
б. * *æртæ уыцы бæхы*

‘три этих коня’ (ОНК)

(19) Num > Adj

- а. *дыууæ æрыгон сылгоймадж-ы*
два старый женщина-GEN
б. * *æрыгон дыууæ сылгоймаджы*

‘две старые женщины’ (ОНК)

(20) Adj <> Gen

- сæрдыгон май-ы бур хъæндил-т-æй*
летний май-GEN жёлтый жук-PL-AVL

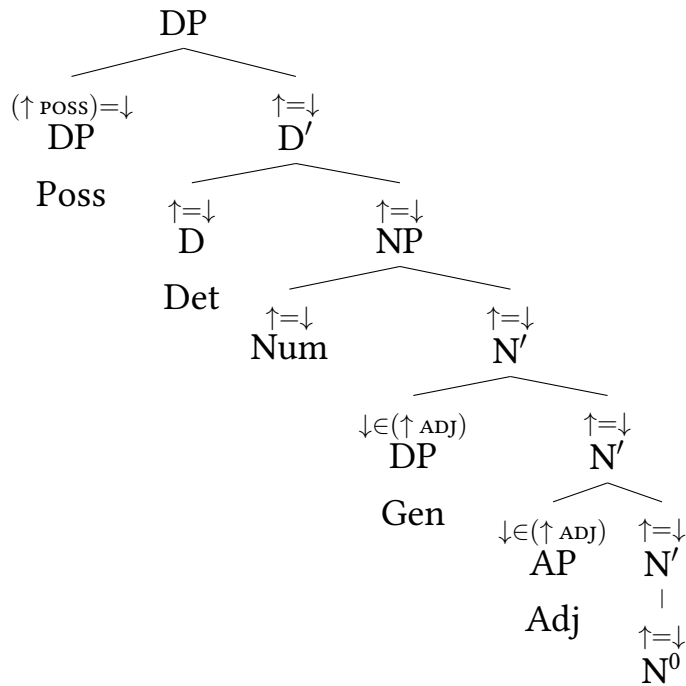
‘от жёлтых летних майских жуков’ (ОНК)

Как видно из примеров (18)–(19), именные вершины при числительных в осетинском языке ставятся в генитиве в случае, если вся ИГ занимает позицию, в которой ей приписывается номинатив; в косвенных падежах используется тот падеж, который соответствует синтаксической роли ИГ:

- (21) *дыууæ æрыгон сылгоймаг-æн*
два старый женщина-DAT
‘двум старым женщинам’

Следует обратить особое внимание на две позиции для генитива. Позицию Poss обычно занимают референтные ИГ, тогда как позицию Gen занимают нереперентные ИГ, близкие к относительным прилагательным (ср. ‘майский жук’ в (20)).

Поскольку структура ИГ будет иметь некоторое значение при формальном описании подчинительных показателей в коррелятивной конструкции, следует сказать о том, как ИГ следует представлять с формальной точки зрения. Я предлагаю следующую структуру; ниже узлов подписаны их обозначения на неформальной схеме в (16):

Какие-либо согласовательные классы в осетинском языке отсутствуют, а по числу и падежу составляющие именной группы не согласуются.

1.3. Выводы

В данной главе были вкратце описаны основные черты грамматики осетинского языка, которые будут иметь значение для дальнейшего описания. В частности, дана общая характеристика именной и глагольной морфологии, структуры именной группы и порядка слов в простом предложении. Подробный анализ структуры простого предложения будет предложен в главе 3.

2. Подчинительные показатели и конструкции

Прежде чем перейти к подробному анализу синтаксиса и семантики осетинских коррелятивов, необходимо чётко очертить границы рассматриваемых конструкций и их место в общей системе подчинения осетинского языка. С этой целью в настоящей главе будут рассмотрены все основные показатели подчинения и конструкции, в которых эти показатели могут употребляться. Также я рассмотрю вопрос о том, какие типы придаточных можно считать относящимися к одной конструкции, а какие — нельзя, и почему. Наконец, будут представлены данные о частотности различных синтаксических и семантических типов подчинения в осетинских устных текстах.

2.1. Подчинительные конструкции, использующие коррелят

К наиболее крупному классу подчинительных конструкций в осетинском языке относятся те, в которых зависимая клауза маркирована эксплицитным подчинительным показателем в фиксированной позиции, и которым в главной клаузе или (чаще) обязательно соответствует, или (реже) может соответствовать местоименный элемент (коррелят). Например, к этому классу относятся темпоральные придаточные:

- (22) [*Зауыр куы 'рба-цyd-и*], **(уæд) æй*
Заур когда PV-идти-PST.INTR.3SG тогда 3SgEncl.GEN
фед-т-он.
видеть.PFV-TR-PST.1SG
'Когда Заур пришёл, я его увидел.'

В соответствии с определением, данным во Введении, все такие конструкции являются коррелятивными, т.к. хотя бы одна из допустимых для них конфигураций предполагает позицию зависимой клаузы на левой периферии, при том, что ей соответствует местоименный коррелят, не образующий с ней составляющей. Однако а priori нельзя сказать, представляют ли все эти придаточные подтипы одной конструкции или же обладают различной синтаксической структурой; к этому вопросу я вернусь ниже.

Подчинительные показатели в таких конструкциях делятся на два формальных класса: предглагольные и “плавающие” [Erschler, 2012]. Первые всегда занимают позицию перед глаголом, последние же в принципе могут занимать любую позицию в клаузе от начальной до непосредственно предглагольной¹. Для всех таких элементов я буду использовать термин «подчинительные показатели» (ПП). Большинство подчинительных показателей употребляются самостоятельно (*куы* ‘когда’, *кæй* ‘что’, *цæмæй* ‘чтобы’), и их можно назвать союзами; однако два показателя, *цы* (омонимичный вопросительному слову ‘что’) и *кæцы* ‘который’, могут входить в состав именной группы и в этом качестве требуют наличия при себе внутренней вершины (*цы лæг*, *кæцы лæг* ‘который человек’). В таких случаях удобно рассматривать подчинительные показатели не сам по себе, а в составе именной группы, которую он маркирует. С этой целью я введу термин «подчинительная группа» (ПГ), которая включает в себя как союзы, так и именные группы, непосредственно маркированные подчинительным показателем. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры:

- (23) ... хæдзар-мæ [*цы*_{ПП} *лæг*]_{ПГ} æрба-цыд-и ...
 ДОМ-ALL что мужчина PV-идти-PST.INTR.3SG
 ‘... **который человек** пришёл домой ...’
- (24) ... хæдзар-мæ [*чи*_{ПП}]_{ПГ} æрба-цыд-и ...
 ДОМ-ALL кто PV-идти-PST.INTR.3SG
 ‘... **кто** пришёл домой ...’
- (25) ... хæдзар-мæ [*куы*_{ПП}]_{ПГ} ’рба-цыд-тæн ...
 ДОМ-ALL когда PV-идти-PST.INTR.1SG
 ‘... **когда я** пришёл домой ...’

¹Корпусные данные показывают, что позиция “плавающих” подчинительных показателей не является вполне свободной, о чём будет сказано ниже.

- (26) ... [*цæмæй*_{III}]_{III} *хæдзар-мæ æрба-цæу-а* ...
 чтобы дом-ALL PV-идти-SBJV.3SG
 ‘... чтобы он пришёл домой ...’

В качестве терминологической конвенции я буду говорить включать в состав «предглагольных подчинительных показателей» элементы *цы* и *кæцы* в таких примерах, как (23), хотя формально здесь в предглагольной позиции находится не сам показатель подчинения, а подчинительная группа, в которую он входит, или даже, в соответствии с «эффектом крысолова», другая составляющая, в которую вложена подчинительная группа. Термин «союз» будет использоваться только для показателей, не маркирующих именные группы. Такое терминологическое единство связано с тем, что представляется неразумным противопоставлять такие типы элементов, как, с одной стороны, *чи* ‘кто’ и *куы* ‘когда’, и, с другой стороны, *цы лæг* ‘который человек’. Внутренняя структура таких предложений единообразна, а отношение между первыми двумя элементами и последним может быть сопоставлено с отношением между местоимением и именной группой. Несмотря на то, что местоимения являются отдельными словами и не могут быть распространёнными, их обычно рассматривают совместно с именными группами, т.к. их внешняя дистрибуция идентична. Те же соображения действуют и для подчинительных показателей и групп в осетинском языке.

Большинство осетинских подчинительных показателей восходят к вопросительным словам и имеют прозрачную этимологию (см. этимологический словарь В.И. Абаева). Особого обсуждения заслуживает лишь происхождение фактивного *кæй*, о котором будет сказано ниже.

Что касается коррелятов, то важно отметить, что все они одновременно являются в осетинском языке обычными указательными местоимениями или наречиями (которые в осетинском используются не только в собственно указательной, но также и в анафорической функции). Насколько мне известно, это является общей закономерностью для различных языков: ни в одном языке, где имеется коррелятивная конструкция, в качестве коррелята не используется специализированная серия местоимений. В этом смысле корреляты напоминают резюмптивы [McCloskey, 2002]; к этой аналогии я вернусь, обсуждая семантику коррелятивов в главе 4.

В Таблице 2.1 представлены все основные подчинительные показатели в осетинском языке и те корреляты, которые могут им соответствовать. В ниже-следующих разделах каждый из подчинительных показателей будет описан подробнее.

Таблица 2.1.: Осетинские подчинительные показатели и их корреляты

показатель	коррелят	значение	позиция	вопр	
<i>цы</i> 'что' <i>чи</i> 'кто' <i>цы</i> + NP <i>кæцы</i> (+ NP)	<i>уый</i> 'то'	относительное	PV	+	
	<i>уыцы</i> 'тот' + NP				
	<i>куы</i> 'когда'	<i>уæд</i> 'тогда'	время, условие	PV	–
		<i>уыцы</i> + NP-время	время		
<i>уый</i> + послелог					
<i>уый</i>		сент. актант			
<i>куыд</i> 'как'	<i>афтæ</i> 'так'	образ действия, время	PV	+	
<i>кæм</i> 'где'	<i>уым</i>	место, условие	PV	+	
	<i>уыцы</i> + NP-место	место			
	<i>уый</i> + послелог				
<i>кæй</i> 'что'	<i>уый</i>	сент. актант	PV	–	
	<i>уый</i> + послелог	причина и др.			
все вопр. слова	<i>уый</i>	косв. вопрос	PV	+	
	<i>уыцы</i> + NP				
<i>цæмæй</i> 'чтобы'	<i>уый тыххæй</i> 'для того'	цель	nPV	–	
	<i>уый</i>	сент. актант			
<i>кæд</i> , <i>иугæр</i> 'если'	<i>уæд</i>	условие	nPV	–	
<i>цалынмæ</i> 'пока'	<i>уæдмæ</i> , <i>уалынмæ</i> 'тем временем'	лимитатив	nPV	–	
<i>цыма</i> 'будто'	<i>афтæ</i>	образ действия, сент. актант	nPV	–	

2.1.1. Чи, цы

Значение	релятивизация
Корреляты	<i>уый</i> , ИГ
Позиция	предглагольная

Показатели *чи* ‘кто’ и *цы* ‘что’ служат для образования рестриктивных относительных предложений. В случае отсутствия внутренней вершины *чи* и *цы* используются, соответственно, для одушевлённых и неодушевлённых референтов:

(27) [*Кус-гæ* **чи** *нæ кæн-ы*], *уый* *хæр-гæ* *дæр*
 работать-PCVB кто.NOM NEG делать-PRS.3SG DemDist есть-PCVB ADD
нæ кæн-ы.

NEG делать-PRS.3SG

‘Кто не работает, тот не ест.’

(28) [*Цы* *дæ* *фæнд-ы*], *уый* *дын*
 что.NOM 2SgEncl.GEN хотеть-PRS.3SG DemDist 2SgEncl.DAT
ратт-дзын-æн.

дать.PFV-FUT-1SG

‘Я дам тебе то, что ты хочешь.’

В относительных коррелятивах может также присутствовать внутренняя вершина. В таком случае она маркируется препозитивным показателем *цы*, который занимает в именной группе ту же позицию, что демонстративы *уы-цы* ‘тот’, *ацы* ‘этот’²:

(29) [*Кус-гæ* **цы лæг** *нæ кæн-ы*], *уый* *хæр-гæ*
 работать-PCVB что человек NEG делать-PRS.3SG DemDist есть-PCVB
дæр нæ кæн-ы.

ADD NEG делать-PRS.3SG

‘Человек, который не работает, не ест.’

В качестве коррелята могут выступать именные группы двух видов: содержащие указательные местоимения дальнего плана (*уый*, *уыцы* ‘тот’: первое — в качестве проформы именной группы, второе — в качестве детерминанта) и содержащие “характеризующие” местоимения (*ахæм* ‘такой’). В целом можно сказать, что первые употребляются для референтных относительных конструкций, вторые — для нереперентных (подробнее о семантике см. соответствующий раздел):

(30) [*Уроч-ы* **цы лæппу** *хъæр-æй* *дзырд-т-а*], *уы-цы*
 урок-IN что мальчик голос-AVL говорить-TR-PST.3SG DemDist-ATTR
фыдуадж-ы ны-ййар-джы-т-æм *дзур-ын* *мæ*
 шалун-GEN PV-родить-PTCP-PL-ALL говорить-INF 1SgEncl.GEN

²Эти детерминанты, скорее всего, образованы от сочетания собственно указательного местоимения (ср. *уый* ‘тот’, *а(й)* ‘этот’) и того же относительного показателя *цы* (‘который этот’, ‘который тот’).

фæнд-ы!

хотеть-PRS.3SG

‘Я хочу поговорить с родителями того мальчика-шалуна, который громко разговаривал на уроке!’

(букв. ‘Который мальчик громко разговаривал на уроке, я хочу поговорить с родителями того шалуна.’)

- (31) [*Хетæгка-т-ы* *Къоста-йы цы хъæу-ы* *нæ зон-ыны*],
 Хетагуров-PL-GEN Коста-GEN что селение-IN NEG знать-PRS.3PL
ахæм (хъæу) *нæй* *Ирыстон-ы.*
 такой селение NEG:Exst Осетия-IN

‘В Осетии нет такого селения, в котором не знают Коста Хетагурова.’

Пример (30) также демонстрирует, что коррелятивы не только могут иметь две “вершины” — внутреннюю и внешнюю — одновременно, но эти вершины также могут представлять собой различные лексемы. Такое в принципе возможно и в канонических относительных предложениях в некоторых языках [Cinque, 2012b], однако является довольно редким явлением³. Для коррелятивов, однако, оно совершенно нормально и ожидаемо, ср. описание подобных явлений в хинди/урду [Butt, T. H. King, Roth, 2007]. Таким образом, осетинские коррелятивы в целом не вписываются в центральное для типологии относительных предложений противопоставление релятивных придаточных с внутренней вершиной и с внешней вершиной [Lehmann, 1984]. Предложенный ниже анализ осетинских коррелятивов позволит дать этому факту естественное и непротиворечивое объяснение. Кроме того, в главе 4 будут описано, какие отношения допустимы между внутренней и внешней вершинами: оказывается, что круг этих отношений далеко не сводится к простой кореферентности.

Между использованием *чи* и *цы* в качестве подчинительных показателей без лексической вершины имеется интересное различие, связанное с тем, что второй обладает “максимализирующим” значением и не может обозначать конкретный предмет, выделенный из множества:

³Так, типология К. Леманна [Lehmann, 1984] строго разделяет все относительные конструкции на внутри- и внешневершинные, причём коррелятивы автор относит к последнему типу, что, как мы видим, для многих языков неверно. Можно, впрочем, сказать, что в осетинском коррелятивы с внутренней вершиной и без внешней частотнее, чем коррелятивы с обеими вершинами или только с внешней вершиной, но это будет лишь статистическим фактом, не значимым для теории или типологии; к тому же, если говорить о частотности, то наиболее распространены в осетинском безвершинные относительные (см. ниже).

- (32) [Дæу-æн æн-ад **цы** у], **уы-цы** **ми-т-æй**
 2Sg-DAT без-вкус что быть.PRS.3SG DemDist-ATTR вещь-PL-AVL
с-сыгъдæг у-он, уы-цы хъару-тæ =мын
 PV-чистый быть-SBJV.1SG DemDist-ATTR сила-PL 1SgEncl.DAT
ратт.
 дать.PFV[IMP.2SG]

‘Я очищусь от тех вещей, которые нечисты для Тебя [Бога], дай мне эти силы.’

(ОНК)

- (33) а. [Зауыр мын **цы чиныг / кæй рад-т-а**],
 Заур 1SgEncl.DAT что книга COMP дать.PFV-TR-PST.3SG
уы-цы чиныг маæ зæрдæ-маæ цæу-ы.
 DemDist-ATTR книга 1SgPoss сердце-ALL идти-PRS.3SG
 б. * [Зауыр мын **цы радта**], **уый / уыцы чиныг маæ зæрдæмаæ**
 что
цæуы.

‘Мне нравится книга, которую⁴ Заур мне дал.’

Подробнее о максимализации будет сказано в главе о семантике осетинских коррелятивов.

В грамматике осетинского языка под редакцией Н.К. Багаева упоминается о возможности использования местоимения *чи* ‘кто’ в относительных конструкциях в неодушевлённом значении, при невозможности такого употребления в вопросительных контекстах:

- (34) *Нæ уыд-ис ахæм дыууæ цæст-ы, æмаæ*⁵ [Залдуз-маæ
 NEG быть-PST.INTR.3SG такой два глаз-GEN и Залдуз-ALL
кæс-гæ-йæ æнæ тыхх-æй а-тон-гæ æндæр-æрдæм
 смотреть-PCVB-AVL без сила-AVL PV-рвать-PCVB другой-в_сторону
а-здæх-ын чи ба-куымд-т-а-ид].
 PV-повернуть-INF кто.NOM PV-согласиться-TR-CNTRF-3SG

‘Не было таких двух глаз, которые бы, смотря на Залдуз, можно было без усилия повернуть в другую сторону.’

[Багаев, 1965, с. 254]

- (35) *Хъырым-ы хæх-т-ы ма ран-æй=рæ-тт-ы абон-ы онг*
 КРЫМ-GEN гора-PL-IN ещё место-AVL=место-PL-IN сегодня-GEN до

⁴Об использовании *кæй* для релятивизации неодушевлённого прямого объекта см. ниже.

⁵В данном предложении используется т.н. сочинительная инверсия, см. раздел 3.6.

дæр ис, [*дыууæ сæдæ аз-ы кæ-уыл цæу-ы*], *ахæм тæрс*
 ADD Exst два сто год-GEN кто-SUPER идти-PRS.3SG такой бук-GEN
хъæд-тæ.

дерево-PL

‘В горах Крыма в некоторых местах по настоящее время имеются та-
 кие буквые леса, которым идёт двести лет.’

[Багаев, 1965, с. 254]

Однако оба эти примера вызывают сомнения. Не очень ясно, следует ли трактовать (34) именно как пример релятивизации неодушевлённого участника. Подобные примеры могут и не предполагать полной кореферентности между подчинительной группой и коррелятом, а лишь ассоциативную связь, см. главу 4. В таком случае в (34) *чи* относится не к глазам, а к их обладателю. Кроме того, буквальный перевод относительной конструкции в этом примере звучит как ‘кто согласился бы повернуться в другую сторону, смотря на Залдуз, без усилия’. Легко заметить, что такой перевод предполагает представление о глазах как об агентивном субъекте, что позволяет трактовать использование *чи* как стилистически маркированный приём.

Что касается примера (35), то здесь важно, что используется форма местоимения *чи* в локативном падеже — в суперэссиве-суперлативе. Это можно считать проявлением общей для осетинского языка тенденции использовать в локативном значении формы местоимения *чи* вместо форм местоимения *цы*, что можно считать дрейфом первых в сторону наречий. Ср. *кæм* ‘здесь’, которую словари рассматривают одновременно и как форму инессива местоимения *чи*, и как вопросительное наречие со значением ‘где’. Также в некоторых случаях допускается использование генитива *кæй* ‘кого’ в неодушевлённом значении в качестве зависимого некоторых пространственных послелогов, причём как в относительных, так и в вопросительных предложениях:

- (36) [*Уæнгуы-тæ хъæд-тæ кæй онг æр-ласт-ой æмæ кæм*
 бычок-PL дерево-PL кто.GEN до PV-нести-PST.TR.3SG и где
ны-ллæууыд-ысты], *уым арæзт æр-цыд*
 PV-стоять-PST.INTR.3PL DemDist.IN строить.PTCP PV-идти[PST.INTR.3SG]
Реком-ы кувæндон.
 Реком-GEN святилище

‘Там, до куда быки довели брёвна, было построено Рекомское святи-

лице.’

(ОНК: Мах дуг 2, 2008)

- (37) *Кæй онг цæу-ыс?*
кто.GEN до идти-PRS.2SG
‘До куда едешь?’

Однако аналогичное использование *кæй* с другими послелогоми, например, *мидæг* ‘в’ или *бын* ‘под’, недопустимо:

- (38) *Тæрхъус #кæй / цæй мидæг цæр-ы?*
заяц кто.GEN что.GEN внутри жить-PRS.3SG
‘Внутри чего (# кого) живёт заяц?’

Из подобных примеров видно, что проблема употребления форм местоимения *чи* в локативном значении выходит за рамки проблематики, связанной с относительными предложениями, и требует отдельного рассмотрения. Во всяком случае, можно с уверенностью говорить, что, вопреки словам Н.К. Багаева, никакого различия между относительными и вопросительными предложениями здесь не прослеживается.

Впрочем, в ОНК встречаются отдельные (весьма немногочисленные) примеры употребления форм местоимения *чи* с некоторыми другими локативными предлогами (надёжных примеров на номинатив *чи* в неодушевлённом значении мне найти не удалось):

- (39) *...æхсæнад-он куыст дæу-æн у,* [*дæ-хи кæй*
общество-ADJ работа 2Sg-DAT быть.PRS.3SG 2SgPoss-Refl кто.GEN
бын æмбæхс-ыс], *ахæм гамхуд.*
под прятать-PRS.2SG такой шапка_невидимка
‘Общественная работа для тебя — это такая шапка-невидимка, под которой ты прячешься.’

(ОНК: Агнаев Г.А. *Длинной осенней дорогой*, 2003)

Однако все опрошенные мною носители отвергают подобные примеры как недопустимые. Это, скорее всего, говорит о том, что использование местоимения *чи* ‘кто’ для маркирования одушевлённой мишени релятивизации является либо стилистически маркированным средством, либо диалектной или даже идиолектной особенностью отдельных носителей, не характерной для осетинского языка в целом.

Единственным исключением является широко допустимое использование

кæй для релятивизации неодушевлённого прямого объекта, однако данный факт я предлагаю связывать с совпадением в этой форме двух различных праиранских слов (см. раздел 2.1.7).

2.1.2. Куы

Значение	время	условие	сент. актант
Корреляты	уый, ИГ	уæд	уый
Позиция	предглагольная		

Показатель *куы* ‘когда, если’ используется для временных придаточных условных придаточных и для некоторых сентенциальных актантов.

2.1.2.1. Время

При использовании этого показателя для оформления придаточного времени темпоральное соотношение между двумя клаузами может быть любым, в зависимости от коррелята. При использовании наиболее частотного коррелята *уæд* возможны два значения — одновременность и предшествование во времени (всех возможных видов):

(40) одновременность

а. два процесса

[*Фатимæ хæринаг куы код-т-а*], *уæд Зауыр*
 Фатима еда когда делать-TR-PST.3SG тогда Заур
каст-и телевизор-мæ.
 смотреть-PST.INTR.3SG телевизор-ALL

‘Когда Фатима готовила еду, Заур смотрел телевизор.’

б. пунктивное событие и процесс

[*Нæ-хи-мæ куы ’рба-цыд-тæн*], *уæд ме ’фсин*
 1PPOss-Refl-ALL когда PV-идти-PST.INTR.1SG тогда 1SgPoss жена
фынæй ко-д-та.
 (спать) делать-TR-PST.3SG

‘Когда я пришёл домой, жена спала.’

в. процесс и пунктивное событие

[*Алан Зауыр-ы куы ’лвйд-т-а*], *уæд йæ хæсгард*
 Алан Заур-GEN когда стричь-TR-PST.3SG тогда 3SgPoss ножницы

а-саст.

PV-сломаться[PST.INTR.3SG]

‘Когда Заур стриг Алана, его ножницы сломались.’

- (41) предшествование
 [Дæ ныхас дын куы а-йхъуыст-он], уæд
 2SgPoss речь 2SgEncl.DAT когда PV-слышать-PST.TR.1SG тогда
 ба-цин код-т-он.
 PV-радость делать-TR-PST.1SG
 ‘Когда я услышал твой голос, я обрадовался.’

Темпоральное отношение предшествования может также быть выражено эксплицитно путём использования в качестве коррелята местоимения *уый* ‘тот’ с соответствующим послелогом:

- (42) Зауыр а-рдæм æрба-цыд-ис, [ды куы
 Заур DemProх-АРХ PV-идти-PST.INTR.3SG 2Sg.NOM когда
 а-цыд-тæ], уый фæстæ.
 PV-идти-PST.INTR.2SG DemDist после
 ‘Заур приехал сюда после того, как ты пришёл.’

Отношение предшествования (‘перед тем, как’) выражается этим показателем в сочетании с послеложной группой *уый размæ* ‘перед тем’:

- (43) ... æмæ=иу æнæхъæн бинон-т-æй дæр фæ-бадт-ысты
 и=НАВ весь семья-PL-ABL ADD PV-сидеть-PST.INTR.3PL
 фындж-ы уæлхъус, [фæндаг-ыл цæу-ын=иу æй куы
 стол-GEN за дорога-SUPER идти-INF=НАВ 3SgEncl.GEN когда
 хъуыд], уый раз-мæ.
 нужно[PST.INTR.3SG] DemDist[GEN] перед-ALL
 ‘... и, бывало, всей семьёй сидели за столом перед тем, как ему надо было отправляться в путь.’

(ОНК: Мах дуг 11, 2008)

В качестве коррелята может также использоваться именная группа, содержащая любое существительное, обозначающее единицу времени:

- (44) Мæ ных-мæ тох-гæн-джы-тæ уы-мæ кæй
 1SgPoss лоб-ALL война-делать-PTCP-PL DemDist-ALL что
 бæллыд-ысты, уый æппæт-ы фыццаг æмæ æппæт-ы
 стремиться-PST.INTR.3PL DemDist всё-GEN первый и всё-GEN
 тынг-дæр ба-нкъард-т-он, [Фыс-дж-ыт-ы
 сильный-COMPAR PV-чувствовать-TR-PST.1SG писать-PTCP-PL-GEN

цæдис-мæ цæу-ын-вæнд **куы** с-код-т-он],
 союз-ALL идти-INF-желание когда PV-делать-TR-PST.1SG
уы-цы аз.
 DemDist-ATTR год

‘Я раньше всего и сильнее всего понял, что к этому стремились мои противники в том году, когда изъявил желание вступить в Союз писателей.’

(ОНК: Мах дуг 2, 2004)

2.1.2.2. Условие и уступка

Употребление подчинительных показателей в условных конструкциях подробно описано в [Выдрин, 2011, с. 106–119]. Союз *куы* употребляется для ирреального условия в прошедшем и настоящем временах, а также для как реального, так и для ирреального условий в будущем:

- (45) контрафактическое условие в прошлом
 Знон æз æнæмæнг-æй а-цыд-а-ин семæ Уæллаг
 вчера 1Sg.NOM обязательно-AVL PV-идти-CNTRF-1SG 3Pl.COMIT верхний
 Фыйагдон-мæ, [уазджы-тæ мæм **куы** не
 Фиагдон-ALL гость-PL 1SgEncl.ALL если NEG
 ’рба-цыд-а-икк-ой], уæд.
 PV-идти-CNTRF-PL-3Pl тогда
 ‘Я бы обязательно съездил к ним вчера в Верхний Фиагдон, если бы ко мне не пришли гости.’

[Выдрин, 2011, с. 109]

- (46) контрафактическое условие в настоящем
 [Мæ лæппу **куы** у-аис], уæд дæ ныр дæр
 1Sg.POSS мальчик если быть-ОПТ.2SG тогда 2SgEncl.GEN сейчас ADD
 а-кæн-ин мемæ.
 PV-делать-ОПТ.1SG 1Sg.COMIT
 ‘Если бы ты был моим сыном, я бы взял тебя с собой.’

(Э. Хемингуэй. *Старик и море*. Перевод на осетинский язык. Из

[Выдрин, 2011, с. 194])

- (47) ирреальное условие в будущем
 [Уазджы-тæ нæм абон нæ, фæлæ райсом **куы**
 гость-PL 1PlEncl.ALL сегодня NEG но завтра если

'рба-цыд-а-икк-ой], уæд сын фыр
 PV-идти-CNTRF-PL-3PL то ЗPEncl.DAT баран
 аргæвс-т-а-икк-ам.

резать_скот-TR-CNTRF-PL-1PL

'Если бы гости пришли к нам не сегодня, а завтра, мы бы зарезали им барана.'

[Выдрин, 2011, с. 109]

- (48) реальное условие в будущем
 Фæлæ [акула-тæ куы 'рба-бырс-ой], уæд, Хуыцау,
 но акула-PL если PV-напасть-SBJV.3PL тогда Бог
 ба-ххуыс кæн уым-æн дæр æмæ мæн-æн дæр!
 PV-помощь делать[IMP.2SG] DemDist-DAT ADD и 1Sg-DAT ADD
 'Если нападут акулы — помилуй, Господи, и её и меня.'

(Э. Хемингуэй. *Старик и море*. Перевод на осетинский язык. Из

[Выдрин, 2011, с. 108])

Коррелятом *куы* в условной функции всегда является *уæд*.

Уступительные конструкции всех типов в осетинском языке формально ничем не отличаются от условных, кроме того, что коррелят *уæд* снабжается аддитивной частицей *дæр*:

- (49) [Цы фæнд-ы куы ба-хæр-а], уæд-дæр=иу йæ
 что хотеть-PRS.3SG если PV-есть-SBJV.3SG тогда-ADD=НАВ 3Sg.POSS
 гуыбыр фæ-рисс-ы.
 живот PV-болеть-PRS.3SG

'Что она ни съест, у неё всегда болит живот.'

[Выдрин, 2011, с. 111]

2.1.2.3. Сентенциальные актаны

Союз *куы* также маркирует сентенциальные актаны при некоторых глаголах, в частности, в значении генерического события при таких глаголах, как *фæндын* 'хотеть', и в значении пропозиции при глаголе *тæрсын* 'бояться':

- (50) ... [хъæздыг æмæ кадджын куы у-айд], уый
 богатый и почётный если быть-ОРТ.3SG DemDist[НОМ]
 йæ фæнд-ы.
 3SgEncl.GEN хотеть-PRS.3SG

'Он хочет, чтобы (сосед) был богатым и имел почёт.'

(ОНК)

- (51) ... Хату тæрс-ын ба-йдыд-т-а, [йæ радзырд æгæр
Хату бояться-INF PV-начать-TR-PST.3SG 3SgPoss рассказ слишком
даргъ куы а-цæу-а], уым-æй.
длинный если PV-идти-SBJV.3SG DemDist-AVL
'Хату начал бояться, что его рассказ будет слишком длинным.'

(ОНК)

2.1.3. Кæд

Значение	реальное условие и уступка
Корреляты	уæд
Позиция	плавающая

Союз *кæд*, как и *куы*, используется в условных конструкциях, но, в отличие от последнего, выражает реальное условие во всех временах. В отличие от *куы*, этот союз не является предглагольным⁶.

- (52) Реальное условие в прошлом
[*Кæд æндæрæбон æрба-цыд* *Дзæуджыхъæу-мæ*], *уæд*
если позавчера PV-идти[PST.INTR.3SG] Владикавказ-ALL тогда
дын *уже ба-лхæд-т-а* *велос.*
2SgEncl.DAT уже PV-покупать-TR-PST.3SG велосипед
'Если она позавчера приехала во Владикавказ, она уже купила тебе велосипед.'

[Выдрин, 2011, с. 109]

- (53) Реальное условие в настоящем
[*Кæд æй хорз зон-ыс,* *Зауыр-ы*], *уæд ма*
если 3SgEncl.GEN хорошо знать-PRS.2SG Заур-GEN тогда ещё
йын *зæгъ,* *æмæ 'рба-цæу-а.*
3SgEncl.DAT сказать[IMP.2SG] и PV-идти-SBJV.3SG
'Раз/если ты хорошо знаешь Заура, скажи ему, чтобы он пришёл.'

- (54) Реальное условие в будущем
[*Кæд райсом Алан-ы фен-ай*], *уæд ма йын*
если завтра Алан-GEN видеть.PFV-SBJV.2SG тогда ещё 3SgEncl.DAT

⁶Важно не путать этот союз с *кæд* 'когда', который является вопросительным словом со значением 'когда', а в полипредикации употребляется преимущественно в косвенных вопросах (см. ниже). В отличие от данного союза, *кæд* 'когда' занимает предглагольную позицию.

зæгъ, æмæ æрба-цæу-а.
сказать[IMP.2SG] и PV-идти-SBJV.3SG

‘Если ты завтра увидишь Алана, скажи ему, чтобы он пришёл.’

Уступка с союзом *кæд* оформляется так же, как и с союзом *куы*: при помощи присоединения частицы *дæр* к корреляту.

(55) [*Кæд рухæн-ы мæй уыд*], *уæд-дæр Мæскуы-йы*
если сентябрь-GEN месяц быть[PST.INTR.3SG] тогда-ADD Москва-IN
уазал уыд-и.
холодный быть-PST.INTR.3SG

‘Хотя был сентябрь, в Москве было холодно.’

К союзу *кæд* в постпозиции может присоединиться союз *æмæ* ‘и’, если между двумя ситуациями не имеется объективной причинно-следственной связи, а оценка их взаимозависимости связана с оценкой говорящего, либо же речь идёт о простом сопоставлении ситуаций.

(56) [*Кæд æмæ Алан æцæг с-ахуыр код-т-а урок*],
если и Алан действительно PV-учение делать-TR-PST.3SG урок
уæд Зауыр ал-цы-дæр гæххæтт-æй с-фыст-а.
тогда Заур UNIV-что-ADD бумага-AVL PV-писать-PST.TR.3SG

‘Если Алан действительно выучил урок, то Заур всё списал с бумажки.’

(57) *Афтæ мын загът-а, знон университет-ы нæ*
так 1SgEncl.DAT сказать-PST.TR.3SG вчера университет-IN NEG
уыд-и, [*кæд æмæ йæ мæ-хæдæг уым*
быть-PST.INTR.3SG если и 3SgEncl.GEN 1Sg.POSS-сам DemDist.IN
фед-т-он].
видеть.PFV-TR-PST.1SG

‘Он мне сказал, что вчера не был в университете, хотя я сам его там видел.’

Употребление *æмæ* ‘и’ в данном случае не является т.н. “псевдосочинением” (см. ниже), поскольку *кæд æмæ* выступает в качестве единого комплекса, способного занимать те же позиции, что и простой союз *кæд*. В независимом предложении *кæд æмæ* употребляется в актуализирующем значении (‘ведь’):

(58) [*Ноджы йæ цæст-ытæ кæд æмæ уыд-ысты зылын*],
снова 3Sg.POSS глаз-PL если и быть-PST.INTR.3PL кривой
æмæ йæ фæстæ Хадо куы нæ æрба-хызт-а-ид, *уæд*
и 3Sg.POSS за Хадо если NEG PV-следить-CNTRF-3SG тогда

фыр-тæссæй *мæ* *рыст зæрдæ а-скъуыд-а-ид.*
 сильный-от_страха 1Sg.POSS боль сердце PV-разорваться-CNTRF-3SG
 ‘Ведь её глаза снова были косыми, и если бы за ней не ухаживал Хадо,
 моё больное сердце разорвалось бы от сильного страха.’

(ОНК: *Мах дуг* 11, 2007)

2.1.4. Кæм и другие локативы

Значение	место	реальное условие
Корреляты	<i>уый</i> , ИГ	<i>уым</i>
Позиция	предглагольная	

Основным значением *кæм* ‘где’ является обозначение места в пространстве. Коррелятом может являться любая форма местоимения *уый* ‘тот’, которая соответствует ориентации относительно этого места в пространстве (в том числе, *уый* может управляться послелогом):

- (59) ... *уым-æн æмæ* [*раст-æн бынат кæм нæй*], *УЫМ*
 DemDist-DAT и правда-DAT место где NEG:Exst DemDist.IN
йæ-хиц-æн ахстон с-бий-ы мæнг.
 3Sg.POSS-Refl-DAT гнездо PV-вить-PRS.3SG ложь
 ‘... потому что там, где нет места правде, вьёт себе гнездо ложь.’

(ОНК: *Мах дуг* 10, 2007)

Коррелятом также может быть именная группа, обозначающая объект, к которому относится зависимая клауза:

- (60) [*Мæ зæнг-тæ кæм дудыд-т-ой*], *УЫ-ЦЫ рæ-тт-æм*
 1Sg.POSS голень-PL где зудеть-TR-PST.3PL DemDist-ATTR место-PL-ALL
фе-внæлд-т-он.
 PV-трогать-TR-PST.1SG
 ‘Я дотронулся до тех мест, где мои голени зудели.’

(*Мах дуг* 8, 2005)

Вместо *кæм* в качестве подчинительного показателя могут использоваться и другие вопросительные слова, имеющие локативное значение, например, *кæдæм* ‘куда’:

- (61) ... [*рухс тынг-дæр кæдæм цавт-а*], *УЫМ*
 свет сильный-COMPAR куда бить-PST.TR.3SG DemDist.IN

æp-бад-тæн.

PV-сидеть-PST.INTR.1SG

‘Я сел там, куда сильнее светил свет.’

Необычным употреблением показателя *кæм* является выражение реально-го условия; в таком случае коррелятом всегда является *уым*:

- (62) ... *æмæ* [*мыл ныр ды афтæ кæм*
и 1SgEncl.SUPER сейчас 2Sg.NOM так где
ба-рвæссыд-тæ], *уым фæндараст фæ-у.*
PV-снизойти-PST.INTR.2SG DemDist.IN добрый_путь PV-быть[IMP.2SG]
‘И раз ты до меня сейчас так снизошёл, то ступай.’

(ОНК: Мах дуг 4, 2005)

2.1.5. Цалынмæ

Значение	лимитатив
Корреляты	<i>уалынмæ, уæдмæ</i>
Позиция	плавающая

Подчинительный показатель *цалынмæ* является плавающим и выражает «лимитативное» временное отношение, т.е. такое отношение между ситуациями, когда они либо полностью одновременны, либо одна из них выполняется на фоне другой [Храковский, 2009, с. 50]. Коррелятом всегда является *уæдмæ* или *уалынмæ* ‘тем временем’.

- (63) ... *æмæ дзы цæр-дзæн-и*, [*цалынмæ зæхх-ыл иу ирон*
и 3SgEncl.IN жить-FUT-3SG пока земля-SUPER один осетин
цæр-а], *уæд-мæ.*
жить-SBJV.3SG тогда-ALL

‘... и будет жить там, пока на земле живёт (хоть) один осетин.’

(ОНК: Мах дуг 3, 2007)

- (64) *Ра-хæсс цæ⁷*, [*хур цалынмæ нæ-ма*
PV-нести[IMP.2SG] 3PEncI.GEN солнце пока NEG-ещё
а-ныгуылд-и], *уæд-мæ.*
PV-закатиться-PST.INTR.3SG тогда-ALL

‘Принеси их, пока солнце ещё не село.’

(ОНК: Мах дуг 10, 2005)

⁷Формы энклитических местоимений 3 л. мн.ч. в некоторых говорах имеют (в орфографической записи) «ц» вместо «с», что с фонетической точки зрения, как правило, означает произнесение /s/ вместо /š/.

- (65) [*Æз цалынмæ удæгас дæн*], *уалынмæ сын*
 1Sg.NOM пока живой быть.PRS.1SG тем_временем 3PlEncl.DAT
сæ фæлгонц-тæ мæ зæрдæ-йы хæс-дзын-æн ...
 3Pl.POSS образ-PL 1Sg.POSS сердце-IN нести-FUT-1SG
 ‘Пока я жив, я буду нести в сердце их образы...’
 (ОНК: Мах дуг 3, 2008)
- (66) [*Цалынмæ ды кус-гæ кæн-ыс*], *уæд-мæ Заремæ*
 пока 2Sg.NOM работать-PCVB делать-PRS.2SG тогда-ALL Зарема
цæттæ кæн-ы хæринаг.
 готовый делать-PRS.3SG еда
 ‘Пока ты работаешь, Зарема готовит еду.’

2.1.6. Куыд

Значение	образ действия, время	событие
Корреляты	<i>афтæ, афтæмæй</i>	(уый)
Позиция	предглагольная	

Исходное значение подчинительного показателя *куыд* — образ действия, корреляты в этой функции — *афтæ* ‘так’ (в форме аблатива — *афтæмæй*, встречается также форма мн.ч. *афтæмæйты*):

- (67) [*Мæн-æн куыд æхсызгон у дæ фенд*],
 1Sg-DAT как приятный быть.PRS.3SG 2Sg.POSS видеть.PTCP.PST
афтæ хорз-æй фæ-цæр!
 так хороший-AVL PV-жить[imp.2sg]
 ‘Живи так же, как мне приятно тебя видеть!’
 (ОНК: Айларов И., Гаджинова Р., Кцоева Р. *Пословицы*. 2005)
- (68) [*Ирон адæм уазæг-ыл куыд ауд-ынц*],
 осетинский люди гость-SUPER как заботиться-PRS.3PL
уый тыххæй бирæ цæвиттон-тæ хæсс-ы К. Кох.
 DemDist[GEN] для многих пример-PL нести-PRS.3SG
 ‘Много примеров на то, как осетинский народ заботится о госте, приводит К. Кох.’

(ОНК: Мах дуг 4, 2004)

Производно от значения образа действия значение времени (одновременности либо контактного предшествования):

- (69) [*Рæстæг куд цыд*], *афтæ* хъомыл код-т-ой
 время как идти[PST.INTR.3SG] так взрослый делать-TR-PST.3PL
йæ зæнæг Теми-йæн ...
 3Sg.POSS потомство Теми-DAT
 ‘По мере того, как шло время, взрослело потомство Теми.’
 (ОНК: Дегоева С.М. *Погасший луч солнца*. 2002)
- (70) [*Дыккаг дзул-мæ куд æр-цæй-æвнæлд-т-а*], *афтæ*
 второй хлеб-ALL как PV-IPFV-тянуться-TR-PST.3SG так
тыргъ-т-æй ра-йхъуыст-и хъæбæр-бын
 крыльцо-PL-AVL PV-слышаться-PST.INTR.3SG сильный-ADJ
батинкæ-т-ы къæрицкъæриц.
 ботинок-PL-GEN стук
 ‘Когда он тянулся за вторым куском хлеба, с крыльца послышался
 сильный стук ботинок.’
 (ОНК: *Мах дуг 5*, 2005)
- (71) [*Гæххæтт-ы сыф йæ хæлаф-ы дзыпп-ы куд*
 бумага-GEN лист 3Sg.POSS штаны-GEN карман-IN как
а-тъыст-а], *афтæ* *а-йхъуыст-а* *Надыго-йы*
 PV-совать-PST.TR.3SG так PV-слышать-PST.TR.3SG *Надыго-GEN*
хъæлæс æмæ ра-уад-и тыргъ-т-æм.
 голос и PV-мчаться-PST.INTR.3SG крыльцо-PL-ALL
 ‘Как только он сунул лист бумаги в карман своих штанов, он услышал
 голос *Надыго* и помчался к крыльцу.’
 (ОНК: *Мах дуг 7*, 2005)

С коррелятом *уый* показатель *куд* используется в сентенциальных актан-тах, обозначающих событие:

- (72) *Кæс-ыни пыхсбын-мæ æмæ мæйрухс-ы уын-ыни,*
 смотреть-PRS.3PL кустарник-ALL и лунный_свет-IN видеть-PRS.3PL
 [*пыхс-ытæ куд змæл-ыни*], *уый.*
 куст-PL как шевелиться-PRS.3PL DemDist[NOM/GEN]
 ‘Они смотрят на кустарник и видят, как шевелятся кусты.’
 (ОНК: *Мах дуг 9*, 2008)

Показатель *куд* также употребляется в целевой функции с коррелятом *афтæ* ‘так’:

- (73) ... *бардзырд рад-т-а* *Ладо хъæр-æй,* [*иууыл-дæр*
 приказ дать.PFV-TR-PST.3SG *Ладо* голос-AVL все-ADD

æй **куыд** *фе-хъуыст-а-икк-ой*], **афтæ**.

3SgEncl.GEN как PV-слышать-CNTRF-PL-3PL так

‘... Ладо отдал приказ громко, **чтобы** все его услышали.’

(ОНК)

В целевой функции *куыд* может даже присутствовать в предложении одновременно с союзом *цæмæй*, который также выполняет целевую функцию:

(74) *Куы ра-цыд* *рынчындон-æй, уæд ын*
 когда PV-идти[PST.INTR.3SG] больница-AVL тогда 3SgEncl.DAT
æз хæр-ын тынг код-т-он, [*цæмæй йæ хъару-тæ*
 1Sg.NOM есть-INF очень делать-TR-PST.1SG чтобы 3SgPoss сила-PL
йæ-хи-мæ тагъд-дæр куыд æр-цыд-а-икк-ой], **афтæ**.
 3SgPoss-Refl-ALL быстро-COMPAR как PV-идти-CNTRF-PL-3PL так

‘Когда его выписали из больницы, я его много кормил, **чтобы** его силы быстрее восстановились.’

(ОНК)

Помимо подчинительного показателя *куыд* ‘как’, в осетинском есть омонимичная частица *куыд* ‘ведь’. В связи с этим может возникнуть предположение, что в сочетании *цæмæй ... куыд* последний элемент является не подчинительным показателем, а частицей. Однако такой анализ невозможен, что видно из (74), где коррелятом является *афтæ* ‘так’, характерный только для *куыд*, но не для *цæмæй*.

2.1.7. Кæй

Значение	факт	причина	релятивизация (неодушевлённое ПД)
Корреляты	(уый), ИГ	<i>уый тыххæй</i>	уый, ИГ
Позиция	предглагольная		

В широком смысле подчинительный показатель *кæй* можно описать как обозначающий референцию к ситуации, выражаемой зависимой клаузой. С коррелятом *уый* он используется для маркирования сентенциальных актантов при различных глаголах, как фактивных, так и других:

(75) *Æхсызгон мын уыд-и,* [*съезд-ы сæ кæй*
 радостный 1SgEncl.DAT быть-PST.INTR.3SG съезд-IN 3PEncl.GEN COMP

ба-змæст-ай], **уый.**
 PV-смешивать-PST.TR.2SG DemDist

‘Я был рад, **что** ты взбудоражил их на съезде.’

(ОНК: Бестаев Г.Г., *Произведения*, 2004)

(76) Зон-ын, [чындзхæссæг **кæй** цæу-ыс], **уый.**
 знать-PRS.1SG дружка COMPL идти-PRS.2SG DemDist

‘Я знаю, что ты будешь дружкой.’

(ОНК: Бесаев Т.У., *Родник жизни*, 2002)

(77) Капитан уынæргъ-ы, хъынцъым кæн-ы, нæ-ма
 капитан стонать-PRS.3SG горе делать-PRS.3SG NEG-ещё
 йæ уырн-ы, [йæ фырт-ыл **кæй**
 3SgEncl.GEN верить-PRS.3SG 3Sg.POSS сын-SUPER COMPL
 с-æмбæлд], **уый.**
 PV-встретить[PST.INTR.3SG] DemDist

‘Капитан стонет, беспокоится, он ещё не верит, **что** встретил своего сына.’

(ОНК)

С коррелятом *уый тыххæй* этот союз используется для выражения причины:

(78) Мæсты код-т-он мæ-хи-мæ, [ахæм тæппуд кæй
 злой делать-TR-PST.1SG 1Sg.POSS-Refl-ALL такой трус COMPL
 ра-зынд-тæн], **уый тыххæй.**
 PV-казаться-PST.INTR.1SG DemDist[GEN] для

‘Я злился на самого себя, **потому что** показал себя таким трусом.’

(ОНК: Мах дуг 12, 2007)

(79) [Стæй æнæ-зæнæг **кæй** уыд-ысты], **уый тыххæй**
 затем без-потомство COMP быть-PST.INTR.3PL DemDist[GEN] для
 дæр сын адæм тæригъæд код-т-ой æмæ сын
 ADD 3PEnccl.DAT люди печаль делать-TR-PST.3PL и 3PEnccl.DAT
 зæнæдж-ы тыххæй бирæ куывт-ой.
 потомство-GEN для много молиться:TR-PST.3PL

‘**Потому, что** у них не было потомства, люди очень печалились за них и много молились об их потомстве.’

(ОНК)

(80) Вахтанг Кикабидзе-йы ра-йгуыр-ыл дæс æмæ
 Вахтанг Кикабидзе-GEN PV-родиться.PTCP-SUPER десять и

'ртиссæдз аз-ы куы с-æххæст, уæд ын Уæрæсе-йы
 шестьдесят год-GEN когда PV-полный тогда 3SgEncl.DAT Россия-GEN
 президент-ы указ-мæ гæсгæ лæвæрд
 президент-GEN указ-ALL в_соответствии дать.PTCP
 æр-цыд «Хæлардзинад»-ы орден, фæлæ йæ нæ
 PV-идти[PST.INTR.3SG] дружба-GEN орден но 3SgEncl.GEN NEG
 ба-куымд-т-а, [Гуырдыстон Хуссар Ирыстон-мæ кæй
 PV-соглашаться-TR-PST.3SG Грузия южный Осетия-ALL COMP
 ба-лæбурд-т-а], уый тыххæй.
 PV-напасть-TR-PST.3SG DemDist[GEN] для
 'Когда Вахтангу Кикабидзе исполнилось семьдесят лет, в соответствии
 с указом президента России ему был присуждён орден Дружбы, но он
 его не принял, потому что Грузия напала на Южную Осетию.'

(ОНК: Мах дуг 9, 2010)

- (81) Гогол-ы уацмыс-т-æй иу-ы архай-æг
 Гоголь-GEN произведение-PL-AVL один-GEN действовать-PTCP
 Плюшкин-ы ном с-бадт директор-ыл,
 Плюшкин-GEN имя PV-сесть[PST.INTR.3SG] директор-SUPER
 [дæггæл-т-ы баст æдзух йæ къух-т-ы кæй
 ключ-PL-GEN связка всегда 3SgPoss рука-PL-IN COMP
 дард-т-а], уый тыххæй.
 держать-TR-PST.3SG DemDist[GEN] для
 'За директором закрепилось имя героя одного из произведений Гого-
 ля, Плюшкина, потому что он всегда носил с собой связку ключей.'

(ОНК)

Более того, союз *кæй* может использоваться не только для обозначения причины, но и вообще в любых контекстах, предполагающих референцию к факту; роль зависимой клаузы в главной маркируется послелогом, зависимым которого является коррелят *уый*. Например, уступка в осетинском языке обычно маркируется союзами *куы* и *кæд*, но возможно сконструировать также пример, в котором используется союз *кæй* и коррелят *уымæ 'нæкæсгæйæ* 'несмотря на это':

- (82) [Рухæн-ы мæй кæй уыд-и], уы-мæ
 сентябрь-GEN месяц COMP быть-PST.INTR.3SG DemDist-ALL
 'нæ-кæс-гæ-йæ Зæлина цырыхъхъ-ытæ с-код-т-а
 без-смотреть-PCVB-AVL Залина сапог-PL PV-надеть-TR-PST.3SG
 'Несмотря на то, что был сентябрь, Залина надела сапоги.'

Возможны и более «экзотические» значения зависимых клауз с союзом *кæй*:

- (83) [*Æнафон кæй уыд-и*], *уы-мæ гæс-гæ*
 поздно COMP быть-PST.INTR.3SG DemDist-ALL 3SgEncl.GEN/ACC
йæ иунæг-æй куыд а-уагът-а-икк-ам
 один-AVL как PV-пустить-CNTRF-1PL снег-метель-IN
мит-тымыгъ-ы?

‘Учитывая то, что было поздно, как бы мы пустили его одного в метель?’

(ОНК: Мах дуг 11, 2005)

- (84) *Уый ма уын зæгъ-инаг дæн:*
 DemDist[НОМ] ещё 2SgEncl.DAT сказать-PTCP.FUT быть.PRS.1SG
арфæ ра-кæн-æм Бурафæрныг-æн, [Бæрæгбон-ы
 благодарность PV-делать-SBJV.1PL Бурафарнуг-DAT праздник-GEN
кусæрттæг-тæ рæдау-æй кæй рад-т-а],
 жертвенное_животное-PL щедрый-AVL COMP дать.PFV-TR-PST.3SG
уый фæд-ыл!
 DemDist[GEN] след-SUPER

‘Вот что я ещё должен вам сказать: возблагодарим Бурафарнуга за то, что он щедро дал нам жертвенных животных для праздника!’

(ОНК: Джусойты Н.Г., *Слёзы Сырдона*, 2004)

Происхождение данного союза, использующегося для столь обобщённой референции к ситуации, неясно. Фонетически он совпадает с формой генитива ед.ч. вопросительного местоимения *чи* ‘кто’, вне ИГ употребляющегося для обозначения прямого объекта. Можно предположить, что это совпадение случайно, однако этимологический словарь осетинского языка В.И. Абаева [Абаев, 1958, с. 595] не выделяет этот союз как отдельную лексическую единицу, а Н.Х. Кулаев прямо утверждает, что данный союз — «по происхождению родительный падеж от вопросительного местоимения *чи*» [Кулаев, 1959, с. 81]. Но путь грамматикализации, при котором одушевлённое вопросительное местоимение в функции прямого дополнения становится фактивным подчинительным союзом, в типологии не зафиксирован; даже если признать, что в осетинском мы имеем дело с доселе неизвестным семантическим переходом, не очень понятно, чем такой переход может быть мотивирован.

Я предлагаю, на мой взгляд, более адекватную трактовку происхождения союза *кæй*, чем та, которая была предложена ранее. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что союз *кæй* в относительных предложениях часто используется также как местоимение, выражающее *неодушевлённое* прямое дополнение:

- (85) ... *уый* *у* *йæ* *хос*, [*æрдз* *ын*
DemDist быть.PRS.3SG 3Sg.POSS лекарство природа 3SgEncl.DAT
йемæ *фæндагг-адж-ы хуызæн кæй рад-т-а*],
3Sg.COMIT путь-ATTR-GEN похожий что дать.PFV-TR-PST.3SG
УЫ-ЦЫ **ХОС.**
DemDist-ATTR лекарство

‘Это его лекарство, то лекарство, которое природа ему дала в качестве помощи в пути.’

(ОНК: Мах дуг 7, 2004)

- (86) *С-ист-а* *йæ* *хызын-æй*, [*фыццаг зæронд*
PV-ВЗЯТЬ.PFV-PST.TR.3SG 3Sg.POSS сумка-AVL первый старый
лæг *ын* *кæй рад-т-а*], **УЫ-ЦЫ** **УАДЫНДЗ**
мужчина 3SgEncl.DAT что дать.PFV-TR-PST.3SG DemDist-ATTR свирель
æмæ дзы æр-цагът-а ...
и 3SgEncl.AVL PV-играть-PST.TR.3SG

‘Он достал из сумки ту свирель, которую ему дал первый старик, и заиграл на ней.’

(ОНК)

Насколько мне известно, этот факт ранее в литературе не упоминался. Интересно, что в вопросительных предложениях такое значение недопустимо:

- (87) * *Зæронд лæг дын кæй рад-т-а?*
старый мужчина 2SgEncl.DAT что дать.PFV-TR-PST.3SG
(‘Что тебе дал старик?’)

Исходя из этих примеров, можно предположить, что фактивное значение союза *кæй* скорее развилось из употребления этого слова как формы прямого объекта со значением ‘что’. Это является гораздо более правдоподобным сценарием грамматикализации (ср. хотя бы с русским *что*, проделавшим тот же путь).

При этом возникает новый вопрос: откуда появилось у этой формы значение неодушевлённого прямого объекта в относительных предложениях?

Форму *кæй* Дж. Чёнг [Cheung, 2008, с. 102] (за которым в этом следует и моя работа [Belyaev, 2010]) возводят к «усиленному» праиранскому генитиву местоимения ‘кто’ **kaiahi̯a*. Такая трактовка вполне может быть признана верной для функции одушевлённого прямого объекта и посессора, однако для функции неодушевлённого объекта едва ли оправдана, как семантически, так и синтаксически (невозможно объяснить, почему *кæй* в значении ‘что’ употребляется только в относительных предложениях). Я предлагаю другой фонетически допустимый вариант: из праир. **ka-ia*, то есть вопросительной основы **ka* с относительным суффиксом *-*ia*. Это образование имеет множество рефлексов в иранских языках со значением ‘который’, далее развивающихся в маркеры относительных предложений и сентенциальных актантов [Эдельман, 2011, с. 155]. Таким образом, осетинское *кæй* в функции неодушевлённого прямого объекта и маркера сентенциальных актантов стоит в одном ряду с такими подчинительными показателями, как персидское *ke*.

Впрочем, следует признать, что эта трактовка не очень хорошо соотносится с данными дигорского диалекта (насколько они на данный момент известны), где форма *кæй* вовсе отсутствует, но при этом как генитив местоимения ‘кто’, так и союз, вводящий сентенциальные актанты, имеют форму *ке*. Какая бы ни была этимология этой формы, она не может быть той же, что и у иронского *кæй* (вообще говоря, дигорскому генитиву *ке* регулярно соответствует номинатив *чи* в иронском). Возможно, следует предполагать, что в дигорском произошло вторичное уподобление рефлекса **ka-ia* генитиву местоимения ‘кто’, вероятно, под влиянием доминирующего диалекта, где эти формы совпадают. Для окончательного решения этой проблемы требуется привлечение более точных дигорских данных, в частности, по вопросу употребления *ке* в значении неодушевлённого прямого объекта.

2.1.8. Цæмæй

Значение	цель	пропозиция
Корреляты	(<i>уый тыххæй</i>)	<i>уый</i> , ИГ
Позиция	плавающая	

Основное значение подчинительного показателя *цæмæй* — маркировать цель, при этом использование коррелята *уый тыххæй* факультативно, если зависимая клауза следует за главной (что имеет место в большинстве случа-

ев):

- (88) *Куыдзæг ба-мбæрст-а, кæй ба-тыхст-ыстæм,*
 Кудзаг PV-понять-PST.TR.3SG COMP PV-беспокоиться-PST.INTR.1PL
уый, æмæ, [цæмæй уы-цы уаг-æй
 DemDist[NOM/GEN] и чтобы DemDist-ATTR поведение-AVL
фæ-иртæс-æм], уый тыххæй кув-ын-мæ
 PV-отделиться-SBJV.1PL DemDist[GEN] для молиться-INF-ALL
фæц-и.
 PV-EXST
 ‘Кудзаг понял, что мы забеспокоились, и прекратил молиться, чтобы
 мы прекратили это поведение.’
 (ОНК: Мах дуг 12, 2005)

- (89) *Æвæццаггæн, ингæнкъахдж-ыт-æм фæ-кæс-ын-мæ*
 наверное могильщик-PL-ALL PV-смотреть-INF-ALL
а-цыд-и, [цæмæй дзы адæм æгæр ма
 PV-идти-PST.INTR.3SG чтобы 3SgEncl.IN люди слишком NEG
ны-фæстиат у-ой].
 PV-опоздание быть-SBJV.3PL
 ‘Наверное, он пошёл присмотреть за могильщиками, чтобы они не
 слишком не медлили’
 (ОНК: Мах дуг 3, 2002)

Также этот союз используется для маркирования пропозициональных сен-
 тенциальных актантов при некоторых глаголах, при этом коррелят может
 быть разным, в зависимости от модели управления:

- (90) *Мæн та афтæ фæндыд, [цæмæй æдзух-дæр*
 1Sg[GEN] CONTR так хотеть[PST.INTR.3SG] чтобы всегда-ADD
æрмæст мæн-мæ хъус-а].
 только 1Sg-ALL слушать-SBJV.3SG
 ‘А я хотел, чтобы он всегда только меня слушал.’
 (ОНК: Мах дуг 6, 2007)
- (91) ... [*æвзæргæнæдж-ы адæм цæмæй не ’фхæр-ой],*
 злодей-GEN люди чтобы NEG обижать-SBJV.3PL
у-уыл архай-ынц
 DemDist-SUPER трудиться-PRS.3PL
 ‘(Господа) стараются, чтобы люди злодея не обижали.’
 (ОНК)

- (92) *Афтæм-æй та раг-æй куы бæллыд-тæн, [цæмæй тах-ABL CONTR давно-ABL если желать-PST.INTR.1SG чтобы мæм ма-уал дзур-ай], уы-мæ, уæд ныр... 1SgEncl.ALL NEG-больше говорить-SBJV.2SG DemDist-ALL тогда сейчас æрба-дзур мæм! рv-говорить[IMP.2SG] 1SgEncl.ALL*

‘Если раньше я желал, чтобы ты со мной больше не разговаривал, то сейчас... обратись ко мне!’

(ОНК: Мах дуг 3, 1998)

Союз *цæмæй* используется также в некоторых других случаях, когда необходима референция к пропозиции:

- (93) [*Цæмæй лæуу-ай цыппæр-къах-он-т-æн се мрæгъ*],
чтобы стоять-SBJV.2SG четыре-нога-ADJ-PL-DAT 3Pl.POSS наряду
дæ цард-ы дæргъ-ы у-уыл у дæ
2Sg.POSS жизнь-GEN длина-IN DemDist-SUPER быть.PRS.3SG 2Sg.POSS
тох.

борьба

‘Всю жизнь твоя борьба — за то, чтобы ты стоял наравне с четвероногими⁸.’

(ОНК: Айларов Ч.Г., *Æргъæу фæззæг*, 2005)

- (94) [*Мæгуыр зæх-кус-æг иу хъуг цæмæй*
бедный земля-работать-PTCP.PRS один корова чтобы
хæсс-а], уый фаг ын нæ
держать-SBJV.3SG DemDist[GEN] достаточный 3SgEncl.DAT NEG
сæрвæт дæтт-ыс, нæ уыгæрдæн...
пастбище давать-PRS.2SG NEG сенокос

‘Ты не даёшь бедному земледельцу ни пастбища, ни сенокоса, достаточно для того, чтобы он держал одну корову.’ (букв. «Бедный земледелец одну корову чтобы держал, этого достаточно ему ни пастбища даёшь, ни сенокос»)

(ОНК: Айларов И., Гаджинова Р., Кцоева Р., *Пословицы*. Владикавказ, 2005)

- (95) *Уым-æй йын, [цæмæй тагъд-дæр*
DemDist-ABL 3SgEncl.DAT чтобы быстрый-COMPAR
фе-саф-а адæймадж-ы цæсгом], уый фадат куы
рv-терять-SBJV.3SG человек-GEN лицо DemDist[GEN] условие ведь

⁸Из стихотворения, где автор сравнивает артиста с различными животными.

дæтт-ын.

давать-PRS.1SG

‘Я даю ему условие, чтобы он быстрее потерял человеческое лицо.’

(ОНК: Бестаев Г.Г., *Произведения*, 2004)

2.1.9. Цыма

Значение	образ действия	пропозиция
Корреляты	(афтæ)	(уыйау)
Позиция	плавающая	

Значение союза *цыма* в целом может быть переведено на русский язык как ‘как будто’. Он используется, прежде всего, в придаточных образа действия, причём чаще всего в качестве коррелята используется экватив от указательного местоимения *уыйау*; встречаются, впрочем, и другие корреляты, например, *афтæ* ‘так’⁹:

- (96) Франциск дæр мæм æрба-каст æмæ
 Франциск ADD 1SgEncl.ALL PV-смотреть[PST.INTR.3SG] и
 ба-худт, [*цыма* мын мæ
 PV-смеяться[PST.INTR.3SG] будто 1SgEncl.DAT 1Sg.POSS
 уавæр-ыл тыхс-æг-ау код-т-а],
 положение-SUPER переживать-PTCP-EQU делать-TR-PST.3SG
уый-ау.
 DemDist-EQU

‘Франциск тоже посмотрел и посмеялся так, будто он делал вид, что переживает за моё положение.’

(ОНК: Мах дуг 4, 2008)

- (97) Дард-мæ-иу æй куы а-уыд-т-он, уæд-иу
 далёкий-ALL-ITER 3SgEncl.GEN когда PV-видеть-TR-PST.1SG тогда-ITER
 мыл [*цыма* фæскъæвда хур ра-каст],
 1SgEncl.SUPER будто после_дождя солнце PV-смотреть[PST.INTR.3SG]
афтæ-иу мæ зæрдæ ба-рухс.
 так-ITER 1Sg.POSS сердце PV-свет

‘Когда я видела его издалека, моё сердце становилось светлым, будто

⁹Возможно, что *афтæ* не всегда следует рассматривать в качестве коррелята в синтаксическом смысле, т.к. его позиция часто нарушает общее требование постпозиции коррелята по отношению к зависимой клаузе (см. ниже). Его особый статус виден также из того, что он не образован от основы дистантного демонстратива, в отличие от всех остальных коррелятов.

на меня посветило солнце после дождя.’

(ОНК: Мах дуг 9, 2008)

Цыма также оформляет сентенциальные актанты при таких глаголах, как *афтæ кæсын* ‘казаться’, *хъуыды кæнын* ‘думать’ (обычно, в случае, если известно, что ситуация в зависимой клаузе ложна):

- (98) [*Цыма с-разы у-айд*], *Фаризæт-мæ афтæ*
 будто PV-согласный быть-ОРТ.3SG Фаризат-ALL так
кæс-ы.
 смотреть-PRS.3SG

‘Фаризат кажется, будто он согласен.’

(ОНК: Агнаев Г.А. *Длинной осенней дорогой*, 2003)

- (99) ... *тынг бирæ хъуыст-гонд адæм-имæ*
 очень многих слышать.РТСР-делать.РТСР люди-СОМІТ
зынд-гонд уыд-ис, кæнæ та,
 знать.РТСР-делать.РТСР быть-PST.INTR.3SG или CONTR
раст-дæр зæгъ-гæ-йæ, афтæ хъуыды
 правильный-COMPAR сказать-PCVB-AVL так мысль
код-т-а, [цыма семæ хорз зон-гæ у].
 делать-TR-PST.3SG будто ЗРІ.СОМІТ хороший знать-PCVB быть.PRS.3SG
 ‘Он был знаком со многими известными людьми, или же, вернее ска-
 зать, он думал, будто знаком с ними.’

(ОНК: Мах дуг 12, 2003)

В корпусе имеются также примеры, где при союзе *цыма* в сирконстантной функции коррелят отсутствует:

- (100) *Фыццаг дзæнгæрæг, æмæ дæ къæх-т-ыл а-лæуу,*
 первый звонок и 2Sg.POSS нога-PL-SUPER PV-стоять[IMP.2SG]
 [*цыма уы-мæ æнхъæл-мæ каст-æ*].
 будто DemDist-ALL надежда-ALL смотреть-PST.INTR.2SG

‘Первый звонок — и вставай на ноги, будто ожидал его.’

(ОНК: Мах дуг 2, 2007)

Впрочем, неясно, представлены ли в примерах типа (100) именно придаточные предложения, т.к. *цыма* также довольно часто функционирует и в независимых предложениях в качестве модальной частицы:

- (101) *Фæлæ цыма дызæрдывгæг у уы-цы хъуыддаг.*
 но будто сомнительный быть.PRS.3SG DemDist-ATTR дело
 ‘Но это дело, как будто, сомнительное.’

(ОНК: Мах дуг 11, 2007)

2.1.10. Косвенные вопросы

Значение	косвенный вопрос
Корреляты	(уый), ИГ
Позиция	предглагольная

В придаточных косвенного вопроса в предглагольной позиции находится соответствующее вопросительное слово, а коррелятом является местоимение *уый*, послеложная группа или ИГ с демонстративом *уыцы*:

- (102) [*Дæ-хи куыд ахор-ыс*], *уый* *дæр*
 2Sg.POSS-Refl как рисовать-PRS.2SG DemDist[NOM/GEN] ADD
зон-ын.
 знать-PRS.1SG

‘Я также знаю, как ты себя рисуешь.’

(ОНК: Мах дуг 1, 2008)

- (103) *Кæд ма нæ лæппу удæгас у, уæд æй*
 если ещё 1Pl.POSS мальчик живой быть.PRS.3SG тогда 3SgEncl.GEN
ба-фæрс, [*чи йæм æр-цыд*].
 PV-спросить[IMP.2SG] кто.NOM 3SgEncl.ALL PV-идти[PST.INTR.3SG]
 ‘Если наш мальчик ещё жив, спроси его, кто к нему пришёл.’

(ОНК: *Нартские сказания*)

Коррелят *уый* всегда может опускаться, а при глаголе *фæрсын* ‘спрашивать’ он вообще не употребляется. Возможно, это связано с тем, что позицию прямого объекта при этом глаголе занимает адресат, который оформляется родительным (объектным) падежом. Кроме того, иногда зависимая клауза также оформляется факультативным показателем прямой речи *дам*, что позволяет говорить о том, что и другие зависимые клаузы при этом глаголе можно трактовать как прямую речь:

- (104) *Сомихаг радио-йы ба-фарст-ой,* [*раз-дæр, дам,*
 армянский радио-GEN PV-спросить-PST.TR.3PL перед-СМПАМ мол

цы *уыд-и*, *айк æви карк*] ...
 что.НОМ быть-PST.INTR.3SG яйцо или курица

‘У армянского радио спросили, что, мол, было раньше, яйцо или курица ...’

(ОНК: Мах дуг 7, 2006)

Для того, чтобы однозначно отличать контексты прямой речи от собственно косвенного вопроса, требуется подробное изучение оформления прямой речи в осетинском языке, которого пока проведено не было.

Кроме того, поскольку большинство предглагольных подчинительных показателей в осетинском языке по форме идентичны с вопросительными словами, не всегда можно легко определить, является ли та или иная конструкция косвенным вопросом или иным типом придаточного. Наконец, возникает вопрос, осмыслено ли вообще противопоставление этих типов с точки зрения общих принципов осетинской грамматики.

Ответить на этот вопрос положительно позволяет использование в качестве показателя косвенного вопроса вопросительного местоимения *кæд* ‘когда’:

(105) [*Мæ мад æмæ мæ фыд сæ цард кæд ба-иу*
 1Sg.POSS мать и 1Sg.POSS отец 3Pl.POSS жизнь когда PV-один
код-т-ой], *уы-цы аз с-бæлвырд кæн-ын мæ*
 делать-TR-PST.3PL DemDist-ATTR год PV-точный делать-INF 1Sg.POSS
бон нæ бац-и
 возможность NEG PV-Exst

‘Выяснить, когда моя мать и мой отец поженились, я не смог.’

(ОНК: Мах дуг 2, 2004)

Данное местоимение, помимо косвенных вопросов, используется в собственно вопросительных предложениях; при этом союз *куы*, маркирующий придаточные времени, не может использоваться при вопросе:

(106) *Баба, æмæ уый кæд / *куы уы-дзæн, кæд*
 дедушка и DemDist[НОМ] когда когда быть-FUT[3SG] когда
æр-ыздæх-дзын-æ?
 PV-вернуться-FUT-2SG

‘Дедушка, а когда это будет, когда ты вернёшься?’

(ОНК: Джусойты Н.Г., *Слёзы Сырдона*, 2004)

В свою очередь, в придаточных времени может использоваться только *куы*,

кæд недопустим:

- (107) [*Фатимæ хæринаг куы* / **кæд код-т-а*], *уæд Зауыр*
 Фатима еда когда когда делать-TR-PST.3SG тогда Заур
каст-и телевизор-мæ.
 смотреть-PST.INTR.3SG телевизор-ALL
 ‘Когда Фатима готовила еду, Заур смотрел телевизор.’

То есть, употребление союза *куы* и вопросительного слова *кæд* позволяет чётко противопоставить обстоятельственные придаточные и конструкции с сентенциальными актантами, с одной стороны, и придаточные косвенного вопроса, с другой¹⁰.

В плане различия косвенных вопросов и обстоятельственных придаточных также показательна разница между (44), с союзом *куы*, и (105), с союзом *кæд*, в обоих из которых используется коррелят *уыцы аз*. На первый взгляд, различие между ними только в синтаксической позиции коррелята: в первом случае обстоятельство времени, во втором — прямое дополнение. Однако легко находятся примеры с союзом *куы*, соответствующим корреляту в позиции прямого дополнения:

- (108) *Æры-мысæд*, [*дæс кълас-ы каст куы*
 PV-вспоминать[PST.INTR.3SG] десять класс-GEN смотреть.PTCP когда
фæц-и], *уы-цы аз.*
 PV-Exst DemDist-ATTR год

‘Он вспомнил тот год, когда он закончил одиннадцать классов.’

(ОНК: *Мах дуг* 8, 2007)

Различие в данном случае, по-видимому, связано с лексической семантикой глаголов. Кроме того, следует заметить, что *кæд* также употребляется для маркирования сентенциального актанта при глаголе ‘ждать’:

- (109) *Ба-урæд-т-а æмæ æнхъæл-мæ кæс-ы,*
 PV-остановиться-TR-PST.3SG и надежда-ALL смотреть-PRS.3SG
 [*лæг æм кæд æрба-уай-дзæн*], *уы-мæ.*
 человек 3SgEncl.ALL когда PV-бежать-FUT.3SG DemDist-ALL

‘Остановился и ждёт, когда человек к нему прибежит.’

(ОНК: *Мах дуг* 2, 2001)

Поскольку подробное обсуждение семантики косвенного вопроса выходит

¹⁰Похожее противопоставление отличает простые коррелятивы от множественных; теоретическая трактовка данного факта будет дана ниже.

за рамки данного исследования, я оставляю эти проблемы для более подробного изучения; в данной работе я буду считать, что косвенные вопросы образуют единый чётко выделяемый класс придаточных, хотя это и является некоторым допущением.

2.2. Псевдосочинение

Помимо канонического подчинения, которое выражается при помощи предглагольных и «плавающих» показателей, в осетинском языке широко используются так называемые псевдосочинительные конструкции, в которых прототипически сочинительный союз 'и' используется в семантически подчинительных контекстах.

Термин «псевдосочинение» предложен в работе [Yuasa, Sadock, 2002], где авторы, основываясь на статье [Culicover, Jackendoff, 1997], предлагают теорию полипредикации, в которой понятия «сочинение» и «подчинение» задаются независимо на двух уровнях: синтаксиса и семантики. Между уровнями возможны несоответствия; семантически сочинительные, но синтаксические подчинительные конструкции (например, комитативное сочинение вида *Петя с Машей* и деепричастные конструкции в японском языке) авторы называют *псевдоподчинением*, тогда как семантически подчинительные, но синтаксические сочинительные конструкции авторы называют *псевдосочинением*. Поскольку в осетинском языке в семантически подчинительных конструкциях используются прототипически сочинительные союзы, логично такие конструкции отнести ко второму типу.

Однако применение ряда критериев показывает, что осетинская ситуация не полностью аналогична описанной в [Yuasa, Sadock, 2002]. Этот вопрос подробно рассматривается в работе [Belyaev, в печ.], где исследуются свойства двух осетинских конструкций: каузальной (*уымæн æмæ*) и актантной. Применение тестов, аналогичных используемым в работах предшественников, показывает, что только актантную конструкцию можно признать псевдосочинительной в их понимании; каузальная же конструкция оказывается сочинительной как синтаксически, так и «семантически». Однако при этом нет никаких оснований считать семантику причины сочи-

нительной: во-первых, в осетинском языке есть также канонически подчинительная конструкция с тем же значением (с союзом *кæй*, см. выше); во-вторых, дополнительные, чисто семантические тесты, в целом хорошо противопоставляющие сочинительные конструкции подчинительным (тест на отрицание, тест на *и это...* [Пекелис, 2009]), не обнаруживают никаких различий между сочинительной и подчинительной каузальными конструкциями.

В связи с этим в работе [Belyaev, в печ.] предлагается считать, что уровень, который в работах [Culicover, Jackendoff, 1997] и [Yuasa, Sadock, 2002] называется семантическим, в действительности является дополнительным *синтаксическим* уровнем. Различию между «собственно синтаксисом» и этим «семантическим» синтаксисом хорошо соответствует различие между структурой составляющих и функциональной структурой в ЛФГ. Семантику же следует выделять в отдельный уровень, причём в качестве семантического представления используются не концептуальные структуры (как у Джэкендоффа) и не деревья (как у Сэйдока), а принятые в формальной семантике формулы λ -исчисления; при этом в качестве семантического метаязыка может использоваться любой композиционный формализм.

Аналогичные несоответствия встречаются в различных языках мира: между сочинительной семантикой и подчинительным синтаксисом [Подлеская, 1992; Рудницкая, 1997; Kazenin, Testelec, 2004] и, наоборот, между сочинительным синтаксисом и подчинительной семантикой [Пазельская, 2007].

Прежде чем перейти к описанию псевдосочинительных конструкций, следует остановиться на свойствах союза *æмæ* 'и' в прототипических для него употреблениях. Этот союз сочиняет составляющие любых видов:

- (110) $N^0 + N^0$
 $\left[\begin{array}{l} \text{DP } \textit{цард-ы} \quad \left[\text{N}^0 \textit{хорзæх-тæ} \right] \textit{æмæ} \left[\text{N}^0 \textit{фыдæх-тæ} \right] \\ \text{жизнь-GEN} \quad \text{радость-PL} \quad \text{и} \quad \text{горе-PL} \end{array} \right]$
 'радости и горести жизни'

(ОНК: Мах дуг 6, 2001)

- (111) $A^0 + A^0$
 $\left[\begin{array}{l} \text{DP } \textit{ахæм} \quad \left[\text{A}^0 \textit{хъæлдзæг} \right] \textit{æмæ} \left[\text{A}^0 \textit{цæрæццаг} \right] \quad \textit{цъиу-тæ} \\ \text{такой} \quad \text{весёлый} \quad \text{и} \quad \text{жизнеспособный} \quad \text{птица-PL} \end{array} \right]$
 'такие весёлые и оживлённые птицы'

(ОНК: Мах дуг 4, 2007)

- (112) NP + NP
 [DP Рима-йы [NP дардмæуынаг цæстæнгас] æмæ [NP цыргъзонд
 Рима-GEN дальновидный взгляд и остроумный
 дзуапп]]
 ответ
 ‘дальновидный взгляд и остроумный ответ Рима’
 (ОНК: Дегоев С.М, *Погасший луч солнца*, 2012)
- (113) PP + PP
 [PP æнæ дон] æмæ [PP æнæ хæринаг-æй¹¹]
 без вода и без еда-ABL
 ‘без воды и без еды’
 (ОНК: Мах дуг 8, 2006)
- (114) VP + VP¹²
 ... ирон литературæ [VP чи кæс-ы] æмæ
 осетинский литература кто.NOM читать-PRS.3SG и
 [VP чи уарз-ы], æппæт уыдон-мæ
 кто.NOM любить-PRS.3SG весь DemDist.PL-ALL
 ‘для всех тех, кто читает и любит осетинскую литературу’
 (ОНК: Бестаев Г.Г., *Произведения*, 2004)

2.2.1. Причина

Союз *æмæ* в сочетании с местоимением *уый* в форме датива обозначает причину:

- (115) Уы-цы хатдзæг-имæ разы нæ дæн, УЫМ-ÆН
 DemDist-ATTR вывод-СОМТ согласный NEG быть.PRS.1SG DemDist-DAT
 æмæ [æз мæ-хæдæг 60-æм аз-т-ы куыст-он
 и 1Sg.NOM 1Sg.POSS-сам -ORD год-PL-IN работать-PST.TR.1SG
 а-цы облæст-ы]
 DemProх-ATTR область-IN
 ‘Я не согласен с этим выводом, потому что я сам в 60-е годы работал
 в этой области’
 (ОНК: Мах дуг 2, 2008)

¹¹Различие между падежным маркированием конъюнктов связано с тем, что предлог *æнæ* ‘без’ вариативно управляет как номинативом, так и аблативом существительных (см. тж. [Belyaev, 2010]).

¹²Я считаю, что VP в осетинском языке состоит из фокусной составляющей и глагола; об этом см. ниже.

При этом форма *уымæн* относится к первой (семантически главной) клаузе и катафорически отсылает к семантически зависимой клаузе, что видно из того, что для фокусирования зависимой клаузы достаточно поместить в фокусную позицию местоимение:

- (116) *Моцарт-æй Моцарт уым-æн ра-уад, æмæ*
 Моцарт-авл Моцарт DemDist-дат PV-течь[PST.INTR.3SG] и
 [*Сальери-йæ бирæ фылдæр куыст-а*].
 Сальери-авл много больше работать-PST.TR.3SG
 ‘Из Моцарта Моцарт потому получился, что он работал гораздо больше Сальери.’

ОНК: (Мах дуг 7, 2007)

Примечательно, что дательный падеж, как и местоимение *уымæн*, не употребляется в осетинском языке для обозначения причины практически нигде, кроме этой конструкции. В канонических придаточных причины, как было показано выше (78), используется послеложная группа *уый тыххæй*; замена её на *уымæн* приводит к неграмматичности:

- (117) * [*Ды мæм кæй ба-дзырд-т-ай*], *уым-æн*
 2Sg.ном 1SgEncl.ALL COMP PV-говорить-TR-PST.2SG DemDist-дат
æрба-цуд-тæн.
 PV-идти-PST.INTR.1SG
 (‘Я пришёл, потому что ты меня позвал.’)

При этом вместо *уымæн* в псевдосочинительной конструкции могут использоваться и другие, более регулярные, анафорические выражения, обозначающие цель, например, *уый тыххæй*:

- (118) *Хан тынг ны-ццин код-т-а, уый тыххæй æмæ*
 хан очень PV-радость делать-TR-PST.3SG DemDist[GEN] для и
 [*йын æндæр сывæллон нæ уыд-и*].
 3SgEncl.дат другой ребёнок NEG быть-PST.INTR.3SG
 ‘Хан очень обрадовался, потому что у него не было другого ребёнка.’

(ОНК: *Нартские сказания*)

При этом *уымæн æмæ* гораздо частотнее: в корпусе на такое сочетание имеется 3 309 вхождений против всего 195 для *уый тыххæй æмæ* (т.е. примерно 331 слово и 20 слов на миллион, соответственно).

При отсутствии коррелята союз *æмæ* не может обладать значением причины; более того, в этом случае первая клауза обычно интерпретируется как

предшествующая во времени по отношению ко второй, чего никогда не бывает в случае с каузальным значением (результат не может наступить раньше причины):

- (119) а. *Æз уым-æн æрба-цыд-тæн, æмæ* [*мæм*
 1Sg.NOM DemDist-DAT PV-идти-PST.INTR.1SG и 1SgEncl.ALL
ды ба-дзырд-т-ай]
 2Sg.NOM PV-говорить-TR-PST.2SG
 ‘Я пришёл, потому что ты меня позвал.’
- б. # *Æз æрба-цыд-тæн, æмæ* [*мæм ды*
 1Sg.NOM PV-идти-PST.INTR.1SG и 1SgEncl.ALL 2Sg.NOM
ба-дзырд-т-ай]
 PV-говорить-TR-PST.2SG
 ‘Я пришёл, и ты меня позвал.’
 (*‘Ты меня позвал, и я пришёл’)
 (*‘Я пришёл, потому что ты меня позвал.’)

2.2.2. Цель

Союз *æмæ* также может вводить целевые придаточные, при этом глагол в зависимой клаузе стоит в форме конъюнктива:

- (120) *Уый бæсты нын нæ гутæ-тт-æн æмхуызон*
 DemDist.GEN вместо 1Pl.DAT 1Pl.POSS плуг-PL-DAT равный
цæлх-ытæ с-кæн-æнт, æмæ [*нæ куыст рæвдз-дæр*
 колесо-PL PV-делать-IMP.3PL и 1Pl.POSS работа удачный-COMPAR
цæу-а, нæ нормæ-тæ æххæст кæн-æм].
 идти-SBJV.3SG 1Pl.POSS норма-PL полный делать-SBJV.1PL
 ‘Вместо этого пусть сделают для наших плугов равные¹³ колёса, чтобы
 наша работа шла лучше (и) мы выполняли наши нормы.’
 (ОНК: Мах дуг 6, 2002)

Целевое псевдосочинение напоминает простое сочинение двух клауз, из которого, вероятно, и появилось, но синхронно должно анализироваться как особая конструкция. В ней может также факультативно использоваться коррелят *уымæн*:

¹³В предыдущем предложении речь шла о том, что колёса разных размеров, и это затрудняет работу.

- (121) *Скъола, дам, уым-æн у, æмæ* [*мын ма*
 школа мол DemDist-DAT быть.PRS.3SG и 1SgEncl.DAT 1Sg.POSS
сывæллон-ы ахуыр, хъомыл кæн-а].
 ребёнок-GEN учение взрослый делать-SBJV.3SG
 ‘Школа, мол, для того существует, чтобы учить, воспитывать моего ребёнка.’
 (ОНК: Мах дуг 1, 2001)

Такие примеры отличаются от каузального псевдосочинением только выбором наклонения в зависимой клаузе. Однако важное отличие между двумя конструкциями состоит в том, что датив в осетинском языке регулярно используется для маркирования цели:

- (122) *Сылгоймадж-ы Хуыцау с-фæлдыст-а* [*хæстон-тæ*
 женщина-GEN Бог PV-творить-PST.TR.3SG воин-PL
ар-ын-æн], *æмæ сæ куыст кæн-æнт!*
 рождать-INF-DAT и 3Pl.POSS работа делать-IMP.3Pl
 ‘Бог сотворил женщину, чтобы рожать воинов, и пусть они делают свою работу!’
 (ОНК: Мах дуг 7, 2003)

- (123) [*Сæ ком-дзаг сын бын-мæ лас-ын-æн*] *ахъаз*
 3Pl.POSS рот-полный 3PlEncl.DAT низ-ALL возить-INF-DAT помощь
уыд бынæттон водкæ — «Огуречная».
 быть[PST.INTR.3SG] местный водка
 ‘Чтобы протолкнуть вниз то, что было у них во рту, им помощью была местная водка — «Огуречная».’
 (ОНК: Мах дуг 8, 2003)

Таким образом, разумно предположить, что конструкция причины развилась из целевой. Сама по себе такая модель полисемии хорошо засвидетельствована [Heine, Kuteva, 2004, с. 246–247]. Однако, как замечают Б. Хайне и Т. Кутева, имеющиеся у них данные не позволяют судить о том, какое значение является первичным — причины или цели (хотя последний вариант представляется им более вероятным). В осетинском языке наличие целевой функции у датива при отсутствии каузальной однозначно говорит о том, что исходным было именно целевое значение¹⁴.

¹⁴По-видимому, использование в каузальной конструкции в качестве коррелятов других средств выражения причины, например, *уыд тыххæй æмæ*, развилось позже, что видно из низкой частотности таких примеров.

2.2.3. Следствие

Союз *æмæ* также вводит предложения, которые можно назвать «придаточными следствия» — когда ситуация в зависимой клаузе рассматривается как следствие некоего состояния, представленного в главной клаузе (напр., *Он был такой пьяный, что шёл шатаясь*). Обычно в осетинском языке в таких предложениях в качестве «коррелята» используется именная группа с местоимениями *ахæм* ‘такой’ или *уыйбæрц* ‘настолько’:

- (124) *Теуа уыйбæрц æнæбон ма с-уæд, æмæ* [*хæрæдж-ы*
верблюд настолько слабый NEG PV-быть.IMP.3SG и осёл-GEN
уаргъ ма а-хæсс-а].
ноша NEG PV-нести-SBJV.3SG

‘Пусть верблюд не будет настолько слабым, что не сможет нести носу осла.’

(ОНК: Айларов И., Гаджинова Р., Кцоева Р., *Пословицы*, 2005)

- (125) *Æмæ йæ уæд Махар дæр зон-ид, Ирыстон ахæм*
и 3SgEncl.GEN тогда Махар ADD знать-ОПТ.3SG Осетия такой
дынджыр нæ-у, æмæ [*нæ хъæбатыр-т-ы ма*
большой NEG-быть.PRS.3SG и 1Pl.POSS богатырь-PL-GEN NEG
зон-æм].
знать-SBJV.1PL

‘И пусть Махар его тоже знает, Осетия не такая большая, чтобы не знать наших богатырей.’

(ОНК: Агнаев Г.А., *Длинной осенней дорогой*, 2003)

2.2.4. Сентенциальные актанты

Союз *æмæ* также маркирует сентенциальные актанты при некоторых предикатах, например *æнхъæл уæвын* ‘думать, полагать’ и *фæндын* ‘хотеть’:

- (126) *Липæ та æнхъæл у, æмæ* [*йæ Анчыба*
Липа CONTR (думать) быть.PRS.3SG и 3SgEncl.GEN Анчыба
а-сайд-т-а].
PV-обмануть-TR-PST.3SG

‘А Липа думает, что Анчыба её обманул.’

(ОНК: *Мах дуг* 4, 2008)

- (127) *Не р-уазал уы-дзæн, нæ мæ фæнд-ы* [*æмæ*
NEG PV-холодный быть-FUT.3SG NEG 1SgEncl.GEN хотеть-PRS.3SG и

æp-уазал у-а]!
 PV-холодный быть-SBJV.3SG

‘Ты не замёрзнёшь, я не хочу, чтобы ты замёрз!’

(ОНК: Хугаев С.З., *Нарты фарнæг*, 2000)

2.2.5. Сочинительная инверсия

Наиболее интересна с точки зрения свойств коррелятивов так называемая «сочинительная инверсия». Эта конструкция будет подробно рассмотрена в главе 3.6, здесь же я ограничусь лишь общими сведениями.

Любая коррелятивная конструкция может быть преобразована в «инверсивную» следующим образом: коррелят ставится в фокусную позицию, зависимая клауза ставится после главной, а между ними вставляется союз *æмæ* ‘и’:

(128) *Чиныг-æн йæ хорз уым-æй ба-зон-дзын-æ, æмæ*
 книга-DAT 3Sg.POSS хороший DemDist-ABL PV-знать-FUT-2SG и
 [*хорз куы судз-а*].
 хороший если гореть-SBJV.3SG

‘Ты поймёшь, что у книги есть польза, если она хорошо горит.’

(ОНК: *Мах дуг 4*, 2007)

Как будет показано в главе 3, в осетинском языке фокус может находиться или непосредственно перед глаголом, или в постглагольной зоне. Коррелят при инверсии может находиться в обеих местах; предглагольная позиция показана в (128), а следующий пример иллюстрирует постглагольный фокус:

(129) *Ахуыргонд Сарæ Броснан куыд зæгъ-ы, афтæм-æй куыст-æн*
 учёный Сара Броснан как сказать-PRS.3SG так-ABL работа-DAT
рæз-æн ис æрмæст-дæр уæд, æмæ [йын раст
 расти-NMLZ Exst только-ADD тогда и 3SgEncl.DAT правильный
аргъ-гонд куы цæу-а].
 цена-делать.PTCP если идти-SBJV.3SG

‘Как говорит учёный Сара Броснан, работа развивается только в том случае, если ей даётся справедливая оценка.’ (*Мах дуг 3*, 2004)

Таким образом, предварительно можно сказать, что основная функция инверсии — фокусирование зависимой клаузы. Подробнее об этой конструкции будет сказано в разделе 3.6.

2.3. Обсуждение

2.3.1. Коррелятивы как единый синтаксический тип

В предыдущих разделах было показано, что ряд зависимых клауз в осетинском языке на поверхностном уровне оформляются очень похоже: в зависимой клаузе находится подчинительная группа, предглагольная или плавающая, которой в главной клаузе соответствует (часто — обязательно) указательное местоимение или наречие-коррелят, причём зависимая клауза либо находится в крайне левой позиции, либо непосредственно примыкает к корреляту.

Эти виды сложных предложений чётко противопоставлены другим видам оформления подчинительной связи: псевдосочинению (в котором часто присутствует коррелят, но в котором зависимая клауза всегда находится в постпозиции и присоединяется при помощи союза *æмæ*), оформлению зависимых клауз при помощи показателя *зæгъгæ* ‘говоря’ и бессоюзным сложным предложениям.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: обладают ли конструкции, перечисленные в пп. 2.1.1–2.1.10, идентичной синтаксической структурой, так что отличия между ними сводятся лишь к лексическому выбору подчинительного показателя и коррелята, или же разные типы зависимых клауз, несмотря на внешнее сходство, обладают различной синтаксической структурой?

На мой взгляд, верно первое предположение, что следует из нескольких соображений.

Прежде всего, в осетинском языке имеются примеры, в которых зависимые клаузы, которые, на первый взгляд, должны были бы относиться к разным типам, в главной клаузе соответствуют одному и тому же корреляту:

- (130) [*Кæд-дæр ма мæ кæй зыд-т-ай*] *æмæ* [*чи*
 когда-INDEF ещё 1SgEncl.GEN COMP знать-TR-PST.2SG и кто.NOM
уыд-тæн], *уый æр-хъуыды код-т-ай?*
 быть-PST.INTR.1SG DemDist[NOM/GEN] PV-мысль делать-TR-PST.2SG
 ‘Ты придумала то, что знала меня и (то), кем я был?’

(ОНК: *Мах дуг* 9, 2007)

В данном случае мы имеем дело с сентенциальным актантом и косвенным

вопросом.¹⁵

Другим и, возможно, наиболее сильным аргументом в пользу единообразной синтаксической трактовки различных типов придаточных, имеющих корреляты, является то, что все типы придаточных могут подвергаться т.н. сочинительной инверсии. Выше был дан пример на инверсию конструкции с предглагольным условным союзом *куы* (128). Однако инверсии могут также подвергаться конструкции с «плавающими» подчинительными показателями, а также конструкции с подчинительными группами в иных синтаксических функциях, например:

- (131) *Æппæт-æй бæллæх-дæр та уый уыд,*
 весь-ABL беда-COMPAR CONTR DemDist[NOM] быть[PST.INTR.3SG]
æмæ [*æргъ-тæ уæлиау-мæ кæй с-æппæрст-ой*].
 и цена-PL высоко-ALL COMP PV-бросить-PST.TR.3PL
 ‘Ужаснее всего то, что они высоко подняли цены.’
 (ОНК)

- (132) ... *лæппу-йæн йæ=хи дæр уый фæнд-ы, æмæ*
 мальчик-DAT 3Sg.POSS=Refl[GEN] ADD DemDist хотеть-PRS.3SG и
йын [*цæмæй иууыл=дæр зон-ой йæ уарзт-ы*
 3SgEncl.DAT чтобы все=ADD знать-SBJV.3PL 3Sg.POSS любовь-GEN
тыххæй].
 для
 ‘... а сам парень того хочет, чтобы все знали о его любви.’

(ОНК: Мах дуг 2, 2001)

- (133) *Ахæм ран æр-хуыссыд, æмæ* [*дзæбæх кæцæй*
 такой место PV-лежать[PST.INTR.3SG] и хороший откуда
уыд-т-а Зауыр-ы]
 видеть-TR-PST.3SG Заур-GEN
 ‘Он лёг в таком месте, откуда он видел Заура’

(ОНК)

Сочинительная инверсия является синтаксическим процессом, обладающим определённой коммуникативной функцией. Маловероятно, чтобы он применялся к разноструктурным конструкциям и приводил к единому результату. Как минимум, факт наличия инверсии говорит о том, что понятия

¹⁵Некоторые исследователи объединяют эти типы придаточных в один класс, так что, возможно, пример не столь показателен. Впрочем, несмотря на это, в русском языке аналогичное сочинение синтаксических актантов и косвенных вопросов невозможно: *Я знал, что ты пришёл и как тебя зовут.

«подчинительная группа» и «коррелят» имеют одно и то же значение применительно ко всем типам придаточных.

Наконец, сам факт того, что ограничения на позицию зависимой клаузы и на позицию коррелята едины для разных видов придаточных, говорит о том, что при прочих равных условиях их следует рассматривать как подвиды одной и той же синтаксической конструкции.

В связи со всем этим, вероятно, не следует считать сочетания подчинительного показателя и коррелята некими «сложными союзами» [Кулаев, 1959], однозначно задающими семантику придаточного и отношение между главной и зависимой предикациями. Скорее следует рассматривать подчинительные показатели и корреляты как в общем случае независимые единицы: подчинительные показатели обозначают семантику зависимой клаузы (т.е. то, что она выражает: время, факт, событие, индивидуум — этот вопрос будет рассмотрен подробнее в главе, посвящённой семантике), тогда как корреляты обозначают её позицию в главном предложении (подлежащее, прямое дополнение, сирконстант). Это особенно хорошо видно на примере подчинительных показателей, оформляющих как актанты, так и сирконстанты: большинство из них (*кæй*, *куы*, *куыд*, *цæмæй*) сочетаются с указательным местоимением (*уый*), если зависимая клауза выступает в актантной функции, и с указательным наречием (*уæд*, *афтæ*) или послеложной группой (*уый тыхæй* и др.), если зависимая клауза является сирконстантом.

Разделение осетинских придаточных на структурные типы исходя из заранее заданного списка семантических или синтаксических классов сложных предложений, таким образом, вносит в их синтаксическое описание искусственную фрагментарность и мешает описать те закономерности в оформлении придаточных предложений, которые реально действуют в этом языке¹⁶.

¹⁶Примечательно, что совершенно такую же позицию высказывал ещё автор первой грамматики осетинского языка А.М. Шёгрэн [Шёгрень, 1844]. Он объединял все придаточные с предглагольными подчинительными показателями в класс «соотносительных предложений» (термин, полностью соответствующий современному «коррелятив») и про придаточные с союзом *кæй* специально отмечал, что «... образываемыя посредством оныхъ союзовъ изъяснительныя предложения ... не что иное, какъ скрытныя относительныя...» (с. 516). К сожалению, в дальнейшем эта мысль Шёгрена, как и многие другие здравые идеи, содержащиеся в его грамматике, не получила своего развития; позднейшие осетинские грамматики в основном следовали схеме русской грамматической традиции с её разделением придаточных в соответствии с членами предложения: «подлежащные», «дополнительные», «определятельные» и проч. Ср., впрочем, спор между Н.К. Багаевым (1982), разделявшим союзы и соотносительные слова (т.е. корреляты), и Н.Х. Кулаевым и боль-

Имеется также дополнительный косвенный аргумент в пользу рассмотрения осетинских коррелятивов как частных случаев единой конструкции. Он состоит в том, что класс конструкций, способных подвергаться «коррелятивной инверсии», полностью совпадает с классом конструкций, которые я предлагаю считать коррелятивами, причём тип подчинительного показателя (предглагольный или «плавающий»), равно как и синтаксическая роль зависимой клаузы, никакого значения не имеют.

Против такого анализа, однако, в работе [Erschler, предст.] предложен следующий аргумент. По мнению Д.А. Эршлера, относительные предложения и остальные типы подчинённых клауз в осетинском языке отличаются тем, что релятивизация может быть множественной (см. следующую главу), тогда как специализированные союзы типа *куы* 'когда' не могут сочетаться с другими союзами или подчинительными группами (см. (275) ниже). Однако данный аргумент едва ли можно признать успешным, т.к. множественные коррелятивы, как будет показано ниже, отличаются от простых коррелятивов в функции относительного предложения не только в выборе подчинительных показателей, но и по ряду других признаков, как формальных (ограничения на коррелят, доступность сочинительной инверсии), так и семантических (множественные коррелятивы могут иметь только универсальную семантику, тогда как простые коррелятивы бывают как универсальными, так и определёнными), так что их нельзя считать относящимися к той же конструкции. Кроме того, если бы простые и множественные относительные представляли собой одну конструкцию, мы бы ожидали, что вопросительное слово *кæд* 'когда' может употребляться и в тех, и в других. Однако из примеров (164а) и (275), где один и тот же коррелят *уæд* соответствует только *куы* в простых коррелятивах и только *кæд* во множественных, видно, что в данном случае нельзя говорить о единой конструкции. Кроме того, о необходимости проводить синтаксическое различие между простыми и множественными коррелятивами см. [Bhatt, 2003].

Таким образом, есть веские основания считать все представленный в таблице 2.1 подвидами одной и той же синтаксической конструкции — коррелятивной. Это может показаться хорошо соотносящимся с недавними ана-

шинством остальных осетиноведов, постулировавших категорию «сложных союзов» [Кулаев, 1959]. Ввиду сказанного выше представляется, что позиция Н.К. Багаева имела под собой больше оснований.

лизами [Arsenijević, 2009a; Kayne, 2010], в которых сентенциальные актанты, как и прочие типы придаточных, рассматриваются в качестве подтипа релятивизации в том числе в таких языках, как английский. Однако, на мой взгляд, отождествлять коррелятивы с каноническими относительными придаточными, о которых идёт речь в подобных работах, безосновательно. На материале других языков хорошо показано, что и синтаксис [Srivastav, 1991; Bhatt, 2003; Davison, 2009], и семантика [Dayal, 1995; Grosu, F. Landman, 1998; Arsenijević, 2009b] коррелятивов во многих случаях принципиальным образом отличаются от синтаксиса и семантики канонических относительных. В следующих двух главах будет показано, что это утверждение в полной мере, если не в большей степени, относится и к осетинскому.

2.3.2. Различия внутри класса канонических придаточных

Определённые синтаксические различия внутри класса канонических придаточных, однако, имеются и в целом сводятся к двум параметрам: тип подчинительного показателя (предглагольный или «плавающий») и возможность опущения коррелята. Первый параметр связан с позицией подчинительной группы во внутренней структуре зависимой клаузы, но не влияет на то место, которое зависимая клауза занимает по отношению к главной: как было показано выше, предложения с «плавающими» подчинительными показателями обладают абсолютно той же дистрибуцией, что и предложения с предглагольными подчинительными показателями, в том числе в том, что касается возможности сочинения и коррелятивной инверсии.

Опущение коррелята является более сложной проблемой. Действительно, здесь можно видеть два возможных варианта анализа: либо в таких случаях представлен нулевой коррелят, либо зависимая клауза сама занимает соответствующую структурную позицию в главной. Во втором случае осетинские придаточные без коррелята оказываются принципиально отличными от коррелятивов (где позицию актанта или сирконстанта в главной клаузе занимает коррелят) и сближаются с придаточными предложениями языков «европейского стандарта» (при традиционном взгляде на синтаксическую структуру последних).

Прежде чем ответить на этот вопрос, обобщим случаи, когда «опущение»

коррелята возможно:

1. Зависимая клауза должна выполнять функцию сентенциального актан-та или придаточного цели¹⁷;
2. Зависимая клауза должна находиться на конце предложения.

Это обобщение можно проиллюстрировать следующими примерами:

- (134) а. *Æз зон-ын, [Зауыр кæй æрба-цыд-и],*
 1Sg.NOM знать-PRS.1SG Заур COMP PV-идти-PST.INTR.3SG
(уый).
 DemDist[НОМ/ГЕН]
- б. [*Зауыр кæй æрбацыди*], *(уый) æз зонын.
 ‘Я знаю, что Заур пришёл.’
- (135) а. *Æз æрба-цыд-тæн, [цæмæй демæ ба-ныхас*
 1Sg.NOM PV-идти-PST.INTR.3SG чтобы 2Sg.COMIT PV-речь
кæн-он], (уый тыххæй).
 делать-SBJV.1SG DemDist[ГЕН] для
- б. [*Цæмæй демæ баныхас кæнон*], *(уый тыххæй) æз æрбацыдтæн.
 ‘Я пришёл, чтобы с тобой поговорить.’
- (136) а. [*Дæ ныхас дын куы ба-йхъуыст-он*], *(уæд)
 2SgPoss речь 2SgEncl.DAT когда PV-слышать-PST.TR.1SG тогда
ба-цин код-т-он.
 PV-радость делать-TR-PST.TR.1SG
- б. Бацин кодтон, [*дæ ныхас дын куы байхъуыстон*], *(уæд).
 ‘Когда я услышал твой голос, я обрадовался.’
- (137) а. *мæ чиныг рад-т-он, [цы лæг-æн æхца*
 1SgPoss книга дать.PFV-TR-PST.1SG что мужчина-DAT деньги
*рад-т-ай], *(уым-æн).*
 дать.PFV-TR-PST.2SG DemDist-DAT
- б. [*цы лæгæн æхца радтай*], *(уымæн) мæ чиныг радтон.
 ‘Я дал мою книгу тому мужчине, которому ты дал денег.’

Как видно из примеров, с относительными и временными придаточными использование коррелята обязательно; с придаточными цели и сентенциаль-

¹⁷Возможно, коррелят также опускается при сирконстантах, вводимых союзом *цыма* ‘будто’, но статус этого слова именно как союза в имеющихся примерах не ясен.

ными актантами коррелят может отсутствовать только в случае, если зависимая клауза находится в абсолютном конце предложения.

Если считать, что в таких случаях присутствует нулевой коррелят, проблемы возникают с обоими из этих условий. С первым условием проблема состоит в том, что нулевое выражение в осетинском языке, как правило, получает субъект; другие аргументы в случае их низкой выделенности выражаются обычно клитиками, нулевое выражение недопустимо:

- (138) *Зауыр_i æрба-цъд-и æмæ ∅_i с-хуыссыд.*
 Заур PV-идти-PST.INTR.3SG и PV-спать[PST.INTR.3SG]
 ‘Заур_i пришёл и ∅_i лёг спать.’
- (139) *Зауыр_i æрба-цъд-и æмæ *(ÿæ_i) фæд-т-он.*
 Заур PV-идти-PST.INTR.3SG и 3SgEncl.GEN видеть.PFV-TR-PST.1SG
 ‘Заур_i пришёл, и я *(его_i) увидел.’

То есть, для конструкций с «опущением» коррелята нужно постулировать специальные нулевые местоимения, занимающие валентность цели (и фактически заменяющие целую послеложную группу *уый тыххæй*) и прямого объекта, и употребляющиеся только в этой конструкции. Такое решение не представляется оптимальным.

Второе условие также представляет проблему для «нулевого» анализа. Постулируя нулевые местоимения на месте полноценных коррелятов, мы бы ожидали, что эти местоимения могут находиться там же, где могут находиться соответствующие им корреляты, т.е. либо непосредственно после зависимой клаузы, если она вложена в главную, либо в любой позиции, если зависимая клауза предшествует главной. Однако, как было показано выше, «опущение» коррелята возможно только в конце предложения. Получается, что на нулевые местоимения необходимо также специально накладывать ограничение, связанное с их линейно конечной позицией. Такое ограничение не только выглядит искусственно, но и не может быть сформулировано в структурных терминах, т.к. осетинский язык лишён какой-либо специальной позиции на конце предложения (о структуре клаузы см. главу 3).

Таким образом, ни одно из двух ограничений на «опущение» коррелята не является естественным для нулевых местоимений, и постулирование последних требовало бы введения сразу нескольких *ad hoc* ограничений на их позиционирование.

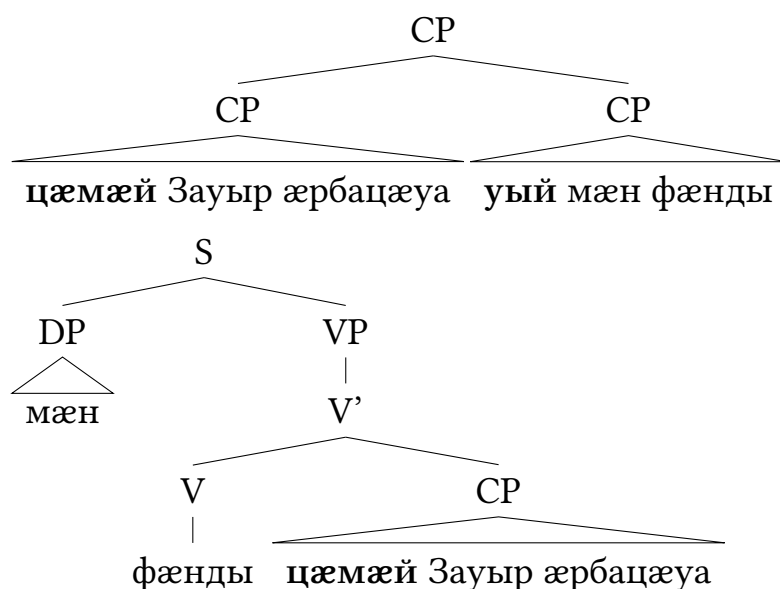
Кроме того, как будет показано ниже (187)–(189), вынос составляющей из синтаксического актанта при топикализации возможен в случае, если синтаксический актант не имеет при себе коррелята, и невозможен, если коррелят используется. Это также свидетельствует как о синтаксическом различии между зависимыми клаузами с коррелятами и зависимыми клаузами без него, так и о том, что все виды коррелятивов имеют идентичную синтаксическую структуру (т.к. все являются «островами» [Ross, 1967]).

Наконец, последний аргумент состоит в том, что зависимую клаузу без коррелята можно сочинить с группой «коррелятивная клауза + коррелят»:

- (140) *Муссæ сæ уæлхъус лæууыд-ис æмæ гæххæтт-ыл*
 Мусса 3SgPoss рядом стоять-PST.INTR.3SG и бумага-SUPER
фыст-а, [цал бричка-йы а-рвыст-а] æмæ
 писать-PST.TR.3SG сколько бричка-GEN PV-послать-PST.TR.3SG и
 [сæ чи ласт-а], **уыдон** нæм-ттæ.
 3SgEncl.GEN кто.NOM вести-PST.TR.3SG DemDist.PL[GEN] имя-PL
 ‘Мусса стоял рядом с ними и записывал на бумаге, сколько бричек он послал и имена тех, кто их вёл.’ (ОНК)

Было бы странно видеть здесь нулевой коррелят, т.к. нулевые составляющие обычно не сочиняются с поверхностно выраженными. Сочинение же DP (группы «зависимая клауза + коррелят») и CP в принципе в подобных условиях возможно [Sag, Gazdar [и др.], 1985] (ср. также русский перевод этого примера).

Поэтому анализ зависимых клауз без коррелята как занимающих некую позицию *in situ* внутри клаузы представляется достаточно естественным. Нет ничего революционного в предположении, что для синтаксических актантов и целевых придаточных (о сходстве последних с первыми с типологической точки зрения см. [Schmidtke-Bode, 2009; Verstraete, 2008]) в структуре предложения имеется специальная позиция — предположим, комплемент VP. Если пока предварительно принять, что коррелятивная клауза присоединяется в качестве адъюнкта к CP (ср. [Davison, 2009]), а синтаксический актант находится в позиции комплемента VP, то различие между коррелятивной конфигурацией и конфигурацией *in situ* может быть проиллюстрировано следующим образом:

Для осетинского языка подобный анализ уже предлагался в [Gareyshina [и др.], 2011]. Таким образом, я буду считать, что зависимые клаузы, не имеющие поверхностно выраженного коррелята, не относятся к классу коррелятивов, и не буду рассматривать их в данном исследовании.

2.4. Распространённость коррелятивов

Теперь рассмотрим вопрос о том, насколько частотны коррелятивы в осетинском языке по сравнению с другими средствами маркирования подчинения. С этой целью были проведены некоторые статистические подсчёты на фрагменте корпуса устных текстов проекта «Исследования по осетинской грамматике» (<http://ossetic-studies.org/texts/en>). Очень важно, что взяты именно устные, а не письменные тексты, так как письменная речь не отражает реального узуса и может быть сильно подвержена влиянию русскоязычных стилистических конвенций — следовательно, число зависимых клауз может быть существенно выше. Были проанализированы следующие тексты:

Агузарова Изета (частично)	10 клауз
http://ossetic-studies.org/corpus/iron/aguzarova-izeta-ru.pdf	
Лиса и медведь	61 клауза
http://ossetic-studies.org/corpus/iron/fox-and-bear-ru.pdf	
Башня	37 клауз
http://ossetic-studies.org/corpus/iron/tower-ru.pdf	
Про мужа	54 клаузы
http://ossetic-studies.org/corpus/iron/about-husband-ru.pdf	

Сказка про любовь http://ossetic-studies.org/corpus/iron/about-love-ru.pdf	114 клауз
Охота на туров http://ossetic-studies.org/corpus/iron/hunt-for-goats-ru.pdf	73 клаузы
всего	346 клауз

Все тексты относятся к жанру нарратива. Клаузой считалась всякая глагольная предикация, финитная или нефинитная.

В таблице 2.3 даны частотности каждого из типов маркирования подчинения. Все эти типы были рассмотрены выше; под «коррелятивами», в соответствии с решением, обоснованным в настоящей главе, я рассматриваю только клаузы, в которых имеется явно выраженный коррелят, т.е. целевые придаточные и сентенциальные актанты без коррелята сюда не относятся. Коррелятивы далее делятся на функционально относительные предложения и другие типы.

главные клаузы		287 (83%)			
зависимые клаузы	коррелятивы	относительные	5 (2%/13%)		
		актантные	5 (2%/13%)		
		целевые	3 (1%/8%)		
		причинные	1 (0.3%/3%)		
		временные	14 (4%/35%)		
		условные	9 (3%/23%)		
		лимитативные	1 (0.3%/3%)		
		локативные	2 (0.6%/5%)		
		всего	40 (12%/68%)		
		бессоюзные	инфинитивные	деепричастные	2 (0.6%/3%)
				псевдосочинение	2 (0.6%/3%)
всего	59 (17%)				
всего	346				

Таблица 2.3.: Частотность различных типов подчинения в осетинских устных текстах

Как видно из таблицы, подчинение в целом, что неудивительно, в устной речи не частотно. Однако коррелятивы количеством 40 клауз составляют 12% от всех клауз и 66% от подчинительных; обе цифры довольно велики (см. сравнение с русским в главе 5, где эти значения — также в устной речи — равны 5% и 17% соответственно [Коротаев, 2009]). Среди коррелятивов подав-

ляющее большинство — 88% (35 из 40) — функционально не являются относительными. Интересным фактом является полное отсутствие сентенциальных актантов и целевых придаточных без коррелята; здесь мы видим явный контраст с письменной речью, где, например, среди придаточных с союзом *цæмæй* 69% (151 из 219) не имеют коррелята. Это позволяет предположить, что такие придаточные являются особенностью письменного языка. Постпозитивные относительные придаточные также отсутствуют в данной выборке.

Что касается коррелятивов, то из таблицы видно, что собственно релятивная функция для них не является основной. Тем самым, в осетинском языке с функциональной точки зрения нельзя говорить о коррелятивах как о стратегии релятивизации; следует считать их универсальным средством подчинения, адаптируемым к различным функциональным типам придаточных. Как будет показано ниже, имеются и существенные синтаксические и семантические различия, противопоставляющие коррелятивы каноническим относительным придаточным в том виде, в котором последние известны в других языках.

2.5. Выводы

В данной главе рассмотрены все основные конструкции подчинения в осетинском языке, с особо подробным рассмотрением коррелятивов. Как было показано в разделе 2.3, бóльшая часть типов подчинения в этом языке выражается при помощи одной и той же конструкции — коррелятивной, при этом во всех случаях в качестве коррелятов используются обычные указательные местоимения или наречия. Подсчёты частотности употребления различных подчинительных конструкций в устных текстах показывают, что коррелятивы являются наиболее частотной стратегией и используются чаще всего не для релятивизации, а для других функций; при этом в последних случаях практически никогда не используются реляционные имена. В связи с этим коррелятивную конструкцию в осетинском нельзя считать собственно относительной с точки зрения её функционирования в дискурсе.

3. Синтаксическая структура коррелятивов

В этой главе будет рассмотрена синтаксическая структура конструкции, обозначенной в предыдущей главе как коррелятивная. Кроме того, я также рассмотрю структуру множественных коррелятивов, которые в осетинском, как уже указывалось выше, отличаются от простых по целому ряду признаков. Для того, чтобы определить, какие позиции занимают зависимая клауза и подчинительная группа, необходимо иметь представление о том, как вообще устроена клауза в осетинском языке. Поэтому в рамках данной главы я часто буду выходить за рамки проблематики, имеющей отношение именно к коррелятивам.

3.1. Внутренняя структура зависимой предикации

В данном разделе будет в общем виде описана структура осетинского предложения. Термины, которыми я буду пользоваться, максимально нейтральны по отношению к теориям; о структуре клаузы я буду рассуждать в терминах линейных позиций, иногда также обращаясь к понятию составляющей. Лишь в конце раздела будет предложена формализация в терминах ЛФГ.

Структура осетинской клаузы заметно отличается от структуры клаузы в так называемых конфигурационных языках, таких, как английский или французский. Как было указано в главе 1, хотя немаркированным порядком слов в осетинском является SOV, полностью допустимы и все остальные варианты позиционирования ядерных актантов предложения. Таким образом, осетинский язык относится к т.н. языкам со свободным порядком слов. Но при этом осетинский язык нельзя считать полностью неконфигурационным,

подобно, например, некоторым языкам Австралии [Austin, Bresnan, 1996]. Осетинская клауза имеет строгую линейную структуру, которая отличается от структуры т.н. конфигурационных языков только тем, что фиксированные позиции закреплены не за грамматическими отношениями (подлежащее, прямое дополнение и т.п.), а за коммуникативными функциями (топик, фокус). Подобные языки не являются типологически редкими; в последнее время для них стало принято использовать термин «дискурсивно-конфигурационные языки» (discourse configurational languages) [É. Kiss, 1995]. В неформальном виде структуру осетинского предложения можно изобразить следующим образом:

(141)

ЛШериф – ПредСоюз – союз – ПостСоюз – $\overbrace{\text{Фок – Вопр – Отриц – Глаг – ПостГлаг}}^{\text{глагольный комплекс}} – ПТопик$
область постановки энклитик

Здесь можно выделить три основных слоя: «глагольный комплекс», центральная зона (зона постановки клитик) и периферийная зона.

Глагольный комплекс содержит позиции для фокусных, не вопросительных составляющих, вопросительных слов и предглагольных подчинительных показателей, а также для отрицательных местоимений. В глагольный комплекс могут также входить некоторые наречия. Этот уровень характеризуется линейным и просодическим единством; кроме того, некоторые тесты однозначно идентифицируют его как составляющую. Он примерно соответствует, например, понятию ядра (core) в Ролевой и референциальной грамматике Р. Ван Валина [Van Valin, 2005].

Глагольный комплекс входит в качестве элемента в уровень, который можно называть **центральной зоной**. К этому уровню относятся все основные актанты предикации, за исключением тех, что входят в глагольный комплекс, и тех, что вынесены влево и вправо в периферийную зону. Отличительной чертой этого уровня является тот факт, что именно с его левой границы начинается отсчёт второй позиции для постановки клитик; элементы левее этой границы не могут нести на себе клитик. Этот уровень можно сопоставить с понятием клаузы у Р. Ван Валина.

Наконец, третьим слоем является **периферийная зона**, где располагаются топикальные элементы, вынесенные влево и вправо (left and right dislocation). В большинстве осетинских высказываний этот слой остаётся незаполненным,

и позиционирование составляющих в нём всегда связано с определённой маркированной коммуникативной структурой. Этот уровень соответствует понятию предложения у Р. Ван Валина.

Далее в этом разделе будет рассмотрен каждый из этих уровней и дана мотивация для их постулирования.

3.1.1. Глагольный комплекс

Наличие в осетинском языке специализированной позиций перед глаголом для отдельных типов составляющих можно считать хорошо установленным фактом [Erschler, 2012]. Чаще всего предглагольную позицию занимают фокусные составляющие, что видно из следующей пары предложений:

- (142) — Дзул [**чи**]_{FOC} ба-лхæд-т-а?
 хлеб кто.NOM PV-купить-TR-PST.3SG
 ‘Кто купил хлеб?’
 — Дзул [**Алан**]_{FOC} ба-лхæд-т-а.
 хлеб Алан PV-купить-TR-PST.3SG
 ‘Хлеб купил Алан.’

Однако, помимо фокуса, обязательно перед глаголом находятся и некоторые другие элементы, о которых будет сказано ниже.

Прежде чем перейти к дальнейшему рассмотрению, следует заметить, что сложные глаголы с превербом с точки зрения позиционирования предглагольных составляющих ведут себя, как единый комплекс:

- (143) Зауыр <^{OK}кæ-имæ> ба-ныхас <*кæ-имæ> код-т-а?
 Заур кто-СОМІТ PV-речь делать-TR-PST.3SG
 ‘С кем Заур поговорил?’

Сложные глаголы без преверба могут вести себя и как сочетание из двух словоформ, и как единая словоформа:

- (144) Зауыр <^{OK}кæ-имæ> нихас <^{OK}кæ-имæ> код-т-а?
 Заур кто-СОМІТ речь делать-TR-PST.3SG
 ‘С кем Заур говорил?’

Интересно, что в качестве именной части сложного глагола могут выступать не только отдельные слова, но и целые составляющие, в частности, имя с посессивной проклитикой:

- (145) *Æмæ ба-зон, цæ-уыл хæст ысты, цы сæ*
 и PV-знать[IMP.2SG] что-SUPER борьба быть.PRS.3PL что.NOM 3PPOss
зæрдæ-мæ цæу-ы æмæ цы нæ цæу-ы сæ
 сердце-ALL идти-PRS.3SG и что.NOM NEG идти-PRS.3SG 3PPOss
зæрдæ-мæ.
 сердце-ALL
 ‘И узнай, из-за чего они сражаются, что им нравится и что им не нравится.’

(ОНК: Мах дуг 8, 2008)

Кроме того, есть основания считать, что глагол образует с предглагольными элементами составляющую, обособленную от остальной части предложения. Об этом говорят, например, факты сочинения:

- (146) *...æмæ æз кæцæй зон-ын, мысайнаг [ГК чи*
 и 1Sg.NOM откуда знать-PRS.1SG пожертвование кто.NOM
рад-т-а] *æмæ [ГК чи нæ рад-т-а],*
 дать.PFV-TR-PST.3SG и кто.NOM NEG дать.PFV-TR-PST.3SG
уый.
 DemDist[NOM/GEN]
 ‘...а откуда я знаю, кто дал пожертвование, а кто не дал?’

(ОНК)

При этом сочинение глагола с постглагольной составляющей с другой последовательностью слов, содержащей глагол, при общем для них вопросительном слове невозможно:

- (147) * *Кæм-æн рад-т-а Зауыр чиныг æмæ ба-лæвар*
 кто-DAT дать.PFV-TR-PST.3SG Заур книга и PV-подарок
код-т-а Алан тетрæд?
 делать-TR-PST.3SG Алан тетрадь
 ‘Кому Заур дал книгу, а Алан подарил тетрадь?’
- (148) * *Кæй фæд-т-а Алан æмæ фе-хъуыст-а*
 кто.GEN видеть.PFV-TR-PST.3SG Алан и PV-слышать-PST.TR.3SG
Сослан?
 Сослан
 ‘Кого увидел Алан и услышал Сослан?’

Как будет показано ниже, элементы центрального слоя клаузы ведут себя в плане сочинения иначе, что говорит о том, что факты сочинения не являются следствием каких-то более общих ограничений, но отражают структуру

составляющих.

Кроме того, предглагольные составляющие и глагол обычно образуют одну просодическую фразу [Ахвледиани, 1963, с. 54]; многие отрицательные местоимения и вопросительные слова можно считать проклитиками [Абаев, 1949d, с. 536]. Впрочем, эти утверждения о просодии требуют экспериментального подтверждения. Несомненным является тот факт, что вопросительные слова и отрицательные местоимения подвергаются элизии в позиции перед глаголом, начинающимся с *æ* (см. ниже), что невозможно для полнзначных слов в этой же позиции; впрочем, эти факты могут объясняться просодическими свойствами этих слов, а не особенностями иерархической организации клаузы.

3.1.1.1. Отрицательные местоимения

Ближе всего к глаголу находятся отрицательные местоимения, а также отрицательные частицы *нæ* и *ма*. Эти элементы в большинстве случаев обязательно должны предшествовать глаголу и находятся в дополнительной дистрибуции; при наличии отрицательного местоимения отрицательная частица не употребляется:

- (149) а. *Зауыр-ы ни-чи* (**нæ*) *зон-ы*.
 Заур-GEN NEG-кто.NOM NEG знать-PRS.3SG
 б. *Ничи зоны Зауыры*.
 в. * *Ничи Зауыры зоны*.
 г. * *Зауыры зоны ничи*.
 ‘Никто не знает Заура.’

Если глагол начинается на гласную *æ*, то эта гласная подвергается элизии в случае, если отрицательное местоимение, слева примыкающее к глаголу, оканчивается на гласную; у отрицательной частицы *нæ* происходит фузия конечной *æ* и начальной *æ* глагола, что даёт гласную *e*:

- (150) *Уы-цы* ’*хсæв дæр та* *Гуымаг æлдар-ы æм-уат*
 DemDist-ATTR ночь ADD CONTR Гумаг князь-GEN со-постель
НИ-ЧИ ’*р-цыд-и* (< *æрцыди*).
 NEG-кто.NOM PV-идти-PST.3SG

‘Той ночью же в одну постель с Гумаг-алдаром никто не пришёл.’

(ОНК: *Мах дуг* 1, 1996)

(151) *Афтæ не 'нхъæл-ы (< æнхъæлы).*

так NEG думать-PRS.3SG

‘Он так не думает.’

(ОНК: Баситы Зæлинæ, *Дыууæ зæрдæйы*, 2010)

За отрицательными местоимениями и частицами перед глаголом могут следовать только частицы *уал* ‘больше’, *ма* ‘ещё’ (в предложениях без отрицательных показателей они являются клитиками второй позиции):

(152) *Зауыр ни-цы-уал зон-ы.*

Заур NEG-что-больше знать-PRS.3SG

‘Заур ничего больше не знает.’

(153) *Æз æй ни-куы-ма фæд-т-он.*

1Sg.NOM 3SgEncl.GEN NEG-когда-ещё видеть.PFV-TR-PST.1SG

‘Я его никогда больше не видел.’

Следует заметить, что иногда требование препозиции отрицательных местоимений нарушается. При некоторой эмфазе отрицательное местоимение можно поставить после глагола, но при этом глагол обязательно должен быть маркирован отрицательной частицей:

(154) *Æз нæ зон-ын ни-цы!*

1Sg.NOM NEG знать-PRS.1SG NEG-что

‘Я ничего не знаю!’

Особенно частотно такое употребление в случае, если сочиняется несколько отрицательных групп при помощи *нæ-дæр* (NEG-ADD) ‘ни’:

(155) *Диссаг мæм фæ-каст, Беллæ нæ-дæр хъыг,*
чудо 1SgEncl.ALL PV-смотреть[PST.INTR.3SG] Белла NEG-ADD скорбь
нæ-дæр æнкъард-дзинад ра-вдыст-а.

NEG-ADD печальный-AN PV-показать-PST.TR.3SG

‘Мне показалось странным, что Белла не выказала ни скорби, ни печали.’ (ОНК)

(156) *Ды мын æмгæрон нал уадз-ыс мæ*
2Sg.NOM 1SgEncl.DAT близко NEG:больше пускать-PRS.2SG 1SgPoss
хæдзар-мæ нæ-дæр ме 'мгæр-тт-ы, нæ-дæр мæ
дом-ALL NEG-ADD 1SgPoss приятель-PL-GEN NEG-ADD 1SgPoss

хæстæдж-ыт-ы, нæ-дæр мæ къабæз-т-ы, мæ сыхæг-т-ы!

близкий-PL-GEN NEG-ADD 1SgPoss род-PL-GEN 1SgPoss сосед-PL-GEN

‘Ты больше не подпускаешь близко к моему дому ни моих прияте-

лей, ни моих близких, ни моих родственников, моих соседей!’

(ОНК)

Чем объясняется такое распределение позиций отрицательных местоимений, как лицензируется отрицание на глаголе и каким образом устроена семантика отрицания в осетинском языке, я оставляю за рамками рассмотрения в данной диссертации. Я лишь отмечу, что для нас далее, при рассмотрении ограничений на порядок составляющих, будет важен тот факт, что при постпозиции отрицательные местоимения не занимают, по-видимому, какой-либо специальной структурной постглагольной позиции; так, они могут быть отделены от глагола существительным (156). Ср. также следующие примеры:

- (157) *Æхца йеддæмæ нæй дæу-мæ æппындæр ни-цы!*
 деньги кроме NEG:Exst 2Sg-ALL совсем NEG-что
 ‘Кроме денег у тебя совсем ничего нет!’

(ОНК: Баситы Зæлинæ, *Дыууæ зæрдæйы*, 2010)

- (158) *Нæ мæ хъæу-ы æндæр сымах-æй ни-цы.*
 NEG 1SgEncl.GEN надо-PRS.3SG другой 2Sg-AVL NEG-что
 ‘Ничего другого мне от вас не надо.’

(ОНК: Дзасохты Музафер, *Зонд æмæ амонд*, 2012)

3.1.1.2. Наречия

В глагольном комплексе непосредственно перед отрицательными местоимениями и частицами могут ставиться (факультативно) наречия сравнительной степени, которые при этом следуют за другими предглагольными элементами (вопросительными словами, подчинительной группой, фокусными составляющими):

- (159) *Зауыр-æй* ^{OK} *рæвдз-дæр* *ни-чи* ^{*} *рæвдз-дæр*
 Заур-AVL быстрый-COMPAR NEG-кто.NOM
згъор-ы.
 бегать-PRS.3SG

‘Никто не бегаёт быстрее Заура.’

- (160) *Зауыр-æй чи рæвдз-дæр згъор-ы?*
 Заур-AVL кто.NOM быстрый-COMPAR бегать-PRS.3SG

‘Кто бегаёт быстрее Заура?’

Также в этой позиции могут находиться ИГ, содержащие прилагательное сравнительной степени:

- (161) *Цымæ нæ хъæу-ы чи хуыздæр лæг у?*
 интересно 1PPOss село-IN кто.NOM лучший мужчина быть.PRS.3SG
 ‘Интересно, кто в нашем селении лучший мужик?’
 (ОНК: *Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос. 6-æм чиныг*)

3.1.1.3. Вопросительные слова и другие фокусные составляющие

Выше было показано, что вопросительные слова и фокусные составляющие обязательно должны находиться в предглагольной позиции (142). При этом если в предложении одновременно есть вопросительное слово и отрицательное местоимение, первое должно предшествовать второму:

- (162) а. *Чи ни-цы зон-ы?*
 кто.NOM NEG-что знать-PRS.3SG
 б. **Ни-цы чи зон-ы?*
 NEG-что кто.NOM знать-PRS.3SG
 ‘Кто ничего не знает?’

Это же относится и к предглагольным подчинительным показателям:

- (163) *Куыд дзы с-фидар кæн-æн ис ирон æвзаг, куы*
 как 3SgEncl.IN PV-крепкий делать-NMLZ Exst осетинский язык если
ни-чи йыл ныхас кæн-а, уæд?
 NEG-кто.NOM 3SgEncl.SUPER речь делать-SBJV.3SG тогда
 ‘Как можно укрепить осетинский язык, если никто на нём не говорит?’

(ОНК: *Мах дуг 1, 2001*)

Несмотря на то, что предглагольные подчинительные показатели в основном омонимичны вопросительным словам, эти два класса следует различать. Союдами в собственном смысле являются *куы* ‘когда, если’ и *кæй* в значении референции к ситуации. Вопросительным словом в собственном смысле являются *кæд* в значении ‘когда’:

- (164) а. [*Зауыр-ы куы / * кæд фæд-т-он*], *уæд ба-цин*
 Заур-GEN когда видеть.PFV-TR-PST.1SG тогда PV-радость
код-т-он
 делать-TR-PST.1SG
 ‘Когда я увидел Заура, я обрадовался.’

б. Зауыр-ы *кæд* / * *куы* фæд-т-ай?

Заур-GEN когда видеть.PFV-TR-PST.2SG

‘Когда ты увидел Заура?’

В (164а) представлен канонический (простой) коррелятив, в котором используется подчинительный союз *куы* ‘когда, если’. В (164б) дан пример вопросительного предложения, где используется местоимение *кæд* ‘когда’; использование *куы* невозможно.

Другим важным синтаксическим отличием подчинительных показателей от вопросительных слов является то, что последних может быть несколько, тогда как подчинительная группа в предложении может быть только одна. Это видно из поведения множественных коррелятивов и косвенных вопросов, в которых для обозначения времени используется именно *кæд*, а не *куы*, хотя синтаксически эти предложения являются подчинёнными клаузами:

- (165) *Афæдз иу хатт уыд-ис йæ бон, фæлæ дзы*
 год один раз быть-PST.INTR.3SG 3SgPoss день но 3SgEncl.IN
мысайнаг с-æвæр-ын-мæ, хи йыл
 пожертвование PV-нести-INF-ALL Refl[NOM/GEN] 3SgEncl.SUPER
ба-фæдзæхс-ын-мæ цыд-ысты, [уавæр кæм-æн кæд
 PV-поручать-INF-ALL идти-PST.INTR.3PL условие кто-DAT когда
амыд-т-а], уæд тарф зымæг-æй фæстæ-мæ
 показывать-TR-PST.3SG тогда тяжёлый зима-ABL за-ALL
кæд-фæнды дæр.
 когда-угодно ADD

‘Его [святого] день был один раз в году, но туда приходили отнести пожертвование, поклониться святому, в любое время, кому когда позволяли условия, кроме глубокой зимы.’

(Баситы Зæлинæ, *Дыууæ зæрдæйы*, 2010)

- (166) *Бæрæг нæ-у, кæд сæ фыст-а,*
 известный NEG-быть.PRS.3SG когда 3Pl.GEN писать-PST.TR.3SG
уы-цы рæстæг, уы-мæ гæсгæ амынд
 DemDist-ATTR время DemDist-ALL в_соответствии указывать.PTCP
*цæу-ы, æрмæст [мыхуыр-ы сæ чи кæд / * куы*
 идти-PRS.3SG только печать-IN 3PlEncl.ABL кто.NOM когда
ра-цыд], уы-цы рæстæг.
 PV-идти[PST.INTR.3SG] DemDist-ATTR время

‘То время, когда он их написал, неизвестно, в связи с этим указывается

только то время, кто из них когда вышел в печать.’

(Баситы Зæлинæ, *Дыууæ зæрдæйы*, 2010)

Наконец, несколько вопросительных слов, относящихся к разным членам предложения, могут образовывать сочинительную группу (т.н. гибридное сочинение [Chaves, Raperno, 2007]), тогда как с подчинительными группами или показателями это невозможно:

- (167) *Стæй кæй зарæг нæ кæн-ай кæнæ кæм-æн нæ*
 затем кто.GEN песня NEG делать-SBJV.2SG или кто-DAT NEG
хъырн-ай, уыдон дын дæ хивæнд
 подпевать-SBJV.2SG DemDist[НОМ] 2SgEncl.DAT 2SgPoss упрямый
ни-куы ны-ббар-дз-ысты, сæ маст дæ
 NEG-когда PV-прощать-FUT-3PL 3PPOss гнев 2SgEncl.GEN
*ис-дз-ысты, [кæд / * куы æмæ кæм сæ бон*
 брать-FUT-3PL когда и где 3PPOss возможность
у-а], уым.
 быть-SBJV.3SG DemDist.IN

‘Потом, чью бы песню ты ни пел или кому бы ты ни подпевал, они не простят тебе твоё упрямство, и отомстят тебе, когда и где смогут.’

(Джусойты Нафи. *Ныхас хæрзвæтк уæд, сагъæс — рæстдзинады охыл*, 2007¹)

Эти факты говорят о том, что лексические классы вопросительных слов и предглагольных подчинительных показателей необходимо различать. Однако, на мой взгляд, нет необходимости постулировать для них различные синтаксические позиции: эти два класса слов находятся в дополнительной дистрибуции и расположены относительно других предглагольных элементов одинаково. Единственность подчинительных показателей и потенциальную множественность вопросительных слов можно считать свойствами соответствующих конструкций и лексических единиц, а не синтаксических позиций.

В то же время следует различать позицию для выноса вопросительных слов и общую фокусную позицию, в которую ставятся обычные ИГ. Как показано в [Erschler, 2012], если в клаузе одновременно присутствует элемент, обязательно занимающий предглагольную позицию (например, подчинительный показатель или вопросительное слово), и именная группа, находящаяся

¹http://allingvo.ru/HISTORY/literaturon_polemika.htm

в фокусе, то порядок этих элементов строго детерминирован: именная группа должна предшествовать предглагольному элементу.

(168) а. *Чи фед-т-а æрмæст Зауыр-ы?*

кто.NOM видеть.PFV-TR-PST.3SG только Заур-GEN

б. *Æрмæст Зауыры чи федта?*

в. * *Чи æрмæст Зауыры федта?*

‘Кто видел только Заура?’

(169) а. *Æрмæст Зауыр-ы куы фен-ай...*

только Заур-GEN если видеть.PFV-SBJV.2SG

б. *Куы фенай æрмæст Зауыры...*

в. * *Куы æрмæст Зауыры фенай...*

‘Если ты увидишь только Заура...’

3.1.2. Центральная зона

3.1.2.1. «Плавающие» подчинительные показатели и левый топик

В работе [Erschler, 2012] подчинительные показатели, не являющиеся предглагольными, названы «плавающими» (floating), что неплохо характеризует вариативность их позиционирования: действительно, они в принципе могут занимать любую позицию от начала клаузы до предглагольной. Единственное ограничение, которое накладывается на позицию союза, состоит в том, что он не может находиться после глагола.

Однако понятие «плавающего» показателя само по себе лишь дескриптивно и может соответствовать целому ряду различных анализов². Прежде всего, необходимо определить, занимают ли «плавающие» союзы какую-то фиксированную структурную позицию (или позиции) в дереве, или же они в прямом смысле свободно присоединяются на любом уровне.

Второй вариант анализа на первый взгляд представляется более простым. Действительно, в первом случае необходимо считать, что элементы, находящиеся слева от союза, когда тот находится не в начальной позиции, в свою очередь занимают какие-то особые структурные позиции (например, топикализованы), что требует дополнительной мотивации.

²См. похожую ситуацию с понятием «плавающих квантификаторов» (floating quantifiers), которым в большинстве анализов, несмотря на видимую вариативность позиционирования, приписывается конкретная структурная позиция.

Однако и второй вариант анализа при более внимательном рассмотрении оказывается не столь простым. Во-первых, если союзы присоединяются «свободно», то логично ожидать, что их дистрибуция будет такой же, как и у других элементов со «свободным» позиционированием. К последним относятся именные группы, которые в осетинском языке могут занимать любую линейную позицию как перед глаголом, так и после него. Однако «плавающие» союзы, в отличие от именных групп, обладают одним важным ограничением: они не могут находиться после глагола.

(170) ... <цæмæй> Зауыр <цæмæй> Алан-ы <цæмæй> фен-а
 чтобы Заур Алан-GEN видеть.PFV-SBJV.3SG
 <*цæмæй>.

‘... чтобы Заур увидел Алана.’

Такая дистрибуция должна быть как-то мотивирована. Можно было бы считать, что постглагольная позиция связана с каким-то особым коммуникативным статусом, который по тем или иным причинам несовместим со статусом союза³. Однако, как будет показано ниже, именные группы после глагола могут быть как в теме, так и в реме (182)–(183).

Кроме того, как было показано выше, элементы слева от глагола также расположены далеко не произвольно: например, позиция непосредственно перед глаголом предназначена только для фокусируемых составляющих. В связи с этим не очень понятно, какой независимый принцип запрещает «плавающим» союзам находиться после глагола.

Во-вторых, свободная вариативность позиции союзов предполагает то, что ни один из возможных вариантов не будет предпочтительнее другого. Однако опрос информантов показывает, что это не так: полностью оптимальными признаются позиции в начале предложения, после первой составляющей и перед глаголом; случаи, когда перед союзом имеется две составляющие, оцениваются гораздо хуже; случаи, когда перед союзом имеется три составляющие, находятся на грани неграмматичности; однако в случае, если союз находится непосредственно перед глаголом, количество предшествующих ему составляющих значения не имеет:

³Я оставляю за скобками вопрос о том, применимо ли вообще понятие «коммуникативный статус» к союзам: на этот счёт могут быть разные мнения, и они сильно зависят от того, как анализируется семантика союза.

- (171) Мæн фæнд-ы, [<^{OK}цæмæй> Зауыр <^{OK}цæмæй> Алан-æн
 1Sg.GEN хотеть-PRS.3SG чтобы Заур Алан-DAT
 <?[?]цæмæй> æхца <??цæмæй> знон <^{OK}цæмæй> ратт-а
 деньги завтра дать.PFV-SBJV.3SG
 < *цæмæй >]

‘Я хочу, чтобы завтра Заур дал Алану денег.’

Для «плавающего» союза такое распределение неожиданно: получается, что имеются три «привилегированные» линейные позиции, опять же, без какой-либо понятной независимой мотивации.

Данные опроса информантов подтверждаются и частотностью различных позиций «плавающих» союзов в корпусе. На основании анализа 217 примеров употребления союза *цæмæй* в корпусе⁴ видны следующие несомненные закономерности.

Во-первых, позиция в абсолютном начале предложения гораздо предпочтительнее всех остальных позиций. Из рассмотренных мною примеров союз находится в начальной позиции в 183, что представляет собой около 84% от общего количества. При этом непосредственно перед глаголом он находится лишь в 21 из них, т.е. во всех остальных случаях начальная позиция была выбрана несмотря на то, что в принципе возможны и другие варианты.

Во-вторых, чем дальше союз от начала предложения, тем менее частотно соответствующее расположение. Так, во второй позиции союз находится в 19 случаях (9%), в третьей — в 10 (5%), в четвёртой — в 5 (2%). Позиции правее не встречаются.

В-третьих, находясь в третьей и четвёртой позициях, союз практически во всех случаях (кроме одного примера на третью позицию, в котором он отделён от глагола наречием, и одного, где он отделён наречием сравнительной степени⁵) также непосредственно предшествует глаголу. Можно предположить, что это связано с тем, что количество составляющих перед глаголом в принципе бывает невелико. Чтобы проверить это предположение, введём параметр *N*, равный числу полноценных составляющих, включая союз (кли-

⁴Не рассматривались примеры, в которых *цæмæй* является формой аблатива от местоимения *цы* ‘что’.

⁵Как будет показано ниже, наречия сравнительной степени регулярно отделяют от глагола даже вопросительные слова.

тики, вопросительные слова и отрицательные местоимения исключаются), предшествующих в данном предложении глаголу. В таком случае ясно, что при $N < 4$ союз, если он не находится в первой или второй позиции, неизбежно является предглагольным. Однако при $N \geq 4$ это уже не так. Рассмотрим только такие примеры, всего их 28. Среди этих примеров в 20 (71%) союз находится в начале предложения, в 3 (11%) — во второй позиции, в 1 (4%) — в третьей позиции, в 4 — в четвёртой позиции (14%). Четвёртая позиция во всех случаях является предглагольной; таким образом, имеется лишь один пример (третьей позиции), где союз не является ни предглагольным, ни занимающим первую или вторую позиции, и это ровно тот пример, о котором было сказано выше, в котором союз отделён от глагола наречием:

- (172) *Раст чындздз-он чыздж-ы хуыз-æн арæзт*
 настоящий невеста-ADJ девушка-GEN вид-DAT строить.PTCP
у. Фæлæ уæд... [Дæ къаба фыр-æмпъызт-ыт-æй
 быть.PRS.3SG но тогда 2Sg.POSS платье слишком-заплата-PL-AVL
цæмæй æгæр ма зæу-зæу кæн-а], уый тыххæй
 чтобы очень NEG (свисать) делать-SBJV.3SG DemDist[GEN] для
дæ астæу синадж-ы гæбаз-æй æрба-бæтт æмæ
 2Sg.POSS талия верёвка-GEN кусок-AVL PV-завязывать[IMP.2SG] и
куыст-мæ.
 работа-ALL

‘Оно сшито как (для) настоящей девушки на выданье. Но тогда... Чтобы твоё платье не слишком свисало от большого числа заплаток, подвяжи свою талию куском верёвки — и за работу.’ (Агнаев Г.А. *Длинной осенней дорогой*. 2003)

Ручной подсчёт статистики употребления союза *цæмæй* можно подтвердить и автоматическими корпусными данными. Для того, чтобы оценить, насколько часто союз находится в начальной позиции в клаузе, можно суммировать число контекстов, где союз находится в начале предложения, с числом контекстов в середине предложения, где ему предшествует какой-либо знак препинания (как правило, это запятая). Для не-начальной позиции союза достаточно задать параметр «в середине предложения» и указать, что ему не должен предшествовать никакой знак препинания. В результате корпусных подсчётов получается следующая картина (количество дано в числе словоупотреблений на миллион словоформ, исходя из объёма корпуса в 10

млн.):

союз	количество		
	в начале	в середине	всего
<i>цæмæй</i>	732, 4(69%)	332, 6(31%)	1065
<i>цалынмæ</i>	282, 5(74%)	101(26%)	383, 5
<i>цыма</i>	1218, 3(67%)	611, 7(33%)	1830
<i>кæд</i>	1584, 3(64%)	905(36%)	2489, 3
<i>уугæр</i>	74, 1(61%)	47, 7(39%)	121, 8
<i>чи</i>	1365, 4(33%)	2784, 7(67%)	4150, 1
<i>куы</i>	1230, 9(12%)	8826, 3(88%)	10057, 2

Конечно, такие подсчёты весьма приблизительны, так как, во-первых, не учитывают омонимии вопросительных слов и «плавающих» союзов, что занижает показатель «в начале»; во-вторых, в некоторых случаях запятая перед подчинительным союзом не ставится, так что показатель «в середине» учитывает, например, такие случаи, где союз стоит после сочинительного союза *æмæ* 'и'; в-третьих, эти цифры не вполне показательны, т.к. во многих случаях вторым словом в предложении является глагол и, следовательно, начальная позиция для союза является единственно возможной. Тем не менее, даже учитывая эти неточности, сравнение с вопросительным словом и относительным местоимением *чи* 'кто' и предглагольным подчинительным союзом *куы* 'когда' показывает, что приведённые цифры не случайны: для «плавающих» союзов наиболее характерной действительно является позиция в начале предложения. Кроме того, показательно, что, несмотря на то, что союзы *цæмæй* и *кæд* омонимичны вопросительным словам (причём *кæд* 'когда' весьма частотно), начальное употребление для этих слов всё равно оказывается доминирующим. Таким образом, оценка доли начальной позиции как около 70%, полученная на материале ручных подсчётов дистрибуции союза *цæмæй*, подтверждается корпусной статистикой.

Данное распределение можно трактовать по-разному. В частности, для союза *цæмæй* возможно объяснение в терминах теории Дж. Хокинза [Hawkins, 2004]. Действительно, учитывая то, что большинство придаточных с этим союзом (166 примеров из 219 в моей выборке, т.е. 76%) в осетинском языке находятся в постпозиции, в соответствии с принципом *Minimize Domains* наиболее оптимальным является начальное расположение союза. Таким образом,

можно было бы считать, что союз не имеет фиксированной структурной позиции, но чаще всего ставится в начало предложения из соображений простоты речевосприятия.

Однако такое объяснение не подходит для союза *цалынмæ* ‘пока’ и в особенности для союза *кæд* ‘если’, которые вводят придаточные, находящиеся в начале предложения чаще или как минимум не реже, чем в постпозиции. Для этих союзов оптимальнее всего, напротив, быть как можно ближе к концу клаузы; учитывая общие ограничения на позицию «плавающих» союзов, мы бы в таком случае ожидали доминирования предглагольного расположения. Но союз *кæд* ничем принципиально не отличается от других «плавающих» союзов, а союз *цалынмæ* даже чаще употребляется в начале предложения, чем остальные союзы.

Таким образом, доминирование начальной позиции необъяснимо исходя из каких-либо известных мне общих принципов, так что, на мой взгляд, наиболее разумно постулировать в осетинском языке специализированную структурную позицию для «плавающих» союзов в начале предложения. Достаточно большое количество примеров с союзом во второй позиции в таком случае объясняется как следствие выноса одной составляющей в позицию слева от союза⁶. Я буду предполагать, что вынесенная составляющая при этом является топиком, хотя данный вопрос не вполне ясен: требуется подробный разбор каждого из корпусных примеров с учётом контекста.

В то же время имеющиеся данные требуют от нас также признать, что, помимо начальной позиции, «плавающие» союзы могут также занимать и предглагольную позицию: третья и четвёртая позиции практически всегда предглагольны, и, как было показано выше, это не связано с тем, что число составляющих перед глаголом в принципе мало⁷. Во многих таких примерах крайне затруднительно видеть какую-либо топикализацию:

(173) *Мæ фыд-ы-фсымæр компарти-йы уæнг сс-и Америка-йы,*
1Sg.POSS отец-GEN-брат компартия-GEN член PV-Exst Америка-IN

⁶Ср. примеры из русской разговорной речи вида *Вася когда придёт, позвони мне*. Подобное нередко и в других индоевропейских языках, например, в хеттском [Hoffner, Melchert, 2008, с. 417]. Впрочем, как указывает А.В. Сидельцев (л.с.), это касается лишь части хеттских союзов — тех, которые чаще занимают начальную позицию.

⁷Кроме того, моя статистика не учитывает постглагольных составляющих, а ведь выбор их позиционирования также влияет на то, какова вероятность для союза оказаться в предглагольной позиции.

æmæ уым *дæр*, [*цард* социалистон *уаг-ыл*
и DemDist.IN ADD жизнь социалистический порядок-SUPER
арæзт *цæмæй* æр-цæу-а], *у-уыл* *тох*
строить.РТСР чтобы PV-идти-SBJV.3SG DemDist-SUPER борьба
код-т-а.
делать-TR-PST.3SG

‘Мой дядя стал членом компартии в Америке и там также боролся за то, чтобы жизнь была построена по социалистическому порядку.’

(ОНК: Мах дуг 8, 2002)

Поскольку предглагольная позиция для осетинских подчинительных показателей является наиболее распространённой, разумным представляется считать, что и для «плавающих» союзов она допустима как один из вариантов, при том, что начальная позиция является для них канонической.

Таким образом, союзы типа *цæмæй* действительно можно назвать «плавающими», но не в том смысле, что они не имеют фиксированной структурной позиции, а в том, что, в отличие от предглагольных союзов, они могут занимать две различные позиции: начальную и предглагольную. Если же ориентироваться на наиболее частотное для этих союзов расположение, то их следовало бы просто назвать «начальными».

Дополнительным аргументом в пользу такого решения является возможность сочинения нескольких предложений под одним союзом *цæмæй* (я обозначаю составляющую более низкого уровня как S, в соответствии с формальным анализом, который будет описан ниже):

- (174) *Тындз-гæ*, *тындз-гæ* *раз-мæ* *Влоцлавск-мæ*, [CP *цæмæй*
спешить-PCVВ спешить-PCVВ перед-ALL Влоцлавск-ALL чтобы
[S *уым* *Вислæ-йы* *фурд-ыл* *а-хиз-ат*
DemDist.IN Висла-GEN река-SUPER PV-лезть-SBJV.2PL
тагъд-дæр] *æмæ* [S *чъылдым-ырдыгæй* *ны-цæв-ат*
быстрый-COMPAR и ТЫЛ-RECESS PV-бить-SBJV.2PL
Варшавæ!]]
Варшава

‘Спешите, спешите вперёд к Влоцлавску, чтобы там быстрее перейти реку Вислу и ударить по Варшаве с тыла!’

(ОНК: Бестаев Г.Г., *Произведения*, 2004)

Возможно также сочинение несколько клауз под «плавающим» союзом с

одновременным выносом топикализованной составляющей слева от этого союза:

- (175) [CP Цалыкк **цæмæй** [S амонд-джын фæндаг-ыл ба-фт-а]
 Цалык чтобы счастье-ADJ путь-SUPER PV-попасть-SBJV.3SG
 æмæ [S ис-куы ахуыр-мæ фæндаг ссар-а],
 и INDEF-когда учение-ALL дорога найти.PFV-SBJV.3SG
уый тыххæй.
 DemDist[GEN] для
 ‘Чтобы Цалыкк попал на счастливую дорогу и когда-нибудь нашёл
 дорогу к учению.’

(ОНК: Кантемирова Р. С., Бекузарова В. Г., *Хрестоматия* 10, 2002)

В то же время во всех примерах в корпусе с предглагольным *цæмæй* и сочинением двух клауз этот союз повторяется, причём во втором предложении он также всегда стоит в предглагольной позиции:

- (176) Абон ды бирæ с-арæзт-ай, [фæтæдж-ы бар-тæ
 сегодня 2Sg.NOM много PV-делать-PST.TR.2SG лидер-GEN право-PL
 фылдæр **цæмæй** фæ-у-ой], [æхсæнад-ы цард закъон æмæ
 больший чтобы PV-быть-SBJV.3PL общество-GEN жизнь закон и
 æгъдау-мæ гæсгæ арæзт **цæмæй** цæу-а],
 обычай-ALL в_соответствии делать.PTCP чтобы идти-SBJV.3SG
уый тыххæй.
 DemDist[GEN] для
 ‘Сегодня ты много сделал для того, чтобы права лидера стали боль-
 шими, чтобы жизнь общества шла по закону и по обычаям.’

(ОНК: *Мах дуг* 11, 2007)

- (177) *Æвæцæгæн, хицæу-ттæ хуыснадж-ы тыххæй* конд
 может_быть господин-PL вор-GEN для делать.PTCP
сты, [*æвзæргæнæг цæмæй ирвæз-а*],
 быть.PRS.3PL злодей чтобы спастись-SBJV.3SG
 [*æвзæргæнæг-æн йæ куыст æнцон-дæр цæмæй*
 злодей-DAT 3SgPoss работа лёгкий-COMPAR чтобы
у-а], *æвзæргæнæдж-ы адæм цæмæй не ’фхæр-ой*],
 быть-SBJV.3SG злодей-GEN люди чтобы NEG обижать-SBJV.3PL
у-уыл архай-ынц.
 DemDist-SUPER стараться-PRS.3PL
 ‘Может быть, господа существуют для воров, (и) стараются, чтобы зло-
 дей спасся, чтобы ему было легче делать его работу, чтобы люди зло-

дея не обижали.’

(ОНК: Мах дуг 7, 2007)

Выяснив, что «плавающие» союзы занимают в осетинском языке специализированную позицию в начале предложения, необходимо определить, как структурировано пространство перед ними, т.е. какие виды выноса составляющих влево доступны в языке. В большинстве случаев, когда составляющая находится слева от союза, она является полностью интегрированной в клаузу, что проявляется в том, что к ней могут присоединяться энклитические местоимения:

- (178) Владимир Ильич, æз дæ уæд-æй ныр-мæ
 Владимир Ильич 1Sg.ном 2SgEncl.GEN тогда-авл сейчас-алл
 агур-ын, [хатыр дæ цæмæй ра-кур-он],
 искать-PRS.1SG прощение 2SgEncl.AVL чтобы PV-просить-SBJV.1SG
 уый тыххæй.
 DemDist[GEN] для
 ‘Владимир Ильич, я Вас с тех пор ищу, чтобы попросить у Вас прощения.’

(ОНК: Бестаев Г.Г., Произведения, 2004)

Однако возможен также, хотя и значительно реже, вынос составляющих влево так, что клитика второй позиции на них не ставится. Такие составляющие я отношу к периферийной зоне предложения, и они будут описаны ниже.

3.1.2.2. Составляющие слева и справа от глагольного комплекса

За исключением специализированной позиции для союза и для топикализованных составляющих, центральная зона клаузы, на мой взгляд, не содержит специальных синтаксических позиций, т.е. являться «плоской», а не иерархически организованной. Об этом свидетельствуют факты сочинения. Как мы видели выше, глагольный комплекс ведёт себя, как составляющая: два глагольных комплекса могут быть сочинены друг с другом, но некоторое подмножество слов глагольного комплекса не может быть сочинено с элементами, находящимися вне его (146)–(148). Аналогичным образом ведёт себя группа «союз + элементы справа от него» (174)–(175).

Однако сочинение составляющих центральной зоны, лежащих справа от

«плавающего» союза и вне глагольного комплекса, совершенно свободно: главное, чтобы обе сочинённые группы включали в себя глагольный комплекс:

- (179) *Зауыр-ы фæнд-ы,* [CP *цæмæй* [*Алан а-ныхас кæн-а*
Заур-GEN хотеть-PRS.3SG чтобы Алан PV-речь делать-SBJV.3SG
Азæмæт-имæ_i] *æмæ* [*Сослан с-цæттæ кæн-а*
Азамат-СОМТ и Сослан PV-готовый делать-SBJV.3SG
Ацæмæз-æн_j телевизор] *сæ_{i+j} хæдзар-ы*].
Ацамаз-DAT телевизор 3PPOSS дом-IN
'Заур хочет, чтобы [Алан поговорил с Азаматом_i] и [Сослан починил Ацамазу_j телевизор] в их_{i+j} доме.'
- (180) Зауыр [*Аланæн балæвар кодта*] *æмæ* [*Сосланæн ауæй кодта*] чингуйтæ.
- (181) *Мæн фæнд-ы,* [CP *цæмæй уы-цы машинæ*
1Sg.GEN хотеть-PRS.3SG чтобы DemDist-ATTR машина
[*с-цæттæ кæн-а Зауыр*] *æмæ* [*а-уæй*
PV-готовый делать-SBJV.3SG Заур и PV-продажа
кæн-а Алан]]
делать-SBJV.3SG Алан
'Я хочу, чтобы эту машину [починил Заур] и [продал Алан].'

Конечно, можно было бы произвольно назвать один из примеров «настоящим» сочинением, а другой — считать особой конструкцией типа Right Node Raising [Postal, 1974], но, на мой взгляд, для этого нет никаких независимых эмпирических оснований. Просодически подобные предложения также ничем друг от друга не отличаются. Поэтому гораздо экономнее, исходя из конкретных фактов языка, считать структуру центральной зоны плоской — это позволяет легко объяснить различия в том, какие виды сочинения допустимы в этом случае и недопустимы в случае с глагольным комплексом.

В то же время между составляющими, предшествующими глагольному комплексу, и составляющими, следующими за ним, имеются некоторые различия. Коммуникативный статус постглагольных составляющих никак не определён, и они могут быть как топикальными, так и входить в фокус:

- (182) — *Алан* [*цы*]_{FOC} *ба-лхæд-т-а?*
Алан что PV-купить-TR-PST.3SG
'Что купил Алан?'

— Алан ба-лхæд-т-а [дзул]_{FOC}.
 Алан PV-купить-TR-PST.3SG хлеб

‘Алан купил хлеб.’

(183) ... нæй лæг-æн цæр-ын-ы фадат а-цы
 NEG:Exst человек-DAT жить-INF-GEN условие DemProх-ATT
 фыд-вæтк æмæ тыхми-йы дуне-йы!
 плохой-порядок и насилие-GEN мир-IN

‘Нет условий для жизни человека в этом мире неустроенности и насилия!’

Æмæ цы фæ-у-а, цы кæн-а [лæг]_{TOP}?..
 и что PV-быть-SBJV.3SG что делать-SBJV.3SG человек

‘И кем быть, что делать человеку?..’

(ОНК: Джусойты Н.Г., *Слёзы Сырдона*, 2004)

Но составляющие, предшествующие глагольному комплексу, не могут находиться в фокусе (в терминологии Пражской школы — всегда входят в тему):

(184) — Зауыр кæм-æн цы рад-т-а?
 Заур кто-DAT что.NOM дать.PFV-TR-PST.3SG

‘Кому что дал Заур?’

— i. [Зауыр]_{TOP} [Алан-æн]_{FOC} рад-т-а [æхца]_{FOC}
 Заур Алан-DAT дать.PFV-TR-PST.3SG деньги
 ii. ? [Аланæн]_{FOC} [Зауыр]_{TOP} радта [æхца]_{FOC}

‘Заур дал Алану деньги.’

Я буду рассматривать эти ограничения как чисто линейные, не связанные с конкретными структурными позициями.

3.1.3. Периферийная зона

3.1.3.1. Левый топик

Как было показано в (178), при выносе составляющих влево от союза энклитические местоимения обычно ставятся после первой из вынесенных составляющих, т.е. позиция, которую занимают такие составляющие, входит в область клаузы, доступную для позиционирования клитик. Однако в осетинском, по-видимому, имеется и другая позиция для топика, встречающаяся сравнительно редко. Её отличительная особенность состоит в том, что местоименные клитики на вынесенную влево составляющую не ставятся (в при-

мерах цифры обозначают элемента относительно начала клаузы):

- (185) ... [*æгъдау-джын хистæр*]₁ [*цалынмæ*]₂ [*дзы*]₃ *у-а,*
 обычай-ADJ старший пока 3SgEncl.IN быть-SBJV.3SG
 [*йæ кæстæр-т-ы 'хсæн*]₁ [*цалынмæ*]₂ [*йын*]₃ *кад*
 3SgPoss младший-PL-GEN между пока 3SgEncl.DAT почёт
у-а, уæд-мæ сæ хъуыддаг арæзт у,
 быть-SBJV.3SG тогда-ALL 3PPOss дело делать.PTCP быть.PRS.3SG
сæ цард цæу-дзæн ныв-ыл...
 3PPOss жизнь идти-FUT[3SG] картина-SUPER

‘... пока (там) есть старший, соблюдающий обычай, пока у него есть почёт среди младших, их дело обустроено, их жизнь пойдёт, как на картине...’

(ОНК: Кантемирова Р. С., Бекузарова В. Г., *Хрестоматия* 10, 2002)

- (186) [*Æнус-мæ*]₁ [*хæрз-гæн-æдж-ы ном*]₂ [*ыл*]₃
 век-ALL хороший-делать-PTCP-GEN имя 3SgEncl.SUPER
цæмæй с-бад-а, уый тыххæй ...
 чтобы PV-сидеть-SBJV.3SG DemDist[GEN] для нарты Recip[GEN]
 ‘Чтобы его навеки прозвали добродетельным человеком ...’

(ОНК)

В обоих примерах клитика, если считать от абсолютного начала предложения, находится не во второй позиции, как ей следовало бы, а в третьей. Это говорит о том, что в этих случаях отсчёт позиции для клитик начинается со второй составляющей предложения, а линейно первая составляющая вынесена влево. Тем самым мы имеем классический случай «внеклаузального выноса влево» (left dislocation) [Lambrecht, 2001]. Коммуникативной функцией вынесенной влево составляющей, предположительно, является топиальная, хотя это требует отдельного изучения.

Важно, что топиализации могут подвергаться не только непосредственные составляющие клаузы, но и более глубоко вложенные элементы. Во-первых, некоторые носители допускают топиализацию ИГ из синтаксического актанта, оформленного союзом *цæмæй* без коррелята, при этом вынос из синтаксических актантов, оформленных коррелятивной конструкцией, недопустим⁸:

⁸В предложениях, содержащих инфинитивные клаузы в позиции синтаксических актантов, обычно также возможна топиализация участников зависимой предикации, но в таких предложениях допустим вообще практически любой порядок слов и возможен подъём клитик, так что в этом случае скорее следует говорить

- (187) **Колони-йы фæстæ Быцыхъæн хъæусовет æмæ скъола цы нæ**
 колония-GEN после Бицикан сельсовет и школа что NEG
 код-т-ой, [**цæмæй ахуыр код-т-а-ид**], **фæлæ йæ**
 делать-TR-PST.3PL чтобы учёба делать-TR-CNTRF-3SG но 3SgPoss
къæх-тæ ны-ббыцæу код-т-а
 нога-PL PV-спор делать-TR-PST.3SG
 ‘Сельсовет и школа что только не делали, чтобы после колонии Би-
 цикан учился, но он сопротивлялся.’ (букв. ‘После колонии Бицикан
 сельсовет и школа что только не делали, чтобы учился, но он сопро-
 тивлялся.’)

(ОНК)

- (188) а. **Мæн фæнд-ы,** [**цæмæй Тугъан-ы ма-чи**
 1Sg.GEN хотеть-PRS.3SG чтобы Туган-GEN NEG-кто.NOM
ссар-а]!
 найти.PFV-SBJV.3SG
 б. * **Мæн Тугъаны фæнды,** [**цæмæй мачи ссара**]!
 в. ОК **Тугъаны мæн фæнды,** [**цæмæй мачи ссара**]!

‘Я хочу, чтобы никто не нашёл Тугана!’

(Мах дуг 4, 2001)

- (189) а. **Æз зон-ын,** [**Зауыр Тугъан-ы кæй**
 1Sg.NOM знать-PRS.1SG Заур Туган-GEN COMP
ссард-т-а], **уый.**
 найти.PFV-TR-PST.3SG DemDist[NOM/GEN]
 б. * **Æз Тугъаны зонын,** [**Зауыр кæй ссардта**], **уый.**
 в. * **Тугъаны æз зонын,** [**Зауыр кæй ссардта**], **уый.**

‘Я знаю, что Заур нашёл Тугана.’

Во-вторых, хотя, как было сказано выше, ИГ в осетинском языке обычно неразрывны, допускается топиализация адъюнктов к ИГ, выраженных словоформой в пространственной падеже⁹, а также зависимых послелогов или наречий, оформленных падежами, отличными от генитива:

- (190) **Адæм-мæ цæр-ы æввахс.**
 люди-ALL жить-PRS.3SG близко
 ‘Он живёт близко к людям.’ (ОНК)

не о выносе из сентенциального актанта, а о т.н. «союзе клауз» (clause union) [Gibson, Raposo, 1986].

⁹Также свободно перемещается по клаузе т.н. дативный посессор, но я не рассматриваю его как компонент ИГ.

- (191) ... *æмæ нæ арæн-т-æм сæ иу дæр æввахс куы нæ*
 и 1PPOss граница-PL-ALL 3PPOss.AVL один ADD близко если NEG
у-айд, уæд хорз ра-у-айд ...
 быть-ОПТ.3SG тогда хороший PV-быть-ОПТ.3SG
 ‘Если бы ни одного из них не было **около наших границ**, было бы
 хорошо...’

(ОНК)

3.1.3.2. Коррелятивная клауза

Коррелятивную клаузу, стоящую в начале предложения, на мой взгляд, также следует считать занимающей позицию левого периферийного топика. В-первых, клитика не может ставиться на последнее слово зависимой клаузы, хотя в случае, например, с нефинитными зависимыми это возможно:

- (192) а. [*Ме ’мкусдж-ытæ мæм хæлæг кæй кæн-ынц*],
 1SgPoss коллега-PL 1SgEncl.ALL зависть COMP делать-PRS.3PL
уый МЫН цас зын ба-зон-æн
 DemDist[НОМ] 1Sg.DAT сколько трудный PV-знать-NMLZ
уыд.
 быть[PST.INTR.3SG]
 б. * [*Ме ’мкусдж-ытæ мæм хæлæг кæй кæн-ынц*] *мын, уый цас зын*
базонæн уыд.

‘Как сложно мне было понять, что мои коллеги мне завидуют.’

(ОНК: Баситы Зæлинæ, *Дыууæ зæрдæйы*, 2010)

- (193) а. [*Æвзæр-ы гакк кæ-уыл с-бадт*], *æрмæст-дæр*
 зло-GEN метка кто-SUPER PV-сидеть[PST.INTR.3SG] только-ADD
сæ ахæм-тæ хъуыд-ысты.
 3PEncl.GEN такой-PL надо-PST.INTR.3PL
 б. * [*Æвзæры гакк кæуыл сбадт*] *сæ, æрмæстдæр ахæмтæ хъуыдыс-*
ты.

‘Им нужны были только такие, на ком есть отпечаток зла.’

(Бицоев Г.Х., *Вечерняя звезда*, 2003)

Во-вторых, слева от коррелятивной клаузы в этой позиции может находиться ещё одна топикализованная составляющая:

- (194) а. *Зауыр*, [*Дзауджыхъæу-ы йын цы сыхаг лæг и*],
 Заур Владикавказ-IN 3SgEncl.DAT что сосед мужчина Exst
Мæскуы-йы уый фæд-т-а.
 Москва-IN DemDist[GEN] видеть.PFV-TR-PST.3SG
- б. * *Зауыр Мæскуыйы*, [*Дзауджыхъæуы йын цы сыхаг лæг и*], *уый*
фæдта.

‘Заур встретил в Москве соседа, который у него есть во Владикавказе.’

В-третьих, если коррелятивной клаузе на левой периферии предшествует сочинительный союз, он не принимает энклитических местоимений, хотя обычно они должны присоединяться именно к нему:

- (195) *Мæ инженер Петр ныллæг æр-гуыбыр код-т-а æмæ*,
 1SgPoss инженер Пётр низкий PV-горбатый делать-TR-PST.3SG и
 [*æгъдау куыд амон-ы*], *афтæ йын йæ къух-æн*
 обычай как указывать-PRS.3SG так 3SgEncl.DAT 3SgPoss рука-DAT
а-нъа код-т-а.
 PV-поцелуй делать-TR-PST.3SG

‘Мой инженер Пётр низко наклонился и, как требует обычай, поцеловал ему руку.’

(ОНК: Мах дуг 7, 1998)

В-четвёртых, после коррелятивной клаузы периферийная топикализация невозможна:

- (196) * [*Кад кæм-æн ис*], *ахæм æгъдау-джын хистæр цалымæ*
 почёт кто-DAT Exst такой обычай-ADJ старший пока
дзы у-а ...
 3SgEncl.IN быть-SBJV.3SG

‘Пока (там) есть такой соблюдающий обычай старший, который имеет почёт...’

Этот последний факт говорит не только о том, что коррелятивная клауза занимает позицию периферийного топика, но и о том, что в случае, если таких топиков несколько, она обязательно должна быть последней. Иначе говоря, коррелятивная клауза в структуре предложения обладает особой позицией, непосредственно соседствующей с позицией периферийного топика и имеющей с ней ряд общих свойств. Можно предположить, что коррелятивы в осетинском грамматикализовались изначально именно из топикализации зависимой клаузы.

Другой важный факт, который следует отметить, состоит в том, что, хотя к предложению может присоединяться несколько зависимых клауз на левой периферии, все эти клаузы должны обладать лишь одним коррелятом:

- (197) а. * [**Цы лæппу_i** æрба-цыд-и], [**цы чызг** стъол-ы
 что мальчик PV-идти-PST.INTR.3SG что девочка стол-GEN
 уæлхъус бадт-и], **уы-цы** **лæппу_i** **уы-цы**
 рядом сидеть-PST.INTR.3SG DemDist-ATTR мальчик Dem-Dist
чыздж-ы_j фæд-т-а.
 девочка-GEN видеть.PFV-TR-PST.3SG
- б. ОК [**Цы лæппу_i** æрбацыди], **уыцы лæппу_i** [**цы чызг_j** стъолы уæл-
 хъус бадти], **уыцы чызджы_j** фæдта.

‘Тот мальчик, который пришёл, увидел ту девушку, которая сидела за столом.’

- (198) [**Фырт кæм-æн_i** уыд] **æмæ** [**æнæ фырт-æй** **чи_j**
 сын кто-DAT быть[PST.INTR.3SG] и без сын-AVL кто.NOM
 ба-ззад], **ахæм-тæ_{i+j}** иу **æмæ дыууæ сты?**
 PV-оставаться[PST.INTR.3SG] такой-PL один и два быть.PRS.3PL
 ‘Таких, у кого был сын и кто остался без сына, один и два?’

(ОНК: Агнаев Г.А. *Длинной осенней дорогой*, 2003)

Как видно из (198), между зависимыми клаузами в таком случае может находиться сочинительный союз, так что логично трактовать все такие случаи как сочинение. Таким образом, в осетинском действует запрет на наличие нескольких зависимых клауз на левой периферии предложения.

3.1.3.3. Правый топик

То, что в осетинском языке имеется специальная позиция для правого топика, видно из существования конструкции правой дислокации с дублированием топика энклитикой (причём вынесенная вправо ИГ всегда сохраняет падеж¹⁰) [Абаев, 1959, с. 157]:

¹⁰Тот факт, что эта конструкция в осетинском довольно сильно грамматикализована, косвенно можно проиллюстрировать тем, что в корпусе нет ни одного примера, где вынесенная вправо составляющая выделялась бы запятой, т.е. она ощущается как часть того же предложения.

- (199) Уæд **ын_i** мæ хъаст ра-кæн-ин лæг-æн_i.
тогда 3SgEncl.DIST 1Sg.POSS жалоба PV-делать-ОПТ.1SG мужчина-DAT
'Тогда я отнесу ему мою жалобу, мужчине'
(ОНК: Мах дуг 7, 2004)
- (200) Ды **йын_i** æй а-ив-ын кæн
2Sg.NOM 3SgEncl.DAT 3SgEncl.GEN PV-менять-INF делать[IMP.2SG]
Ныхас-æн_i.
Нихас-DAT
'Заставь его, Нихаса, это изменить.'
(ОНК: Мах дуг 4, 2003)
- (201) Батрадз æм раг-æй мæсты уыд
Батраз 3SgEncl.ALL давно-AVL сердитый быть[PST.INTR.3SG]
сохъхъыр уæйыг-мæ.
кривой великан-ALL
'Батрадз на него давно был сердит на кривого великана.'
[Абаев, 1959, с. 157]
- (202) Бирæ дзы_i фæ-дæ Мæскуы-йы_i?
много 3SgEncl.IN PV-быть.PRS.2SG Москва-IN
'Долго ты там пробыл в Москве?'
[Абаев, 1959, с. 157]
- (203) Нæ нæм_i цæу-ы мах-мæ_i.
NEG 1PlEncl.ALL идти-PRS.3SG 1Pl-ALL
'К нам [энкл.] он не ходит, к нам [полн.].'
[Абаев, 1959, с. 157]

Использование клитики возможно только в том случае, если полная составляющая находится в крайне правой позиции; недопустимо помещать её в середину или в начало предложения:

- (204) а. * Уæд **ын_i** мæ хъаст лæгæн_i ракæнин.
б. * Лæгæн **ын** уæд мæ хъаст ракæнин.

Также невозможно дублировать клитикой вынесенную влево составляющую:

- (205) * Лæгæн_i уæд **ын_i** мæ хъаст ракæнин.

Возможен вынос нескольких составляющих:

(206)	<i>Æнæ фен-гæ</i>	<i>МЫН_i</i>	<i>æй_j</i>	<i>нæй</i>	<i>МÆН-ÆН_i</i>
	без видеть.PFV-PCVB	1SgEncl.DAT	3SgEncl.GEN	NEG:Exst	1Sg-DAT
	<i>хæстæг-мæ, ды</i>	<i>æнæ-хæдзар</i>	<i>кæй</i>	<i>тыххæй</i>	<i>фæ-дæ,</i>
	близкий-ALL	2Sg.NOM	без-дом	кто.GEN	для
	<i>уый;! </i>				PV-быть.PRS.2SG
	DemDist				

‘Мне обязательно надо¹¹ увидеть вблизи то, ради кого ты остался без дома!’

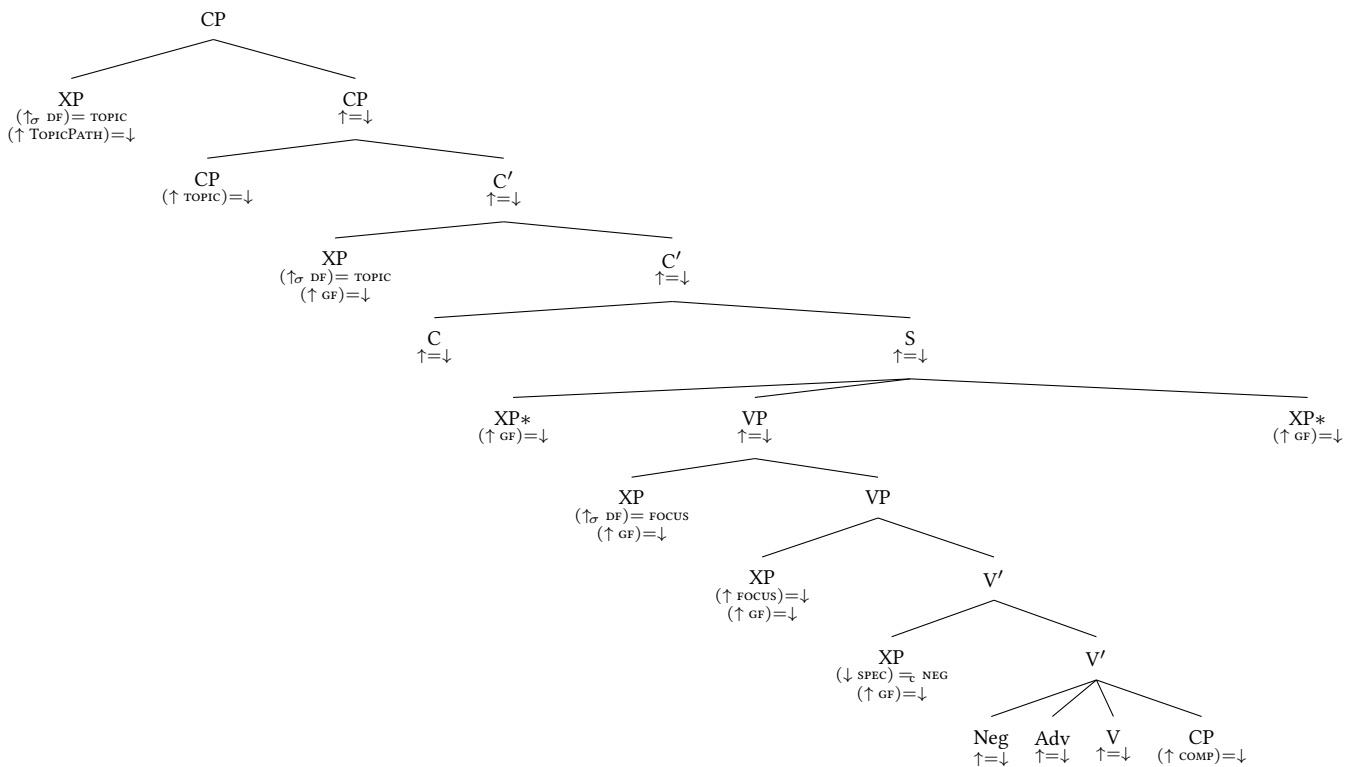
(ОНК: Дегоева С.М., *Погасший луч солнца*, 2002)

Этот пример интересен также тем, что здесь между двумя вынесенными вправо составляющими вставляется наречие *хæстæгмæ*, хотя в принципе вынос составляющих вправо без дублирования клитиками недопустим. Возможно, для сирконстантов или наречий действуют иные правила. Не исключено также, что вынесенные вправо составляющие в действительности образуют клаузу с эллипсисом глагола [Ott, de Vries, 2013]. К сожалению, установить строгие ограничения при работе с информантом не представляется возможным, т.к. конструкция многими носителями воспринимается как «разговорная»; необходимо отдельное исследование осетинских выносов вправо на корпусном материале. В качестве предварительного варианта анализа я буду считать, что правый топик с местоименной репризой обладает специализированной позицией на правой периферии предложения.

3.1.4. Формализация структуры клаузы в терминах ЛФГ

Описанная выше структура клаузы может быть представлена в терминах ЛФГ следующим образом (дерево построено по принципам X'-теории, принятой в ЛФГ, и снабжено функциональными аннотациями):

¹¹Сочетание причастия-деепричастия на *-гæ* с предлогом *æнæ* и отрицательной формой экзистенциального глагола — особая модальная конструкция со значением долженствования [Belyaev, Vydrin, 2011; Выдрин, 2011]

В этом дереве XP обозначает составляющую типа DP, CaseP (если признавать в осетинском наличие такой составляющей) или AdvP (если различать синтаксические категории имён и наречий). Фактически, дерево является сокращённой формой записи соответствующих правил фразовой структуры, которых здесь нет смысла повторять; следует только заметить, что, в соответствии с общими принципам X' теории в ЛФГ, все позиции являются необязательными [Bresnan, 2001, с. 91]; обязательность тех или иных элементов следует из ограничений, накладываемых на f-структуру.

В этой структуре широко используется адьюнкция, что делает анализ похожим на анализ японского и корейского синтаксиса в [Sells, 1995]. Адьюнкты к разным уровням, в соответствии с [Bresnan, 2001, с. 90–125], отвечают различным дискурсивным функциям: адьюнкты к VP выражают фокус, адьюнкты к C' и CP — топик. При этом имеется также две специализированные позиции для топика и фокуса: спецификатор VP, в который помещаются вопросительные слова и подчинительные группы, и спецификатор CP, в который помещается коррелятивная клауза. Кроме того, внутри V' есть также позиция для компонентов, которую заполняют зависимые клаузы, не имеющие коррелята — сентенциальные актанты и целевые придаточные (см. главу 2).

Позиция спецификатора *CP* для топика является позицией, которую занимает коррелятивная клауза: как выше было показано, зависимая клауза должна быть линейно последней из всех топикализованных составляющих. Кроме того, как будет показано ниже, для коррелятивной клаузы действует требование единственности; в связи с этим я приписываю ей позицию спецификатора, а не адъюнкта. Также, в отличие от других топиков, которые являются таковыми только на уровне *i*-структуры, а на *f*-структуре занимают только соответствующие им грамматические функции, коррелятивы занимают позицию *TOPIC* также и на *f*-структуре. Это связано с тем, что сама коррелятивная клауза не всегда занимает в главном предложении позицию какого-либо актанта или сирконстанта; связи с коррелятивом, как будет показано ниже, устанавливается анафорически.

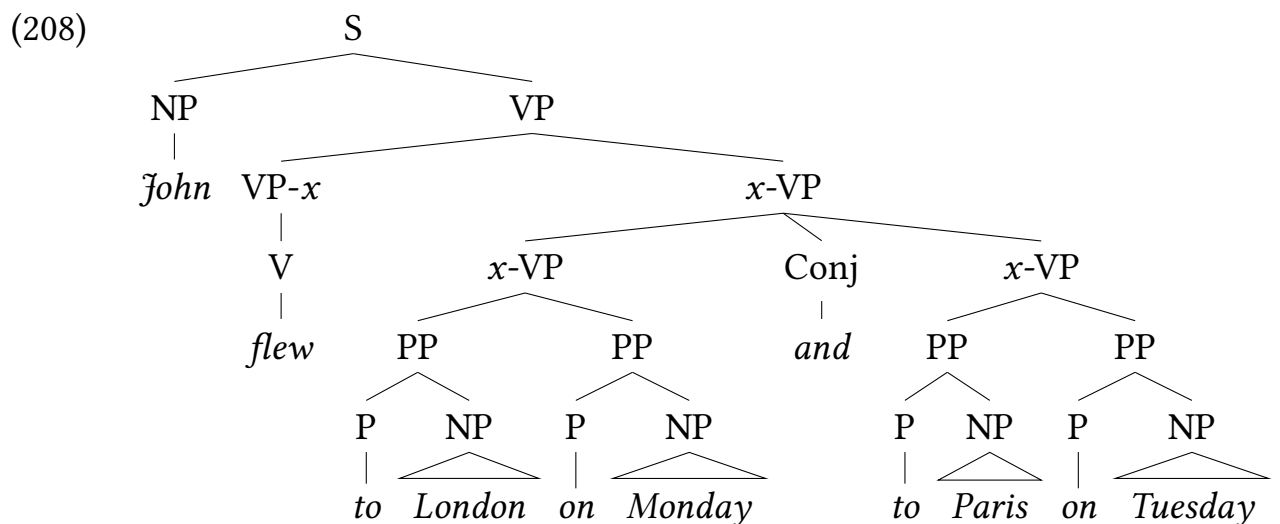
Что касается других периферийных левых топиков, то в них используется константа *TOPICPATH*, отражающая тот факт, что топикализованная составляющая может входить в сентенциальный актанта, а также быть адъюнктом одной из зависимых ИГ, как было показано выше:

$$(207) \quad \text{TOPICPATH} \equiv (\text{COMP} \mid \text{XCOMP})^* \text{GF}((\text{ADJ} \mid \text{XADJ}) \in)$$

Эта константа будет иметь значение в дальнейшем при анализе т.н. локально связанных коррелятивов.

На центральном уровне преимущественно используется аннотация вида $(\uparrow \text{GF}) = \downarrow$. То есть, всякой ИГ, входящей в составляющую *S*, а также находящейся в позиции адъюнкта к *S'*, приписывается некая грамматическая функция; при этом по общим принципам ЛФГ эта грамматическая функция должна соответствовать модели управления глагола (точнее, списку актантов в функции *PRED* и падежным ограничениям, накладываемым глаголом). Это является стандартным в ЛФГ способом описания неконфигурационных языков: в таких языках основную роль при определении грамматической функции ИГ играет падежное маркирование, а не синтаксическая позиция. Адъюнкты к *S'*, т.е. «интегрированные» топики, входящие в зону постановки клитик, аннотируются как топики на уровне информационной структуры, так же, как и адъюнкты к *CP*; отличие в том, что периферийные топики могут быть дистантными, тогда как внутренние топики строго локальны.

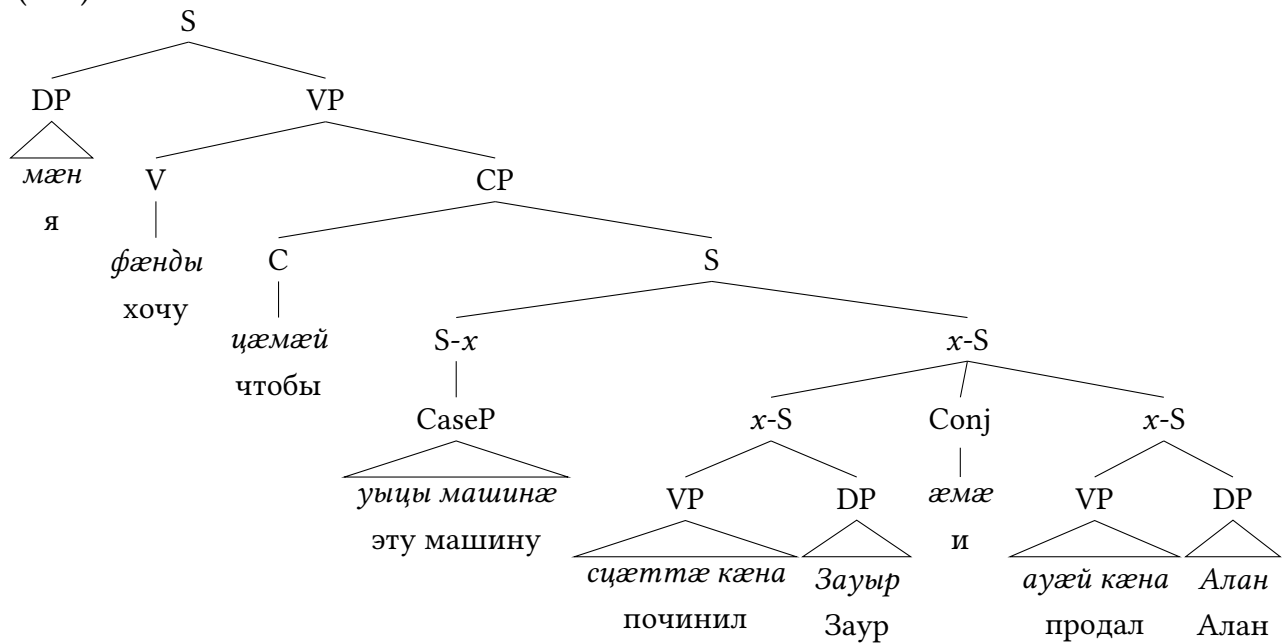
Следует также пояснить, каким образом из анализа следуют факты сочинения, представленные в (179)–(181), но при этом запрещаются примеры типы (147)–(148). Суть их сводится к тому, что в пределах уровня S возможны любые варианты сочинения непосредственных составляющих друг с другом, тогда как конъюнктом сочинительной конструкции не может быть фрагмент составляющей категории VP и элемент уровня S. В обоих из этих случаев нарушается наиболее простой взгляд на сочинение, рассматривающий его как применимое только к составляющим одного типа, но нарушается по-разному. Сочинение типа (179)–(181) можно анализировать в ЛФГ как сочинение элементов, не являющихся составляющими (non-constituent coordination) [Maxwell, Manning, 1996], аналогичное таким конструкциям как Right Node Raising (*Bill likes, and John is thought to like cigars from Cuba*) в английском языке. Основная идея состоит в том, что составляющие могут быть разбиты на подсоставляющие типа XP-х, х-XP, которые, в свою очередь, уже могут представлять собой сочинённые группы нужного вида¹²:

Может показаться, что такой подход слишком свободен, т.к. не содержит практически никаких дополнительных ограничений. Однако в первом приближении он правильно разграничивает допустимые и недопустимые виды сочинения в осетинском языке. Сочинение составляющих под S в рамках этого подхода допускается и выглядит следующим образом (аналогично могут сочиняться в противоположную сторону составляющие, как в примере (179)):

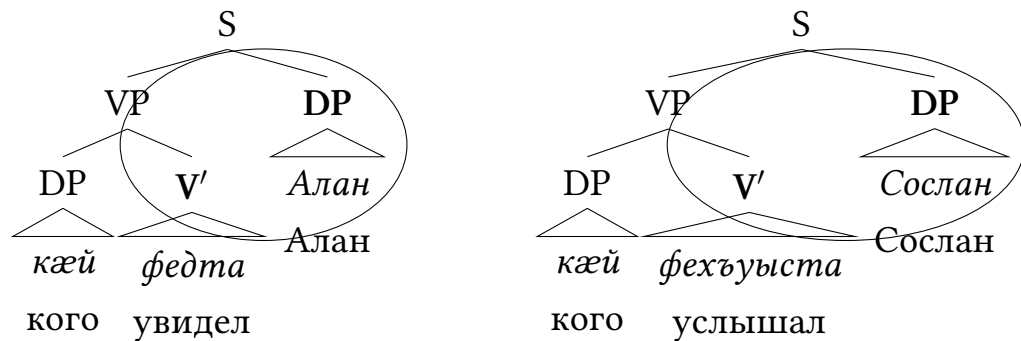
¹²В работе [Maxwell, Manning, 1996] эта идея формализуется более подробно с использованием конечных автоматов.

(209)

В то же время сочинение, при котором одно вопросительное слово распространяется на два конъюнкта, каждый из которых содержит постглагольный материал, недопустимо (147)–(148), т.к. в таком случае нам нужно будет сочинить некоторую составляющую ниже VP, например, V', и составляющую уровня S. В этом случае отсутствует такой узел X, который доминировал бы над обоими этими узлами.

(210)

Допустимо, впрочем, сочинить две составляющие категории S, но тогда в сферу действия вопросительного слова будет входить только первый конъюнкт, что недопустимо по двум причинам: (а) такой синтаксис противоречит Ограничению на сочинительную структуру; (б) второй конъюнкт оказывается неполным (в осетинском нулевое выражение прямого объекта обычно невозможно).

Таким образом, в рамках предложенной здесь для осетинского структуры клаузы верно предсказываются основные закономерности сочинения.

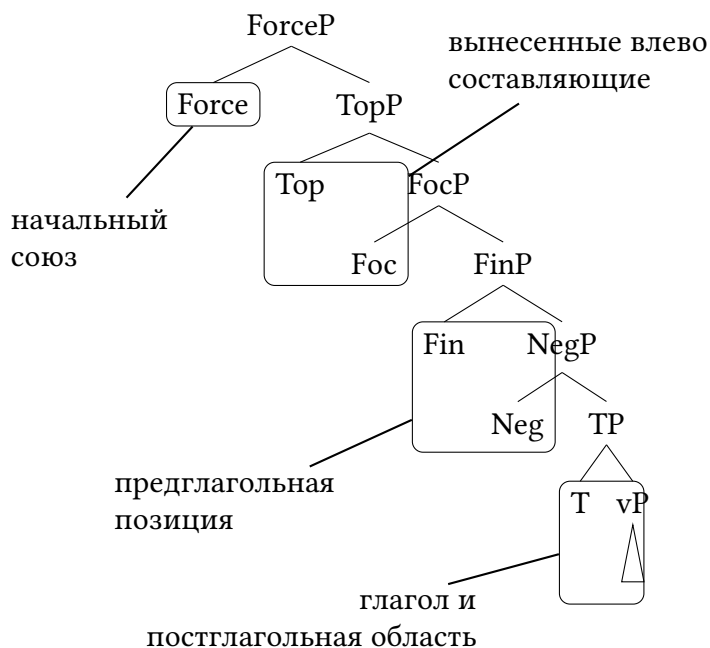
Аннотации уровня VP (отвлекаясь пока от семантики) полностью аналогичны аннотациям уровня CP, с заменой топика на фокус, а также с использованием аннотации $(\uparrow \text{GF}) = \downarrow$ вместо аннотации с TOPICPATH, поскольку вопросительный вынос всегда строго локален.

Наконец, в случае с отрицанием я буду для простоты считать, что аннотации всего лишь требуют наличия в ИГ признака NEG (в действительности ситуация несколько сложнее: необходимо, в частности, исключить появление отрицательных местоимений в любой позиции кроме непосредственно предглагольной и постглагольной).

Конечно, в данной формализации часто повторяются одни и те же аннотации, так что её можно было бы обобщить, используя конструкционные шаблоны (templates) [Asudeh, Dalrymple, Toivonen, 2013].

Далее я буду при описании коррелятивов следовать описанным здесь составляющим и структурным позициям (адъюнкт к CP, спецификатор VP и проч.) как в неформальной, так и в формальной части, поскольку такие обозначения по сути эквивалентны используемым выше «внетeorетическим», но короче в использовании.

Предложенный здесь анализ структуры клаузы можно сопоставить с анализом, предложенным в работе [Lyutikova, Tatevosov, 2009]. В этой работе предлагается следующая структура клаузы:

(адаптировано из [Lyutikova, Tatevosov, 2009])

Безусловно, между двумя анализами имеется ряд принципиальных отличий, связанных с использованием различных формализмов: если в трансформационной версии генеративной грамматики (GB/минимализме) основные компоненты структуры клаузы заданы теорией и одинаковы для всех языков, то в ЛФГ структура клаузы устанавливается для каждого языка независимо на основании поверхностных тестов на составляющие, а универсальный компонент ограничивается довольно свободным вариантом X' -теории; такие факты, как, например, структурный приоритет субъекта, не могут служить основанием для постулирования VP, поскольку анафорическое связывание лицензируется на уровне f-структуры. К тому же в ЛФГ бинарное ветвление не является обязательным: возможно использование «плоской» категории S, не подчиняющейся общей X' -схеме.

Однако между двумя анализами можно выделить ряд сходств и различий, абстрагируясь от конкретных деталей формализации. Общим между ними является то, что глагольный комплекс (вопросительные местоимения, подчинительная группа, отрицательные местоимения и глагол) анализируется как единая составляющая, причём предглагольные компоненты присоединяются достаточно низко в структуре клаузы (в моём анализе — на уровне VP, в анализе Е.А. Лютиковой и С.Г. Татевосова — на уровне FinP/NegP).

Кроме того, определённые сходства обнаруживает анализ «плавающих» союзов: в моём анализе они могут вариативно ставиться либо в вершину S на левой периферии, либо в предглагольную позицию (спецификатор VP); в анализе Е.А. Лютиковой и С.Г. Татевосова вариативность позиционирования таких союзов описывается как порождение в вершине Fin (т.е. в позиции предглагольных союзов) с факультативным передвижением в вершину Force (т.е. в позицию в самом начале предложения). Учитывая то, что в ЛФГ трансформации отсутствуют, эти анализы по сути эквивалентны. Следует только отметить, что в рамках моего анализа возможен вынос составляющих в позицию слева от начального союза. При альтернативном анализе возможно два варианта: считать, что левые топики являются спецификаторами или адъюнктами ForceP, или же помещать союз не в вершину Force, а в одну из более нижних вершин (например, Foc).

Принципиальное различие между двумя анализами сводится к роли постглагольной зоны: в [Lyutikova, Tatevosov, 2009] постглагольные элементы

входят в vP , т.е. находятся ниже в дереве, чем вопросительные слова и отрицательные местоимения и образуют с ними единую составляющую, тогда как здесь они (кроме постглагольных сентенциальных актантов и целевых придаточных) входят в составляющую S , непосредственно доминирующую над VP , содержащей предглагольные элементы. На мой взгляд, приведённые выше факты сочинения скорее говорят в пользу предложенного мною анализа. Кроме того, анализ Е.А. Лютиковой и С.Г. Татевосова предсказывает, что допустим только порядок VSO , но не VOS , т.к. постглагольные элементы находятся *in situ*. Это предсказание не выполняется:

(211) *Ба-зыд-т-а^V къуылых-ы^O Асæго^S.*

pv-знать-TR-PST.3SG хромой-GEN Асаго

‘Узнал хромого Асаго.’ (ОНК)

(212) *Ба-мбæрст-а^V уы-цы æнхъæлцау^O Сырдон^S дæр æмæ*

pv-понять-PST.TR.3SG DemDist-ATTR надежда Сырдон ADD и

сæм ра-дзырд-т-а: Хорз адæм!

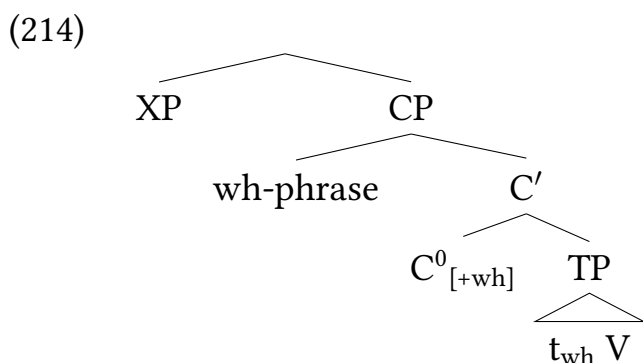
3PEncI.ALL pv-говорить-TR-PST.3SG хороший люди

[Люди надеялись, что Сырдон к ним обратится с речью.] ‘Понял эту надежду и Сырдон и обратился к ним: «Люди добрые!»’ (Джусойты Н.Г. *Слёзы Сырдона*, 2004)

При этом следует признать, что порядок VSO встречается гораздо чаще, чем VOS , но это может объясняться так же, как и предпочтение SO , а не OS в других случаях, см. обсуждение *Supriority* ниже. Говорить о строгих запретах, связанных с конфигурационной организацией клаузы, на мой взгляд, в данном случае нет оснований. Впрочем, статус постглагольных составляющих не вполне ясен и в рамках предлагаемой здесь модели, так что это различие не является существенным с эмпирической точки зрения и скорее связано с расхождениями в общетеоретических предпосылках.

Другие полноценные формализации структуры осетинской клаузы в терминах современных теорий мне не известны. Д.А. Эршлер [Erschler, предст.] на основании поведения определённого типа эллипсиса, слюсинга (*sluicing*) (213), предлагает считать, что предглагольные союзы помещаются в вершину S , т.е. в обычную «левую периферию», как и в остальных языках (214).

- (213) *Сослан ци-дæр ба-хуард-т-а, фал нæ зон-ун ци.*
 Сослан что-INDEF PV-есть-TR-PST.3SG но NEG знать-PRS.1SG что
 ‘Сослан что-то съел, но я не знаю, что’ (дигорский диалект) [Erschler, предст., с. 13]

[Erschler, предст., с. 23]

Аргумент Д.А. Эршлера строится на том, что, поскольку в осетинском возможен слюсинг, практически идентичный по своим свойствам аналогичным конструкциям в других языках, то к этому языку применим анализ Дж. Мёрчента [Merchant, 2001], в котором центральное место занимает операция удаления составляющей категории TP (т.е. всего материала после союза). Однако автор не предлагает описания того, в результате каких конкретно этапов деривации получается структура в (214), прямо оставляя этот вопрос для дальнейшего изучения (“How to derive this structure remains an open question” [Erschler, предст., с. 23]). В то же время, на мой взгляд, одних фактов слюсинга для мотивации подобного анализа недостаточно, тем более, что ему прямо противоречат факты сочинения (146)–(148).

Из наличия слюсинга в языках типа осетинского можно сделать и иной, не менее правомерный вывод о неприменимости анализа Мёрчента для таких языков. Вполне возможно, что для осетинского лучше подходят альтернативные анализы этой конструкции, не апеллирующие к удалению составляющей [Ginzburg, Sag, 2000, с. 295–332]. В любом случае, эллипсис в осетинском языке пока изучен недостаточно, чтобы делать на его основании какие-либо окончательные выводы о структуре клаузы; пока что анализы, предложенные в [Lyutikova, Tatevosov, 2009] и в настоящей работе, представляются наиболее мотивированными.

3.1.5. Ограничения на порядок однородных элементов

Поскольку в этой работе будут рассмотрены синтаксис и семантика множественных коррелятивов, т.е. таких коррелятивных клауз, в которых в позиции мишени употребляются несколько вопросительных слов, необходимо описать, какие ограничения на порядок вопросительных слов (т.н. Superiority Effects [Kuno, Robinson, 1972]) имеются в осетинском языке.

В целом в осетинском действует достаточно строгое правило, регулирующее порядок вопросительных слов, которое можно выразить следующим образом:

(215) SUBJ > IO > DO > OBL

Подтверждающие примеры таковы:

(216) SUBJ > DO

- а. *Хорз-æй, æвзæр-æй чи цы кæн-ы, уый*
 хороший-ABL плохой-ABL кто.NOM что делать-PRS.3SG DemDist
фыццаг йæ-хиц-æн кæн-ы.
 первый 3SgPoss-Refl-DAT делать-PRS.3SG
 б. * ... *цы чи кæны* ...

‘Кто что ни делает, хорошее или плохое, он это делает прежде всего для себя.’

(ОНК: Айларов И., Гаджинова Р., Кцоева Р., *Пословицы*, 2005)

(217) SUBJ > IO

- а. *Фыццаг чи кæм-æн а-хъæбыс код-т-а?*
 первый кто.NOM кто-DAT PV-объятие делать-TR-PST.3SG
 ‘Кто кого первым схватил?’

(ОНК: Агнаев Г.А., *Длинной осенней дорогой*, 2003)

- б. i. *Æхца чи кæм-æн рад-т-а?*
 деньги кто.NOM кто-DAT дать.PFV-TR-PST.3SG
 ii. * *Æхца кæмæн чи радта?*

‘Кто кому дал денег?’

- в. i. *«Мидæмæ» чи кæм-æн хъуамæ зæгъ-а, и?*
 внутри кто.NOM кто-DAT надо сказать-SBJV.3SG Exst
 ii. * *«Мидæмæ» кæм-æн чи хъуамæ зæгъ-а?*

‘Кто кому должен сказать «заходи», а?’

(ОНК)

(218) IO > DO

- а. i. *Кæм-æн цы код-т-ам?*
кто-DAT что делать-TR-PST.1PL
ii. * *Цы кæмæн кодтам?*

[Почему мы так несчастны?] ‘Что мы кому делали?’

(ОНК: Джикаева З.Ш., *Творец осетинской драмы*, 2004)

- б. *Хуыцау кæм-æн цы дæтт-ы, уый йын —*
Бог кто-DAT что давать-PRS.3SG DemDist 3SgEncl.DAT
хæлар.
приятный

‘Что бы Бог кому ни давал, это ему приятно.’

(ОНК: *Мах дуг 1*, 2002)

(219) DO > OBL

- а. *Кæй че-рдæм йæ къах хæсс-ы, гъе*
кто.GEN что-DIR 3SgPoss нога нести-PRS.3SG Emph
уы-цы-рдыхæй, æз дæ фен-ын-мæ
DemDist-ATTR-RECESS 1Sg.NOM 2SgPoss видеть.PFV-INF-ALL
бæллыд-тæн æмæ дæ фæд-т-лн
мечтать-PST.INTR.1SG и 2SgEncl.GEN видеть.PFV-TR-PST.1SG
гъе-ныр.
Emph-сейчас

‘Куда кого ни занесёт его нога [т.е. далеко], оттуда я приехал тебя увидеть и вот сейчас тебя вижу!’

(ОНК: *Мах дуг 12*, 2005)

- б. * *Чердæм кæй йæ къах хæссы ...*

Действие ограничений не распространяется на сирконстанты:

(220) SUBJ > ADJ

- Чи кæм цæр-дзæн ... уый хъуамæ зон-а*
кто.NOM где жить-FUT[3SG] DemDist надо знать-SBJV.3SG
ал-чи дæр ...
Univ-кто.NOM ADD

‘Каждый должен знать, кто где живёт.’

(ОНК: Джусойты Н.Г., *Слезы Сырдона*, 2004)

(221) ADJ > SUBJ

- ... кæм чи рæдий-а, уым ын азым-тæ*
где кто.NOM ошибаться-PRS.3SG DemDist.IN 3SgEncl.IN вина-PL

йæ цæст-ыт-ыл æфтау-ой.

3SgPoss глаз-PL-SUPER увеличивать-SBJV.3PL

‘...где кто ошибается, там пусть его вина увеличится.’

(ОНК: Мах дуг 8, 2004)

Интересно, что действие данных ограничений независимо от конкретного способа падежного маркирования актантов. Так, при глаголе *хъæуын* ‘быть нужным’ субъект маркируется генитивом, а прямой объект — номинативом, однако порядок вопросительных слов остаётся таким же, как и у канонически переходных глаголов:

- (222) а. *А-цы стыр сахар, стыр Дзæуджыхъæу-ы кæй*
 DemProх-ATTR большой город большой Владикавказ-IN кто.GEN
цы хъæу-ы?
 что надо-PRS.3SG
 б. * ... *цы кæй хъæуы?*

‘В этом большом городе, в этом Владикавказе кому что нужно?’

(ОНК: Мах дуг 8, 1996)

Однако наиболее примечательным является тот факт, что действие этих ограничений в осетинском языке не ограничивается вопросительными словами, но распространяется также на другие однотипные элементы: отрицательные местоимения, вынесенные вправо топики и неопределённые местоимения различных типов:

- (223) отрицательные местоимения (IO > DO)

а. препозиция

i. *Ни-кæм-æн ни-цы загъта.*

NEG-кто-DAT NEG-what say-PST.TR.3SG

ii. * *Ницы никæмæн загъта.*

‘Он ничего никому не сказал.’

(ОНК: Цагараев М.Н., *Лёгкое дыхание*, 2002)

б. постпозиция

i. *Нæ загъта никæмæн ницы.*

ii. * *Нæ загъта ницы никæмæн.*

(то же)

- (224) правый топик (IO > DO)

- а. *Хуыцау ын æй ма ны-ббар-æд нæ*
 Бог 3SgEncl.DAT 3SgEncl.GEN NEG PV-forgive-IMP.3SG 1PlPoss
кæстæр-æн йæ рæдыд
 младший-DAT 3SgPoss= ошибка

б. * *Хуыцау ын æй ма ныббарæд рæдыд нæ кæстæрæн.*

‘Да не простит Бог его ошибку нашему младшему.’

(ОНК: Мах дуг 3, 2001)

(225) неопределённые местоимения, серия *ис-* (IO > DO)

- а. *Уæсиат — фæдзæхс-гæ ны-ккæн-ынц ис-кæм-æн*
 завещание поручать-PCVV PV-делать-PRS.3PL INDEF-кто-DAT
ис-ты.

INDEF-что

б. * ... *исты искæмæн.*

‘Завещание — поручают кому-то что-то.’

(ОНК: Хугаев С.З. *Нарты фарнæг*, 2000)

(226) неопределённые местоимения, серия *-дæр* (IO > DO)

- а. *Йæ бынат-æй сы-стад-и, кæм-æн-дæр цы-дæр*
 3SgPoss место-AVL PV-стоять-PST.INTR.3SG кто-DAT-ADD что-ADD
зæгъ-инаг уыд-и, фæлæ ни-цы
 сказать-PTCP.FUT быть-PST.INTR.3SG но NEG-что
загът-а.

сказать-PST.TR.3SG

б. * ... *цыдæр кæмæндæр зæгъинаг уыди ...*

‘Надо было кому-нибудь что-нибудь сказать, но он ничего не сказал.’

(ОНК: Баситы Зæлинæ, *Дыууæ зæрдæйы*, 2010)

(227) неопределённые местоимения двух серий (SUBJ > DO)

- а. ... *мæнæ съл цыма ис-чи цы-дæр рæсугъд*
 вот 3PlEncl.SUPER будто INDEF-кто.NOM что-ADD красивый
ныв-тæ с-код-т-а, афтæ зын-ынц ...
 картина-PL PV-делать-TR-PST.3SG так казаться-PRS.3PL

б. * ... *цыдæр рæсугъд нывтæ исчи скодта ...*

‘...вот они выглядят так, будто на них кто-то какие-нибудь красивые картины нарисовал.’

(ОНК: Мах дуг 8, 1997)

Эти факты являются проблемой для анализов Superiority, основанных на передвижении. Действительно, если вопросительный и отрицательный вы-

носы в осетинском языке могут быть описаны как результат трансформаций [Lyutikova, Tatevosov, 2009], то правый топик, учитывая его дублирование клиткой и периферийный статус, чаще описывают как связанный посредством анафоры, хотя существуют также и трансформационные анализы, например, [Cardinaletti, 2002]; некоторые авторы даже рассматривают подобные выносы как отдельные клаузы с эллипсисом предиката [Ott, de Vries, 2013]. Кроме того, как указывает К. Ламбрехт [Lambrecht, 2001], для дислокации в целом нехарактерны какие-либо ограничения на порядок элементов. Тем более сложно объяснить трансформационно действие Superiority для неопределённых местоимений, которые, в отличие от отрицательных и вопросительных, не имеют фиксированной позиции в клаузе.

На мой взгляд, осетинские ограничения на порядок слов можно описать, вообще не апеллируя к передвижению или к какому-либо ещё особому статусу вопросительных слов и прочих элементов. Следуя за Й. Фальком [Falk, 2012], я рассматриваю Superiority как исключительно линейное ограничение, не связанное с особенностями иерархической организации высказывания. Однако Фальк определяет Superiority как ограничение, относящееся исключительно к элементам, занимающие позиции Q и FOCUS на уровне информационной структуры (т.е., фактически, только к вопросительным словам). Я предлагаю считать, что существует гораздо более общее ограничение, при прочих равных условиях предпочитающее порядок в (215) всем остальным вариантам. Иначе говоря, в том случае, если никакие независимые принципы в грамматике языка не позволяют выбрать то или иное линейное расположение элементов, предпочитается расположение «по умолчанию». Порядок OSV возможен в утвердительных предложениях с актантами-именными группами, поскольку маркирует определённую коммуникативную структуру (фокус субъекта). В предложениях же с несколькими вопросительными словами или топиками перестановка не играет никакой коммуникативной роли, т.к. все эти элементы занимают одну и ту же позицию на уровне информационной структуры (фокус и топик, соответственно). Отрицательные местоимения могут быть как в теме, так и в реме, но в силу своей семантики всегда имеют тот же коммуникативный статус, что и глагол, из чего следует, что несколько отрицательных местоимений не могут «конкурировать» между собой за линейные позиции. Действие Superiority для неопределённых

местоимений объясняется тем, что они всегда находятся в реме.

В [Belyaev, 2013b] эта идея была формализована в терминах Теории оптимальности [A. Prince, Smolensky, 2004] в сочетании с ЛФГ, путём введения ограничения ORD, выполняющегося при использовании немаркированного для данного языка порядка актантов. В терминах этой теории Superiority оказывается примером т.н. «проявления немаркированного случая» (Emergence of the Unmarked) [McCarthy, A. Prince, 1994], т.е. ситуации, в которой ограничение низкого ранга начинает играть роль благодаря нейтрализации более высоко ранжированных ограничений (в данном случае — ограничений, связанных с коммуникативной структурой). В большинстве остальных осетинских предложений ограничение ORD столь явным образом не проявляется, т.к. оказывается «перекрытым» другими ограничениями.

Возникает, однако, вопрос, почему настолько общий принцип оказывается актуальным лишь в сравнительно маргинальных контекстах. Без независимого подтверждения его действия в других случаях такое объяснение представляется довольно произвольным. К счастью, в осетинском языке нетрудно найти случаи, демонстрирующие, что предпочтение «дефолтного» порядка слов всем прочим характерно не только для указанных выше элементов. Например, при использовании трёхвалентных глаголов в контекстах, где один из элементов явно входит в «узкий фокус» (например, при ответе на вопрос), а другие два — не входят, эти два элемента должны располагаться в соответствии с Superiority:

- (228) — *Зауыр Алан-æн цы рад-т-а?*
 Заур Алан-DAT что дать.PFV-TR-PST.3SG
 ‘Что Заур дал Алану?’
- i. [*Зауыр Алан-æн*]_{TOP} *чиныг рад-т-а.*
 Заур Алан-DAT книга дать.PFV-TR-PST.3SG
- ii. # [*Аланæн Зауыр*]_{TOP} *чиныг радта.*
 (предполагается фокусная интерпретация ИГ *Зауыр*)
 ‘Алан дал Зауру книгу’

Это ограничение затруднительно объяснить в терминах описанной выше структуры клаузы: ведь слева от глагольного комплекса может находиться любое количество составляющих, никак иерархически не противопоставлен-

ных друг другу¹³. Таким образом, предложенное мною объяснение ограничений на порядок вопросительных слов и иных элементов имеет функциональную мотивацию: ограничение ORD ограничивает круг возможных интерпретаций для примеров типа (228) и тем самым упрощает их обработку при речевосприятии.

В целом для основной темы данной диссертации анализ подобных ограничений имеет достаточно важное значение. Он показывает, что описание вопросительного выноса в языке, синтаксис которого будет важен при анализе множественных коррелятивов, возможно и без апелляции к трансформациям. Более того, в данном случае подобный анализ делает предсказания, которые не следуют из имеющихся в данный момент трансформационных анализов. Это позволяет мне в дальнейшем при рассмотрении множественных коррелятивов использовать приведённую выше структуру клаузы без изменений, т.к. она позволяет описать и обобщить все наблюдаемые факты не хуже альтернативных вариантов.

3.2. Синтаксическая позиция зависимой клаузы при корреляте

Как уже было отмечено, помимо позиции зависимой клаузы на левой периферии предложения возможно её позиционирование непосредственно слева от коррелята:

- (229) а. [Дидиндж-ытæ **цы чызг-æн** ба-лæвар код-т-ай],
 цветок-PL что девушка-DAT PV-подарок делать-TR-PST.2SG
 фæд-т-он **уый** фыд-ы.
 видеть.PFV-TR-PST.1SG DemDist.GEN отец-GEN
 б. Федтон, [дидинджытæ **цы чызгæн** балæвар кодтай], уый фыды.
 ‘Я видел отца девушки, которой ты подарил цветы.’

Никакие другие способы вложения зависимой клаузы внутрь главной не допустимы:

¹³В трансформационных теориях пример (228) объясняется тем, что обе именные группы передвигаются на левую периферию (ср. анализ осетинской клаузы в [Lyutikova, Tatevosov, 2009]), однако, как было показано выше, проблему для таких теорий составляют другие случаи Superiority.

- (230) *Зауыр ам,* [*Дидиндж-ытæ цы чызг-æн ба-лæвар*
Заур DemProx.IN цветок-PL что девушка-DAT PV-подарок
код-т-ай], <уый> *фед-т-а* <*уый>.
 делать-TR-PST.2SG DemDist.GEN видеть.PFV-TR-PST.1SG DemDist.GEN
 ‘Заур видел девушку, которой ты подарил цветы.’

Исключение составляют случаи, когда слева от зависимой клаузы вынесена ещё одна ИГ, но они являются маркированными и встречаются довольно редко. В (230) слева от зависимой клаузы стоят сразу две составляющие, что практически исключает прочтение предложения как содержащего топикализацию. Следовательно, зависимая клауза может рассматриваться только как находящаяся при коррелята, из чего следует допустимость только первого варианта позиционирования местоимения *уый*.

Постпозиция зависимой клаузы, при предшествовании коррелята, недопустима, за исключением т.н. «сочинительной инверсии», о которой будет сказано в разделе 3.6.

Зависимая клауза и коррелят образуют составляющую: это следует из того, что два сочетания «клауза + коррелят» можно сочинить, а также из того, что частица *æрмæст* ‘только’ может предшествовать зависимой клаузе и оформлять всю группу:

- (231) *Бæрæг нæ-у,* *кæд сæ фыст-а,*
 известный NEG-быть.PRS.3SG когда ЗРІ.GEN писать-PST.TR.3SG
уы-цы рæстæг, уы-мæ гæсгæ амынд
 DemDist-ATTR время DemDist-ALL в_соответствии указывать.PTCP
цæу-ы, æрмæст [*мыхуыр-ы сæ чи кæд / *куы*
 идти-PRS.3SG только печать-IN ЗРІEncl.AVL кто.НОМ когда
ра-цыд], *уы-цы рæстæг.*
 PV-идти[PST.INTR.3SG] DemDist-ATTR время

‘То время, когда он их написал, неизвестно, в связи с этим указывается только то время, кто из них когда вышел в печать.’

(ОНК: Баситы Зæлинæ, *Дыууæ зæрдæйы*, 2010)

Как было показано выше, для коррелятивов на левой периферии действует ограничение единственности коррелята (так что я считаю, что при наличии нескольких зависимых клауз в этой позиции они сочиняются). У нескольких коррелятивов, присоединённых к одному корреляту, естественно, также должен быть один коррелят — тот самый, к которому они присоединены, — но

этот факт очевиден и едва ли связан с каким-либо особым ограничением. В предложении также может быть несколько вложенных коррелятивных клаууз:

- (232) ... ам уын-æм, [Фæрнион йæ-хæдæг цы
DemProx.IN видеть-PRS.1PL Фарнион 3SgPoss-Refl что
уавæр-т-ы_i цард æмæ куыст-а], [цы
условие-PL-IN жить[PST.INTR.3SG] и работать-PST.TR.3SG что
быцæу-тæ_j уыд йе сфæлдыстад-ы тыххæй],
спор-PL быть[PST.INTR.3SG] 3SgPoss творчество-GEN для
[цæм-æн_k ын уыд бар] æмæ [йын
что-DAT 3SgEncl.DAT быть[PST.INTR.3SG] право и 3SgEncl.DAT
цæм-æн_l нæ уыд бар], уыдон_{i+j+k+l}.
что-DAT NEG быть[PST.INTR.3SG] право DemDist.PL

‘...здесь мы видим то (букв. «те»), в каких условиях жил и работал Фарнион, какие споры были по поводу его творчества, на что у него было право, а на что не было.’

(ОНК: Мах дуг 11, 1998)

- (233) Знон мын [æввахс хæдзар-ы цы лæг цæр-ы],
вчера 1SgEncl.DAT рядом дом-IN что мужчина жить-PRS.3SG
уый, [цы чиныг мæ хъæуыд-и],
DemDist[NOM] что книга 1SgEncl.GEN надо-PST.INTR.3SG
уый рад-т-а.
DemDist[NOM/GEN] дать.PFV-TR-PST.3SG

‘Вчера тот мужчина, который живёт в соседнем доме, дал мне ту книгу, которая была мне нужна.’

Имеются также основания считать, что между коррелятивами, находящимися при корреляте, и периферийными коррелятивами имеются некоторые семантические отличия. Как указано в [Gareyshina [и др.], 2011], квантор, входящий в периферийную коррелятивную клаузу, может иметь только широкую сферу действия, тогда как квантор, входящий в коррелятивную клаузу при корреляте, может иметь только узкую сферу действия:

- (234) а. [Алан цал-дæр задачæ-йы кæй с-код-т-а],
Алан сколько-INDEF задача-GEN COMP PV-делать-TR-PST.3SG
уый алы ахуыргæнæг дæр æнхъæл-ы.
DemDist[NOM/GEN] каждый учитель ADD полагать-PRS.3SG
 $\forall > \exists$

* $\exists > \forall$

б. [Алан цалдæр задачæйы кæй скодта], алы ахуыргæнæг дæр æнхъæлы уый.

$\forall > \exists$

$\exists > \forall$

‘Каждый учитель полагает, что Алан решил несколько задач.’

К сожалению, подобные различия поведения кванторов в данной работе не рассматриваются, т.к. требуют более подробного обсуждения синтаксиса этих единиц в осетинском языке в целом, чего пока что не сделано. В главе 4 будут описаны некоторые ограничения на интерпретацию предложений с квантором *æппæт* ‘все’, которые хорошо укладываются в предлагаемый мною семантический анализ. В принципе, с ним совместимы и факты в (234), т.к. они, скорее всего, связаны с взаимодействием синтаксических и семантических факторов, влияющих на сферу действия.

Поскольку коррелят обязательно или является местоимением, или содержит указательный демонстратив, коррелятивную клаузу в такой позиции следует считать адъюнктом к DP [Bhatt, 2003]. Таким образом, в структуре клаузы имеются две возможные позиции для зависимой клаузы: на левой периферии (спецификатор CP) и при корреляте (адъюнкт к DP). Возникает естественный вопрос: следует ли считать, что эти позиции связаны операцией типа передвижения [Bhatt, 2003], или же в принципе независимы друг от друга [Srivastav, 1991; Davison, 2009; Izvorski, 1996]? Поскольку применимость большинства тестов на эту тему сильно зависит от теоретических предпосылок, я рассмотрю этот вопрос в разделе, специально посвящённом формализации синтаксиса коррелятивов.

3.3. Ограничения на подчинительную группу

Как было неоднократно указано выше, подчинительные группы могут находиться либо в начальной, либо в предглагольной позиции. Помимо линейной позиции, необходимо рассмотреть несколько дополнительных ограничений на подчинительные показатели: доступность синтаксических позиций на иерархии Кинэна-Комри [Keenan, Comrie, 1977], возможность нело-

кальной релятивизации и круг допустимых составляющих, входящих в подчинительную группу. Такие ограничения в основном релевантны только для относительных коррелятивов (с показателями *чи* 'кто', *цы* 'что, который', *кæцы* 'который'), и поэтому в этом разделе будут преимущественно рассматриваться именно они; иногда я буду использовать термин «относительная группа» в качестве синонима термина «подчинительная группа».

3.3.1. Доступность синтаксических позиций для релятивизации

В целом в плане доступности именных групп релятивизация подчиняется тем же правилам, что и вопросительный вынос. Возможна релятивизация из любых позиций внутри клаузы. При релятивизации составляющих именной, предложной или послеложной групп в соответствии с «эффектом крысолова» в предглагольную позицию ставится вся составляющая, содержащая мишень релятивизации. Это связано с тем, что эти виды составляющих в осетинском языке неразрывны (за исключением адъюнктов к ИГ в косвенных падежах).

- (235) подлежащее
 [*Чи агур-ы*], *уый* *ыссар-ы*.
 кто.НОМ искать-PRS.3SG DemDist[НОМ] найти.PFV-PRS.3SG
 'Кто ищет, тот находит.'

(ОНК: Дзасохты Музафер, *Зонд æмæ амонд*, 2012)

- (236) прямое дополнение
Йæ цæст-ыт-ыл та а-уад-и, [*фын-ы*
 3SgPoss глаз-PL-SUPER CONTR PV-скакать-PST.INTR.3SG сон-GEN
æмдзæрæн-ы рудзынг-æй кæй ны-ууыд-т-а],
 общежития-GEN окно-AVL кто.GEN PV-видеть-TR-PST.3SG
уы-цы Къаппа=къоппа-сæр ...
 DemDist-ATTR одуванчик-голова

'Перед его глазами появился тот Одуванчикоголовый, которого он во сне видел из окна общежития.'

(ОНК: *Мах дуг* 8, 2002)

- (237) не прямое дополнение
Æмбал Ленин [*цы парти с-арæзт-а*] *æмæ*
 товарищ Ленин что партия PV-строить-PST.TR.3SG и

[*разамынд каэм-æн лæвæрд-т-а*], *уый* ном
руководство кто-DAT давать-TR-PST.3SG DemDist[GEN] имя
хæсс-ын-æй уæлмонц-дæр кад нæй...
нести-INF-AVL вдохновенный-COMPAR слава NEG:Exst

‘Нет большей чести, чем нести имя той партии, которую Ленин построил и которой он дал имя...’

(ОНК: Айларты Измаил, *Мамысоны æфцæгыл, 2-аг чиныг*, 1990)

(238) косвенное дополнение

[*Чысыл раздæр хъæусовет-ы асин-т-æй цы хæдзар-мæ*
немного раньше сельсовет-GEN лестница-PL-AVL что дом-ALL
каст-æн], *уый* *бынтон хæстæг у*
смотреть-PST.INTR.1SG DemDist[NOM] совсем близкий быть.PRS.3SG
а-рдæм.

DemProx-DIR

‘Тот дом, на который мы немного раньше смотрели с лестницы сельсовета, совсем близко отсюда.’

(ОНК: Цагараев М.Н. *Лёгкое дыхание*, 2002)

(239) посессор

Хъуамæ Аминат æнæмæнг фæ-хъус-ын код-т-а-ид,
надо Аминат обязательно PV-слышать-INF делать-TR-CNTRF-3SG
[*номхыгъд-ы фыст каей нæм-ттæ уид*],
список-IN писать.PTSP кто.GEN имя-PL быть[PST.INTR.3SG]

уыдон-æн.

DemDist.PL-DAT

‘Надо, чтобы Аминат обязательно заставляла слушать тех, чьи имена были в списке.’

(ОНК)

(240) объект послелого

А-цы сценæ-йы персонаж-ы монолог-æй с-бæрæг,
DemProx-ATTR сцена-IN персонаж-GEN монолог-AVL PV-ясный
[*Хъырым абырæг цæй тыххæй сс-и*], *уый.*

Крым абрек что.GEN для PV-Exst DemDist[NOM]

‘Из монолога персонажа в этой сцене ясно, ради чего Крым стал абреком.’

(ОНК)

(241) *конъюнкт в сочинительной конструкции

* [*Зауыр æмæ цы лæппу æрба-цыд-ысты*], *уый*
Заур и что мальчик PV-идти-PST.INTR.3PL DemDist[NOM]

у ме 'фсымæр.

быть.PRS.3SG 1SgPoss брат

(*‘Тот мальчик, Заур и который пришли, мой брат.’)

Вопросительный и относительный вынос из финитных клауз невозможен:

- (242) * [*Кæм-æн*_i дæ фæнд-ы, цæмæй æхца Ø_i
кто-DAT 2SgEncl.GEN хотеть-PRS.3SG чтобы деньги
ратт-он], *уый* сахар-ы нæ-ма ис.
дать.PFV-SBJV.1SG DemDist[NOM] город-IN NEG-больше Exst
(‘Того, кому ты хочешь, чтобы я дал денег, больше нет в городе.’)

Возможен вынос только из инфинитивных клауз или из клауз, вводимых модальным предикатом *хъуамæ*:

- (243) ... *афтæм-æй йын*, [*æгæр дзаг цы нау*
так-AVL 3SgEncl.DAT очень полный что корабль
ба-вæй-ы], [*æмæ йæ сæр-т-ы дон æнхъæвз-ын*
PV-бывать-PRS.3SG и 3SgPoss верх-PL-IN вода разливаться-INF
кæм-æн ра-йда-йы], *уый-ау* фæ-дæл-дон-æй тæс
кто-DAT PV-начать-PRS.3SG DemDist-EQU PV-под-вода-AVL страх
уыд-и.
быть-PRST.INTR.3SG

‘...он боялся попасть под воду, как тот корабль, который переполнен и по борту которого [букв. которому по борту] начинает разливаться вода.’

(ОНК: Мах дуг 12, 2008)

- (244) *Съезд Рæстæгмæ-йы хицауад-æй ноджы*
съезд временный-GEN правительство-AVL снова
ба-домд-т-а, [*нысылмон афицер-тæ командæ*
PV-требовать-TR-PRST.3SG мусульманский офицер-PL команда
кæм-æн хъуамæ кæн-ой], *ахæм нысылмон æфсæдд-он*
кто-DAT надо делать-SBJV.3PL такой мусульманский армия-ADJ
хæй-ттæ с-араз-ын-ы бар.
часть-PL PV-строить-INF-GEN право

‘Съезд снова потребовал от Временного правительства права создавать мусульманские воинские части, которыми должны командовать офицеры-мусульмане.’

(ОНК: Мах дуг 1, 1997)

В обоих этих случаях возможен также «подъём клитик», что указывает на то, что здесь можно говорить о моноклаузальной конструкции. Поэтому возможность релятивизации ожидаема. Помимо подобных примеров, вопросительный вынос в осетинском языке строго локален.

3.3.2. Допустимые составляющие в релятивной группе

В случае, когда подчинительная группа выражена показателем *цы* ‘что’ в сочетании с вершиной *и*, возможно, другими зависимыми, она представляет собой полноценную именную группу. В этой именной группе показатель *цы* занимает позицию детерминанта, которую в других случаях могут занимать такие слова, как *уы-цы* (DemDist-аттр) ‘тот’, *а-цы* (DemProх-аттр) ‘этот’, *исты* < *ис-цы (INDEF-что) ‘какой-то’, *алы* ‘каждый’. Поэтому эти элементы в относительной группе недопустимы, тогда как остальные составляющие именной группы допускаются:

(245) *цы уыцы, *уыцы цы

(246) *цы алы, *алы цы

(247) *цы исты, *исты цы

(248) *посессор

* [<Зауыр-ы> цы <Зауыр-ы> æмбал-ы фед-т-ай],
 Заур-GEN что друг-GEN видеть.PFV-TR-PST.2SG
 уый у ме ’фсымæр.
 DemDist[NOM] быть.PRS.3SG 1SgPoss брат

(‘Тот друг Заура, которого ты видел, — мой брат.’)

(249) числительное

Адон, [ибон митиндж-ы сусæг-æй цы дыууæ
 DemProх.PL недавно митинг-IN тайный-AVL что два
 лæдж-ы ныхас код-т-ой], уыдон куы сты...
 мужчина-GEN речь делать-TR-PST.3PL DemDist.PL ведь быть.PRS.3PL

‘Это ведь те два человека, которые на днях тайно разговаривали на митинге.’ (ОНК)

(250) [Екуп-ы кæрт-ы цы æртæ фæткъуы-йы зай-ы],

Екуп-GEN двор-IN что три яблоко-GEN расти-PRS.3SG

уыдон-ы дыргъ-тæ раджы æфснайд æр-цыд-ысты ...
DemDist.PL-GEN плод-PL давно убирать.PTCP PV-идти-PST.INTR.3PL
‘Те три яблока, что росли во дворе Екупа, уже давно убраны...’

(ОНК: Мах дуг 4, 2008)

- (251) квантификатор *æппæт* ‘все’
[*Адæм цы æппæт диссаг-тæ араз-ыны*], уыдон-æй
люди что весь чудо-PL строить-PRS.3PL DemDist.PL-AVL
диссаг-дæр у адæймаг йæ-хæдæг.
чудо-COMPAR быть.PRS.3SG человек 3SgPoss-сам
‘Из всех¹⁴ чудес, которые создают люди, самым чудесным является сам человек.’

(ОНК: Мах дуг 7, 2010)

- (252) дистрибутивный квантификатор *фæйнæ*
[*Хъазбеги дæр æмæ Джавахишвили дæр цы фæйнæ ситуаци-йы*
Казбеги ADD и Джавахишвили ADD что DISTR ситуация-GEN
æвдис-ыны хох-ы гуырды æмæ быдыр-ы гуырды-йы
показывать-PRS.3PL гора-GEN грузины и поле-GEN грузины-GEN
цард-æй], уыдон *кæрæдзи-йыл æмбæл-ыны æрдз æмæ*
жизнь-AVL DemDist.PL Recip-SUPER природа и время-GEN
рæстæдж-ы тыгъдад-ы сæр-т-ы.
пространство-GEN верх-PL-IN
‘Каждая пара¹⁵ ситуаций, которую и Казбеги, и Джавахишвили показывают из жизни горных и равнинных грузин [соответственно], сталкивается с другой во времени и пространстве.’

(ОНК)

- (253) квантификатор *бирæ* ‘много’
[*Цæлыкка-т-ы бинонтæ йæм цы бирæ фыстæдж-ытæ*
Цаликов-PL-GEN семья 3PIncl.ALL что много письмо-PL
фе-рвыст-ой], уыдон *нæ ба-ззад-ысты.*
PV-слать-PST.TR.3SG DemDist.PL NEG PV-остаться-PST.INTR.3SG
‘Те многие письма, которые ему послала семья Цаликовых, не сохранились.’

(ОНК)

¹⁴Подробнее о семантических особенностях использования квантификатора в относительной группе см. главу 4.

¹⁵Из этого примера видно, что традиционная интерпретация *фæйнæ* как предлога ‘по’ несостоятельна, поскольку здесь он находится в предглагольной позиции после показателя *цы*. Точный перевод этого слова на русский язык, однако, не всегда очевиден.

- (254) прилагательное
 [*Фыдæл-т-æй нын* *цы хорз* *æгъдæу-ттæ*
 отец-PL-AVL 1PEncl.DAT что хороший обычай-PL
ба-ззад-и], *уыдон-ыл* *къух с-ис-ын* *нæ*
 PV-остаться-PST.INTR.3SG DemDist.PL-SUPER рука PV-братъ-INF NEG
хъæу-ы ...
 нужно-PRS.3SG

‘Не нужно оставлять те хорошие обычаи, который остались у нас от предков.’

(ОНК: Мах дуг 8, 1998)

3.4. Ограничения на коррелят

3.4.1. Ограничения на форму коррелята

В целом в осетинском языке действует достаточно строгое требование того, чтобы коррелят содержал указательное местоимение дальнего плана:

- (255) [*Дидиндж-ытæ цы чызг-æн* *ба-лæвар* *код-т-ай*],
 цветок-PL что девушка-DAT PV-подарок делать-TR-PST.2SG
фед-т-он { *уый* / **æй* }.
 видеть.PFV-TR-PST.1SG DemDist[NOM/GEN] 3SgEncl.GEN

‘Я видел девушку, которой ты подарил цветы.’

Это условие широко известно из литературы по коррелятивам и носит название «требования демонстратива» (demonstrative requirement) [Srivastav, 1991, с. 649; Dayal, 1995, с. 181]. Причём, если в хинди, насколько мне известно, отсутствуют иные средства прономинальной (т.е. не-рефлексивной) анафорической референции, кроме дистантных демонстративов, то в осетинском языке как минимум имеются посессивные проклитики и местоименные энклитики второй позиции, которые в принципе не менее употребимы в качестве анафорических средств; в случае же, когда речь идёт о референции внутри одного предложения, то их использование даже предпочтительно по сравнению с демонстративами:

- (256) *Æз Зауыр-ы_i фед-т-он æмæ { йЫН_{i,??j} /*
 1Sg.NOM Заур-GEN видеть.PFV-TR-PST.1SG и 3SgEncl.DAT
УЫМ-ÆН_{??i,j} } æхца рад-т-он.
 DemDist-DAT деньги дать.PFV-TR-PST.SG
 ‘Я увидел Заура и дал ему денег.’

Таким образом, «требование демонстратива» для осетинского языка представляется достаточно произвольным и не выводимым из каких-либо общих принципов. По-видимому, это чисто синтаксический запрет. Это также подтверждает тот факт, что, как было показано в главе 2, разные подчинительные показатели требуют разных коррелятивов, причём зачастую коррелятив малоупотребим вне связи с конкретным подчинительным показателем (например, *уалынмæ*, *уæдмæ* в сочетании с *цалынмæ*). Если подчинительный показатель может накладывать какие-то конкретные требования на коррелятив, то можно предположить, что и коррелятивная конструкция в целом ставит определённые более общие ограничения на форму коррелятива. Впрочем, и эти ограничения иногда нарушаются, о чём будет сказано подробно в следующем подразделе.

Поскольку показатель *уыцы* занимает позицию детерминанта так же, как показатель *цы*, на форму коррелятива в целом действуют те же ограничения, что и на форму относительной группы, за единственным исключением: в группе коррелятива недопустим квантификатор *фæйна*. Этому факту будет дано объяснение в следующей главе, посвящённой семантике.

- (257) посессор
Уый зын-ы канд йе ’мдзæвгæ-т-ы
 DemDist[НОМ] виднеться-PRS.3SG только 3SgPoss стихотворение-PL-IN
нæ, фæлæ йæ аив фыст мемуар-т-ы «Аз-тæ æмæ
 NEG но 3SgPoss красивый писать.PTCP мемуар-PL-IN год-PL и
адæймæг-тæ», зæгъ-гæ, [гуырды-аг театралон
 человек-PL сказать-PCVB грузины-ADJ театральный
аивад-ы рæзт-æн стыр ахъаз чи фæц-и],
 искусство-GEN расти.PTCP-DAT большой помощь кто.НОМ PV-Exst
йæ уы-цы бирæ монографи-тæ æмæ театралон
 3SgPoss DemDist-ATTR многих монография-PL и театральный
уац-т-ы дæр.
 статья-PL-IN ADD
 ‘Это видно не только в его стихотворениях, но и в его красиво напи-

санных мемуарах «Годы и люди», в тех его многих монографиях, которые стали большой помощью для роста грузинского театрального искусства.’

(ОНК: Бестаев Г.Г., *Произведения*, , 2004)

- (258) [*Нырыккон ирон уацау разэнгард-æй кæ-уыл*
современный осетинский повесть воодушевлённый-ABL кто-SUPER
хъуыды кæн-ы], *цард-ы уы-цы æнус-он темæ-т-ы*
мысль делать-PRS.3SG жизнь-GEN DemDist-ATTR век-ADJ тема-PL-GEN
æхсæн уæлдай ахсджаг у фæндадж-ы «раз-фæлгонц».
между самый важный быть.PRS.3SG дорога-GEN перед-образ
‘Особенно важным среди тех вечных тем жизни, о которых воодушевленно размышляет современная осетинская повесть, является «предобраз» дороги.’

(ОНК: Мах дуг 9, 2008)

- (259) числительное
[*Чи маæ æрба-ласт-а фæндаг-мæ*],
кто.NOM 1SgEncl.GEN PV-вести-PST.TR.3SG дорога-ALL
уы-цы дыууæ салдат-ы мыл
DemDist-ATTR два солдат-GEN 1SgEncl.SUPER
с-хæц~схæц кæн-ыни, фæлаæ маæ маæ
PV-хватать[IMP.2SG]~REDUP делать-PRS.3PL но 1SgEncl.GEN 1SgPoss
къæх-тæ нæ уром-ыни.
нога-PL NEG остановить-PRS.3PL
‘Те два солдата, которые привели меня к дороге, держат меня, но мои ноги меня не останавливают.’

(ОНК: Мах дуг 6, 2001)

- (260) *дистрибутивный квантификатор *фæйнæ*

- (261) квантификатор *бирæ* ‘много’

см. (257)

- (262) квантификатор *æппæт* ‘все’

... *ирон литературæ чи кæс-ы æмæ чи*
осетинский литература кто.NOM читать-PRS.3SG и кто.NOM
уарз-ы, æппæт уыдон-мæ.
любить-PRS.3SG весь DemDist.PL-ALL

‘Для всех тех, кто читает и любит осетинскую литературу.’

(ОНК: Бестаев Г.Г. *Произведения*, 2004)

3.4.2. Островные ограничения

В целом для осетинского языка верно то утверждение, что путь от коррелята к коррелятивной клаузе не может проходить через границу клаузы, за исключением инфинитивных придаточных:

- (263) * [*Цы лæдж-ы фæд-т-ай*], *мæн фæнд-ы*,
 что мужчина-GEN видеть.PFV-TR-PST.2SG 1Sg.GEN хотеть-PRS.3SG
цæмæй æхца уым-æн ратт-ай.
 чтобы деньги DemDist-DAT дать.PFV-SBJV.2SG
 ('Я хочу, чтобы ты дал деньги тому человеку, которого ты видел.')

Поскольку ровно такие же требования в осетинском языке накладываются на вопросительный вынос, релятивизацию, топиализацию и иные дистантные зависимости, наиболее разумным обобщением будет считать, что, в соответствии с анализом Бхатта [Bhatt, 2003], зависимая клауза структурна связана с коррелятом через передвижение или иную аналогичную операцию, подчиняющуюся островным ограничениям. Однако такой идее противоречит тот факт, что коррелят может использоваться внутри сочинённой группы:

- (264) [*Знон кæ-имæ ныхас код-т-ам*], *абон уы-цы*
 вчера кто-сoмIT речь делать-TR-PST.1PL сегодня DemDist-ATTR
лæдж-ы æмæ Зауыр-ы фæд-т-он.
 мужчина-GEN и Заур-GEN видеть.PFV-TR-PST.1SG
 'Сегодня я увидел человека, с которым мы вчера разговаривали и Заура.'

Выше было показано, что, во всяком случае, с точки зрения релятивизации и вопросительного выноса, сочинительные группы в осетинском языке являются островами. В связи с этим возможность использовать коррелят внутри сочинительной группы — сильный аргумент против трактовки коррелятивов как подчиняющихся островным ограничениям.

Кроме того, в некоторых случаях возможно использование коррелята внутри зависимых клауз, причём не только актантов, но и адъюнктов. Важно, что в данном случае не только отменяется требование демонстратива, но выражение коррелята клиткой или нулём даже предпочтительно:

- (265) [*Ирон-ау* **чи** *дзур-ы*], *зæгъ* *ма*
 осетинский-EQU кто.НОМ говорить-PRS.3SG сказать[IMP.2SG] PtcI
мын, [*ахæм адæймаг* *кæм ис ссар-æн*]
 1SgEncl.DAT такой человек где Exst найти.PFV-NMLZ
 ‘Скажи мне, где я могу найти **такого человека, который** говорит по-осетински.’
- (266) [*Æз* *дын* **цы лæдж-ы** *тыххæй дзырд-т-он*],
 1Sg.NOM 2SgEncl.DAT что мужчина-GEN для говорить-TR-PST.1SG
зæгъ=иу *мын*, [*йе* *'мбæл-ттæ йæм*
 сказать[IMP.2SG]=FUT 1SgEncl.DAT 3SgPoss друг-PL 3SgEncl.ALL
куы 'рба-цæу-ой], *уæд*.
 когда PV-идти-SBJV.3PL тогда
 ‘Скажи мне, если к человеку, о котором я вам рассказывал, придут его друзья.’

Впрочем, иногда требование демонстратива нарушается и в главных клаузах:

- (267) *Æмæ* [*зæхх-ыл* **цы хæст-ытæ** *уыд-ис*], *сæ* *тæккæ*
 и земля-SUPER что война-PL быть-PST.INTR.3SG 3PLPoss самый
карз-дæр *тыгъд* *быдыр-ы с-сыгъд-и*.
 жестокий-СМПАР широкий поле-IN PV-гореть-PST.INTR.3SG
 ‘И самая жестокая из войн, которые были на земле, разгорелась в открытом поле.’ (букв. ‘И которые войны были на земле, из них самая жестокая началась в открытом поле.’)
 (ОНК: Плиев Г.Д., *Произведения*, 2004)
- (268) ... [*Дæу* *уы-цы* *зындон-ы* *ран-æй* **чи**
 2Sg.GEN DemDist-ATTR тюрьма-GEN место-ABL кто.НОМ
ра-тыд-т-а], *фæрныг* *цард* **ыл**
 PV-разбрасывать-TR-PST.3SG изобильный жизнь 3SgEncl.SUPER
бац-айдагъ *у-æд*
 PV-пустой быть.OPT.3SG
 ‘...пусть изобильная жизнь разольётся над тем, кто вырвал тебя из этого тюремного места.’
 (ОНК: Бицоев Г.Х., *Вечерняя звезда*, 2003)
- (269) [*лидз-ын-мæ* **чи** *фæц-и*] — *лидз-гæ-йæ* *цагъд-ы*
 бежать-INF-ALL кто.НОМ PV-Exst бежать-PCVB-ABL разрушение-IN

код-т-ой

делать-TR-PST.3PL

‘Кто начал бежать, умер во время бега.’

(ОНК: Мах дуг 9, 2005)

По-видимому, для этого требуются особые коммуникативные условия, пока не очень ясные, т.к. опрошенные мною носители языка подтверждают корпусные примеры, но чаще всего отвергают искусственно сконструированные аналогичные предложения. Можно предположить, в главной клаузе корреляты такого рода предпочтительны в тех контекстах, в которых использование соответствующих местоимений мотивировано независимыми соображениями. Так, квантификатор *æппæт* ‘все’ и слово *тæккæ* ‘самый’ чаще всего употребляются с посессивными проклитиками, и именно с этими словами употребление коррелята-проклитики становится допустимым даже вне специального контекста:

(270) [*Цы лæппу-тæ æрба-цыд-ысты*], *се* *'ппæт дæр ме*
 что мальчик-PL PV-идти-PST.INTR.3PL 3PPOSS весь ADD 1SgPOSS
'мбæл-ттæ сты.
 друг-PL БЫТЬ.PRS.3PL

‘Все мальчики, которые пришли, — мои друзья.’

(271) [*Цы лæппу-тæ æрба-цыд-ысты*], *сæ тæккæ*
 что мальчик-PL PV-идти-PST.INTR.3PL 3PPOSS самый
бæрзонд-дæр ме 'фсымæр у.
 высокий-COMPAR 1SgPOSS брат БЫТЬ.PRS.3SG

‘Самый высокий из тех мальчиков, которые пришли, — мой брат.’

Во всяком случае, можно сделать следующие обобщения:

- В главной клаузе предпочтителен демонстративный коррелят; предложения с коррелятом, выраженным клитикой или нулём, грамматичны только при некоторых дополнительных условиях.
- Предпочтительно, чтобы путь от коррелята к соответствующему ему придаточному не пересекал границу другого придаточного; если же это так, то предпочтителен ноль или клитика.

Подобное распределение весьма необычно: оказывается, что «островные» ограничения (за исключением Ограничения на сочинительную структуру)

действуют для демонстративных коррелятивов и не действуют для коррелятивов-клитик или нулей. Едва ли можно предложить какую-либо функциональную мотивацию для такого положения вещей. В разделе 3.7 будет предложено чисто синтаксическое объяснение, состоящее в том, что в осетинском языке доступны как «локальный», так и «дистантный» способы связывания коррелятива с зависимой клаузой.

3.5. Множественная релятивизация

В осетинском языке, помимо простых коррелятивов, существуют также множественные коррелятивы, в которых релятивизируются сразу две и более позиций. Их можно проиллюстрировать на следующем примере:

- (272) *Чызг-æй=лæппу-йæ*, [*чи* *кæй* *цонг-ыл* *куыд*
 девочка-AVL=мальчик-AVL кто.НОМ кто.GEN рука-SUPER как
фæ-хæст], *тымбыл-цæг-æй*
 PV-держаться[PST.INTR.3SG] круглый-кольцо-AVL
æр-хæцыд-ысты *сæ* *кæрæдзи-йы уæхсч-ыт-ыл*.
 PV-держаться-PST.INTR.3PL 3PLPoss Recip-GEN плечо-PL-SUPER
 ‘Девушки и парни, кто чью руку как держал, в хороводе взяли за
 плечи друг друга.’

(ОНК: Казиев М., *Я верю*, 2005)

Уже из этого примера видны отличия множественных коррелятивов от простых, как в форме коррелятива, так и в том, что не всем подчинительным показателям соответствует коррелятив. Имеется и ряд других синтаксических отличий, которые будут описаны в следующих разделах.

3.5.1. Подчинительные элементы в множественных коррелятивах

В разделе 3.1.1.3 было показано, что в осетинском языке следует различать классы подчинительных показателей и вопросительных слов, хотя большинство из них омонимичны друг другу. Одним из важнейших синтаксических отличий множественных коррелятивов от простых является тот факт, что в первых употребляются не подчинительные показатели, а собственно вопро-

сительные слова. Это видно из того, что в качестве показателя релятивизации времени используется вопросительное слово *кæд* ‘когда’, а не союз *куы* ‘когда/если’, употребляющийся в простых коррелятивах:

- (273) [*Кæд цы лæг нæ-у хи адæм-ы уарзт-æн*],
 когда что мужчина NEG-быть.PRS.3SG Refl[GEN] люди любовь-DAT
уый æндæр-æн не с-кæн-дзæн æгъдау!
 DemDist[НОМ] другой-DAT NEG PV-делать-FUT[3SG] обычай
 ‘Когда какой человек не любит свой народ, он и другому не будет служить!’

(ОНК: Бестаев Г.Г. *Произведения*, 2004)

- (274) *Адæм-ы арфæ æр-цæу-æд, [дæ зæрдæ кæд*
 люди-GEN благословение PV-идти-IMP.3SG 2SgPoss сердце когда
кæм-æй фе-стъæлф-ы], уыдон-ыл.
 кто-ABL PV-вздоргнуть-PRS.3SG DemDist.PL-SUPER
 ‘Да благословляют люди тех, от кого когда[-либо] вздрогнуло твоё сердце.’

(ОНК: *Мах дуг* 5, 2001)

- (275) [*Чи { кæд / *куы } æрба-цыд-и*], *уæд ба-сихор*
 кто.NOM когда PV-идти-PST.INTR.3SG тогда PV-обед
код-т-а.
 делать-TR-PST.3SG
 ‘Кто когда пришёл, тогда и пообедал.’

Кроме того, с множественными коррелятивами ни в каком виде не совместимы «плавающие» союзы:

- (276) * Цалынмæ чи æрбацæйцыди, уæдмæ сихор кодтам.

Из этого факта напрямую следуют две вещи. Во-первых, он означает, что множественные коррелятивы нельзя рассматривать как всего лишь «расширенный» вариант простых коррелятивов, т.е. нельзя считать, что в осетинском языке имеется единая коррелятивная конструкция, в которой можно свободно употреблять любое количество подчинительных групп. Во-вторых, тот факт, что подчинительными элементами во множественных коррелятивах являются именно вопросительные слова, свидетельствует о том, что любой анализ этой конструкции должен по возможности выводить её семантику из семантики вопросительных слов, не постулируя для каждого из них отдельных лексических единиц. На мой взгляд, не следует объяснять такой

контраст между простыми и множественными коррелятивами чистой случайностью.

Вероятно, на количество вопросительных слов не накладывается верхней границы, хотя, по понятным причинам, примеров, содержащих более трёх вопросительных слов, в корпусе найти не удалось.

Порядок подчинительных групп во множественных коррелятивах подчиняется тем же ограничениям, что и порядок вопросительных слов (см. выше):

(277) SUBJ > DO

а. [**Чи** **цы** *æрба-хаст-а*], **уыдон** *æр-æвæрд-т-ой*.
кто.НОМ что PV-нести-PST.TR.3SG DemDist.PL PV-класть-TR-PST.3SG
'Кто что принёс, то и положили.' (Мах дуг 8, 1997)

б. * Цы чи...

(278) IO > DO

а. [*Сылгоймæг-т-æй* **кæм-æн** **цы** *йæ* *зæрдæ* *зæгъ-ы*],
женщина-PL-AVL кто-DAT что 3SgPoss сердце сказать-PRS.3SG
уым-æй *а-хæр-ы*, [*йæ* *зæрдæ* **кæм-æн** **цы**
DemDist-AVL PV-есть-PRS.3SG 3SgPoss сердце кто-DAT что
нозт *агур-ы*], **уым-æй** *а-хуыпп* *кæн-ы*.
напиток искать-PRS.3SG DemDist-AVL PV-глоток делать-PRS.3SG

б. * ... цы кæмæн ...

'Кому из женщин что говорит её сердце, тем она питается, кому её сердце какой напиток ищет, от того глотает.'

(ОНК: Агнаев Г.А., *Длинной осенней дорогой*, 2003)

В целом в качестве подчинительных групп во множественных коррелятивах могут использоваться любые вопросительные группы, в частности, ИГ с детерминантом *цы* 'что':

(279) ... [**кæм** **цы** *хорз* **лæг** *уыд*], **уыдон**
где что хороший мужчина быть[PST.INTR.3SG] DemDist.PL
æр-ымбырд *сты* *Мæсгуы-т-ы* *хъæу-ы* *ныхас-ы* ...
PV-собрание быть.PRS.3PL башня-PL-GEN село-GEN совет-IN

'Где какой хороший человек был, они собрались на совете села Масгута.'

(ОНК)

3.5.2. Ограничения на коррелят

Если в простых коррелятивах коррелят в подавляющем большинстве случаев, за отдельными исключениями, обязательно должен содержать демонстратив, то во множественных коррелятивах коррелят может быть выражен как ИГ, содержащей демонстратив, так и любым местоимением, в том числе нулевым (особенно в позиции субъекта, но не только):

- (280) [*Йæ раз-мæ уæ кæм-æн цы хæс и*], *кæн-æд*
 3SgPoss перед-ALL 2PlEncl.AVL кто-DAT что долг Exst делать-IMP.3SG
уый кад-имæ æххæст...
 DemDist[НОМ/ГЕН] почёт-СОМІТ совсем
 ‘Перед кем из вас какой долг есть, пусть он выполнит его с честью до конца.’

(ОНК: Дзасохты Музафер, *Зонд æмæ амонд*, 2012)

- (281) [*Чи цы аккаг у-а*], *ахæм хицау ын*
 кто.НОМ что достойный быть-SBJV.3SG такой господин 3SgEncl.DAT
вæйй-ы.
 бывать-PRS.3SG
 ‘Кто чего достоин, такой хозяин у него и бывает.’

(ОНК: Айларов И., Гаджинова Р., Кцоева Р., *Пословицы*, 2005)

- (282) *Уæдæ [чи цы ра-мбул-а]*, *уый йæ*
 так кто.НОМ что PV-выиграть-SBJV.3SG DemDist[НОМ] 3SgEncl.GEN
йæ мад-æн ра-ппæл-æд!
 3SgPoss мать-DAT PV-хвастаться-IMP.3SG
 ‘Пусть, кто что выиграл, тем он хвастается матери!’

(ОНК)

- (283) *Æртæ бон-ы сæ раз-дæр ра-уагът-а*,
 три день-GEN 3PlEncl.GEN перед-COMPAR PV-оставлять-PST.TR.3SG
стæй сæ ра-сырд-т-а æмæ [кæй куыд
 затем 3PlEncl.GEN PV-гнать-TR-PST.3SG и кто.GEN как
æййæфт-а], *афтæ сын сæ хъыбыл-тæ*
 настигать-PST.TR.3SG так 3PlEncl.DAT 3PlPoss щенок-PL
скъуыд-тæ код-т-а æмæ йæ-хæдæг
 порванный-PL делать-TR-PST.3SG и 3SgPoss-сам
æрба-цыд-и.
 PV-идти-PST.INTR.3SG

‘На три дня он их отпустил вперёд, а затем нагнал их и, как только

кого догонял, тогда их щенков разрывал и пришёл сам'

(ОНК: Нартовские сказания)

- (284) [**Чи** **кæй** уæрдон-ы а-бад-ы], **уый**
 кто.NOM кто.GEN телега-IN PV-сидеть-PRS.3SG DemDist[GEN]
 зардж-ытæ фæ-кæн-ы ...
 песня-PL PV-делать-PRS.3SG
 'Кто в чьей телеге сидит, того песни и поёт.'

(ОНК: Мах дуг 5, 2006)

Также см. (272), где в качестве коррелята используется посессивная проклитика.

В отличие от простых коррелятивов, где коррелят внутри зависимой клаузы если и допустим, то только в форме клитики, во множественных коррелятивах допустимо нахождение коррелята внутри зависимой клаузы, причём в любой форме:

- (285) [**Чи** **цы** уарз-ы], мæн фæнд-ы, [**цæмæй**
 кто.NOM что любить-PRS.3SG 1Sg.GEN хотеть-PRS.3SG чтобы
йæ **уый** ссар-а].
 3SgEncl.GEN DemDist[NOM] найти.PFV-SBJV.3SG
 'Кто что любит, я хочу, чтобы он это нашёл.'

Впрочем, нахождение коррелята внутри зависимых клауз, которые сами являются коррелятивами (т.е. имеют свой коррелят), недопустимо и в этой конструкции:

- (286) [**Чи** **цы** уарз-ы], æз зон-ын, [**уый**
 кто.NOM что любить-PRS.3SG 1Sg.NOM знать-PRS.1SG DemDist[NOM]
йæ **кæй** ссар-дзæн-и], (*уый).
 3SgEncl.GEN COMP найти.PFV-FUT-3SG DemDist[NOM/GEN]
 'Кто что любит, я знаю, что он это найдёт.'

- (287) * [**Чи** **цы** уарз-ы], æз ба-цин кæн-дзын-æн,
 кто.NOM что любить-PRS.3SG 1Sg.NOM PV-радость делать-FUT-1SG
 [**уый** **йæ** куы ссар-а], уæд.
 DemDist[NOM] 3SgEncl.GEN если найти.PFV-SBJV.3SG тогда
 ('Кто что любит, я буду рад, если он это найдёт.')

Интересно, что такое же «ослабление» ограничений на коррелят во множественных коррелятивах было отмечено для хинди в работе [Bhatt, 1997]. В целом в хинди опущение коррелята свободнее, чем в осетинском, но даже

в тех случаях, когда отсутствие коррелята недопустимо в простых коррелятивах, во множественных оно допустимо. Это соответствует тому, что в хинди в целом нулевое выражение аргументов распространено гораздо шире, чем в осетинском, и затрагивает не только подлежащие [Simpson, Choudhury, Menon, 2013].

3.5.3. Необязательность коррелята

Простые коррелятивы требуют обязательного наличия коррелята в главной клаузе, и в этом множественные коррелятивы, на первый взгляд, полностью им идентичны, т.к. предложения без коррелята недопустимы¹⁶:

- (288) * [**Чи** **цы** 'рба-хæсс-а], дуар ба-йгом кæн.
кто.НОМ что PV-нести-SBJV.3SG дверь PV-открытый делать[IMP.2SG]
(‘(Если) кто что принесёт, открой дверь.’)

Однако оказывается, что данное требование касается только **линейно последнего** из вопросительных слов. Другие вопросительные слова могут интерпретироваться просто как неопределённые местоимения (аналогичные, например, англ. *whoever*, русскому *кто бы ни* и т.д.), которым не соответствует никакой участник в главной клаузе:

- (289) а. [Заур_i=уу кæм-æн_j цы_k рад-т-а], ∅_i
Заур=НАВ кто-DAT что дать.PFV-TR-PST.3SG
у-уыл_k=уу ба-цин код-т-а.
DemDist-SUPER=НАВ PV-радость делать-TR-PST.3SG
‘Заур, (если) кому что давал, радовался.’
- б. * [Заур_i=уу кæм-æн_j цы_k рад-т-а], уый_{i,j}=уу
Заур=НАВ кто-DAT что дать.PFV-TR-PST.3SG DemDist[НОМ]=НАВ
ба-цин код-т-а.
PV-радость делать-TR-PST.3SG
(‘(Если) Заур кому что давал, тот радовался.’)

Данное обобщение подтверждается следующими примерами из корпуса:

¹⁶В принципе, в допустимости таких предложений не было бы ничего странного: они встречаются, например, в удмуртском языке [Беляев, 2012]. Также подобные коррелятивы существовали в истории русского языка. Подробнее об этом см. в главе 4.

- (290) коррелят только у *кæд*
Бæрæг нæ-у, кæд сæ фыст-а,
 известный NEG-быть.PRS.3SG когда 3PEncl.GEN писать-PST.TR.3SG
уы-цы рæстæг, уы-мæ гæсгæ амынд
 DemDist-ATTR время DemDist-ALL в_соответствии указывать.PTCP
цæу-ы, æрмæст [мыхуыр-ы сæ чи кæд
 идти-PRS.3SG только печать-IN 3PEncl.AVL кто.NOM когда
ра-цыд], уы-цы рæстæг.
 PV-идти[PST.INTR.3SG] DemDist-ATTR время
 ‘Поскольку неизвестно то время, когда он [Арсен Коцоев] их писал,
 указывается только **то время, кто из них когда** вышел в печать.’
 (ОНК: Баситы Зæлинæ, *Дыууæ зæрдæйы*, 2010)
- (291) коррелят только у *чи*
Мыггагмæ, [кæм дын чи ис], уыдон
 вечно где 2SgEncl.DAT кто.NOM Exst DemDist.PL[NOM]
дзæбæх-æй цæр-æнт.
 хороший-AVL жить-IMP.3PL
 ‘Пусть всегда, где у тебя кто есть, **они**¹⁷ живут хорошо.’
 (ОНК: *Мах дуг 10*, 2001)
- (292) коррелят только у *куыд*
Лидз-гæ-ут, мæ хур-тæ, уæ сæр-тæ
 бежать-PCVB-IMP.2PL 1SgPoss солнце-PL 2PPOss голова-PL
’фснай-ын-ы куыст кæн-ут, [чи куыд
 уборка-INF-GEN делать-PRS.2PL кто.NOM как уметь-PRS.3SG
арæхс-ы], афтæ!
 так
 ‘Бегите, мои дорогие, ваши головы делают работу по уборке. **кто как**
 умеет, так!’
 (Дегоева С.М., *Погасший луч солнца*, 2002)

См. также (277), где коррелят есть только у вопросительного местоимения *цы* ‘что’, а также (279), где коррелят у *кæм* ‘где’ отсутствует.

Таким образом, коррелятом в собственном смысле следует считать только местоимение или ИГ, соответствующее последнему из вопросительных слов. Если в предложении имеются другие ИГ, кореферентные остальным вопро-

¹⁷В данном случае можно было бы допустить, что у *кæм* ‘где’ есть нулевой коррелят со значением ‘там’, но нулевые корреляты, как и нулевые местоимения вообще, в осетинском допустимы в основном только для подлежащего, и во всяком случае совершенно недопустимы для сирконстантов.

сительным словам, то эта кореферентность является обычной анафорой, не обусловленной данной конструкцией.

Эти факты также являются лишним подтверждением того, что в предглагольной области имеется особая позиция для вопросительных слов, отличная от позиций для других фокусных элементов. По-видимому, даже при наличии нескольких вопросительных слов только одно из них находится в этой специализированной позиции; это соответствует анализу синтаксиса вопросительных слов в [Muscok, 2006].

3.5.4. Позиция зависимой клаузы

Как и простые коррелятивы, множественные могут находиться в одной из двух позиций: на левой периферии клаузы и непосредственно перед коррелятивом:

- (293) *Ды нæртон лæг куы уа-ис, уæд нын,*
 2Sg.NOM нартовский мужчина если быть-ОПР.2SG тогда 1P[Encl.DAT
 [*кæм цы æнæ-сæр-мæ-хæсс-инаг и*], *уыдон нæ*
 где что без-голова-ALL=нести-ПТСР.FUT Exst DemDist.PL 1P[Poss
сæр-мæ нæ хиз-ын кæн-ис!
 голова-ALL NEG лезть-INF делать-ОПР.2SG
 ‘Если бы ты был нартовским человеком, ты бы не заставлял лезть нам
 в голову то, что у нас где есть неуважительного.’

(ОНК: Мах дуг 4, 2003)

В случае «вложенной» позиции обязательно выбирается коррелятив, соответствующий последнему из вопросительных слов, что естественным образом следует из того, что только этот коррелятив и является таковым в собственном смысле слова — в остальных случаях мы имеем дело с обычными местоимениями, употребляющимися факультативно и не обладающими в данной конструкции особым статусом.

- (294) а. *Цæй уæдæ, [чи куыд раз-дæр*
 ну так кто.NOM как перед-COMPAR
ра-йгуырð], афтæ дзы а-хæр-æд.
 PV-рождаться[PST.INTR.3SG] так 3Sg[Encl.ABL PV-есть-IMP.3SG]

- б. * Цæй уæдæ, [**чи куыд раздæр райгуырð**], **уый** **афтæ**
DemDist[NOM]
ðзы ахæрæд.

‘Ну тогда, кто чем раньше родился, так [т.е. тем больше] пусть его [мёда] и отведаёт.’

(ОНК: Мах дуг 10, 2011)

3.6. Сочинительная инверсия

Сочинительная инверсия, как один из подвидов псевдосочинительных конструкций, была кратко описана в главе 2. Эта конструкция позволяет преобразовать любой коррелятив в формально сочинительную конструкцию, в которой зависимая клауза следует за главной, коррелятив находится в фокусной позиции (пред- или постглагольный), и между двумя клаузами стоит союз æмæ ‘и’. Инверсия возможна в равной степени как и с предглагольными, так и с начальными подчинительными показателями:

- (295) ... лæппу-йæн йæ-хи дæр **уый** фæнд-ы, æмæ
мальчик-DAT 3SgPoss-Refl ADD DemDist[NOM] хотеть-PRS.3SG и
[йын **цæмæй** иууыл-дæр зон-ой йæ уарзт-ы
3SgEncl.DAT чтобы все-ADD знать-SBJV.3PL 3SgPoss любовь-GEN
тыххæй].

для

‘Мальчик сам хочет того, чтобы все знали о его любви.’ (Мах дуг 2, 2001)

- (296) Нæ дын уыд **ахæм егъау маст, æмæ**
NEG 2SgEncl.DAT быть[PST.INTR.3SG] такой великий горечь и
[**цæмæй** дæ зæрдæ афтæ ба-сау-æвзалы у-а]...
чтобы 2SgPoss сердце так PV-чёрный-уголь быть-SBJV.3SG

‘Не было у тебя такого большого горя, чтобы твоё сердце стало таким чёрным, как уголь...’ (Гусалов Б.М. *И воздастся каждому*, 2003)

- (297) Уарзт тых-джын æмæ рæсугъд уæд у, [**æмæ**
любовь сила-ADJ и красивый тогда быть.PRS.3SG и
йын уавæр-тæ куы вæйй-ы].
3SgEncl.DAT условие-PL когда бывать-PRS.3SG

‘Любовь тогда сильная и красивая, когда для неё есть условия.’ (ОНК)

- (298) ... дзсаг **уый** у, **æмæ** [Стром 48 аз-ы
 чудо DemDist[NOM] быть.PRS.3SG и Стром год-GEN
 дæргъ-ы сенатор **кæй** у]!
 длина-IN сенатор COMP быть.PRS.3SG
 ‘Удивительно то, что Стром сенатор 48 лет!’

(ОНК: Мах дуг 2, 2003)

Такие предложения — дополнительный аргумент в пользу синтаксического единства всех подчинительных конструкций, содержащих коррелят, в осетинском языке. В то же время сочинительная инверсия недопустима с множественными коррелятивами, что, в свою очередь, свидетельствует об особом статусе последних:

- (299) * Дзæбæх-æй **уыдон** *цæр-æнт*, **æмæ** [*кæм* дын
 хороший-AVL DemDist.PL жить-IMP.3PL и где 2SgEncl.DAT
чи *ис*].
 кто.NOM Exst

(‘Пусть хорошо живут те, кто у тебя где есть.’)

(модификация 291)

Встречаются примеры, когда зависимая клауза находится в постпозиции без союза *æмæ*, причём коррелят находится в главной предложении в фокусной позиции:

- (300) *Ницæйаг æмæ æлгъаг лæг уый*
 ничтожный и отвратительный человек DemDist[NOM]
 у, [*цæммар-тæ хъуаг чи вæйй-ы*].
 быть.PRS.3SG негодяй-PL нуждающийся кто.NOM бывать-PRS.3SG
 (Эразм Роттердамаг)

‘Ничтожный и отвратительный человек — это тот, кто нуждается в негодях. (Эразм Роттердамский)’

(ОНК: Мах дуг 1, 2005)

- (301) *Стæр-ы дæр уым-æн фæ-раст вæйй-ыни*, [*цæмæй*
 набег-IN ADD DemDist-DAT PV-прямой бывать-PRS.3PL чтобы
адæймадж-ы фæд ма фæ-сæф-а].
 человек-GEN след NEG PV-пропасть-SBJV.3SG

‘В набег затем отправляются, чтобы след человека не пропал’

(ОНК: Мах дуг 4, 2007)

Такие примеры не соответствуют указанным в главе 2 условиям «опущения» коррелята, к тому же содержат коррелят, но не в канонической позиции. На мой взгляд, их следует анализировать, как сочинительную инверсию с опущением союза *æмæ*. Это следует из того, что во всех подобных примерах коррелят обязательно должен занимать фокусную позицию, как и при сочинительной инверсии. Бессоюзная же связь для сочинительных и псевдосочинительных конструкций вполне ожидаема.

Сопоставим свойства сочинительной инверсии со свойствами двух псевдосочинительных конструкций, рассмотренных в [Belyaev, в печ.]. С точки зрения структуры составляющих сочинительная инверсия безусловно относится к сочинению: это следует из невозможности вложить «зависимую» клаузу в «главную», невозможности перестановки клауз и сочинения двух «зависимых» клауз при помощи другого сочинительного союза:

- (302) а. * $\langle \text{Æмæ} \rangle$ [*кæм дын чи ис*] $\langle \text{æмæ} \rangle$ *уыдон дзæбæхæй цæрæнт*.
 б. * *Дзæбæхæй, æмæ* [*кæм дын чи ис*], *уыдон цæрæнт*.
 в. * *Дзæбæхæй уыдон, æмæ* [*кæм дын чи ис*], *цæрæнт*.

(‘Пусть хорошо живут те, кто у тебя где есть.’) (модификация 291)

- (303) * *Диссаг уый у, æмæ* [*Стром 48 аз-ы дæргъы сенатор кæй у*], *фæлæ*
 но

æмæ [*йæ-хи кæй нæ-ма с-уæгъд*

и 3SgPoss-Refl COMP NEG-ещё PV-отпустить.РТСР
код-т-а].

делать-TR-PST.3SG

(‘Удивительно то, что Стром 48 лет сенатор, но что он ещё не подал в отставку.’)

(модификация (298))

Кроме того, союз *æмæ* в этой конструкции не может быть линейно вложен в зависимую клаузу, что отличает его как от предглагольных, так и от «плавающих» союзов, сближая только с сочинительными:

- (304) * *Диссаг уый у*, [*Стром æмæ 48 азы дæргъы сенатор кæй у*].

Вообще говоря, сам факт того, что *æмæ* может сосуществовать с «плавающими» союзами, говорит о том, что он не может занимать отведённую для них позицию в структуре составляющих, и, в соответствии с наиболее простым анализом, является сочинительным. В этом отношении сочинительная

инверсия аналогична как актантному, так и причинному псевдосочинению.

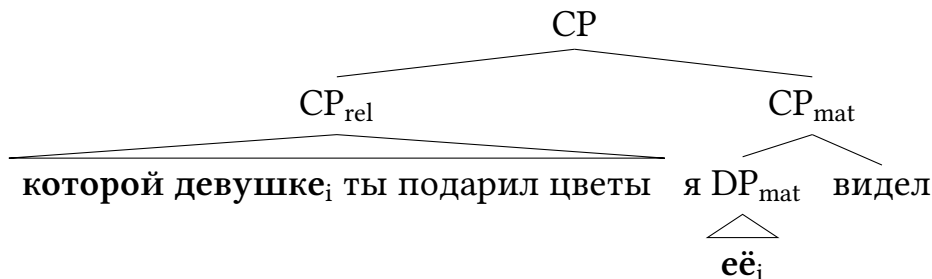
Что касается свойств, которые в указанной работе относятся к f-структуре и сводятся к действию Ограничения на сочинительную структуру Россса [Ross, 1967] в широком смысле (т.е. невозможность применения некоторой синтаксической операции к отдельным конъюнктам), то, к сожалению, их лишь предстоит изучить. Однако, учитывая, что в этой конструкции наблюдается катафора, можно с осторожностью предположить, что на f-структуре она является сочинительной: катафора обычно невозможна, если антецедент находится в зависимой клаузе (в соответствии, например, с принципом *precede-and-command* [Langacker, 1969; Jackendoff, 1972; Lasnik, 1976; Bruening, в печ.]).

Описанные в [Belyaev, в печ.] семантические тесты применимы только для разграничения обстоятельственных предложений и сочинительных и не годятся для анализа подобных многофункциональных конструкций. Однако, исходя из того, что сочинительная инверсия полностью аналогична по своему значению каноническим коррелятивам, отличаясь от них только синтаксической и информационной структурой, представляется достаточно естественным считать, что она является семантически подчинительной. Таким образом, сочинительная инверсия с точки зрения своей структуры полностью аналогична причинной конструкции с *уымæн æмæ*, которую я рассматриваю как сочинительную на обоих уровнях синтаксиса (в терминах ЛФГ, на s- и f-структурах), но подчинительную на уровне семантики. Простые коррелятивы в осетинском языке тем самым обладают, при идентичном значении, двумя синтаксическими «репрезентациями»: сочинительной и подчинительной.

3.7. Аргументы в пользу и против «передвижения» зависимой клаузы

В современной литературе, посвящённой коррелятивным конструкциям, доминируют два основных подхода к их синтаксису, который можно назвать как «локальный» и «дистантный» анализы этих конструкций. Дистантный анализ коррелятивов был разработан впервые для языка хинди в работах [Srivastav, 1991; Dayal, 1995] и далее разработан в [Davison, 2009]. Аналогич-

ные анализы, отличающиеся в ряде деталей, были также предложены для венгерского в [Lipták, 2008] и для сербохорватского [Arsenijević, 2009b] языков. Суть всех вариантов дистантного анализа состоит в том, что зависимая клауза анализируется, как порождающаяся на левой периферии и никак не связанная с коррелятом с чисто структурной точки зрения. Коррелентность между подчинительной группой (группами) и коррелятом является по сути анафорической коиндексацией, механизмы которой, впрочем, у разных авторов различны; так, В. Дайал предлагает очень подробный семантический анализ, в рамках которого коррелят оказывает чем-то вроде «фонетически выраженного следа» (phonetically realized trace) зависимой клаузы [Srivastav, 1991, с. 680] с точки зрения синтаксиса, а зависимая клауза — обобщённым квантором с семантической точки зрения. При этом результирующая семантика, в принципе, близка к семантике канонических относительных предложений (пересечение множеств)¹⁸. Э. Дэвисон же ограничивается достаточно общим утверждением об анафорическом характере связи между подчинительной группой и коррелятом [Davison, 2009, 249 et passim]. В схематическом виде дистантный анализ коррелятивов можно выразить следующим образом (коррелятивы показаны как присоединяющиеся к CP, как в осетинском и в санскрите, а не к IP, как в хинди, но это не является принципиальным):

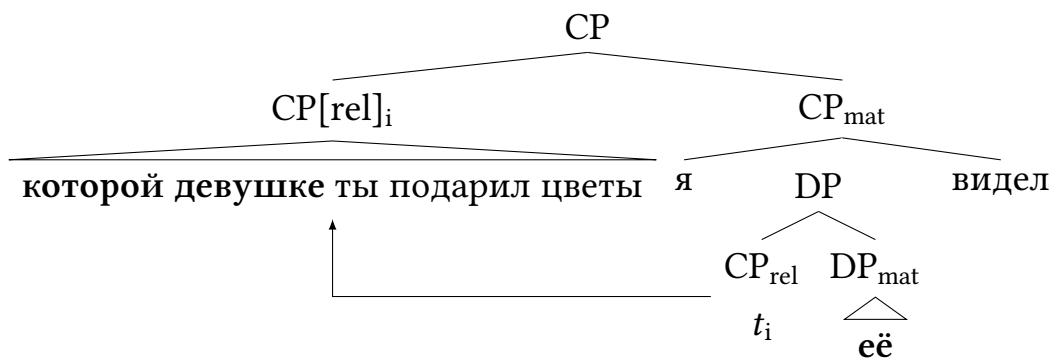

В рамках этого анализа вложенные коррелятивы рассматриваются как особая стратегия, непосредственно не связанная с внешними коррелятивами; в [Davison, 2009] она также, по-видимому, справедливо, анализируется как возникшая сравнительно недавно. Дистантный анализ является наиболее простым в том смысле, что он не требует никаких дополнительных операций; однако он также описывает коррелятивы как имеющие фундаментальные отличия от канонических относительных придаточных, что при прочих равных условиях нежелательно, учитывая функциональное сходство обеих кон-

¹⁸Подробнее о том, почему такая семантика неприменима к осетинским коррелятивам, будет показано в следующей главе.

струкций. Однако, как было показано в главе 2 на примере осетинского языка, функции коррелятивов в принципе могут быть гораздо шире, чем функции простых относительных придаточных; кроме того, как будет показано в следующей главе, семантика коррелятивов весьма сильно отличается от семантики канонических придаточных. Недостатком дистантного анализа можно также считать тот факт, что внешние и вложенные коррелятивы оказываются никак не связанными между собой, хотя они почти идентичны по своему употреблению, причём отношение между ними весьма схоже в таких различных языках, как осетинский и хинди. Однако причины подобного сходства могут иметь и иной характер, например, быть связанными с допустимостью адъюнкции на различных уровнях, или же с похожими путями грамматикализации коррелятивов в разных языках.

Локальный (трансформационный) анализ коррелятивов впервые предложен ещё в [Verma, 1966; Kachru, 1973; 1978; Subbarao, 1984], но получил наиболее полное развитие в работах Р. Бхатта, из которых наиболее известной является [Bhatt, 2003]. На основании ряда синтаксических тестов Бхатт предложил считать, что коррелятивная клауза всегда порождается в позиции адъюнкта к DP, после чего она может факультативно передвигаться в позицию адъюнкта к IP:

Тем самым две позиции коррелятивов оказываются структурно связанными. Следует заметить, что, хотя анализ Бхатта апеллирует к трансформациям, он переводим на язык любого формализма, допускающего идентичное заполнение нескольких позиций в одном предложении. Так, в [Butt, T. N. King, Roth, 2007] этот анализ был переформулирован в рамках ЛФГ с незначительными изменениями; вместо передвижения использовался механизм «общности структуры» (structure sharing) — способности одной f-структуры занимать сразу несколько позиций в предложении: в данном случае, позиции то-

пики предложения и спецификатора одной из актантных позиций (впрочем, предсказания этого анализа несколько уже, чем у Бхатта).

При этом множественные коррелятивы сторонниками локального анализа также рассматриваются как связанные анафорически и деривирующиеся без использования трансформаций [Bhatt, 2003, с. 516]: об этом говорят как соответствующие синтаксические тесты, так и сам по себе факт наличия нескольких коррелятов, с каждым из которых зависимая клауза не может быть связанной трансформационно. Для осетинского языка, впрочем, последний аргумент не подходит, т.к., как было показано выше, только один из «коррелятов» является таковым с синтаксической точки зрения, т.е. обладает признаком обязательности.

Здесь важно отметить, что указанные выше авторы, при всех различиях между ними, едины в том, что усматривают довольно тесную связь между синтаксисом и семантикой. Так, дистантный анализ коррелятивов рассматривается как предполагающий тот или иной вариант анафорического подхода к связыванию между подчинительной группой и коррелятом, тогда как локальный анализ рассматривается как предполагающий какой-то другой вид семантической деривации — например, аналогичный каноническим относительным придаточным, но с использованием операции «максимализации» [Grosu, F. Landman, 1998]. Например, ср. уже цитировавшуюся ранее работу Э. Дэвисон, где аргументация против локального анализа Бхатта и в пользу дистантного анализа неразрывно связывается автором с анафорическим подходом. На мой взгляд, нет никакой логической необходимости в постулировании такой связи: локальный анализ не в меньшей степени совместим с анафорическим подходом, чем дистантный (в обоих случаях возможен тот или иной вид анафорической коиндексации). Дистантный анализ, действительно, сложнее совместить с не-анафорическим анализом семантики, но и это возможно, если допустить определённую свободу на уровне синтактико-семантического интерфейса. В связи с этим я буду строго разделять синтаксический и семантический анализ, и для выбора между локальной и дистантной трактовками буду оценивать только аргументацию, непосредственно связанную с позициями клауз в структуре предложения и типом отношения между ними.

3.7.1. Аргументы Бхатта

Для мотивации своего анализа Р. Бхатт приводит несколько аргументов, тесно связанных с тем, как передвижение понимается в теоретической парадигме, в которой он работает (GB/минимализм). В данном обзоре я стремлюсь быть как можно более нейтральным по отношению к теории; в разделе же 3.8 предлагается формализация в терминах ЛФГ, в которой большинство тестов Бхатта (кроме островных ограничений, обсуждение которых я выношу в отдельный подраздел) никак не связаны с проблемой «передвижения» зависимой клаузы. Поэтому, строго говоря, даже если бы аргументы Бхатта действовали для осетинского, это не было бы само по себе достаточным основанием для того, чтобы принимать его анализ. Тем не менее, поскольку синтаксис осетинских коррелятивов в целом довольно схож с синтаксисом коррелятивов в хинди, я позволил себе напрямую применить критерии Бхатта к осетинскому языку.

Первым аргументом Бхатта в пользу передвижения является тот факт, что в хинди коррелятивы не «наслаиваются» (stack) на левой периферии:

- (305) * [*joo laRkii_i skuul-meeN mehnat kar-tii hai*], [*joo_i anu-kii doost hai*] *woo_i bahut acchii hai*
 REL девочка школа-в усилие делать-IPFV есть REL Ану.GEN
 друг есть 3Sg очень хороший есть
 ('Та девочка, которая старается в школе и которая подруга Ану, очень хорошая.')

[Grosu, 2002]

- (306) * [*joo aadmii_i saay pii rahaai hai*] [*jis makaan-meeN_j maiN ab rah-taa huuN*] *woo_i pichlee saal wahaaN_j rah-taa thaa*
 REL человек чай пить PROG есть REL дом-в 1Sg сейчас
 оставаться-IPFV есмь 3Sg последний год там оставаться.IPFV
 был
 ('Человек, который пьёт чай, в прошлом году жил в доме, где я живу сейчас.')

[McCawley, 2004, с. 307]

Как было показано выше, в осетинском подобное «наслоение» возможно только в случае, если все зависимые клаузы имеют один коррелят (197)–(198),

т.е. некоторое требование единственности, пусть и смягчённое, в осетинском имеется. Впрочем, такая ситуация всё равно свободнее, чем в хинди, где бессоюзное «наслоение» невозможно и при условии наличия общего коррелята. При этом осетинский существенно отличается от санскрита [Davison, 2009, с. 237–238], в котором на левой периферии могли находиться несколько придаточных, связанных с различными коррелятами:

- (307) [*yády_i áhainam práncam ácaiṣīr*] [*yáthā_j*
 если.REL без_причины вперёд собрать.AOR.2SG как.REL
pārāca āsīnāyā pṛṣṭhato 'nnādyam
 смотря_в_другую_сторону сидящий.DAT сзади еда.etc.ACC
upahāret] *tády_k tát_i*
 принести.ОРТ.3SG как_то то

‘Если_i ты собрал его [огненный алтарь] вперёд без причины, это_i было бы так (же), как если бы кто-то подавал сидящему еду из-за спины.’

([Davison, 2009, с. 242], из [Hock, 1989, с. 107])

Поэтому наблюдаемые случаи «наслоения» в осетинском языке я предлагаю трактовать как сочинение нескольких придаточных, что следует из того, что между ними в принципе можно поставить сочинительный союз (198). Я не усматриваю необходимости постулировать различные структуры для союзного и бессоюзного вариантов этой конструкции, т.к. не вижу критериев, способных семантически или синтаксически их разграничить. Тем самым в осетинском, как и в хинди, коррелятивная клауза на левой периферии может быть только одна. Однако вовсе не обязательно связывать этот факт с передвижением; альтернативный анализ состоит в том, что коррелятивная клауза просто занимает в структуре составляющих позицию, которая может быть заполнена только одним элементом (например, позицию спецификатора). Кроме того, как указывает Э. Дэвисон [Davison, 2009, с. 240], нет никаких теоретических ограничений, запрещающих множественную адъюнкцию; чтобы запретить подобные структуры в хинди, она вводит дополнительное ограничение — «коррелятивное условие» (correlative condition). Поэтому даже в рамках минимализма само по себе требование единственности коррелятивной клаузы не может быть аргументом в пользу передвижения.

Кроме того, интересно отметить, что в хинди некоторые носители допускают примеры, в которых два сочинённых коррелята соответствуют одному

относительному местоимению, тогда как в осетинском такое невозможно:

- (308) [*jo dono vahaan_{i+j} khaRe haiN*], *vah laRkaa_i us laRkii_j par*
 REL два там стоять суть тот мальчик та девочка на
fidaa hai
 влюблённый есть

‘Которые двое_{i+j} там стоят, этот мальчик_i влюблён в эту девочку_j.’

[McCawley, 2004]

- (309) * [*Уым цы дыууæ сывæллон-ы_{i+j} лæуу-ынц*], *уы-цы*
 DemDist.IN что два ребёнок-GEN стоять-PRS.3PL DemDist-ATTR
лæппу_i уы-цы чыздж-ы_j уарз-ы.
 мальчик DemDist-ATTR девочка-GEN любить-PRS.3SG

‘Которые двое ребят там стоят, этот мальчик любит эту девочку.’

На мой взгляд, это также объясняется тем, что в осетинском языке действует жёсткое требование единственности коррелята для каждой зависимой клаузы, что объясняет также недопустимость (197). С другой стороны, подобные факты, как кажется, не вполне совместимы с анализом коррелятивов в хинди в терминах передвижения. Однако свойства подобных предложений пока изучены слабо, и делать какие-либо выводы преждевременно. Следует отметить, что Гросу и Ландман [Grosu, F. Landman, 1998, с. 165], ссылаясь на личное сообщение В. Дайал, отмечают, что (308) является лишь маргинально допустимым.

Следующий аргумент Бхатта связан с тем, что в хинди местоимение, обладающее структурным приоритетом (с-командующее) над коррелятом, не может быть кореферентно полной ИГ в зависимой клаузе:

- (310) а. [*jo laṛkii Sita-ko_j pyaar kar-tii hai*]_i, [*t_i us-ne_i*]
 REL девушка Сита-АСС любовь делать-НАВ.Ф есть Dem-ERG
us-ko_j ṭhukraa di-yaa
 Dem-АСС отказ дать-PFV

‘Девушка_i, которая любит Ситу_j, отвергла её_j.’

[Bhatt, 2003, с. 513]

- б. [*jo laṛkii Sita-ko_j pyaar kar-tii hai*]_i, *us-ne_{k/*j}* [*t_i us-ko_i*] *ṭhukraa di-yaa*

‘Она_{k/*j} отвергла девушку_i, которая любит Ситу_j.’

[Bhatt, 2003, с. 513]

Иными словами, зависимая клауза ведёт себя так, будто бы находилась при

корреляте, а не так, как должна была бы себя вести составляющая на левой периферии (например, во временных придаточных такая анафора вполне возможна).

Однако в осетинском языке подобных эффектов не наблюдается, и анафора такого рода возможна:

- (311) [*Me* 'мбæл-тт-ы_i зæрдæ-мæ цы хъæу_j цæу-ы],
 1SgPoss друг-PL-GEN сердце-ALL что деревня идти-PRS.3SG
уыдон_i уым_j арæх вæйй-ыны.
 DemDist.PL DemDist.IN часто бывать-PRS.3PL

‘Они_i часто ездят в деревню_j, которую любят мои друзья_i.’

Последний аргумент Бхатта, который следует рассмотреть в применении к осетинскому, касается связывания переменной. В хинди универсальный квантор, находящийся в главной клаузе, может связывать демонстратив в зависимой клаузе:

- (312) [*jis larke-ko* *vo_i pasand hai*]_j, *har larkii_i* [*t_j*
 REL мальчик-ACC Dem нравится быть.PRS каждый девочка
 [*us larke-ko*]_j] *buddhima:n samajh-tii hai*
 Dem мальчик-DAT умный считать-NAV.F быть.PRS

‘Каждая девочка_i считает мальчика, который ей_i нравится, умным.’

[Bhatt, 2003, с. 513]

Исходя из того, что квантификатор может связывать только то выражение, над которым имеет приоритет, Бхатт рассматривает данный пример как свидетельствующий о том, что со структурной точки зрения коррелятивная клауза на каком-то из этапов деривации должна занимать позицию внутри группы коррелята.

В осетинском языке никакое выражение в зависимой клаузе на левой периферии — выражено ли оно полным местоимением, энклитическим местоимением или нулём — не может быть связано квантификатором в главной клаузе:

- (313) * [{ *Уый_i* / \emptyset _i } *цы горæт-ы_j ра-йгуыр-д-и*],
 DemDist[NOM] что город-IN PV-родиться-PST.INTR.3SG
алы адæймаг_i дæр уый_j нымай-ы æппæт-ы
 каждый человек ADD DemDist[NOM/GEN] считать-PRS.3SG весь-GEN

рæсугъд-дæр æгас зæхх-ыл.

красивый-СОМРАР весь земля-SUPER

(‘Каждый человек_i считает город_j, в котором он_i родился, самым красивым на Земле.’)

Таким образом, рассмотренные здесь тесты, используемые Бхаттом, — в той степени, в которой они вообще применимы к осетинскому языку — не говорят в пользу передвижения зависимой клаузы.

3.7.2. Другие аргументы

Имеются также и другие соображения, говорящие о том, что для осетинского языка анализ в терминах передвижения не является более предпочтительным.

Так, сочинительная инверсия (раздел 3.6) едва ли может включать в себя передвижение или иной вид структурного связывания, т.к. сочинительные структуры не могут порождаться таким способом, хотя бы из-за нарушения Ограничения на сочинительную структуру Россса [Ross, 1967]: путь между следом и вынесенной составляющей, или между вынесенной составляющей и позицией, с которой она связана, будет проходить через границу сочинительной группы.

Другой косвенный аргумент против передвижения — доступность позиции при корреляте для множественных коррелятивов (293). Действительно, если мы примем, что анализ таких коррелятивов при помощи передвижения невозможен [Bhatt, 2003], или как минимум требует использования специальных анафорических механизмов, то получается, что и в случае позиции при корреляте для множественных коррелятивов действуют те же механизмы, что и на левой периферии. Если бы в случае простых коррелятивов действительно речь шла о передвижении, то мы бы скорее ожидали, что множественные коррелятивы могут быть только на левой периферии. С другой стороны, раз мы уже принимаем возможность анафорического связывания в позиции при корреляте, то довольно естественно сделать следующий шаг и распространить такой анализ на другие виды коррелятивов.

Однако имеются некоторые другие факты, которые заставляют задуматься о том, что «передвижение» зависимой клаузы в осетинском языке всё-таки

следует постулировать для некоторых случаев.

3.7.3. Островные ограничения

Как отмечается в той же работе [Bhatt, 2003], в хинди путь от коррелята к зависимой клаузе не может проходить через границу относительного или обстоятельственного предложения; иными словами, на позицию коррелята накладываются островные ограничения:

- (314) * [*jo vahā: rah-ta: hai*]_i *mujh-ko* [*vo kaha:ni:* [_{RC} *jo*
REL там остаться-NAV быть.PRS 1Sg-DAT тот рассказ.F REL
Arundhati-ne us-ke-baare-mē likh-ii]] *pasand hai*
Арундхати-ERG Dem-про писать-PFV.F нравиться быть.PRS
(‘Кто там живёт, мне нравится рассказ, который Арундхати написала
про того мальчика.’)

[Bhatt, 2003, с. 500]

Практически во всех теориях островные ограничения связаны с передвижением или аналогичным формальным средством, поэтому подобные факты однозначно свидетельствуют в пользу анализа Бхатта¹⁹.

Как уже было показано выше, в осетинском языке ситуация с островными ограничениями является весьма запутанной. В простых коррелятивах они действуют только для коррелятов, содержащих демонстратив, клитики же и нулевые корреляты могут находиться внутри зависимых клауз. При этом в главных клаузах использование демонстратива предпочтительно, за исключением маркированных случаев, когда допустимы клитики или нули. Во множественных же коррелятивах островные ограничения не действуют; ограничения на коррелят также отсутствуют.

Правила выбора коррелята можно обобщить в виде следующей таблицы:

	главная клауза	зависимая клауза
простые	демонстративы	не-демонстративы
множественные	любой коррелят	

¹⁹В [Davison, 2009] предлагается другое, гораздо более сложное, объяснение, на котором я не буду останавливаться, т.к. оно опирается на некоторые дополнительные предпосылки. Следует также заметить, что МакКоли [McCawley, 2004] приводит пример нарушения островного ограничения, который его консультант оценивает как грамматичный. Возможно, в разных вариантах хинди структура коррелятивов различна.

Если связывать неспособность коррелята употребляться в зависимой клаузе с передвижением, то множественные коррелятивы однозначно не могут быть связаны с выносом зависимой клаузы на левую периферию, что соответствует и ситуации в хинди.

В простых же коррелятивах передвижению, в соответствии с такой идеей, подвергаются клаузы, имеющие в качестве коррелята демонстратив, и не подвергаются клаузы, имеющие любой иной тип коррелята. На мой взгляд, такое распределение совершенно естественно и отражает тот факт, что корреляты, содержащие демонстратив, являются полноценными DP и имеют позицию, откуда зависимая клауза могла бы передвинуться, тогда как клитики не обладают фразовой структурой, и тем самым единственный способ связывания для них — дистантный. Таким образом, грамматика осетинского языка в целом допускает как дистантный, так и локальный способы связывания; первый употребляется с коррелятами-демонстративами, второй — со всеми остальными коррелятами. Локальное связывание можно считать в некотором смысле «грамматикализацией» изначально чисто дистантной, анафорической стратегии. Подобный вариант анализа, допускающий все три способа присоединения зависимой клаузы (на левую периферию, к корреляту без передвижения и к корреляту с последующим передвижением), уже предлагался в работе [Cable, 2009] на материале тибетского языка и представляется наиболее разумным для объяснения противоречивых данных осетинского языка.

Такой анализ, однако, оставляет необъяснёнными два вопроса. Во-первых, что препятствует клитикам и нулевым местоимениям в простых коррелятивах употребляться в главной клаузе в качестве коррелятов? Если допустимы как локальный, так и дистантный способы связывания, то сильное предпочтение в пользу демонстративов ничем не мотивировано. Во-вторых, почему демонстративы так тесно связаны с локальным способом связывания? Ведь, помимо того, что они грамматикализованы в качестве коррелятов, они также являются одним из стандартных средств прономинальной референции в осетинском языке, и поэтому должны были бы употребляться при дистантном способе связывания наравне с клитиками и нулями.

На первый вопрос можно ответить, прибегнув к предложенному Бхаттом [Bhatt, 2003, с. 526] принцип экономии, согласно которому синтаксис всегда

предпочитает присоединять зависимую клаузу на наиболее локальном уровне. В хинди доступны адъюнкция как к DP, так и к CP, но для простых коррелятивах доступна только первая, как наиболее локальная; адъюнкция к CP допустима только для множественных коррелятивов, т.к. адъюнкция к DP для них невозможна.

Точно так же можно предположить, что грамматика осетинского языка из нескольких возможных синтаксических представлений высказывания при прочих равных условиях выбирает то, в котором используется локальный способ связывания. Функциональная мотивация в данном случае очевидна: такой способ гораздо проще для обработки, т.к. коррелят гарантированно находится непосредственно в главной клаузе и не может быть вложен глубже. Использование же дистантно связанных клитик или нулей доступно только в тех случаях, когда, в силу дискурсивных или грамматических ограничений, такой способ построения предложения является единственно допустимым. Характер этих ограничений пока не вполне ясен; одним из них, возможно, является требование использования посессивных проклитик с квантификатором *æппæт* 'все' и словом *тæккæ* 'самый'. Само же предпочтение локального связывания, будучи нарушаемым, может быть выражено в терминах Теории оптимальности как одно из ограничений экономии. Поскольку, на мой взгляд, это ограничение должно распространяться не только на коррелятивы, а быть более общим принципом грамматики, я оставляю его формулировку для дальнейшего исследования. Примером подобного ограничения в осетинском языке может быть ограничение на линейный порядок элементов, предложенное в [Belyaev, 2013b]. В парадигме ЛФГ, возможно, ограничение на коррелятивы можно считать частным случаев принципа Экономии средств выражения (Economy of expression) [Bresnan, 2001; Dalrymple, Kaplan, T. H. King, 2013].

Ответ на второй вопрос даёт общая организация референциальной системы осетинского языка. Дело в том, что в современном осетинском языке при прономинальной референции внутри одного предложения предпочтительным является использование нуля в позиции субъекта и энклитического или посессивного местоимения во всех остальных позициях. Демонстративы дальнего плана интерпретируются как относящиеся к референту в другом предложении:

- (315) [*Зауыр_i нæ-хи-мæ куы 'рба-цыд-ис*], уæд мæм
 Заур 1P Poss-ALL когда PV-идти-PST.INTR.3SG тогда 1Sg Encl.ALL
 { $\emptyset_{i/*j}$ / *уый_{??i/j}* } фæ-дзырд-т-а.
 DemDist[NOM] PV-говорить-TR-PST.3SG
 'Когда Заур_i к нам пришёл, он_{i,j} меня позвал.'
- (316) [*Зауыр_i нæхимæ куы 'рбацыдис*], уæд { *ын_{i/*j}* / *уым-æн_{??i/j}* }
 3Sg Encl.DAT DemDist-DAT
ба-хæр-ын код-т-он.
 PV-есть-INF делать-TR-PST.1SG
 'Когда Заур_i к нам пришёл, я его_{i/j} накормил.'

Таким образом, ограничения на коррелят при дистантном способе связывания (т.е. в зависимых клаузах) являются частным случаем общих для осетинского языка ограничений на анафору. Демонстративы же, связанные локально, «обходят» эти ограничения, т.к. их форма произвольно задаётся самой коррелятивной конструкцией.

Принцип экономии и устройство осетинской референциальной системы также позволяет объяснить тот факт, что демонстративный коррелят может входить в сочинительную конструкцию (264), хотя в осетинском, как и в большинстве других языков, сочинённые группы являются «островами». Дело в том, что в данном случае, с одной стороны, используется дистантный тип связывания, т.к. локальный тип недоступен из-за того, что связь между клаузами не может пересекать границу сочинённой группы. С другой стороны, даже при дистантном типе связывания здесь используется демонстратив, т.к. клитики, не обладая полноценной фразовой структурой, не могут подвергаться сочинению. То же самое мы видим и в случае обычной прономинальной анафоры внутри предложения:

- (317) [*Зауыр_i нæхимæ куы 'рбацыдис*], уæд { *уым-æн_{i,j}* / **ын* }
 DemDist-DAT 3Sg Encl.DAT
æмæ Алан-æн ба-хæр-ын код-т-он.
 и Алан-DAT PV-есть-INF делать-TR-PST.1SG
 'Когда Заур_i к нам пришёл, я накормил его_{i/j} и Алана.'

Таким образом, в данном случае в качестве кажущегося «исключения» демонстратив используется при дистантном типе связывания в главной клаузе из-за того, что никакая другая конфигурация невозможна; следует, впрочем, признать, что в общем случае сочинительным конструкциям в таких пред-

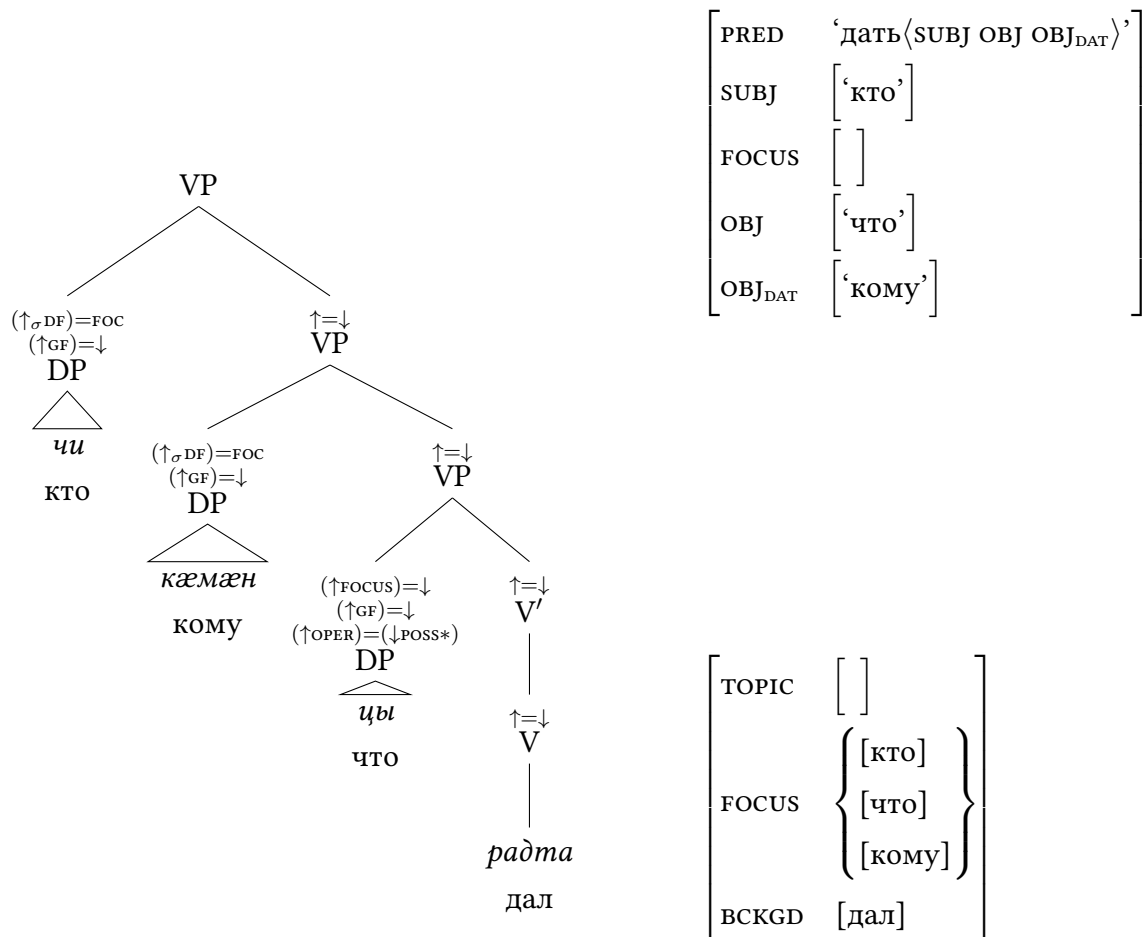
ложениях предпочитают альтернативные структуры, например, использующие комитативную группу.

В качестве заключения следует отметить, что предложенный здесь анализ, допускающий как порождение зависимой клаузы на левой периферии, так и её «передвижение» из позиции при корреляте, позволяет, на мой взгляд, лучше описать явления, связанные с островными ограничениями, чем другие возможные подходы, однако в целом данные как в пользу, так и против передвижения зависимой клаузы в осетинском языке довольно противоречивы. Для того, чтобы прийти к окончательному выводу, необходимо более детальное изучение других аспектов осетинской грамматики, в частности, общих ограничений на нелокальные зависимости. Кроме того, даже те факты, на которых основан настоящий анализ, являются достаточно зыбкими; для того, чтобы оперировать более надёжными примерами, требует точно установить дискурсивные условия, при которых допустимо использование коррелятивов, не содержащих демонстратив. Несмотря на это, я надеюсь, что данный анализ послужит первым шагом на пути к более полному синтаксическому описанию как осетинских коррелятивов, так и структуры клаузы в целом.

Следует заметить, что во многом к похожему выводу приходит О.В. Митрина для русского языка [Mitrenina, 2010], в котором имеются аргументы как в пользу, так и против передвижения. Возможно, к русскому языку также может быть применим «смешанный» анализ, предложенный в настоящей работе.

3.8. Формализация

Внутренняя структура зависимой клаузы уже была описана в разделе 3.1. В соответствии с этим анализом, предглагольные подчинительные группы в простых коррелятивах занимают на с-структуре позицию спецификатора VP, а на f-структуре — позицию FOCUS (именные группы) или унифицируются со всей структурой клаузы (союзы). Что касается множественных коррелятивов (как и множественных вопросов), то в них эту позицию занимает лишь последнее из вопросительных слов. Остальные присоединяются выше в качестве адъюнктов к VP, то есть обычных фокусных составляющих, и не занимают никакой специализированной позиции на f-структуре, кроме позиции, соответствующей их грамматической роли (фокусными они являются только на i-структуре):

Такая иерархическая организация вопросительных слов находит своё подтверждение в некоторых фактах сочинения, например, в таких:

- (318) *Хъыг дын ма у-æд, Алагон, фæлæ* [*чи* [*цы*
 скорбь 2SgEncl.DAT NEG быть-IMP.3SG Алагон но кто.NOM что

уы-дзæн] æмæ [цæм-æн с-бæз-дзæн]],
 быть-FUT[3SG] и что-DAT PV-годиться-FUT[3SG]
 уый æз дæу-æй хуыздæр зон-ын.
 DemDist[NOM/GEN] 1Sg.NOM 2Sg-AVL лучше знать-PRS.1SG

‘Не огорчайся, Алагон, но я лучше тебя знаю, кто кем будет и для чего сгодится.’

(ОНК: Джусойты Н.Г. *Слёзы Сырдона*, 2004)

Что касается внешней структуры коррелятивов, то как было показано в разделе 3.1.3.2, зависимая клауза на левой периферии в осетинском языке занимает позицию спецификатора CP. Это так вне зависимости от того, связана ли она с позицией внутри коррелята. В случае дистантного типа связывания, зависимая клауза просто помещается в позицию TOPIC в f-структуре главной клаузы; подчинительная группа и коррелят затем связываются анафорически, о механизмах такого связывания будет сказано в следующей главе. В таком случае для спецификатора CP мы имеем следующее правило:

$$(319) \quad CP \rightarrow \begin{array}{c} CP \quad C' \\ (\uparrow \text{TOPIC})=\downarrow \quad \uparrow=\downarrow \end{array}$$

С локальными коррелятивами ситуация несколько сложнее. Сначала рассмотрим ситуацию, при которой зависимая клауза является адьюнктом к DP. Тогда правило выглядит достаточно просто — как любое другое правило для адьюнкции:

$$(320) \quad DP \rightarrow \begin{array}{c} CP \quad DP \\ \downarrow \in (\uparrow \text{ADJ}) \quad \uparrow=\downarrow \end{array}$$

Опять же, я пока опускаю механизмы связывания коррелята и подчинительной группы, т.к. они относятся, в рамках моего анализа, к области семантики. С синтаксической же точки зрения зависимая клауза ничем не отличается от других адьюнктов.

Для описания же локальных коррелятивов на левой периферии нам нужно связать две позиции: топик главной клаузы и адьюнкт одного из партиципантов. Кроме того, поскольку данная конструкция является частным случаем любой другой топикализации, мы должны использовать ту же аннотацию, что и для «обычных» топиков. Это можно сделать при помощи следующего правила:

$$(321) \quad CP \rightarrow \begin{array}{c} CP \quad C' \\ (\uparrow \text{TOPIC})=\downarrow \quad \uparrow=\downarrow \\ (\uparrow \text{TOPICPART})=\downarrow \end{array}$$

Однако оказывается, что, в соответствии с общим правилом топикализации, зависимая клауза может быть связана не только с адъюнктивной позицией внутри одного из партиципантов в клаузе, что ожидаемо, но и с любой актантной позицией, что недопустимо. В принципе, применительно к осетинскому языку «объяснение» может быть в том, что клаузы в принципе не могут сами по себе занимать какие-либо позиции, кроме комплемента. Однако это не вполне удовлетворительно, т.к. не отвечает на вопрос, почему в осетинском действует такое ограничение. В следующей главе будет предложен анализ семантики коррелятивов, в рамках которого будет показано, каким образом указанные здесь правила могут быть модифицированы, чтобы исключить нежелательные следствия.

3.9. Выводы

В данной главе была описана структура клаузы в осетинском языке. Показано, что предглагольные подчинительные группы в простых коррелятивах находятся в специализированной фокусной позиции, которую занимают также вопросительные слова. «Плавающие» же союзы, в соответствии с корпусными данными, следует скорее считать начальными, которым факультативно могут предшествовать вынесенные влево составляющие. Кроме того, показано, что следует различать две структурные позиции зависимой клаузы: слева от главной (на уровне CP) и слева от коррелята (на уровне DP).

Также описаны ограничения на форму и позицию подчинительной группы в коррелятивных конструкциях. В частности, круг доступных позиций для релятивизации достаточно широк, но при этом все они строго локальны, т.е. релятивизация актанта зависимой финитной предикации невозможна; допустима релятивизация актантов некоторых нефинитных клауз, но такие случаи, возможно, следует рассматривать как моноклаузальные.

Интерес представляет поведение коррелята. В большинстве случаев он выражен именной группой или наречием, содержащим указательное местоимение дальнего плана. Однако это правило может нарушаться, если коррелят вложен в зависимую клаузу, а также при определённых условиях — и в главной клаузе. В этих случаях в качестве коррелята могут использовать

ся нулевые местоимения, энклитики и посессивные проклитики. Р. Бхатт [Bhatt, 2003] связывает островные ограничения на коррелят с передвижением (локальным связыванием) зависимой клаузы; в соответствии с этим я утверждаю, что в осетинском языке имеется как локальный, так и дистантный варианты связывания; в первом случае действует требование наличия демонстратива, т.к. элемент, из которого происходит передвижение, должен являться полноценной составляющей. Тем самым требование наличия демонстратива в главной клаузе объясняется тем, что синтаксис всегда предпочитает локальный способ связывания дистантному; в зависимых же клаузах, являющихся «островами», локальный способ недоступен, и грамматика прибегает к дистантному («анафорическому») варианту.

Этот анализ подтверждается свойствами множественных коррелятивов. В частности, в них отсутствует требование демонстратива, и коррелят может быть свободно вложен в зависимую клаузу. Как известно, множественные коррелятивы нельзя анализировать как локальные [Bhatt, 2003]; следовательно, мы видим, что дистантный характер связывания характеризуется отсутствием ограничений на коррелят и возможность вложения коррелята в зависимые клаузы.

При этом следует специально подчеркнуть, что подобный анализ дистантного и локального типов связывания носит предварительный характер, так как требует более подробного описания островных ограничений и ограничений на анафору в осетинском языке, чего пока что сделано не было.

Другим важным отличием множественных коррелятивов от простых является тот факт, что в них используются не специализированные подчинительные показатели, а обычные вопросительные слова. Следовательно, любой анализ множественных коррелятивов должен избегать постулирования особых лексических единиц для этой конструкции и выводить её семантику непосредственно из семантики относительных предложений. Кроме того, множественные коррелятивы отличаются тем, что в них лишь последнее из вопросительных слов обязано иметь коррелят. Я связываю это с тем, что только оно занимает структурную фокусную позицию (спецификатор VP), тогда как остальные вопросительные слова присоединяются в качестве адьюнктов как простые фокусные составляющие.

Кроме того, описаны свойства т.н. сочинительной инверсии. Показано, что

эта конструкция демонстрирует ряд синтаксических свойств, сближающих её с сочинением. Следовательно, можно считать, что у простых коррелятивов есть две синтаксические репрезентации: сочинительная и подчинительная. Дискурсивная функция сочинительной инверсии — фокусирование зависимой клаузы. Множественные коррелятивы не могут подвергаться инверсии, что является дополнительным аргументом в пользу того, чтобы считать их представителями отдельной конструкции, отличной от простых коррелятивов.

Анализ формализован в терминах теории Лексико-функциональной грамматики.

4. Семантика коррелятивов

Рассмотрев синтаксическую структуру коррелятивов, перейдём к семантике. В этой главе прежде всего будет рассматриваться вопрос о том, каким образом следует описывать связывание между подчинительной группой и коррелятивом, а также то, на какие другие конструкции с обязательной кореферентностью коррелятивы похожи больше всего. Также будет рассмотрено, каким может быть референциальный статус коррелятивов. Анафорический анализ будет частично формализован в терминах Теории репрезентации дискурса с использованием ЛФГ в качестве модели синтактико-семантического интерфейса. Поскольку речь в настоящей главе будет преимущественно идти об аспектах связывания подчинительной группы и коррелятива, в фокусе внимания будут находиться относительные коррелятивы; семантику других типов коррелятивов следует описывать аналогичным образом из соображений единообразия.

4.1. Кореферентность в осетинских коррелятивах

Семантику канонических рестриктивных относительных предложений принято описывать как пересечение множеств [Partee, 1975, с. 229; Larson, Segal, 1995, с. 256; Zwart, 2000, с. 378]. В терминах λ -исчисления значение именной группы «человек, которого я увидел» (без детерминанта) может быть выражено как « λx . человек(x) \wedge увидел($1sg, x$)». Легко заметить, что из такого семантического представления следует требование полной кореферентности между объектом, занимающим позицию вершины в главном предложении, и объектом, занимающим позицию относительного местоимения. Данный факт далеко не является самоочевидным, т.к. не все случаи кореференции в естественном языке столь же ограничены, ср., например, последовательность предложений *Заур_i и Алан_j договорились о встрече. Они_{i+j} увидятся завтра в*

10 вечера, где местоимение *они* кореферентно сразу двум ИГ (*Заур и Алан*). Стандартный анализ семантики относительных предложений подобную кореферентность не допускает, и действительно, как будет показано ниже, для канонических относительных предложений это совершенно правомерно.

Коррелятивы часто описывают как связываемые анафорически, что может в принципе ассоциироваться с более свободным типом связывания. Однако в существующих на сегодняшний день анализах коррелятивов результирующая семантика оказывается такой же, как и у канонических относительных. Так, у В. Сривастав значением зависимой клаузы *которая девушка стоит* является (в случае определённой, а не универсальной, интерпретации, см. раздел 4.2) формула « $\lambda P.P(\iota x(\text{girl}'(x) \& \text{stand}'(x)))$ », в которую далее подставляется пропозициональное значение главной клаузы, которая имеет тип $\langle e, t \rangle$, т.к. коррелят рассматривается как «след» (trace) [Srivastav, 1991, с. 668]. Как видно из этой формулы, в главную клаузу подставляется уникальный объект типа e , находящийся на пересечении множеств girl' и stand' , что несовместимо ни с каким «ослабленным» типом кореферентности.

Возможно, для хинди такой анализ является наиболее оптимальным. Однако, как будет показано в этом разделе, для осетинского языка он неадекватен, т.к. кореферентность между подчинительной группой и коррелятом в осетинском языке не исчерпывается простым совпадением.

4.1.1. Множественность антецедентов

Исходя из семантики относительных предложений, описанной выше, между вершиной и относительным местоимением должно быть отношение полной идентичности. Никакой вид «частичного контроля» или расщеплённых антецедентов недопустим:

- (322) Я знаю ребят_i, которые_i учатся на пятёрки и которые_i находят время играть в футбол.
- (323) * Я знаю ребят_{i+j}, который_i учится на пятёрки и который_j учится на двойки.
- (324) ? Я знаю ребят_{i+j}, которые_i учатся на пятёрки и которые_j учатся на двойки.

В осетинском языке в ряде случаев несколько зависимых клаузов, относящихся к одному коррелятиву, могут иметь такой же смысл, как и (322) в русском:

- (325) *Фæлæ* [*ив-ын* **кæй** *нæ хъæу-ы*] *æмæ* [*уырыссаг*
но *меняться-INF* *кто.GEN* *NEG* *надо-PRS.3SG* и *русский*
йæ *райгуырð-æй* **чи** *у*], **уыдон-мæ**
3SgPoss *рождение-AVL* *кто.NOM* *быть.PRS.3SG* *DemDist.PL-ALL*
Дзасох-ы=фырт *иттæг* *бæллицаг-æй* *цы* *ссарð-т-а?*
Дзасох-GEN=сын *весьма* *желательный-AVL* *что* *найти.PFV-TR-PST.3SG*
'Но что же нашёл сын Дзасоха весьма желательным для тех, кому не
надо меняться и кто является русским с рождения?'
(ОНК: *Мах дуг* 5, 1998)

Однако не реже, если не чаще, встречаются примеры с «расщеплёнными» антецедентами, семантика которых аналогична неграмматичным примерам (323) и (324) в русском языке:

- (326) [*Царð-æй* **цы конфликт-тæ_i** *ист-а*], [**цы характер-тæ_j**
жизнь-AVL *что* *конфликт-PL* *братъ-PST.TR.3SG* *что* *характер-PL*
æвдыст-а], **уыдон_{i+j}** *уыд-ысты* *кадæдж-ы*
показывать-PST.TR.3SG *DemDist.PL* *быть-PST.INTR.3PL* *легенда-GEN*
æрмæг.
материал
'Какие конфликты_i он брал из жизни, каких характеры_j показывал,
они_{i+j} были легендарным материалом.'

(ОНК)

- (327) [*Калач-ы* **цы цæл_i**, **цы бон_j** *уыд-и*], [**цы хæзна_k**
город-IN *что* *товары* *что* *сила* *быть-PST.INTR.3SG* *что* *богатство*
уыд-и], **уыдон_{i+j+k}** *ра-хаст-ой* *æфсæд-тæ*.
быть-PST.INTR.3SG *DemDist.PL* *рв-нести-PST.TR.3PL* *армия-PL*
'Какие товары_i, какая сила_j были в городе, какое богатство_k было, вой-
ска их_{i+j+k} унесли.'

(ОНК: *Мах дуг* 8, 1996)

- (328) *Лабазан дæр* *Гасан-ы* *хуызæн* *куы* *уа-ид*, *Хабиб дæр*,
Лабазан *ADD* *Гасан-GEN* *как* *если* *быть-OPT.3SG* *Хабиб* *ADD*
Мæхæмæт дæр, *стæй* *иннæ-тæ дæр*, [**кæй_i** *зон-ы*] 'мæ
Махамат *ADD* *затем* *другой-PL* *ADD* *кто.GEN* *знать-PRS.3SG* *и*

[*кæй_j* *нæ зон-ы*], *уыдон* *иууыл-дæр*, *уæд* *куыд*
кто.GEN NEG знать-PRS.3SG DemDist.PL все-ADD тогда как
хорз *уа-ид!*
хороший быть-ОРТ.3SG

‘Как хорошо было бы, если бы Лабазан тоже был как Гасан, и Хабиб, и Махамат, и также другие, *кого_i* он знает и *кого_j* не знает, все из *них_{i+j}*.’

(ОНК: *Мах дуг* 11, 2012)

- (329) *Зæхх ма сау* *у*, *фæлæ* [*йыл* *сæрд-ы цы*
земля ещё чёрный быть.PRS.3SG но 3SgEncl.SUPER лето-IN что
хор-тæ_i, *цы дыргъ-тæ_j*, *цы дидинæг-джын уыгæрдæн-тæ_k*
злак-PL что фрукт-PL что цветок-ADJ луг-PL
фæ-зынд-дзæн], *уыдон_{i+j+k}* *рагацау цæст-ыт-ыд*
PV-появиться-FUT[3SG] DemDist.PL заранее глаз-PL-SUPER
а-уай-ыни.
PV-плыть-PRS.3PL

‘Земля ещё чёрная, но какие злаки_i, какие плоды_j, какие цветущий луга_k появятся на ней летом, *они_{i+j+k}* заранее плывут перед глазами.’

(ОНК: *Мах дуг* 4, 2004)

- (330) *Æвæцæгæн*, *фæ-тарст-и* *æмæ* [*ма йæ*, *цы_i*
наверное PV-бояться-PST.INTR.3SG и Ptcl 3SgEncl.GEN что
мбæл-ы] *’мæ* [*цы_j* *не* *’мбæл-ы*], *уыдæ-ттæ_{i+j}*
подобать-PRS.3SG и что NEG подобать-PRS.3SG DemDist.PL-PL
нымай-ын-мæ *’вдæлд-и!*
перечислять-INF-ALL иметь_время-PST.INTR.3SG

‘Он, видимо, испугался и стал перечислять, *что_i* ему подобало и *что_j* не подобало, *такие вещи_{i+j}*.’

(ОНК)

Такой же тип кореферентности возможен во множественных коррелятивах, причём один коррелятив может быть кореферентен двум вопросительным словам в одной зависимой клаузе:

- (331) [*Чи_i* *кæ-имæ_j* *фæ-хыл ис*], *уыдон_{i+j}* *ба-фидыд-т-ой*.
кто.NOM кто-СОМІТ PV-драка Exst DemDist.PL PV-мириться-TR-PST.3PL
‘*Кто_i* с кем_j подрался, *они_{i+j}* помирились.’

4.1.2. Ассоциативная связь между подчинительной группой и коррелятом

Примеры на расщеплённые antecedentes, хотя и противоречат общепринятым представлениям о семантике относительных предложений, всё же отчасти укладываются в общее представление о кореферентности, т.к. во всяком случае предполагают частичное совпадение между референтом относительной группы и референтом коррелята. Однако в осетинском встречаются и более радикальные случаи отклонения от такого прототипа. Как уже было неоднократно указано ранее, в коррелятивной конструкции возможно употребить одновременно и внешнюю, и внутреннюю вершины (30). Обычно имена, использующиеся в обеих позициях, или идентичны, или синонимичны. Бывает и так, что они входят в отношение «часть-целое»:

- (332) [Письмо **цы бон_i** ра-йст-а], **уы-цы** **изæр_j** \in *Естъа*
 письмо что день PV-братъ-PST.TR.3SG DemDist-ATTR вечер *Еста*
æмæ *Верæ-мæ* *ны-ффыст-а* *Ладинæ-йы* *хабар*
 и *Вера*-ALL PV-писать-PST.TR.3SG *Ладина*-GEN история
бæлвырд-дæр *ба-зон-ын-ы* *тыххæй*.
 точно-COMPAR PV-знать-INF-GEN для
 ‘В который день он получил письмо, в тот вечер он написал Вере и Еста, чтобы точнее узнать историю Ладины.’

(ОНК)

Такое поведение в целом типично для относительных предложений с двумя вершинами, как указывает Г. Чинкве [Cinque, 2012b]. Однако в осетинском возможна и такая «кореферентность», когда два множества, выражаемые относительной группой и коррелятом, связаны лишь ассоциативно:

- (333) [*Афæдз-æй*=*афæдз-мæ сæ* **цы кæнд-тæ_i** *хъæу-ы*],
 год-AVL=год-ALL 3PL.GEN что поминки-PL надо-PRS.3SG
уы-цы **хæрдз-тæ_j** *мæ-хи-мæ* *ис-ын*.
 DemDist-ATTR расход-PL 1SgPoss-Refl-ALL братъ-PRS.1SG
 ‘Из года в года им какие поминки нужны, эти расходы я беру на себя.’

(ОНК)

- (334) *Данел*, [*фæстаг-мæ* *йæ* *хо-т-æм* **цы къам**
Данел последний-ALL 3SgPoss сестра-PL-ALL что фотография
а-рвыст-а], **уы-цы** **костюм-ы**, *урс* *хæдон* *æмæ*
 PV-послать-PST.TR.3SG DemDist-ATTR костюм-IN белый рубашка и

тар галстуч-ы лæууыд.

тёмный галстук-IN стоять[PST.INTR.3SG]

‘Данел, которую фотографию он в последний раз прислал своим сёстрам, в том костюме, в белой рубашке и в чёрном галстуке, он (теперь) стоял.’

(ОНК)

- (335) [*Адæймаг хуыздæр цы ’взаг-ыл дзур-а*], *уы-цы*
 человек лучше что язык-SUPER говорить-SBJV.3SG DemDist-ATTR
адæмыхатт-æй у.
 народ-AVL быть.PRS.3SG

‘Человек на котором языке лучше говорит, из того он народа.’

(ОНК: Айларов И., Гаджинова Р., Кцоева Р., *Пословицы*, 2005)

Похожий вид «нечёткого» связывания наблюдается и во множественных коррелятивах:

- (336) [*Чи_i цы_j аккаг у-а*], *ахæм хицау_{k~j} ын_i*
 кто.NOM что достойный быть-SBJV.3SG такой хозяин 3SgEncl.DAT
вæйй-ы.
 бывать-PRS.3SG

‘Кто чего достоин, такой хозяин у него бывает.’

(ОНК: Айларов И., Гаджинова Р., Кцоева Р. *Пословицы*, 2005)

Очевидно, что в примере (334) никак нельзя считать объекты ‘костюм’ и ‘фотография’ входящими в отношение «часть-целое» (костюм, хотя и был изображён на фотографии, не является её частью). Аналогично и между поминками и расходами, между языком и нацией отсутствует прямая связь. Скорее речь идёт о том, что объект одного типа предполагает существование объекта другого типа, к которому вследствие этого возможна референция. В канонических относительных конструкциях, очевидно, ничего подобного не наблюдается. Даже в тех предложениях, где возможно наличие двух вершин, эти две вершины относятся в известных примерах к одному и тому же объекту [Cinque, 2012b; Ландер, 2012].

4.1.3. Неполная кореферентность

Менее наглядным, но не менее важным аргументом против применения традиционного анализа семантики относительных предложений к корреляти-

вам является тот факт, что референция коррелятива может быть шире референции относительной группы или групп, которым он соответствует. Это особенно хорошо видно из примеров, подобных следующим:

- (337) ... [*Фидæн-ы* *цы_i* 'р-цæу-дзæн], *уыдæ-ттæ_{i+}* *рагацау*
 следующий_год-IN что PV-идти-FUT[3SG] DemDist.PL-PL заранее
ба-зон-ы.
 PV-знать-PRS.3SG

‘... он знает заранее такие вещи, как то, что произойдёт в следующем году.’ (букв. ‘... что случится в следующем году, он знает такие вещи заранее.’)

(ОНК: Мах дуг 3, 2004)

- (338) *Адæм фæд-т-ой,* [*фашист-он æфсæд-тæ цы*
 люди видеть.PFV-TR-PST.3PL фашист-ADJ армия-PL что
мæгуыр-дзинад_i хаст-ой *бæстæ-т-æн*], [*Таджыхъæу-æн*
 бедный-AN нести-PST.TR.3PL страна-PL-DAT Таджикиау-DAT
дæр цы зиап-тæ_j *æр-хаст-ой*], *уыдæ-ттæ_{i+j+}*
 что вред-PL PV-нести-PST.TR.3PL DemDist.PL-PL

‘Люди увидели, какую нищету фашистские армии принесли стране, какой вред они сделали [селу] Таджикиау, такого рода вещи.’

(ОНК)

Здесь *уыдæттæ* является особой формой ассоциативного множественного числа, означающей нечто вроде ‘они и другие’ [Абаев, 1959, с. 39]. Таким образом, полной кореферентности между относительной группой и коррелятивом здесь нет, и коррелятив обозначает множество, включающее помимо референта, выражаемого подчинительной группой, и другие референты. Ср. это с каноническим относительным предложением типа *Я встретил людей, которые играли в футбол*: прямой объект главной клаузы обозначает тех и только тех людей, которые играли в футбол, а не более широкое множество. Возможным возражением является та мысль, что в (337)–(338), кореферентность устанавливается не между двумя единицами целиком, а между подчинительной группой и некоторым компонентом слова *уыдæттæ*; однако такой анализ сомнителен, т.к. во всех остальных случаях подчинительная группа соответствует только непосредственно самому коррелятиву.

4.1.4. Имена собственные

Хотя в целом, как было сказано выше, коррелятивная конструкция в осетинском языке используется для рестриктивных относительных предложений, в текстах встречаются примеры, где она модифицирует имена собственные в заведомо нерестриктивных контекстах:

- (339) [*Фылдæр адæм мамæлайы кæбæр-æй кæм ирвæз-ыны*],
 больше люди жалкий_кусок_хлеба-AVL где спастись-PRS.3PL
уы-цы Уæрæсе-йы иннæ-тæ та сæ фырхъал-æй,
 DemDist-ATTR Россия-IN другой-PL CONTR 3PPOss надменный-AVL
цы ма а-кæн-ой, уый нал зон-ыны.
 что ещё PV-делать-SBJV.3PL DemDist[НОМ] NEG:больше знать-PRS.3PL
 ‘В той России, где большинство людей с трудом выживают жалким
 куском хлеба, другие от своей надменности не знают, что им делать.’
 (ОНК: Мах дуг 2, 2005)

- (340) *Уæв-гæ та, [дзуар кæй хуыд-т-ой, уы-цы*
 быть-PCVB CONTR святой кто.GEN назвать-TR-PST.3PL DemDist-ATTR
зынаргъ хæрзуæг кæй ном-ыл лæвæрд-т-ой], уы-цы
 дорогой награда кто.GEN имя-SUPER дать-TR-PST.3PL DemDist-ATTR
Георги службæ код-т-а ром-аг император
 Георгий служба делать-TR-PST.3SG Рим-ADJ император
Диоклетиан-мæ.
 Диоклетиан-ALL
 ‘В то же время тот Георгий, которого называли святым и в честь кото-
 рого давали эту ценную награду, служил римскому императору Дио-
 клетиану.’
 (ОНК: Мах дуг 5, 2007)

- (341) *Æнхъæл дæн, Махар зæхх-он лæдж-ы мард нæ*
 (думать) быть.PRS.3SG Махар земля-ADJ мужчина-GEN труп NEG
лас-ы, фæлæ Агъна-т-ы Гæстæн зæд-ы, [адæм-æн
 нести-PRS.SG но Агнаев-PL-GEN Гастан ангел-GEN люди-DAT
зынг чи с-амал код-т-а], уы-цы
 огонь кто.НОМ PV-средство делать-TR-PST.3SG DemDist-ATTR
Амыран-ы.
 Амиран-GEN
 ‘Мне кажется, что Махар несёт тело не земного человека, а ангела Га-

стана Агнаева, **Амирана**¹, который добыл людям огонь.’

(ОНК: Агнаев Г.А., *Длинной осенней дорогой*, 2003)

- (342) [*Сыбыр-мæ кæй а-хаст-ой*], **уы-цы Хъасбол**
 Сибирь-ALL кто.GEN PV-нести-PST.TR.3PL DemDist-ATTR Касбол
 ссыд-ис фæстæ-мæ æмæ йæ куый-тæ
 PV:идти-PST.INTR.3SG за-ALL и 3SgEncl.GEN собака-PL
уæтæр-мæ нæ уагът-ой.
 кутан-ALL NEG пустить-PST.TR.3PL

‘Касбол, которого выслали в Сибирь, вернулся обратно, и собаки не пускали его в кутан.’

(ОНК: *Мах дуг* 9, 2008)

С тем же успехом возможно использование имени собственного в качестве вложенной вершины.

- (343) [*Хъуыды кæн-ын цы Сослан нæ с-ахуыр ис*], **уый**
 мысль делать-INF что Сослан NEG PV-учение Exst DemDist[НОМ]
дæр ма йæ мæгуыр-ау зонд-æй ба-мбæрст-а ...
 ADD Ptcl 3SgPoss бедный-EQU разум-AVL PV-понять-PST.3SG

‘Даже (тот) Сослан, который не научился думать, понял это своим слабым умом...’

(ОНК)

- (344) *Уæ*, [*цы Уастырджи дын ба-ххуыс код-т-а*],
 о что Уастырджи 2SgEncl.DAT PV-помощь делать-TR-PST.3SG
уый хорзæх нæ у-а, йæ рын
 DemDist[GEN] благодать 1PEncl.IN быть-SBJV.3SG 3SgPoss болезнь
ба-хæр-æм!
 PV-есть-SBJV.1PL

‘О, (тот) Уастырджи, который тебе помог, да будет в нас его благодать, да съедим мы его болезни!’

(ОНК: *Мах дуг* 7, 1997)

- (345) [*Мæдинаæt йæ зæрдæ цы Мурат-ыл дард-т-а*],
 Мадинат 3SgPoss сердце что Мурат-SUPER держать-TR-PST.3SG
уым-æй фыстæг нал ис-ы ...
 DemDist-AVL письмо NEG:больше получать-PRS.3SG

‘Мадинат от (того) Мурата, которого любила, писем больше не полу-

¹В осетинском и грузинском фольклоре — герой, подобный Прометею.

чает...’

(ОНК: Бестаев Г.Г., *Произведения*, 2004)

(346) *Стæй 1940 аз-ы та ра-лыгъд-ыстæм* [*мæнæ ныр цы*
затем год-IN CONTR PV-бежать-PRS.INTR.1PL вот сейчас что
Тæмисчъ-ы цæр-æм], *уы-рдæм.*

Тамиск-IN жить-PRS.1PL DemDist-DIR

‘Затем в 1940 году мы убежали в (тот) Тамиск, в котором мы сейчас живём.’

(ОНК: *Мах дуг 1*, 2000)

Подобные примеры, конечно, являются несколько стилистически маркированными, как отмечает также Г. Чинкве для маратхи [Cinque, 2012a], однако они существуют, и в рамках рестриктивного анализа их объяснить довольно трудно, т.к. здесь мы не имеем никакого пересечения множеств в обычном смысле.

4.1.5. Анафорический анализ: корреляты как «обратные резюмптивы»

Приведённые в данном разделе примеры, очевидно, не укладываются в модель, предполагающую полную кореферентность между коррелятом и относительной группой. Однако возникает вопрос, какой же альтернативный семантический анализ может быть предложен для осетинских коррелятивов. Ответить на этот вопрос позволит сопоставление с другими видами конструкций, где требуется обязательная кореферентность участников. Сначала рассмотрим то, какие типы кореферентности допустимы в современной лингвистической теории.

В формальной семантике принято проводить различие между кореферентностью (coreference) и связыванием переменной (semantic variable binding) [Bach, Partee, 1980; Büring, 2004, с. 81–96, 104–117; Reinhart, 1999], ср. также схожее разграничение связывания переменной (variable binding) и «синтаксического» связывания (binding in the narrow sense) в теории Э. Рейланда [Reuland, 2001]. В первом случае мы всего лишь имеем ситуацию, когда два местоимения, или ИГ и местоимение, относятся к одному и тому же референту, тогда как во втором случае речь идёт о подстановке одной и той же переменной

ной в различные семантические позиции, что позволяет, в частности, связать их некоторым внешним оператором (следующие примеры адаптированы из [Bach, Partee, 1980]):

- (347) Корреферентность
- а. Он_i сказал, что он_i пришёл.
 - б. Иван_i сказал, что он_i пришёл.
- (348) Связывание переменной
- а. Ни один человек_i не сомневается, что он_i лучше всех.
 - б. ... человек_i, который_i сказал, что он_i знает ответ.
 - в. Петя_i любит только себя_i.

Очевидно, что традиционный анализ относительных предложений через «пересечение множеств» относится именно ко второму типу, т.к. семантика именной группы *девочка, которую я увидел* имеет вид « $\lambda x. \text{девочка}(x) \wedge \text{увидел}(1sg, x)$ », т.е. переменная x подставляется в оба выражения; далее, если рассматривать все именные детерминаторы как обобщённые кванторы [Barwise, Cooper, 1981], то значение определённой ИГ *девочка, которую я увидел* будет « $\lambda P. P(\iota x. \text{девочка}(x) \wedge \text{увидел}(1sg, x))$ », т.е. та же переменная x связывается ι -оператором и подставляется в главное предложение (P). Точно такое же значение предлагается для коррелятивов в [Srivastav, 1991]; более того, В. Сривастав специально обосновывает именно такой анализ (с. 679–680).

В то же время одно из существенных различий между корреферентностью и связыванием состоит в том, что последнее, в отличие от первого, не допускает расщеплённых антецедентов [Giorgi, 1984]:

- (349) а. Пётр_i показал Ивану_j себя_{i/*i+j} на фотографии.
б. Пётр_i показал Ивану_j их_{i+j} на фотографии.

Кроме того, эффект, представленный в (334) и подобных примерах, широко известен в литературе по анафоре как ассоциативная корреферентность (“bridging”) [Clark, 1975; Heim, 1982]:

- (350) а. When I go to a bar_i, the barkeeper_{j~i} always throws me out.
б. ? When I go to a playground, the barkeeper always throws me out.

[Bos, Buitelaar, Mineur, 1995]

Подобные эффекты также возможны только в случае корреферентности (в широком смысле), т.к. здесь не идёт речи не только о совпадении референтов,

но и вообще о каком-либо пересечении между ними.

Поскольку осетинские коррелятивы допускают и расщеплённые антецеденты, и контекстно обусловленную определённую, можно говорить о том, что связь между относительной группой и коррелятивом является кореферентностью (хотя и синтаксически мотивированной), а не связыванием переменной, в отличие от значения канонических относительных придаточных.

Теперь сопоставим осетинские коррелятивы с другими видами обязательной кореферентности, известными из литературы².

Конструкциями контроля являются такие синтаксические конструкции, в которых один из актантов главной клаузы обязательно кореферентен одному из актантов зависимой клаузы, также занимающей актантную или сирконстантную позицию. Наиболее хорошо описан контроль субъекта в синтаксических актантах; в русском языке это явление наблюдается при глаголах, управляющих инфинитивом, например *хотеть*, *уметь*, *бояться* (субъектный контроль: *Вася_i боится ∅_i ходить в лес*), *приказать* (объектный контроль: *Вася_i приказал Пете_j ∅_{j,*i} идти в лес*) и др. Также в русском языке субъект деепричастной клаузы в норме должен быть кореферентен субъекту главной клаузы, хотя часто такая кореферентность обусловлена топикальностью, а не субъектностью [Haspelmath, 1995].

Контроль чаще всего анализируют как отношение кореферентности между контролёром в главной клаузе и нулевым местоимением в зависимой клаузе, которое обозначают как PRO [Rosenbaum, 1967; Chomsky, 1981; Bresnan, 1982], хотя встречаются и анализы, не использующие синтаксических нулей [Jackendoff, Culicover, 2003; Janke, 2008] или использующие их не для всех предикатов [Babby, 1998].

Поскольку при контроле отношение между контролёром и PRO является анафорическим (связыванием переменной), возможны случаи неполного совпадения референтов контролёра и PRO. Например, возможен т.н. расщеп-

²Осетинские коррелятивы во многом напоминают подробно изученные конструкции в немецком языке, в которых зависимая клауза следует за главной, в которой ей соответствует личное местоимение: *Max hat es bedauert, [dass Lea krank ist]* [Sudhoff, 2003; Schwabe, 2011]. Однако семантическое сопоставление этих конструкций с осетинскими коррелятивами в плане рассматриваемых в данной главе параметров весьма затруднительно, так как немецкие конструкции формально гораздо более ограничены, чем осетинские: так, невозможность использования именных вершин и в главной, и в зависимой клаузах не позволяет проверить возможность ассоциативного связывания.

лѐнный контроль (split control) [Stiebels, 2007, с. 5]:

(351) Петя_i пригласил Машу_j [\emptyset_{i+j} сходить в кино].

Этот пример полностью аналогичен приведѐнным выше примерам расщеплѐнных antecedентов в осетинском, за исключением того, что здесь множественные antecedенты находятся в главной клаузе, а анафор — в зависимой, тогда как в осетинском ситуация обратная.

Другим случаем общности участников в конструкциях с сентенциальными актантами является т.н. подъѐм (raising) [Postal, 1974]:

(352) *Ceterum censeo Carthaginem esse delendam.*

(353) *John saw David come.*

В этой конструкции, в отличие от контроля, PRO отсутствует, т.к. ИГ, подвергающаяся «подъѐму», обладает семантической ролью только в зависимой клаузе. Поскольку эта ИГ с синтаксической точки зрения обладает свойствами аргумента как главной, так и зависимой клауз (ср. употребление аккумулятива в (352)), такие конструкции часто анализируют как передвижение ИГ из зависимой клаузы в главную [Postal, 1974] или как совмещение ею сразу двух позиций: субъекта зависимой клаузы и субъекта или объекта главной [Bresnan, 1982], откуда и происходит сам термин «подъѐм». В последние годы в рамках генеративной грамматики распространѐн также анализ подъѐма как «исключительного падежного маркирования» (Exceptional case marking) [Chomsky, 1986]. Все эти анализы объединяет тот факт, что ИГ здесь только одна, а значит, ничего, кроме полной кореферентности, невозможно. Поэтому не существует предикатов, допускающих «расщеплѐнный подъѐм».

Осетинские коррелятивы по типу синтаксического связывания напоминают, таким образом, именно контроль, а не подъѐм. Однако существенным отличием является тот факт, что при контроле в одной из позиций находится нулевое местоимение, что сильно ограничивает потенциальные варианты кореферентности (нельзя проверить, например, возможность ассоциативного связывания). Однако в языках мира зафиксирована довольно редкая конструкция «контроля с копированием», которая была подробно описана для языка телугу в [Haddad, 2009]. В этом языке подобному контролю может подвергаться субъект зависимой деепричастной клаузы (наряду с ним возможен, впрочем, и прямой, и обратный контроль). На первый взгляд, по своей форме

она довольно близка осетинским коррелятивам³:

- (354) [[*Kumaar-ki_i* *koopat* *wacc-i*] *aa pichooDu_i*
 Кумар-DAT злоба.NOM прийти-PTCP.CVВ тот идиот.NOM
akkadi-nunci weLLipoyinaa-Du]
 там-из уйти-3SG.M
 ‘Кумар_i разозлился, и идиот_i ушёл.’

[Haddad, 2009, с. 84]

Действительно, здесь, как и в осетинском, мы видим в главной клаузе достаточно свободную по форме анафорическую ИГ, кореферентную ИГ в зависимой клаузе. Впрочем, аналогия между двумя конструкциями не полная, т.к. ИГ в зависимой клаузе, в отличие от осетинского, в телугу никак не маркирована, и единственное ограничение на неё состоит в том, что она не должна быть местоименной [Haddad, 2009, с. 85]. Кроме того, семантика двух конструкций различна, т.к. при контроле с копированием две ИГ должны быть строго кореферентны⁴:

- (355) * [[*Sarita unnu Kumaar sinimaa cuus-tuu*]
 Сарита.NOM и Кумар.NOM кино смотреть-DUR.CVВ
Kumaar Sarita-ki paarkaarn peTTaa-Du]
 Кумар.NOM Сарита-DAT попкорн положить-3SG.M
 (‘Когда Сарита и Кумар смотрели кино, Кумар дал Сарите попкорн.’)

[Haddad, 2009, с. 87]

В хуцуцком даргинском при контроле субъекта зависимой клаузы также возможно использование ИГ, имеющей более широкую референцию, чем субъект главной клаузы, а также эпитета (Д.С. Ганенков, л.с.):

- (356) *murad-li-ji b-ik:-ul ca-b* [*nus:a_{i+}*
 Мурад-OBL-DAT N-хотеть.IPFV-PRS COP-N 1Pl

³Помимо перевода глосс я также позволил себе заменить некоторые грамматические обозначения. В частности, SNP, обозначающее “conjunctive participle clause”, я заменил на CVВ в значении «конверб», т.к. эти понятия по сути эквивалентны, но «конверб» лучше соответствует терминам, употребляемым в других местах данной работы.

⁴К сожалению, в статье не рассматриваются примеры расцеплённых антецедентов в другом направлении, т.е. предложений типа *Кумар смотря фильм, Сарита придя, они пошли в кино*. Если такие предложения допустимы, то, возможно, осетинские коррелятивы и контроль в телугу ближе друг к другу, чем кажется.

d-uq'^s-*ij*

1/2PL-уходить.IPFV-INF

'Мурад хочет, чтобы мы [включая Мурада] ушли.'

[Ганенков, 2012]

Однако, по сообщению Д.С. Ганенкова (17.01.2014 г.), ассоциативные отношения типа «часть-целое» невозможны, не говоря уже о более абстрактном связывании.

Наряду с «контролем с копированием», в языках мира встречается также т.н. «подъём с копированием» (*copy raising*) [Postal, 1974; Rogers, 1971; 1973, с. 268], которые напоминают подъём тем, что ИГ в главной клаузе не обладает семантической ролью, но отличаются от него тем, что в них обязательно должна присутствовать ИГ в зависимой клаузе в позиции субъект, кореферентная контролёру. Ср.:

(357) а. Tina seems like she's found the chocolate

б. * Tina seems like Fred's found the chocolate.

[Asudeh, Toivonen, 2012]

Однако в Интернете отмечаются и примеры, в которых вместо местоимения в зависимой клаузе употребляется определённая ИГ, ассоциативно связанная с контролёром (т.е. имеет место *bridging*):

(358) When you apply the brakes to stop does it seem like nothing is happening and then all of a sudden **the car_i seems as if the brakes_{j~i} have crabbed?**

(<http://www.corvetteactioncenter.com/forums/c4-technical-performance/127849-93-brake-pedal-very-hard-push.html>, дата обр. 16.01.2014)

Этот факт, насколько мне известно, ранее не отмечался в литературе по этой конструкции, хотя он, в целом, не противоречит наиболее подробному анализу этой конструкции, предложенному недавно Э. Асуде [Asudeh, 2012], который рассматривает местоимение в зависимой клаузе как резюмптив. Как указал Асуде в личном сообщении (16.01.2014 г.), подобные случаи ассоциативной связи ("bridging") могут быть инкорпорированы в его теорию резюмпции, если считать, что определённые ИГ обладают тем же семантическим типом, что и анафорические местоимения; по его мнению, примеры типа (358) могут быть допустимы и в тех диалектах английского языка, где использо-

вание копии в данной конструкции является обязательным. Впрочем, для того, чтобы точно определить статус подобных примеров, необходим опрос репрезентативной выборки носителей английского языка.

В этой связи рассмотрим последний тип облигаторной кореферентности — резумптивные местоимения (резумптивы). Резумптивными называют местоимения, маркирующие мишень релятивизации *in situ* в относительных придаточных, вводимых другим средством (например, подчинительным показателем или суффиксом причастия), ср. следующий пример из ирландского:

(359) *an scríbhneoir_i a molann na mic léinn é_i*

DEF писатель COMP хвалят DEF студенты его

‘Писатель, которого студенты хвалят (его).’

[McCloskey, 1979, с. 6]

Как замечают многие авторы [Doron, 2011; Sells, 1987; McCloskey, 2002], резумптивные местоимения всегда совпадают с обычными анафорическими местоимениями, т.е. не существует языков, в которых в резумптивной функции использовалась бы специализированная серия местоимений. Э. Асуде, которому принадлежит, на мой взгляд, один из наиболее полных анализов резумптивов в последнее время [Asudeh, 2012], называет это наблюдение «обобщением МакКлоски» (“McCloskey’s Generalization”) и основывает на нём свой анализ, рассматривая резумптивные местоимения как и синтаксически, и семантически ничем не отличающиеся от любых других прономинатов (местоимений 3 лица). Эти местоимения анафорически связаны с вершиной относительного предложения. Впоследствии в ходе семантической деривации высказывания происходит одна из двух вещей: либо т.н. синтаксически активные резумптивы (как в ирландском и иврите) просто подставляются в значение предложения как любые обычные местоимения, либо т.н. синтаксически неактивные резумптивы (как в шведском и вата) удаляются из семантической структуры при помощи специального механизма, носящего название «управление ресурсами» (resource management). Во втором случае семантика относительных конструкций с резумптивами фактически неотличима от семантики относительных предложений без оных. Первый же случай предполагает полноценное анафорическое связывание на уровне семантики, а значит, в принципе допускает и расщеплённые antecedенты, и bridging, как мы

видели на примере английского «подъёма с копированием». В разговорном английском также многими авторами отмечались резюмptивы, лишь ассоциативно связанные с вершинами своих относительных предложений, например:

(360) You assigned me to a **paper**_i which I don't know anything about the **subject**_{j~i}.

[E. Prince, 1990]

Повторюсь, что унификация таких примеров с (359) в рамках данной теории допустима только в случае, если определённые ИГ рассматриваются как анафорические выражения, имеющие тот же тип, что прономиналы. В применении к осетинскому это вполне правомерно, т.к. не наблюдается никаких отличий между указательными местоимениями и полными ИГ с указательным детерминантом в плане возможных типов кореферентности с их антецедентами.

Если принять такое обобщение, то из всех перечисленных выше конструкций осетинские коррелятивы ближе всего оказываются именно к конструкциям с «синтаксически активными» резюмptивами. Здесь мы имеем и две полные ИГ, одна из которых является обычным анафорическим выражением, и обязательную кореферентность без связывания переменной, допускающую неполную идентичность двух ИГ.

Однако существенное отличие состоит в том, что в осетинском языке «резюмptивом» оказывается ИГ не в зависимой, а в главной клаузе; ИГ же в зависимой клаузе, маркированная при помощи относительного показателя, выступает в качестве антецедента. Тем самым, здесь мы можем говорить в некотором роде об «анти-резюмptии», т.е. конструкции, в которых элемент зависимой клаузы, вводящий новый или активирующий ранее упомянутый референт, «коиндексируется» в главной клаузе анафорическим местоимением или именной группой. Неформально выражаясь, коррелятивная конструкция вида *Которая девочка_i пришла, я её_i видел* с семантической точки зрения аналогична сочинению двух клауз *Девочка_i пришла, и я её_i видел*, с теми отличиями, что кореферентность является обязательной и зависимая клауза находится в пресуппозиции.

Кроме того, важно отметить, что, хотя ассоциативное связывание наблюда-

ется в английских примерах вроде (360), оно не зафиксировано ни в одном из языков, где резюмptивы являются доминантной и полностью грамматикализованной стратегией. Обычно невозможно даже использование эпитетов; единственным известным мне исключением является ливанский арабский [Aoun, Choueiri, Hornstein, 2001]. Однако в этом плане интересно рассмотреть данные японского языка, в котором имеются примеры, которые обычно не учитываются в типологии резюмptии, но, на мой взгляд, чрезвычайно интересны. В японском используются препозитивные немаркированные относительные предложения с «пробелом» (gap), но при определённых условиях допустимо также использование резюмptивного местоимения третьего лица [Алпатов, Аркадьев, Подлеская, 2008, с. 289–290; Kuno, 1973; McCawley, 1976]:

(361) японский (алтайские)

[*sono_i mae ni kuruma ga tomat-te i-ru*]

этот перед DAT машина NOM остановиться-CVB AUX.PROG-PRS

mise

магазин

‘магазин, перед которым остановилась машина’

(букв. ‘магазин_i, (такой что) перед ним_i остановилась машина’)

([McCawley, 1976, с. 296], цитируется по [Алпатов, Аркадьев, Подлеская, 2008, с. 289])

На месте местоименного следа могут также находиться полные именные группы, в том числе, что интересно, не только содержащие эпитеты, но и содержащие существительное, находящееся в отношении гипонимии по отношению к внешней вершине⁵:

(362) [*watakusi ga sono ito no namae o wasure-te sima-tta*]
я NOM этот человек GEN имя ACC забыть-CVB AUX.S-PST

o-kyaku-san

NON-ГОСТЬ-NON

‘гость, имя которого я забыл’

(букв. ‘гость, (такой что) я забыл имя этого человека’)

[Kuno, 1973, с. 237]

(363) [*tarou ga 100 man yen o kasei-de ku-ru sono*]
Таро NOM миллион йена ACC зарабатывать-CVB AUX.DIR-PRS это

⁵Глоссирование японских примеров следует [Алпатов, Аркадьев, Подлеская, 2008], с заменой некоторых глосс на аналоги, принятые в настоящей работе.

gaku *no hanbun* *o*
 количество GEN половина ACC

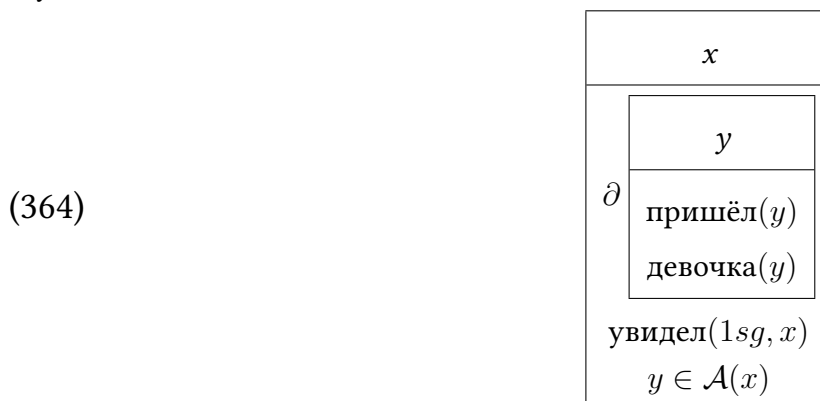
‘половина миллиона йен, который задолжал Таро’

(букв. половина того количества, [что] Таро задолжал миллион йен.)

[Inada, 2009, с. 94]

Г. Чинкве рассматривает подобные примеры как в качестве т.н. «двухвершинных» относительных [Cinque, 2012b], однако, на мой взгляд, гораздо более предпочтительным является анализ в терминах резюмции, т.е. примеры (362)–(363) аналогичны (361). Если такой анализ верен, то японский может быть одним из немногих известных языков, допускающих свободное анафорическое отношение между вершиной и резюмтивом. Подобные примеры дополнительно поддерживают сходство коррелятивов и резюмтивных относительных.

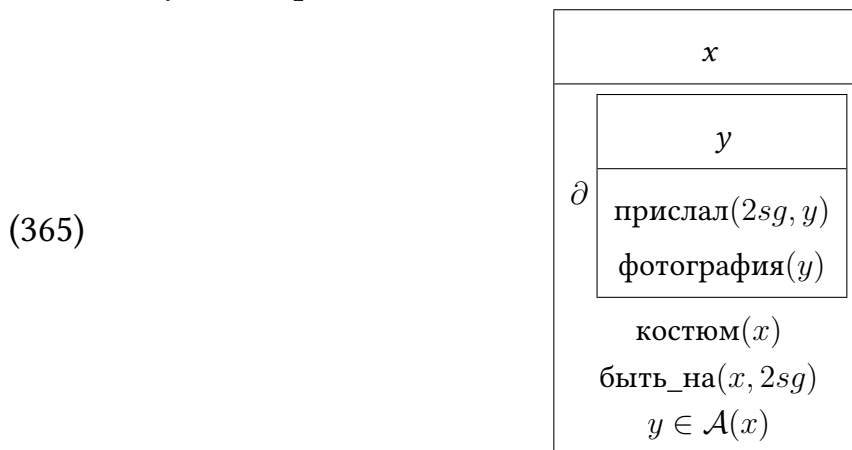
Формальный анализ семантики осетинских коррелятивов будет дан ниже. Пока же можно отметить то, что обычных механизмов логики предикатов первого порядка недостаточно для описания такого значения, т.к. необходимы формальные средства, позволяющие говорить о переменных в дискурсе и о различных отношениях кореферентности между ними. Наиболее хорошо разработанной теорией, описывающей такие отношения, является, на мой взгляд, Теория репрезентации дискурса (DRT) [Kamp, Reyle, 1993]. На языке этой теории значение приведённого выше выражения можно выразить в виде следующей структуры (вместо стандартного выражения кореферентности « $y = x$ » я использую обозначение « $x \in \mathcal{A}(y)$ », чтобы отразить тот факт, что антецедентов может быть несколько, и что отношение не сводится к полному совпадению:

В соответствии с теорией ван дер Зандта [Van der Sandt, 1992], пресуппозиция, обозначаемая символом ∂ , либо связывается с ранее упомянутым ре-

ферентом, обладающим указанными свойствами (девочка, которая пришла), либо аккомодируется, в результате чего вводится соответствующий новый референт.

В данном случае семантика практически не отличается от значения обычных рестриктивных определённых относительных. Но преимущество такого подхода видно, если в обеих клаузах используются разные существительные, а относительная группа и коррелят связаны ассоциативно. Например, семантика предложения *Которую фотографию ты нам прислал, тот костюм был на тебе* будет выражена как:

Здесь видно, что благодаря тому, что относительной группе и корреляту соответствуют разные референты (x и y), связь между ними может быть довольно опосредованной и быть выражена отношением антецедентности, более общим, чем простая кореферентность. Об ассоциативном связывании как варианте обычной прономинальной кореферентности см. [Bittner, 2001]. Замечу, что я намеренно упрощаю детали семантической репрезентации: так, полностью игнорируется тот факт, что указательные ИГ (коррелят) также вводят свои пресуппозиции. Я не буду останавливаться на деталях анализа в терминах DRT, т.к. он дан только в качестве иллюстрации; при формализации будет использоваться композициональная версия DRT, существенно отличающаяся от стандартной.

Также анафорический анализ объясняет факты употребления универсального квантификатора *æппæт* в относительной группе. В осетинском языке его использование возможно, но только при узкой сфере действия внутри зависимой клаузы:

(366) [*Мæл-гæ цы æппæт адæм сты*], *уыдон-æй*
 умирать-CVb что все люди быть.PRS.3SG DemDist.PL-ABL

ал-цы-дæр ни-чи зон-ы
UNIV-что-ADD NEG-кто.NOM знать-PRS.3SG

‘Никто из всех людей (которые смертны) не знает всего.’

(367) [Цы (# æппæт) чингуы-тæ ба-каст-æн], уыдон-æй
что все книга-PL PV-читать-PST.INTR.1SG DemDist.PL-AVL

«Ирон фæндыр» хуыздæр у.
осетинский фандур лучший быть.PRS.3SG

‘Из книг, которые я читал, «Осетинская лира»⁶ — лучшая.’ (# ‘Из книг, которые я прочёл все, «Осетинская лира» — лучшая.’)

Предложение (366) можно перефразировать, как ‘Все люди смертны, и никто из них не знает всего’, т.е. значение получается в некотором смысле нерестриктивным. Т.е. с точки зрения семантики мы имеем « $\forall x. \text{человек}(x) \Rightarrow \text{смертный}(x) \wedge \neg \text{знать}(x, all)$ »: посылкой импликации является лишь утверждение «человек(x)», тогда как в случае широкой сферы действия мы бы имели в посылке «человек(x) \wedge смертный(x)» (# ‘Все те люди, которые смертны, не знают всего [при этом, возможно, есть бессмертные]’). В случае с (366) интерпретация с узкой сферой действия естественнее, чем с широкой, так что пример принимается носителями языка как правильный.

В то же время в (367) ситуация обратная: маловероятно, что говорящий прочёл все книги, существующие в мире, и нашёл лучшей среди них «Осетинскую лиру», т.е. « $\forall x. \text{книга}(x) \Rightarrow \text{прочитал}(1sg, x) \wedge \text{лучший}(x, irf)$ » (хотя при надлежащем контексте такое, пожалуй, возможно: например, если речь идёт о квантификации в рамках какого-то контекстно заданного множества книг). Поэтому и использование квантификатора *æппæт* в этом случае некорректно⁷.

Похожий анализ предлагался в работе [Mitrenina, 2012] для коррелятивов в современном русском языке. В этой работе местоимение *который* рассматривается как неопределённое, кореферентное анафорическому местоимению в

⁶Сборник стихотворений осетинского народного поэта К.Л. Хетагурова (1899).

⁷В корпусе имеется один-единственный пример на использование *æппæт* в относительной группе (251), и он как будто бы опровергает данное обобщение: квантор в нём имеет широкую сферу действия, а предложение интерпретируется как рестриктивное. Однако, как мне представляется, здесь речь идёт о не вполне нормативном употреблении, возможно, вызванном переводом с русского. Это видно из того, что предложение (367), составленное мною и практически не отличающееся по своей структуре от примера из текста, признаётся информантами как прагматически сомнительное. Я не думаю, что одного примера из текстов достаточно, чтобы опровергнуть сформулированное здесь обобщение.

главной клаузе. Однако анализ О.В. Митрениной не содержит полной формализации того, каким образом такая семантика деривируется; кроме того, в семантических деривациях, так же, как и в анализе В. Сривастав [Srivastav, 1991], используется подстановка одной и той же переменной, связанной экзистенциальным квантором, в главную и зависимую клаузы, что не допускает ни bridging, ни частичную кореферентность, показанные выше. Кроме того, я бы не стал называть относительные местоимения в осетинском языке неопределёнными; на мой взгляд, они могут употребляться как в неопределённой (т.е. вводить новый референт), так и в определённой функции (активировать ранее упомянутый референт). Выше было кратко показано, как это может быть выражено при помощи механизма аккомодации пресуппозиции; ниже, в разделе «формализация», будет предложен несколько иной анализ, рассматривающий относительные местоимения как факультативно кореферентные участнику предшествующего дискурса.

Наконец, следует заметить, что все приведённые выше эффекты в равной степени характерны как для коррелятивов, присоединяющихся на уровне CP, так и для коррелятивов, присоединяющихся на уровне DP. Так, пример (326) с расщеплённым антецедентом и пример (333) с ассоциативным связыванием можно переформулировать следующим образом, при этом значение остаётся тем же:

(368) *Кадæджы æрмæг уыдысты, [цардæй цы конфликттæ_i иста], [цы характертæ_j æвдыста], уыдон_{i+j}.*

‘Какие конфликты_i он брал из жизни, каких характеры_j показывал, они_{i+j} были легендарным материалом.’

(модифицированный пример 326)

(369) *Мæхимæ исын, [афæдзæй-афæдзмæ сæ цы кæндтæ_i хъæуы], уыцы хæрдзтæ_{j~i}.*

‘Из года в года им какие поминки нужны, эти расходы я беру на себя.’

(модифицированный пример 333)

Таким образом, несколько парадоксальным образом, мы вынуждены постулировать анафорическое связывание и для коррелятивов при DP. С точки зрения теории связывания, однако, этому ничто не противоречит. Возможно, осетинскую ситуацию можно считать промежуточной стадией грамматика-

лизации коррелятивов между такими состояниями, как санскрит, где зависимая клауза может быть только на левой периферии и связана анафорически [Davison, 2009] и хинди, где зависимая клауза может быть как на левой периферии, так и при DP, и при этом связана структурно [Bhatt, 2003]. Получается, что в осетинском появилась возможность вложения при DP, но не изменился тип связывания. Возможно, это связано с грамматикализацией коррелятивов при DP из парентетических или вводных конструкций [Stowell, 2005], но данный вопрос не может быть решён однозначно на синхронном материале.

Подводя итог этому подразделу, мы можем сказать, что осетинские коррелятивы не вписываются в семантическую типологию относительных предложений, предложенную в работе [Grosu, F. Landman, 1998]. Эта проблема не решается простым постулированием дополнительного семантического типа релятивизации, так как, как мы видели выше, речь идёт о фундаментальном различии самих механизмов, которые действуют в канонических относительных конструкциях и в относительных коррелятивов. Вывод, на мой взгляд, может быть только один: осетинские коррелятивы представляют собой особый тип конструкции, отличный от релятивизации и связанный с ней только функционально, т.е. коррелятивы выполняют часть функций, выполняемых в других языках релятивизацией, и наоборот. Интересно, что настолько фундаментальное различие имеет место несмотря на ряд неоспоримых синтаксических сходств между осетинскими коррелятивами и каноническими относительными⁸. Это говорит, на мой взгляд, о высокой степени автономности синтаксиса и семантики, возможно, большей, чем обычно принято считать; в этом смысле выбор ЛФГ, с её параллельной архитектурой, в качестве аппарата формального описания представляется весьма оправданным.

4.1.6. Типологические параллели анафорического анализа

Выше были указаны некоторые работы, в которых при описании коррелятивов в том или ином виде используются механизмы анафорического свя-

⁸Как было показано в предыдущем разделе, осетинские коррелятивы с синтаксической точки зрения не слишком сильно отличаются от коррелятивов в хинди или в санскрите, сходства которых с каноническими относительными хорошо известны.

звания. Все эти анализы исходят не из формы относительных показателей или коррелятивов, которые в разных языках различны — так, в хинди имеется особая серия относительных местоимений, тогда как в русском или в осетинском за отдельными исключениями используются формы, омонимичные вопросительным словам, а из синхронных свойств соответствующих конструкций. Однако есть ряд языков, где анафорический анализ напрашивается и без специального рассмотрения синтаксических свойств (которые чаще всего неизвестны), а просто исходя из форм использующихся в них местоимений. Рассмотрим некоторые из таких случаев.

Прежде всего, в ряде языков и относительная группа, и коррелятив маркируются одними и теми же местоимениями, или вообще никак не маркируются. К таким языкам относятся, например, ваханский [Bashir, 2009], зазаки [Todd, 2008], сикуани [Queixalós, 2000]:

- (370) ваханский (иранские < индоевропейские)
 [pārd ya dəraxt dərəm tsə tu] yaw-ī kət-əv

‘Они выкопали то дерево, которое было здесь в прошлом году.’

[Bashir, 2009, с. 850]

- (371) зазаки (иранские < индоевропейские)
 [a ceni wext-ê ci çinêvi] nika a do fina biro
 та женщина время-EZF её не.было теперь она FUT снова придёт
 ‘Та женщина, у которой не было времени, теперь придёт снова.’ (букв.
 ‘[Та женщина, у неё не было времени], она придёт снова’)

[Todd, 2008, с. 112]

- (372) сикуани (гуахибские)
 [pa-unu bokaria] *hota huetsianame*
 Dem-лес раскинулся в том направлении там ты (его) выкорчуешь
 ‘Ты (его) выкорчуешь в том лесу, который там раскинулся.’

[Queixalós, 2000, с. 252]

Ф. Кейшалос прямо пишет об анафорическом связывании в коррелятивной конструкции [Queixalós, 2000, с. 251]. Хотя он специально не обосновывает этот тезис, можно признать его наиболее вероятной гипотезой. Во всех этих случаях, вообще говоря, вопрос о разграничении релятивизации и паратаксиста остаётся открытым; мы можем говорить о релятивизации лишь в связи с тем, что эти конструкции, по сообщению авторов грамматик, являются в

значительной степени конвенционализированными.

Похожая на коррелятивы конструкция, по сообщению Хьюитта в работе [Hewitt, 1987] и Харрис в работе [Harris, 1994], имеется в разговорном грузинском:

- (373) [*šen-gan rom pul-s mi-v-i-y-eb*], *i-m-it*
 от=тебя деньги=DAT я=получу=это=FUT им=INST
gada-v-i-xd-i val-s
 я=его=оплачу=FUT долг=DAT

‘Я оплачу долг деньгами, которые я от тебя получу.’

[Hewitt, 1987, с. 191]

Здесь собственно подчинительной функцией обладает союз *rom*, который является общим маркером подчинения в данном языке, наличие же внутренней ИГ вообще необязательно. Если эту конструкцию считать коррелятивной, как это делает, например, Р. Хендери [Hendery, 2012], то анафорический характер связывания относительной группы и коррелята представляется наиболее правдоподобной гипотезой. Впрочем, Хьюитт и Харрис не приводят достаточно данных о синтаксисе этой конструкции, так что, возможно, она представляет собой препозитивное относительное предложение с факультативной резюмцией; в этом случае связывание также будет анафорическим, если следовать [Asudeh, 2012] или подобным анализам резюмции. Подробнее об этой конструкции см. также главу 5.

Анафорический анализ является общепринятым применительно к коррелятивной конструкции в языках манде. Так, в работе [Макеева, 2013] описаны коррелятивы в языке кла-дан:

- (374) кла-дан (манде)
 [*Lè kéè lù wá yá bée kpà*] *àlù lə*
 женщина REL PL 3PL.JNT еда хороший готовить.JNT 3PL.NSVJ любовь
yè gò ká.
 3SG.EXI мужчина делать.NTR

‘Мужчины любят женщин, которые вкусно готовят.’

[Макеева, 2013, с. 79]

Показатель, глоссируемый как REL, омонимичен дейктическому маркеру [Макеева, 2013, с. 78]. В этом языке также встречаются коррелятивы, в которых специальный релятивный маркер вообще отсутствует:

В данном случае сомнений в подчинительном статусе зависимой клаузы

быть не может, так как возможно её вложение в главную, в позиции адъюнкта к VP [Макеева, 2013]; кроме того,

К аналогичным выводам приходят в своих работах Т.В. Никитина [Nikitina, 2012] и М.Л. Хачатурьян [Khachaturyan, 2013]; в частности, в языках уан и ману в релятивизирующей функции используется обычный демонстратив:

- (375) уан (манде)
gà màŋ yā [*kó yī lē é plá*] à lèŋ
 идти рис с 1+2DU спал женщина DEF у 3SG к
 ‘Отнеси риса женщине, у которой мы спали.’

[Nikitina, 2012, с. 320]

- (376) ману (манде)
 [*ē nɔ̄ɔ bē lé è nàà ō ká ā*]
 3SgRefl ребенок.PL Dem FOC 3Sg.DIPFV любить:IPFV 3Pl.NSBJ с TERM
ē nū ō sāmā ká
 3Sg.PRET прийти 3Pl.NSBJ подарок с
 ‘Он принёс подарки его детям, которых он любит’

[Khachaturyan, 2013, с. 5]

Из этого вынужденно краткого по причине недостатка данных типологического обзора можно сделать тот вывод, что во многих языках коррелятивы если синхронно и не связываются анафорически, то во всяком случае возникли из паратаксистных или топикальных конструкций. В осетинском, впрочем, подчинительные показатели произошли из вопросительных слов, поэтому с уверенностью говорить о грамматикализации из паратаксиста нельзя, если только не считать, что вопросительные местоимения в прошлом имели функцию неопределённых, что встречается довольно часто [Третьякова, 2009а]. В качестве параллели можно также привести современный русский язык, в котором вопросительные слова используются в функции неопределённых местоимений в некоторых типах не-относительных придаточных предложений (прежде всего, в условных) [Третьякова, 2009b]:

- (377) Если б кто с секундомером тут стоял, то мы бы мировой рекорд зафиксировали. [Г. Горин. Когда горит душа (1974–1984)]
 (пример из [Зевахина, Оскольская, 2013])

Вполне возможно, что осетинские коррелятивы развились из подобных структур. Именно такой сценарий для современных русских коррелятивов

предлагает, в частности, О.В. Митренина [Mitrenina, 2012, с. 69]⁹.

Как будет показано в главе 5, осетинский язык скорее всего развил новую коррелятивную конструкцию с нуля, а не унаследовал праиранскую, так что один из перечисленных здесь путей грамматикализации представляется весьма вероятным. К сожалению, данных для более детальных выводов у нас недостаточно.

4.2. Референциальный статус коррелятивов

Следующий вопрос, который необходимо рассмотреть в связи с семантикой коррелятивов, касается их возможного референциального статуса. В литературе по этой конструкции общепринятым является анализ А. Гросу и Ф. Ландмана [Grosu, F. Landman, 1998], в соответствии с которым коррелятивы, подобно внутривершинным и некоторым другим относительным конструкциям, проходят операцию «максимализации», т.е. всегда выбирается максимальное множество, описываемое относительной группой. Следствием этого предсказания, по Гросу и Ландману, является тот факт, что коррелятивы, по крайней мере в хинди, могут быть только определёнными (в случае уникальности референта, что обеспечивает ι -оператор [Whitehead, Russell, 1925–1927]) и универсальными [Grosu, F. Landman, 1998, с. 168].

Легко видеть, что требование определённости фактически следует из анафорического анализа, приведённого выше, т.к. анафорическое выражение, отсылающее к некоторому конкретному референту, введённому в зависимой клаузе, не может не быть определённым. В таком случае понятие «максимализации» как отдельной операции нам не требуется. Однако в осетинском языке встречаются и примеры, в которых корреляты, на первый взгляд, никак не может считаться определённым, т.н. «интенциональные» прочтения:

(378) *Махар йæ зæронд «Москвич», [президент-ы цы*
Махар 3SgPoss старый Москвич президент-GEN что

⁹Можно также предполагать возникновение коррелятивов из топиализации внутривершинного или безвершинного относительного предложения с местоименной репризой; ниже будет рассмотрена возможность синхронного семантического анализа в подобных терминах.

хæдтулгæ-йыл лас-ынц], *ахæм-ыл дæр нæ ба-ив-ид*.
 машина-SUPER взять-PRS.3PL такой-SUPER ADD NEG PV-менять-ОПТ.3SG
 ‘Махар не променял бы свой старый «Москвич» на такую машину,
 на которой возят президента.’

(ОНК: Агнаев Г.А. *Длинной осенней дорогой*, 2003)

- (379) *Рагон æмбисонд-ау*, [*калм цы ус-æй*
 старинный пословица-EQU змея что женщина-AVL
фæ-тарст], *ахæм у Миска-йы ус Нади*
 PV-бояться[PTST.INTR.3SG] такой быть.PRS.3SG Мишка-GEN жена Нади
дæр!
 ADD
 ‘Как гласит старинная пословица, змея которой женщины испугалась,
 такова Нади, жена Мишки!’

(ОНК)

- (380) [*Ирон-ау чи дзур-ы*], *ахæм адæймаг кæм ис*
 осетинский-EQU кто.НОМ говорить-PRS.3SG такой человек где Exst
ссар-æн?
 найти.PFV-NMLZ

‘Где я могу найти человека, который говорит по-осетински?’

- (381) [*Хетæгка-т-ы Къоста-йы цы хъæу-ы нæ зон-ынц*], *ахæм*
 Хетагуров-PL-GEN Коста-GEN что село-IN NEG знать-PRS.3PL такой
нæ-й Ирыстон-ы.
 NEG-Exst Осетия-IN

‘В Осетии нет такого села, где не знают Коста Хетагурова.’

Однако в данном случае, на мой взгляд, противоречие только кажущееся. Дело в том, что во всех этих примерах в качестве маркера коррелята используется не демонстратив *уыцы* ‘тот’, а *ахæм* ‘такой’. Замена одного на другой невозможна ни в одном из примеров. Местоимения типа ‘такой’ обычно используются для референции к признакам и к классам событий, ср.:

- (382) Петя умный_i. Таким_i людям всегда легко учиться.
 (383) Вася [в одиночку написал грамматику целого языка]_i. Таких_i учёных очень мало.
 (384) *Ирон адæм-мæ* [*хи-он-тæ кæрæдзи-йæ чызг*]... *нæ*
 осетинский люди-ALL Refl-ADJ-PL Recip-AVL девушка NEG
 [*кур-ынц*]_i, *уый у Хуыцау-ы*
 просить-PRS.3PL DemDist[NOM] быть.PRS.3SG Бог-GEN

'лгъыст ми. Ахæм_i ми ба-кæн-æг нымад
 проклинать-PTCP вещь такой вещь PV-делать-PTCP считать.PTCP
 вæйй-ы æвирхъау фыд-гæн-æг-ыл, хъæдд-аг
 бывать-PRS.3SG небывалый зло-делать-PTCP-SUPER лес-ADJ
 адæймаг-ыл.
 человек-SUPER

‘У осетин [родственники]... не [женятся друг на друге]_i, это дело, проклятое Богом. Делающий такое_i дело считается небывалым злодеем, диким человеком.’

(ОНК: Баситы Зæлинæ, Дыууæ зæрдæйы, 2010)

Возможны различные анализы такой референции, например, можно считать, что в данном случае местоимение отсылает к объекту сложного типа вроде $\langle e, t \rangle$ [Maier, 2009]. Однако наиболее популярный на сегодня подход исходит из того, что референция в естественном языке возможна только к объектам типа e [M. Landman, 2006]; в связи с этим постулируется (подобно событийному аргументу у Дэвидсона [Davidson, 1967]) особый тип абстрактных объектов — типы (kinds) [Carlson, 1977], в том числе типы событий (event kinds) [M. Landman, Morzycki, 2003]¹⁰. Если мы считаем, что *ахæм* ‘такой’ в подобных предложениях отсылает именно к таким объектам (а для этого есть все основания), то корреляты в (378)–(381) точно так же являются определёнными, как и в других случаях.

Интересно, что В. Сривастав использовала аналогичные примеры из хинди именно для иллюстрации того, что коррелят является не резюмптивом (т.е. не «обычным» анафорическим местоимением, как в рамках данного анализа), а переменной:

(385) [*jo aadmii sabhii bhaashaayẽ bol sake*] *vo paidaa*
 REL человек все языки говорить может Dem рождённый
nahĩ huaa
 NEG есть

‘Который человек может говорить на всех языках, он не родился.’

[Srivastav, 1991, с. 680]

Как Сривастав указывает вслед за П. Селлзом [Sells, 1984; 1987], доступность интенциональных прочтений этих примеров свидетельствует в пользу рассмотрения коррелятивов как переменных. Однако следует заметить, что

¹⁰Я благодарен Б. Парти за консультацию по данному вопросу.

в хинди в качестве коррелята всегда используется демонстратив, тогда как в осетинском в подобных случаях используется *ахæм* ‘такой’ с прозрачной семантикой. Кроме того, в хинди у коррелята не может быть расщеплённых antecedентов (просто потому, что зависимых клауз не может быть более одной), а возможность ассоциативной связи между относительной группой и коррелятом не засвидетельствована. Поэтому здесь мы, скорее всего, имеем дело с различной семантической структурой функционально и синтаксически схожих конструкций.

Несколько сложнее обстоит дело с универсальной семантикой, которая допустима в осетинском, но при этом никак не следует сама по себе из анафорического анализа:

- (386) [*Кус-гæ цы лæг нæ кæн-ы*], **уый**
 работать-PCVB что мужчина NEG делать-PRS.3SG DemDist[НОМ]
хæр-гæ дæр нæ кæн-ы.
 есть-PCVB ADD NEG делать-PRS.3SG
 ‘[Всякий] человек, который не работает, не ест.’

Для подобных примеров в литературе по коррелятивам часто постулируется отдельное прочтение конструкции в качестве условной [Srivastav, 1991; Arsenijević, 2009b]. Иначе говоря, (386) означает « $\forall x.man(x) \wedge \neg work(x) \Rightarrow \neg eat(x)$ », и конструкция имеет две интерпретации: определённую и условную. В осетинском языке в пользу условного анализа говорит тот факт, что в зависимых клаузах с универсальной референцией регулярно используется сослагательное наклонение, характерное для условных конструкций:

- (387) *Абон-æй фæстæ-мæ [нæлгоймаг-æн цы бар-тæ у-а]*,
 сегодня-AVL за-ALL мужчина-DAT что право-PL быть-SBJV.3SG
сылгоймаг-æн дæр уы-цы бар-тæ уы-дзæн.
 женщина-DAT ADD DemDist-ATTR право-PL быть-FUT[3SG]
 ‘Начиная с сегодняшнего дня у женщин будут те же права, что есть у мужчин.’ (букв. ‘С сегодняшнего дня, какие бы права ни были у мужчины, у женщины будут эти права.’)

(ОНК: Баситы Зæлинæ, *Дыууæ зæрдæйы*, 2010)

- (388) [*Цæр-ын цы лæг зон-а*], *фæлæ [мæл-ын чи*
 жить-INF что мужчина знать-SBJV.3SG но умирать-INF кто.NOM
нæ ба-зон-а], **уый сау капечч-ы аргъ дæр**
 NEG PV-знать-SBJV.3SG DemDist[НОМ] чёрный копейка-GEN цена ADD

нæ-у

NEG:БЫТЬ.PRS.3SG

‘Человек, который умеет жить, но кто не умеет умирать, не стоит больше чёрной копейки.’

(ОНК: *Мах дуг* 11, 1998)

Однако ситуация, как кажется, в осетинском несколько сложнее. Универсальное значение при наличии внутренней вершины возможно только, если речь идёт о генерическом контексте, как в примерах выше; при эпизодическом контексте возможно только уникальная интерпретация:

(389) [*Уроч-ы цы лæппу нæ уыд-и*], **уый**
 урок-IN что мальчик NEG быть-PST.INTR.3SG DemDist[НОМ]
директор-мæ а-цæу-æд.
 директор-ALL PV-идти-IMP.3SG

‘Пусть тот мальчик, который не был на уроке, подойдёт к директору.’
 (конкретный мальчик)

*‘Пусть (всякий) мальчик, который не был на уроке, подойдёт к директору.’

Таким образом, (388) можно скорее сопоставить с русскими примерами типа *Тот человек, который не умеет умирать, не стоит больше чёрной копейки* или англ. *A man who does not know how to die...*, в которых также присутствует генерическое прочтение. Такое прочтение в генерических контекстах, по-видимому, существует независимо от наличия относительной клаузы, ср. *воспитанный ребёнок так не делает* (я благодарен Д. Хаугу за это замечание). То есть для примеров типа (388) постулировать особое значение коррелятивной конструкции не требуется.

Однако в случае, если внутренняя вершина в коррелятивной конструкции отсутствует, универсальная квантификация возможна и в эпизодических контекстах:

(390) [*Уроч-ы чи нæ уыд-и*], **уый** *директор-мæ*
 урок-IN кто.НОМ NEG быть-PST.INTR.3SG DemDist[НОМ] директор-ALL
а-цæу-æд.
 PV-идти-IMP.3SG

‘Пусть тот, кто не был на уроке, подойдёт к директору.’ (конкретный человек)

‘Пусть (все), кто не был на уроке, подойдёт к директору.’

Это можно было бы связать с тем, что местоимение *чи* нейтрально по числу, но это не объясняет того, что и местоимение *уйй*, не обладающее этим свойством, здесь также стоит в единственном числе. Поэтому подобные примеры нельзя объяснить иначе, как содержащие определённого рода универсальную квантификацию, причём эта квантификация, по-видимому, связана с лексическим значением местоимения *чи*, а не с семантикой конструкции¹¹.

В связи с этим возникает вопрос, каким образом условные коррелятивы согласуются с анафорическим анализом. Ведь антецедентом коррелята здесь оказывается переменная, связанная универсальным квантором и не соответствующая конкретному референту. Ответ на этот вопрос состоит в том, что здесь мы имеем дело с таким типом анафоры, который встречается в предложениях, которые в литературе по формальной семантике принято называть «ослиными» (*donkey sentences*) [Geach, 1962]:

(391) Если у крестьянина_i есть осёл_j, он_i бьёт его_j.

Значение этого предложения можно выразить, как « $\forall x(\text{крестьянин}(x) \wedge \exists y(\text{осёл}(y) \wedge \text{обладать}(x, y)) \Rightarrow \text{бить}(x, y))$ », т.е. анафорические местоимения каким-то образом попадает в сферу действия обоих кванторов. Различные теории с такой анафорой справляются по-разному; обычно так или иначе предлагается решать эту проблему, используя понятие дискурсивного референта [Karttunen, 1976; Kamp, 1981; Heim, 1982]. В частности, именно для описания таких конструкций, в числе прочего, была создана Теория репрезентации дискурса [Kamp, Reyle, 1993], которую я использовал выше для иллюстрации анафорического анализа осетинских коррелятивов и которую я буду использовать для его формализации. В этой теории квантор, имеющий в сфере действия условную конструкцию, связывает дискурсивные переменные в протасисе, которым могут быть кореферентны референты в аподосисе:

¹¹Интересно, что в чём-то похожий контраст обнаруживается и между русскими переводами примеров: в (389) используется местоимение *который* и лексическая вершина, и универсальное прочтение невозможно; в (390) используется местоимение *кто* без лексической вершины, и универсальное прочтение допустимо. При этом если в (390) заменить *кто* на *который*, специфическое прочтение опять становится единственным. Чем объясняется такое распределение, мне неизвестно.

(392)

x y	\Rightarrow	z w
крестьянин(x)		$z = x$
осёл(y)		$w = y$
владеть(x, y)		бить(z, w)

Таким образом, для простых коррелятивов, помимо определённой интерпретации, вводящей пресуппозицию, постулируется также условная интерпретация, в которой вводится импликация; такой интерпретацией могут обладать только коррелятивы без внутренней вершины:

(393)

x	\Rightarrow	y
\neg работать(x)		$x \in \mathcal{A}(y)$
		\neg есть(y)

Для множественных коррелятивов допустимо только универсальное прочтение,¹² даже при использовании внутренней вершины, что ещё раз говорит о различии двух конструкций:

(394) [*Кæм-æн цы чызг йæ зæрдæ-мæ фæ-цыд-ис*],
кто-DAT что девушка 3SgPoss сердце-ALL PV-идти-PST.INTR.3SG
уый-ы ра-куырд-т-а.
DemDist-GEN PV-просить-TR-PST.3SG
‘Кому какая девушка понравилась, на той он женился.’

Пример (394) не может быть интерпретирован в том смысле, что некоторому человеку понравилась некоторая конкретная девушка, и он на ней женился; возможна только универсальная интерпретация.

Семантика такого предложения тривиально строится по аналогии с (393):

¹²Множественные коррелятивы могут иметь и другие семантические отличия от простых. Так, в [Srivastav, 1991, с. 671] указывается, что в хинди возможны только т.н. биективные прочтения. Мне не удалось получить надёжные примеры методом эликации, так что изучение подобных нюансов значения множественных коррелятивов является объектом для будущего исследования. Стоит, впрочем, отметить, что в осетинском множественные коррелятивы гораздо более семантически ограничены: так, в хинди возможно уникальное/специфичное прочтение [Srivastav, 1991, с. 670] тогда как в осетинском возможно только универсальное.

(395)

$x y$	\Rightarrow	$z w$	
человек(x)		$z = x$	
девушка(y)		$w = y$	
нравиться(x, y)		жениться(x, y)	

Таким образом, семантика осетинских коррелятивов может быть описана в рамках анафорического анализа и без использования понятия максимализации. Однако этой операции всё же можно найти место в грамматике коррелятивов. Как показано в (32)–(33), местоимение *цы* ‘что’, употребляясь самостоятельно, в отличие от местоимения *чи* ‘кто’, обязано либо употребляться универсально, либо обозначать все контекстно релевантные объекты, соответствующие семантике зависимой клаузы. Оно не может обозначать какой-то конкретный предмет, в отличие от *чи* или относительных групп с лексической вершиной. Тем самым, исключая максимализацию из общего описания семантики коррелятивов, мы получаем возможность с успехом применить её для описания конкретных подчинительных показателей, чьё значение выбирается из общего правила.

4.3. Числовое маркирование относительной группы в коррелятивной конструкции

Последним вопросом, на который следует обратить внимание в том, что касается семантики коррелятивов, является вопрос о правилах употребления единственного и множественного числа в коррелятивной конструкции. Напомню, что в осетинском языке у вопросительных местоимений имеются формы множественного числа с полной, хотя не совсем регулярной, парадигмой. Однако употребление этих форм в коррелятивной конструкции при определённой интерпретации факультативно в случае референции ко множественному числу (коррелят при этом всегда должен иметь то число, которое соответствует семантике). В то же время, если относительная группа выражена полной ИГ с лексической вершиной, то использование множественного числа становится обязательным:

- (396) а. [*Кæй-т-ы* дзы нæ-ма фæд-т-он],
кто.GEN-PL-OBL ЗРІЕнcl.AVL NEG-ещё видеть.PFV-TR-PST.1SG
уыдон-ы тыххæй дæр мад арæх дзырд-т-а.
DemDist.PL-GEN для ADD мать часто говорить-TR-PST.3SG
'О тех из них, кого я ещё не видел, часто говорила мама.'

[Касаев, 1993]

- б. *Кæй* дзы нæма фæдтон, уыдоны тыххæй дæр мад арæх
кто.GEN
дзырдта.

'О тех/том из них...'

- в. *Цы лæдж-ы* дзы нæма фæдтон, *уыдоны /^{OK} уый
что мужчина-GEN DemDist[GEN]
тыххæй дæр мад арæх дзырдта.

'О том человеке/*тех людях из них...'

Всё это не касается универсального прочтения коррелятивов, а также множественных коррелятивов, т.к. при универсальной квантификации оппозиция по числу нейтрализуется на уровне семантики:

- (397) а. i. [*Чи* нæ кус-ы], уый нæ хæр-ы.
кто.NOM NEG работать-PRS.3SG DemDist[NOM] NEG есть-PRS.3SG
ii. [*Чи-тæ* нæ кус-ыны], уыдон нæ хæр-ыны.
кто-PL -PRS.3PL DemDist.PL

'Кто не работает, тот не ест.'

- б. i. [*Цы лæг* нæ кусы], уый нæ хæры.
что мужчина
ii. [*Цы лæг-тæ* нæ кусыны], уыдон нæ хæрыны.
что мужчина-PL

'Те люди, которые не работают, не едят.'

4.4. Формализация

В данном разделе будет предложена формализация анафорического анализа осетинских коррелятивов в терминах теории Лексико-функциональной

грамматики и комбинаторной семантики¹³, использующей в качестве языка семантической репрезентации частичную композициональную теорию репрезентации дискурса (PCDRT). Все эти теоретические концепции были вкратце изложены в главе А. Мотивация для использования PCDRT состоит в том, что для описания таких особенностей осетинских коррелятивов, как расщеплённость антецедентов и ассоциативное связывание, необходима хорошо разработанная модель анафоры; необходимо также использовать один из композициональных вариантов DRT, т.к. некомпозициональные теории (в частности, стандартная DRT) несовместимы с архитектурой ЛФГ¹⁴.

4.4.1. Композициональная семантика

В целом, при описании осетинских коррелятивов в терминах данного формализма перед нами стоит задача (а) связать две клаузы так, что либо зависимая вложена в главную в качестве пресуппозиции, либо зависимая является протасисом, а главная — аподосисом импликации; (б) описать относительные группы как вводящие дискурсивный референт и факультативно связывающие его с предшествующим дискурсом; (в) рассматривая корреляты как обычные прономинаты, обеспечить обязательность кореферентности коррелята и подчинительной группы. В последнем случае также встаёт вопрос, где именно должен вводиться оператор, связывающий эти два элемента: синтаксически, на уровне конструкции, или лексически, на уровне подчинительного показателя (по «условиям задачи», на уровне коррелята он вводиться не может, т.к. лексическое значение коррелята не может отличаться от лексиче-

¹³Формализация анафорического анализа разработана совместно с Д. Хаугом (Университет Осло). Я благодарен участникам Оксфордского семинара по семантике в Лексико-функциональной грамматике, в особенности М. Далримпл и Э. Асуде, за ценные замечания.

¹⁴Здесь уместно указать на важность формализации для описания подобных явлений. Если бы я рассуждал об анафорическом связывании в неформальных терминах, можно было бы говорить лишь о той или иной степени сходства одних конструкций с другими конструкциями, причём «сходство» понималось бы произвольно: как соответствие какому-то фиксированному набору тестов, которые исследователь счёл значимыми. В таком подходе к описанию языков состоит проблема многих работ по функциональному синтаксису: объяснение явлений подменяется «прогоном тестов» и проставлением плюсов и минусов в таблице с последующим их подсчётом; результатом такого подхода неизменно оказывается вывод о «континуальности» всех языковых понятий, который, при всей его привлекательности, лишён предсказательной силы. В качестве примера ср. работу [Bickel, 2010] о сочинении и подчинении, где некий фиксированный набор тестов был применён к типологической выборке; критику подобного подхода см. в [Belyaev, в печ.].

ского значения любого другого местоимения).

На мой взгляд, существует всего два варианта решения этой задачи в рамках предложенных условий: «относительный» (зависимая клауза как относительное придаточное) и «обстоятельный» (зависимая клауза как адвербиальное придаточное). Первым и, как представляется, наиболее «консервативным» является рассмотрение зависимой клаузы как вынесенного влево («топикализованного») внутривершинного (или безвершинного) относительного предложения. Такое предложение имеет референцию само по себе и тем самым может связываться анафорическим местоимением в главной клаузе. В качестве иллюстрации можно сказать, что при таком анализе осетинские коррелятивы будут аналогичны конструкциям вроде:

(398) Та девушка, которая пришла — я её видел.

(399) Cette fille qui est venue, je l'ai vu.

Преимущества этого анализа очевидны: мы можем использовать любой общепринятый семантический анализ рестриктивных относительных предложений, лишь добавив к нему механизмы анафорической референции. Тем самым, на первый взгляд, мы избегаем решений, принятых *ad hoc* для конкретного языка, и «конструируем» наш анализ из уже известных, хорошо описанных компонентов. Однако рассмотрим такой анализ более подробно. Если считать топикализованную клаузу аналогом ИГ с относительным предложением, принимая стандартный анализ семантики относительных конструкций, то семантический конструктор, который должен выводиться для ресурса зависимой клаузы, будет иметь вид:

(400) $\lambda P.[x_1|\partial(\text{девочка}(x_1)), \partial(\text{прийти}(x_1))]; P(x_1) : (c_e \multimap s_t) \multimap s_t$

Этот конструктор имеет тип « $\langle\langle e, t \rangle, t \rangle$ », т.е. подчинительный показатель ведёт себя, как обобщённый квантификатор. Однако ресурс « $(c_e \multimap s_t)$ », который этот конструктор требует в качестве посылки, невозможно получить ни на какой стадии доказательства, т.к. относительная клауза сама по себе не занимает никакой валентности в главной клаузе: ведь мы рассматриваем коррелят как обычный прономинал, а значит, у нас есть все компоненты для деривации значения главной клаузы, т.е. мы имеем ресурсы *rel* и $(rel \multimap main) \multimap main$, комбинировать которые невозможно. С таким набором посылок вывести *main*, используя при этом все ресурсы, нельзя.

Исправим ситуацию, подняв тип главной клаузы от t до $\langle e, t \rangle$ при помощи дополнительного конструктора, вводящего «пустую» лямбда-абстракцию:

$$(401) \quad \lambda P. \lambda x. P : s_t \multimap (c_e \multimap s_t)$$

Такой приём может показаться несколько искусственным, но он безупречен с формальной точки зрения (соответствие Карри–Ховарда не нарушается, а тот факт, что в сфере действия лямбды нет вхождений переменной x , для применения аргумента к функции и β -редукции не имеет значения; к относительным предложениям такой приём применялся, например, в [Arnold, Sadler, 2010] (только там, напротив, тип $\langle \langle e, t \rangle, \langle e, t \rangle \rangle$ понижается до $\langle e, t \rangle$ подстановкой в качестве аргумента функции « $\lambda P.true$ »). Теперь мы можем применить (401) к (400) и, наконец, получить искомое значение, см. рис. 4.1 на следующей странице.

Осталось только добавить ещё один конструктор, связывающий коррелят с подчинительной группой, и мы получим полный анализ коррелятивов. Однако уже на данном этапе видны некоторые недостатки такого подхода, а именно:

- Понижение типа при помощи пустой абстракции является не очень элегантным решением, т.к. его использование фактически говорит о том, что два компонента конструкции друг с другом сами по себе несовместимы.
- В осетинском внутривершинные относительные предложения отсутствуют, поэтому несколько странно рассматривать коррелятивы в таком качестве, пусть и только на семантическом уровне.
- Зависимой клаузе на уровне синтаксиса соответствует тип e на уровне семантики. Поскольку f -структуры лишены типов, формализм это допускает; однако не факт, что такой анализ желателен из общих соображений. Возможно, впрочем, что внутривершинные относительные именно так и нужно анализировать (ср. [Broadwell, 1985], где такие клаузы в чоктавском языке рассматриваются как CP, а не DP), однако в осетинском языке в пользу такого анализа нет никаких независимых аргументов.

$$\begin{array}{c}
\lambda P.[x_1|\partial(\text{девочка}(x_1)), \partial(\text{прийти}(x_1))]; P(x_1) : \\
\frac{\forall \alpha_t.(c_e \multimap \alpha_t) \multimap \alpha_t}{[x_1 x_2|\partial(\text{девочка}(x_1)), \partial(\text{прийти}(x_1)), \text{ant}(x_2), \text{увидеть}(1sg, x_2)] :} \\
\frac{\lambda P.\lambda x.P : \quad \frac{\lambda P.[x_1|\text{ant}(x_1)]; P(x_1) : \quad \frac{\lambda x.\lambda y.\text{увидеть}(x, y) : \quad 1sg : \quad \frac{i_e \multimap h_e \multimap s_t}{i_e}}{\lambda y.\text{увидеть}(1sg, y) : \quad \frac{h_e \multimap s_t}}{[x_1|\text{ant}(x_1), \text{увидеть}(1sg, x_1)] :}}}{\lambda x.[x_1|\text{ant}(x_1), \text{увидеть}(1sg, x_1)] :} \\
\frac{s_t \multimap (c_e \multimap s_t)}{s_t}
\end{array}$$

Рис. 4.1.: Частичный вывод предложения *Которая девочка пришла, я её видел* при «относительном» анализе коррелятивов

- Сочинение зависимых клауз в коррелятивной конструкции может осуществляться при помощи союзов типа *фæлæ* 'но', которые обычно не сочиняют именные группы, т.е., с семантической точки зрения, объекты типа *e*.

На мой взгляд, все эти проблемы не являются непреодолимыми, но желательно по возможности их избежать. Ниже я подробно разберу именно такой анализ, имея в виду, что возможен и альтернативный вариант, кратко рассмотренный выше.

Второй вариант анализа состоит в том, чтобы считать зависимую клаузу чем-то вроде обстоятельственного придаточного, либо просто вводящего пресуппозицию, либо вводящего условие. Если выше речь шла об аналогии с относительной клаузой, то в данном случае уместна аналогия с кореферентностью местоимения в главной клаузе и ИГ в зависимой адвербиальной клаузе (за исключением того, что темпоральное или какое-либо иное отношение отсутствует: зависимая клауза просто вводится как пресуппозиция):

(402) (Когда) девушка_i пришла, я её_i видел.

То есть коррелятивная клауза является ресурсом типа *t* (т.е. предикацией), а связь между клаузами устанавливается при помощи конструктора следующего вида:

(403) а. $\lambda P.\lambda Q.[[\partial(P)]]; Q : sub_t \multimap main_t \multimap main_t$
 б. $\lambda P.\lambda Q.[[P \Rightarrow Q]] : sub_t \multimap main_t \multimap main_t$

Здесь на уровне значения мы имеем функцию от двух аргументов (главная и зависимая клаузы), возвращающую некоторую их комбинацию. На уровне линейной логики мы имеем две импликации, поглощающих ресурсы главной и зависимой клауз и возвращающих в итоге главную клаузу, но уже с модифицированным значением.

При таком анализе относительные местоимения оказываются единицами, являющимися либо неопределёнными местоимениями (если они вводят новый референт), либо определёнными ИГ (если они всего лишь активируют ранее известный):

(404) а. $\lambda R.\lambda P.[x_1|R(x_1)]; P(x_1) :$
 $(rel.var_e \multimap rel.restr_t) \multimap \forall \alpha_t.(rel_e \multimap \alpha_t) \multimap \alpha_t$

$$\text{б. } \lambda R. \lambda P. [x_1 | \partial(R(x_1)), \text{ant}(x_1)]; P(x_1) : \\ (\text{rel.var}_e \multimap \text{rel.var}_t) \multimap \forall \alpha_t. (\text{rel}_e \multimap \alpha_t) \multimap \alpha_t$$

Предложенные в (403) и (404) конструкторы уже создают достаточные условия для того, чтобы получить значение целого предложения. Однако при этом отсутствует главное: требование обязательной кореферентности подчинительной группы и коррелята. Для этого мы можем использовать тот вариант конструктора, который предполагает «опосредованную» кореферентность, т.е. отношение \mathcal{A} , а не подстановку одной и той же переменной в две позиции. Повторю здесь конструктор (504), предложенный Д. Хаугом:

$$(405) \quad \lambda P. \lambda x. \lambda y. P(x)(y); [|x \in \mathcal{A}(y)] : \forall \alpha (g \multimap h \multimap \alpha) \multimap g \multimap h \multimap \alpha$$

Используя этот конструктор, мы можем, наконец, получить то значение, которое нас устраивает (Рис. 4.2–4.3 на следующей странице, для предложения *Которая девушка пришла, я её видел*).

$$\frac{(gv \multimap gr) \multimap \quad \forall \alpha.(g \multimap \alpha) \multimap \alpha \quad gv \multimap gr}{\forall \alpha.(g \multimap \alpha) \multimap \alpha} \quad \frac{\forall \alpha.(h \multimap \alpha) \multimap \alpha \quad \forall \alpha.(g \multimap h \multimap \alpha) \multimap \alpha}{g \multimap h \multimap \alpha} \quad \frac{\frac{\frac{g \multimap c \quad [g]^1}{c} \quad \frac{c \multimap s \multimap s}{s \multimap s} \quad \frac{\frac{i \multimap h \multimap s \quad i}{h \multimap s}}{s}}{g \multimap h \multimap s} \quad \frac{[h]^2}{s}}{\multimap_{\mathcal{I},1,2}}}{\text{skip}}$$

Рис. 4.2.: Вывод примера при «адвербиальном» анализе коррелятивов (линейно-логический уровень)

$$\frac{\frac{\frac{\lambda R.\lambda P.[x_1|R(x_1)]; P(x_1) \quad \lambda x.\text{девочка}(x) \quad \lambda P.[x_1|\text{ant}(x_1)]; P(x_1)}{\lambda P.[x_1|\text{девочка}(x_1)]; P(x_1)} \quad \frac{\lambda P.\lambda x.\lambda y.P(x)(y); [x \in \mathcal{A}(y)] \quad \frac{\frac{\frac{\lambda x.\text{прийти}(x) \quad [g]^1}{\text{прийти}(g)} \quad \frac{\lambda P.\lambda Q.[\partial(P)]; Q}{\lambda Q.[\partial(\text{прийти}(g))]; Q} \quad \frac{\frac{\lambda x.\lambda y.\text{увидеть}(x,y) \quad 1sg}{\lambda y.\text{увидеть}(1sg,y)}}{\text{увидеть}(1sg,h)} \quad [h]^2}{[\partial(\text{прийти}(g)), \text{увидеть}(1sg,h)]}}{\lambda x.\lambda y.[\partial(\text{прийти}(x)), \text{увидеть}(1sg,y)]} \quad \multimap_{\mathcal{I},1,2}}}{\lambda x.\lambda y.[\partial(\text{прийти}(x)), \text{увидеть}(1sg,y)]} \quad \text{skip}}{\lambda x.\lambda y.[\partial(\text{прийти}(x)), \text{увидеть}(1sg,y), x \in \mathcal{A}(y)]} \quad \text{skip}}{\lambda x.[x_1|\text{ant}(x_1), \partial(\text{прийти}(x)), \text{увидеть}(1sg, x_1), x_1 \in \mathcal{A}(y), \text{девочка}(x_1)]} \quad \text{skip}}{\lambda x.\lambda y.[\partial(\text{прийти}(x_1)), \text{увидеть}(1sg, x_2), x_1 \in \mathcal{A}(x_2)]}$$

Рис. 4.3.: Вывод примера при «адвербиальном» анализе коррелятивов (семантический уровень)

4.4.2. Синтактико-семантический интерфейс

Однако анализ всё ещё не полон, т.к. мы не привязали его к синтаксису, т.е. к *f*-структуре. Иначе говоря, надо указать, каким образом семантика будет идентифицировать, что является подчинительной группой, а что — коррелятом, а также то, каким образом строится значение разные синтаксических классов коррелятивов.

Начнём с коррелятивов, присоединяющихся к *CP* и связанных анафорически. Нам надо не только связать две клаузы и подчинительную группу с коррелятом, но также обеспечить единственность коррелята, даже если в предложении несколько сочинённых зависимых клауз. Для этого я предлагаю использовать в семантической структуре функцию *CORREL*, которой присваивается значение коррелята и которая приписывается всей зависимой клаузе. Сначала зададим следующий шаблон [Asudeh, Dalrymple, Toivonen, 2013]:

$$(406) \quad \text{CORREL}(main^f, corr^f) := (\downarrow \text{STYPE}) =_c \text{CORREL} \\
\begin{aligned}
& \%MAIN = main^f \\
& \%CORR = corr^f \\
& \lambda P. \lambda Q. [|\partial(P)|]; Q : \downarrow_{\sigma(t)} \multimap \%MAIN_{\sigma(t)} \multimap \%MAIN_{\sigma(t)} \\
& (\downarrow_{\sigma} \text{CORR}) = \%CORR_{\sigma}
\end{aligned}$$

Здесь в качестве аргумента даётся главная клауза (это нужно для коррелятивов, присоединённых на уровне *DP*) и путь к корреляту (для разграничения локального и дистантного связывания), остальное инвариантно: первая аннотация требует того, чтобы зависимая (т.е. аннотируемая) клауза имела тип «коррелятивная»; вторая аннотация связывает две клаузы через пресуппозицию зависимой; в третьей аннотации задаётся локальная переменная *%CORR*, которая идентифицируется с одним из аргументов главной клаузы (на любом уровне вложения), содержащим указательный элемент дальнего плана, и помещается в функцию *CORR* в семантической структуре зависимой клаузы.

Правило для присоединения к *CP* в таком случае имеет следующий вид:

$$(407) \quad CP \rightarrow \begin{array}{cc} CP & C' \\ (\uparrow \text{TOPIC}) = \downarrow & \uparrow = \downarrow \\ @\text{CORREL}(\uparrow, (\uparrow \text{GF} +)) & \end{array}$$

В случае коррелятивов, присоединённых к *DP*, коррелят задаётся проще: это всего лишь та составляющая, к которой присоединена зависимая клауза, т.е., « \uparrow ». Однако при этом сложнее связать две клаузы, т.к. главная клауза

может находиться сколь угодно высоко в структуре предложения. Для этого мы должны «прочертить» путь к главной клаузе снизу вверх:

$$(408) \quad DP \rightarrow \begin{array}{c} CP \\ \downarrow \in (\uparrow ADJ) \\ (\uparrow SPEC) \stackrel{=}{\leftarrow} DIST \\ @CORREL((GF POSS* \uparrow), \uparrow) \end{array} \quad DP \quad \uparrow = \downarrow$$

В обоих случаях результат один и тот же: происходит, в некотором смысле, «подъём» зависимой клаузы на уровне семантики. Т.е., в каком-то смысле, можно сказать, что если у Сривастав коррелятивы при CP и коррелятивы при DP представляют собой различные конструкции, а у Бхатта зависимая клауза при CP поднимается из позиции при корреляте, но остаётся *in situ* при адъюнкции к DP, то здесь зависимая клауза всегда «поднимается», но не на уровне синтаксиса, а в семантике.

Локальные коррелятивы на левой периферии структурно связаны с позицией адъюнкта коррелята, так что определить последний можно при помощи функциональной неоднозначности:

$$(409) \quad CP \rightarrow \begin{array}{c} CP \\ (\uparrow TOPIC) = \downarrow \\ (\uparrow TOPICPATH) = \downarrow \\ \%CORR = (ADJ \in \downarrow) \\ (\%CORR SPEC) \stackrel{=}{\leftarrow} DIST \\ @CORREL(\uparrow, \%CORR) \end{array} \quad C' \quad \uparrow = \downarrow$$

Здесь использование для зависимой клаузы такой же аннотации, как и для обычного периферийного топика (« $(\uparrow \text{TOPICPATH}) = \downarrow$ »), теоретически может привести к тому, что она идентифицируется не с адъюнктом какой-то из грамматических функций, а непосредственно с этой грамматической функцией. Однако аргументы шаблона @CORREL обеспечивают то, что путь к корреляту должен пролегать через множество ADJ, в которое непосредственно входит зависимая клауза; если это условие не выполняется, то уравнение функциональной неоднозначности не определено, и структура предложения некорректна. Другим нежелательным следствием может быть то, что зависимая клауза ассоциируется с адъюнктом, но не к DP, а к клаузе. Это, однако, невозможно благодаря последней аннотации, которая требует, чтобы детерминантом коррелята (т.е. той составляющей, адъюнктом к которой является зависимая клауза) был демонстратив дальнего плана; клаузы никак не могут получить такой признак, а значит, не могут быть в данном случае в позиции топика.

Для того, чтобы обеспечить единственность коррелята, требуется считать, что при сочинении нескольких клауз они образуют множество не только на f-структуре, но и на s-структуре, причём семантические признаки точно так же делятся на дистрибутивные и недистрибутивные, как и синтаксические. Такой анализ является достаточно естественным и имеет независимую мотивацию: нам в любом случае нужен механизм распределения семантических признаков по конъюнктам, например, в случае, если некоторая конструкция требует одушевлённость элемента: тогда, если в некоторой позиции находится сочинённая группа, признак одушевлённости должен приписываться всем конъюнктам. Добавим соответствующие аннотации в правило для сочинения:

$$(410) \quad X \rightarrow X+ \text{ Conj } X$$

$$\begin{array}{ccc} \downarrow \in \uparrow & \uparrow = \downarrow & \downarrow \in \uparrow \\ \downarrow_{\sigma} \in \uparrow_{\sigma} & & \downarrow_{\sigma} \in \uparrow_{\sigma} \end{array}$$

Теперь, если принять, что признак *correl* является дистрибутивным, то обеспечивается его распространение на все зависимые клаузы, если в спецификаторе CP находится сочинённая группа. Других же зависимых клауз на левой периферии быть не может, т.к. позиция заполняется только одним элементом.

Перейдём к связыванию двух референтов. При условии, что изменять лексическое значение коррелята мы не можем, у нас есть всего два варианта: либо вводить связывающий конструктор на уровне конструкции (CP), либо делать это на уровне подчинительного показателя. На мой взгляд, последнее предпочтительнее, т.к., во-первых, универсально для всех синтаксических позиций коррелятивов; во-вторых, лишает нас необходимости «искать» подчинительную группу внутри зависимой клаузы. Это довольно важно, т.к. если относительные местоимения всегда занимают позицию OPER и их в этом смысле всегда легко идентифицировать, то собственно союзы типа *куы* или *цæмæй* не имеют особой позиции ни на s-структуре, ни на f-структуре (хотя им и соответствуют некоторые семантические роли). Коррелят же задан функцией CORR и поэтому легко доступен и из позиции подчинительной группы (вне зависимости от её типа), и на уровне соединения двух конструкций. Учитывая это, введём следующие шаблоны¹⁵:

¹⁵Я использую аннотацию %^σНАМЕ для локального имени s-структуры.

- (411) а. $\text{BIND}(ant^s, pro^s) := \%^{\sigma}\text{ANT} = ant^s$
 $\%^{\sigma}\text{PRO} = pro^s$
 $\lambda P.\lambda x.\lambda y.P(x)(y); [|x \in \mathcal{A}(y)|]$
 $\forall \alpha_{(t)}.(\%^{\sigma}\text{ANT}_{(e)} \multimap \%^{\sigma}\text{PRO}_{(e)} \multimap \alpha_{(t)}) \multimap$
 $\%^{\sigma}\text{ANT}_{(e)} \multimap \%^{\sigma}\text{PRO}_{(e)} \multimap \alpha_{(t)}$
- б. $\text{INDEF} := \lambda R.\lambda P.[x_1|R(x_1)]; P(x_1) :$
 $((\uparrow_{\sigma} \text{VAR})_{(e)} \multimap (\uparrow_{\sigma} \text{RESTR})_{(t)}) \multimap \forall \alpha_{(t)}.(\uparrow_{\sigma(e)} \multimap \alpha_{(t)}) \multimap \alpha_{(t)}$
- в. $\text{RELPRO}(clause^f, rel^s) := \%^{\sigma}\text{CLAUSE} = clause^f$
 $\%^{\sigma}\text{REL} = rel^s$
 $(\%^{\sigma}\text{CLAUSE STYPE}) = \text{CORREL}$
 $@\text{BIND}(\%^{\sigma}\text{REL}, (\%^{\sigma}\text{CLAUSE}_{\sigma} \text{CORR}))$

Первый шаблон задаёт конструктор, связывающий две клаузы (см. выше и в Приложении А). Второй шаблон фактически просто является конструктором для показателя типа неопределённого артикля (именно в качестве таковых я рассматриваю относительные детерминанты). Наконец, третий шаблон маркирует клаузу, в которой находится подчинительный показатель, как коррелятивную, и связывает подчинительную группу с коррелятивом.

Тогда лексические дефиниции для подчинительных показателей, вводящих собственно относительные конструкции, таковы:

- (412) *цы* D^0 $(\uparrow \text{DET}) = \text{REL}$
 релятивизатор $@\text{INDEF}$
 $@\text{RELPRO}((\text{OPER } \uparrow), \uparrow_{\sigma})$
- (413) *чи* D^0 $(\uparrow \text{PRED}) = \text{'PRO'}$
'кто' $(\uparrow \text{DET}) = \text{REL}$
 $\lambda x.\text{person}(x) : (\uparrow_{\sigma} \text{VAR}) \multimap (\uparrow_{\sigma} \text{RESTR})$
 $@\text{INDEF}$
 $@\text{RELPRO}((\text{OPER } \uparrow), \uparrow_{\sigma})$

Этот анализ годится для относительных коррелятивов, однако неприемлем в случаях, когда нам нужна референция к абстрактным объектам, таким, как факты, события и пропозиции. Для этого нужны особые дефиниции. Проще всего описываются события: так как событийный аргумент (в широком смысле, т.е. включая состояния) присутствует в любой предикации, мы можем определить *куыд* 'как' в его событийной функции как простой «коиндексатор», содержащий шаблон $@\text{BIND}$, но не вводящий никакого нового референта:

- (414) $к\text{уы}\delta \quad \hat{C} \quad @RELPRO(\uparrow, (\uparrow_{\sigma} EV))$
 COMP
 ('как')

С фактами и пропозициями дело обстоит сложнее: было бы не очень естественно считать, что любая предикация вводит факт или пропозицию в дискурс, т.к. это противоречит анафорическим фактам, не позволяющим всегда осуществлять такую референцию. Чтобы описать семантику коррелятивов, реферирующих к положениям вещей, я буду следовать теории референции к абстрактным событиям в рамках DRT, предложенной Н. Эшером [Asher, 1993]. Эшер использует следующую нотацию для референции к фактам и пропозициям (предложение *John informed Mary of Sue's departure*):

(415)

v, w, u, e', k	
John(v)	
Sue(w)	
e' -inform(v, w, k)	
Mary(u)	
$k \approx$	e
	e -depart(u)
$\text{char}_f(k) \quad \text{fact}(k)$	

[Asher, 1993, с. 161]

Здесь \approx обозначает отношение характеристики между некоторым дискурсивным референтом и DRS, а $\text{char}_f(k)$ уточняет тип этого отношения, в данном случае — факт; пропозиция обозначается как $\text{char}_p(x)$. Чтобы получить подобную семантику в используемой мною композиционной модели, можно рассматривать союзы типа *кæй* 'что' и *цæмæй* 'чтобы', как имеющие три функции: во-первых, они вводят дополнительную валентность на, соответственно, факт и пропозицию, создавая своего рода «оболочку» вокруг события; во-вторых, они выступают как неопределённые детерминанты для этого фактивного или пропозиционального аргумента; в-третьих, они связывают факт/пропозицию с коррелятивом. Дефиниции в таком случае выглядят следующим образом:

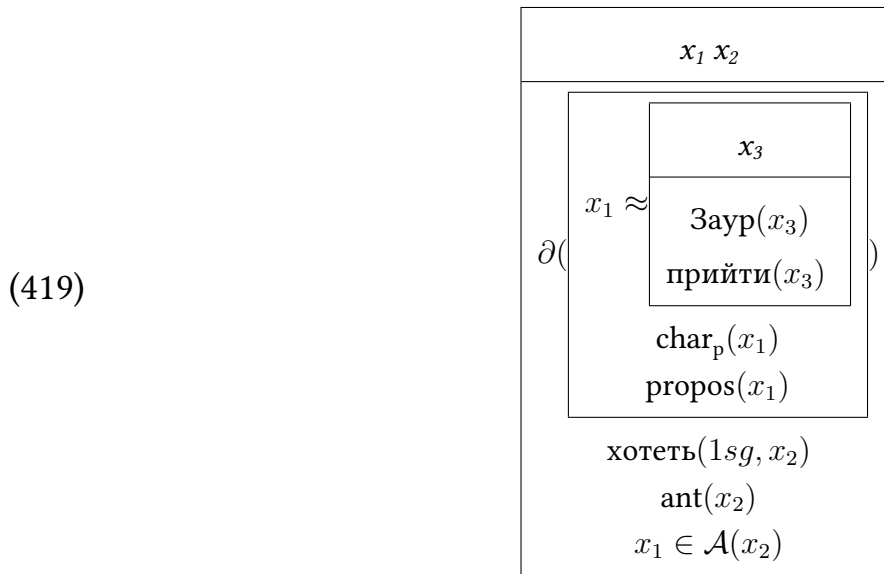
- (416) *кæй* C^0 $\lambda P.\lambda x.[| x \approx P, \text{char}_f(x), \text{fact}(x)] :$ [повышение валентности]
 COMP $\uparrow_{\sigma(t)} \multimap ((\uparrow_{\sigma} \text{FACT})_{(e)} \multimap \uparrow_{\sigma(t)})$
 ('что') $\lambda P.[x_1 |] ; P(x_1) :$ [неопределённый
 $\forall \alpha_{(t)}. ((\uparrow_{\sigma} \text{PROP})_{(e)} \multimap \alpha_{(t)}) \multimap \alpha_{(t)}$ детерминант]
 $@\text{BIND}((\uparrow_{\sigma} \text{PROP}), (\uparrow_{\sigma} \text{CORR}))$
- (417) *цæмæй* C^0 $\lambda P.\lambda x.[| x \approx P, \text{char}_p(x), \text{propos}(x)] :$ [повышение
 'чтобы' $\uparrow_{\sigma(t)} \multimap ((\uparrow_{\sigma} \text{PROP})_{(e)} \multimap \uparrow_{\sigma(t)})$ валентности]
 $\lambda P.[x_1 |] ; P(x_1) :$ [неопределённый
 $\forall \alpha_{(t)}. ((\uparrow_{\sigma} \text{PROP})_{(e)} \multimap \alpha_{(t)}) \multimap \alpha_{(t)}$ детерминант]
 $@\text{BIND}((\uparrow_{\sigma} \text{PROP}), (\uparrow_{\sigma} \text{CORR}))$

Проиллюстрирую действие этих дефиниций на следующем примере:

- (418) *Мæн фæнд-ы, [цæмæй Заур æрба-цæу-а],*
 1Sg.GEN хотеть-PRS.3SG чтобы Заур PV-идти-SBJV.3SG
уый.
 DemDist[NOM/GEN]

'Я хочу, чтобы Заур пришёл.'

В результате применения всех конструкторов получается структура:

Как видно из этой схемы, использование теории Эшера позволяет элегантно описать, почему референция к не-фактивным пропозициям возможна несмотря на то, что в соответствии с описанной выше семантикой зависимая клауза находится в пресуппозиции. Дело в том, что благодаря «пропозициональной оболочке», вводимой союзом *цæмæй*, в пресуппозиции оказывается не сама ситуация, выражаемая зависимой клаузой, а характеризующее отношение пропозиции. Иначе говоря, если выразить значение зависимой клаузы, как P , то в пресуппозиции оказывается существование такой пропозиции, что P — очевидно, эта пресуппозиция истинна для любой DRS в позиции P .

Аналогичным образом может быть решена проблема референции к свойствам, т.е., к предикатам. Для этого можно использовать теорию Дж. Кьеркии [Chierchia, 1984] и соответствующую нотацию. В соответствии с этой теорией, всякому свойству (т.е. предикату) первого порядка соответствует объект типа e . Используемая нотация такова: \cap является функцией от свойства типа $\langle e, t \rangle$ к соответствующему объекту типу e , тогда как \cup , напротив, для объекта типа e даёт соответствующее свойство типа $\langle e, t \rangle$, т.е. $\cup \cap \lambda x.gorilla(x) = \lambda x.gorilla(x)$ [McNally, 2009]. Тогда мы имеем следующую альтернативную дефиницию для детерминанта *цы*:

$$(420) \quad \text{цы} \quad D^0 \quad \lambda P.\lambda x.x = \cap P : \quad \text{[абстракция свойства]}$$

$$(\uparrow_{\sigma\langle e \rangle} \multimap (\text{OPER } \uparrow)_{\sigma\langle t \rangle}) \multimap (\uparrow_{\sigma\langle e \rangle} \multimap (\text{OPER } \uparrow)_{\sigma\langle t \rangle})$$

$$@\text{INDEF}$$

$$@\text{BIND}(\uparrow_{\sigma}, ((\text{OPER } \uparrow)_{\sigma} \text{ CORR}))$$

Анафорическое местоимение, отсылающее к свойству, выглядит следующим образом:

$$(421) \quad \text{ахæм} \quad D^0 \quad \lambda P.[x_1 x_2 \mid \cup x_1(x_2), \text{ant}(x_1)]; P(x_2) :$$

$$\forall \alpha_{\langle t \rangle}. (\uparrow_{\sigma\langle e \rangle} \multimap \alpha_{\langle t \rangle}) \multimap \alpha_{\langle t \rangle}$$

Рассмотрим следующее предложение:

$$(422) \quad \left[\text{Ирон-ау} \quad \text{чи} \quad \text{дзур-а} \right], \quad \text{ахæм лæдж-ы}$$

осетинский-EQU кто.НОМ говорить-SBJV.3SG такой мужчина-GEN
агур-ын.
искать-PRS.1SG
'Я ищу такого человека, который говорит по-осетински.'

Для него получается следующая структура:

$$(423) \quad \begin{array}{c} \boxed{\begin{array}{c} x_1 \ x_2 \ x_3 \\ \hline \partial(x_1 = \cap \lambda x. \boxed{\begin{array}{c} \text{говорить}(x, \text{oss}) \end{array}}) \\ \text{искать}(1sg, x_2) \\ \cup x_3(x_2) \\ \text{ant}(x_3) \\ x_1 \in \mathcal{A}(x_3) \end{array}} \end{array}$$

Здесь, опять же, мы видим, что в пресуппозиции находится лишь существование свойства «говорить по-осетински», а не существование человека, говорящего по-осетински — поэтому такие предложения могут использовать-

ся и в заведомо ирреальных контекстах (например, *Я ищу человека, который видел единорога*).

Интересным предсказанием данного анализа является принципиальная возможность заполнения одновременно позиций начального и предглагольного подчинительных показателей. Однако требование единственности коррелята жёстко ограничивает возможные варианты такого «двойного заполнения» теми случаями, когда два показателя, по сути, имеют одно и то же значение. Это ограничение выполняется, насколько мне известно, только в случае с союзами *цæмæй* и *куыд*, оба из которых могут обозначать цель. И действительно, примеры одновременно с *цæмæй* и *куыд* возможны:

- (424) ... *æмæ бардзырд рад-т-а*, [*цæмæй йын дзæбæх*
и приказ дать.PFV-TR-PST.3SG чтобы 3SgEncl.DAT хороший
кусæрттаг куыд ра-взар-ой], *афтæ*.
жертвенное_животное как PV-выбрать-SBJV.3PL так
'... и он приказал, чтобы ему выбрали хорошее жертвенное животное.'
(ОНК: Мах дуг 1, 1998)

Пример полного вывода осетинского предложения с коррелятивной конструкцией дан в Приложении.

Множественные коррелятивы, как было указано в главе 3, требуют анализа, согласно которому их семантика выводится непосредственно из семантики вопросительных слов. Поэтому анализ выше, опирающийся на рассмотрение относительных показателей как особых лексических единиц, к ним неприменим. К сожалению, формализация семантики множественных коррелятивов в терминах ЛФГ требует более подробной разработки семантики вопросительных слов, чем в имеющихся на сегодня анализах. Так, в теории Л. Майкок [Muscok, 2006] используется λ -абстракция в терминах Ситуационной семантики [Barwise, J. Perry, 1983], при том что семантическая деривация в целом основывается на обычном λ -исчислении. Таким образом, нужно либо интегрировать композиционную архитектуру комбинаторной семантики ЛФГ с Ситуационной семантикой, либо разрабатывать новый анализ вопросительных слов, не апеллирующий к этой теории. Обе задачи выходят за рамки настоящего исследования.

4.5. Выводы

В данном разделе было показано, что стандартный анализ семантики относительных предложений неприменим к осетинским коррелятивам. Возможность контекстного связывания, множественных антецедентов, частичной кореферентности и имён собственных внутри подчинительной группы и группы коррелята говорит о том, что отношение между подчинительной группой и коррелятом является не связыванием переменной, а кореферентностью. Таким образом, коррелятивы можно рассматривать с семантической точки зрения как аналог сочинения вида *Девушка пришла, я её видел*, с теми отличиями, что зависимая клауза находится в пресуппозиции, а кореферентность между ИГ *девушка* и ИГ *её* является обязательной. Тем самым осетинские коррелятивы можно считать особым семантическим типом конструкции, а не особым синтаксическим выражением относительных предложений, как обычно принято считать. Данный анализ формализуется в терминах Лексико-функциональной грамматики с использованием Частичной композициональной теории репрезентации дискурса (PCDRT) в качестве семантического метаязыка.

5. «Коррелятивная экспансия» как ареальное явление

В предыдущих главах было показано, что в осетинском языке коррелятивная конструкция распространена весьма широко и обслуживает широкий спектр полипредикативных конструкций. В связи с этим возникает вопрос о том, необычна ли такая система полипредикации с типологической точки зрения, и если да, то является ли её появление чисто случайным фактом или же имеет генетическое или ареальное объяснение. В данном разделе я подробно рассмотрю каждую из этих проблем.

5.1. Синтаксические заимствования при языковых контактах

Возможность контактного влияния непосредственно на синтаксис или грамматику является спорным вопросом для современной диахронической лингвистики. По мнению некоторых исследователей, любое грамматическое явление может быть заимствовано [Thomason, Kaufman, 1988; Campbell, 1993], тогда как другие авторы утверждают, что непосредственно грамматическое или синтаксическое влияние одного языка на другой невозможно в принципе [Lefebvre, 1985; E. Prince, 1988; R. King, 2000]. Действительно, многие изменения в области синтаксиса также сопровождаются заимствованием лексического материала; к тому же, часто трудно разделить чисто синтаксическое влияние и дискурсивно-прагматические изменения, которые, в свою очередь, в дальнейшем приводят к синтаксическим изменениям. Кроме того, многие синтаксические параметры, например, порядок слов, могут принимать столь малое число значений, что доказать контактное влияние затруд-

нительно.

Однако имеется сравнительно небольшое количество случаев, когда мы можем без сомнений говорить о контактном влиянии на синтаксис языка. Во всех этих случаях речь идёт о постепенном развитии конструкций, чуждых заимствующему языку. Например, молодые носители языка тариана (аравакская семья, Бразилия) заимствовали из португальского языка использование вопросительных слов в качестве относительных местоимений:

(425) тариана (северноаравакские > аравакские)

а. старшее поколение носителей

ka-ye-ka-kani hĩ kau-na na-sape
REL-знать-PST.REL.PL Dem:ANIM так-REM.P.VIS 3PL-говорить

б. младшее поколение носителей

kwana ka-ye-ka-kani hĩ kau-na na-sape
кто REL-знать-PST.REL.PL Dem:ANIM так-REM.P.VIS 3PL-говорить

‘Те, кто знали, говорили так.’

[Aikhenvald, 2002, с. 183]

Этот пример является типичным случаем грамматикализации в результате контактного влияния [Heine, Kuteva, 2005]: внешнее воздействие приводит к появлению новой конструкции, но эта конструкция использует материал заимствующего языка и в целом проходит те же стадии развития, что она прошла бы в случае независимой инновации. В результате функциональное распределение конструкции в языке, подверженном влиянию, обычно является подмножеством функций аналогичной конструкции в языке-доноре, и направление контакта, как и сам заимствованный статус конструкции, обычно несомненны.

В этой главе будет показано, что осетинская система подчинения не совсем вписывается в такую картину языковых изменений, т.к., несмотря на то, что «экспансия» коррелятивов на другие типы подчинения произошла под влиянием абхазо-адыгских языков, функциональная дистрибуция различных конструкций в осетинском и черкесских языках совершенно различны. Таким образом, оказывается, что осетинский заимствовал лишь саму тенденцию выражать всё подчинение через подобие релятивизации, но сделал это, используя исконно индоевропейскую коррелятивную конструкцию и не изменив общую структуру системы подчинения в каких-либо иных аспек-

тах.

5.2. Типологические параллели

В данном разделе будет рассмотрена гипотеза, согласно которой чрезвычайное функциональное разнообразие коррелятивов и их центральное место в системе подчинения являются следствием общетипологических тенденций.

5.2.1. Коррелятивы в других языках

Хотя синтаксические свойства и семантика коррелятивов подробно описаны для довольно небольшого числа языков (в основном индоарийских, славянских и финно-угорских), эта конструкция весьма частотна в языках мира, что видно из списка в [Lipták, 2009b], который является далеко не полным. Поэтому сам факт наличия коррелятивов в осетинском языке не является чем-то типологически удивительным: такая конструкция могла быть унаследована из праязыка, а могла и развиться самостоятельно.

Также несомненно общетипологической тенденцией является использования коррелятивов для некоторых семантических типов придаточных, не являющимися относительными. Так, в индоарийских языках коррелятивы не только являются основным средством релятивизации, но и маркируют некоторые другие типы придаточных, в частности, временные и условные [Bhatt, Lipták, 2009; Masica, 1991, с. 415]:

- (426) маратхи (индоарийские > индоевропейские)
 [*dzar tyāne abhyās kelā*] *tar to pās hoīl*
 если он.ERG учение делать.PST тогда он проход быть.FUT
 ‘Если он будет учиться, то он поступит.’

[Pandharipande, 1997]

- (427) хинди (индоарийские > индоевропейские)
 [*jab mE kamre-me ghus-aa*], *tab Mona gaa rahii*
 когда я комната-IN войти-PFV.MSG тогда Мона петь PROG.F
thii
 быть.PST.FSG
 ‘Когда я вошёл в комнату, Мона пела.’

[Bhatt, Lipták, 2009, с. 345]

Однако ни в общем обзоре в [Masica, 1991] ни в каких-либо работах, посвящённым коррелятивам в индоарийских языках, не описано использование коррелятивов для придаточных причины, условия или цели. Что касается древних индоевропейских языков, то в хеттском, где коррелятивы были чрезвычайно распространены, помимо релятивизации они используются только для образа действия *māḥḥan* 'как' — *apeniššan* 'так'. Также не упомянута подобная экспансия ни в одной из статей в сборнике [Lipták, 2009a], посвящённом типологии коррелятивов. Из этого можно сделать вывод, что даже если коррелятивы и могут быть использованы для этих типов клауз в тех языках, для которых они описаны, то это употребление является довольно маргинальным и маркированным случаем, который можно сравнить, например, с использованием относительных причин с вершиной-указательным местоимением в русском [Князев, 2009; Летучий, 2012] или венгерском [De Cuba, Ürögdi, 2009; Haegeman, Ürögdi, 2010] языках, где это лишь один из вариантов, а не доминантная стратегия. К тому же даже в случаях вроде венгерского мы имеем дело с каноническими относительными придаточными с внешней вершиной, а не с коррелятивами, которые, как было показано в предыдущих главах, нельзя ни с синтаксической, ни с семантической точки зрения считать подклассом относительных придаточных.

Вывод, тем самым, состоит в том, что осетинские коррелятивы типичны в том, что касается их использования в относительной, темпоральной и условной функциях, но с точки зрения маркирования сентенциальных актантов, целевых придаточных и придаточных причины данная конструкция является, исходя из имеющихся у нас данных, типологически практически уникальной.

5.2.2. Полисемия номинализации и релятивизации

Однако ситуация с маркированием сентенциальных актантов и иных типов придаточных напоминает другой факт, известный из типологии. Он состоит в том, что во многих языках одна и та же глагольная форма или союз используется для маркирования как относительных предложений, так и сентенциальных актантов, ср.:

(428) а. Skiing is fun.

- б. the running man
- (429) а. She says that long ago she knew someone...
б. A love that should have lasted years.
- (430) тувинский (тюркские > алтайские)
kər-gen-iŋ
видеть-РТСР.PST-POSS.2SG
‘то, что ты видел / тот факт, что ты нечто увидел’
[Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 301]
- (431) леле (чадские > нигер-конго)
- а. *ŋ sèn* [*go mé gírbi kòjò kèrè*]
1SG знать REF 2F забыть мотыга GEN-2F
‘Я знаю, что ты забыл свою мотыгу.’
[Frajzyngier, 2001, с. 438-440]
- б. *jàw dí-ngà* [*go ngá gol-ge*]
враги GEN:PL-1DU:INCL видеть-3PL
‘враги, которых мы собирались увидеть’
[Frajzyngier, 2001, с. 384]

Во всех этих случаях один и тот же показатель (морфологический в алтайских, лексические в английском и леле) используется и для номинализации самой ситуации, и для релятивизации её участника. Такая полисемия типологически распространена, см. [Lehmann, 1984], а также [Noonan, 1985; 2007] о нефинитных придаточных и [Сердобольская, Паперно, 2006; Hendery, 2012] о лексических и морфологических показателях. Поэтому может показаться разумным предположение, что осетинская система подчинения является всего лишь конкретным примером этой общетипологической тенденции.

Однако такая тенденция является слишком общей, чтобы привлекать её как объяснение данных конкретных языков. Значение имеет не только сам факт полисемии, но и та форма, в которой она проявляется¹. К центральным чертам осетинской системы подчинения относятся: использование коррелятивов; использование специализированных подчинительных показателей, а не реляционных имён; «разделение труда» между подчинительной группой и коррелятом. Конструкции, обладающие такими свойствами, в вышепере-

¹Чисто функциональный анализ полипредикации в целом мне представляется малоперспективным. Так, многочисленные попытки определения понятия «подчинение» в терминах пресуппозиции или «неассерции» [Cristofaro, 2003] опровергаются рядом контраргументов [Green, 1976; Lakoff, 1984; Takahashi, 2008].

численных работах не рассматриваются; в частности, в них нет ни одного примера коррелятивной конструкции; как было сказано выше, литература по коррелятивам также не знает подобных примеров. Более того, в большинстве языков, проявляющих данную тенденцию и рассмотренных в литературе, речь идёт о том или ином «универсальном показателе», грамматическом или лексическом, который совмещает функции номинализации и релятивизации; в осетинском же языке дело обстоит ровно наоборот: имеется набор специализированных показателей, маркирующих разные типы зависимых клауз, и набор показателей, маркирующих синтаксическую позицию зависимую клаузы в главной, которые объединяет только то, что они участвуют в одной и той же конструкции.

Также следует рассмотреть вопрос о том, в каком направлении изначально развивалась полисемия: от релятивизации к номинализации или наоборот? Конечно, для большинства языков такие данные отсутствуют; однако, как кажется, направление от номинализации к релятивизации частотнее. Хорошо описанные случаи включают тибето-бирманские языки [DeLancey, 2002], финно-угорские языки [Серебрянников, 1964, с. 169] и английский герундий на *-ing* [Callaway, 1901]. В осетинском же речь идёт о противоположном развитии. Впрочем, показатель *-GAn* в тюркских языках, видимо, всё же исходно имел именно относительную функцию, позже развил и номинализирующую [Erdal, 2004, с. 290-291], так что этот аргумент слабее предыдущего.

В заключение этого подраздела можно сказать, что тенденция расширять номинализирующие стратегии в стороны релятивизации и наоборот может быть универсальной или почти универсальной, но данный конкретный случай такого расширения является типологически необычным.

5.3. Генетический обзор

Теперь будет рассмотрена гипотеза о наследовании осетинской конструкции из более раннего языкового состояния.

5.3.1. Древнеиранские и среднеиранские языки

В авестийском и древнеперсидском, как и во многих других древних индоевропейских языках (хорошо изученные случаи включают хеттский [Garrett, 1994; Huggard, 2011] и санскрит [Davison, 2009]), коррелятивы были основным средством релятивизации:

(432) младоавестийский

[*yaṃ ašauiua van^vhim ašaiiaṃ vaēda*] *taṃ druuă əuuīduuă*

‘[Праведный путь, о котором Праведный (дух) знает, что он хорош],
(о) том Лживый (дух) не ведает.’

(Vr. 22.2, из [Skjærvø, 2009, с. 158])

Относительные местоимения принадлежали к особой серии на *ya-* и отличались от вопросительных. В подчинительных конструкциях других типов использовались местоимения той же серии; указательные коррелятивы могли использоваться, но не были обязательны:

(433) младоавестийский

*išauiuas-ciṭ ... ašəmno.vīdō *bauuainti* [*yaθa graṇtō ... miθnāⁱti miθrō*]

‘даже стрелы не дойдут до цели, [когда Митра будет свирепствовать]’

(Yt. 10.39, из [Skjærvø, 2009, с. 160])

(434) древнеперсидский

ava adam akunavam ... [*yaθā aniya aniyam naiy jaⁿtiy*]

‘этого я достиг: [что они больше не убивают друг друга]’

(DSe 34–36, из [Skjærvø, 2009, с. 154])

(435) староавестийский

at|zi tōi vaxšiiā ... [*hiiaṭ akōiiā drəguuāⁱtē*]

‘ибо так я скажу тебе ... [что тому, кто одержим Ложью, (это закончится) злом]’

(Y. 51.8, из [Skjærvø, 2009, с. 154])

Хотя осетинские коррелятивы могут напрямую восходить к древнеиранским, между двумя конструкциям имеется ряд существенных отличий:

- В осетинском бесследно исчезла серия относительных местоимений на *ya-*. Все подчинительные показатели восходят к вопросительным словам, кроме *уугæр* ‘если’, из праир. **aivakara-* ‘однажды’ [Абаев, 1958,

с. 559].

- Корреляты в древнеиранских языках не были обязательны, тогда как в осетинском они не могут быть опущены, кроме ограниченного числа случаев.
- Коррелят мог стоять перед зависимой клаузой в древнеиранских языках (434), тогда как в осетинском это возможно только при сочинительной инверсии — прагматически маркированной конструкции.

Существенные синтаксические различия между коррелятивами в праязыке и в его более или менее прямом потомке описаны для санскрита и хинди в [Davison, 2009]. В хинди используется та же, что и в санскрите, серия относительных местоимений на *ya-*, что делает прямое наследование конструкции правдоподобным. Поскольку в осетинском старая серия относительных местоимений была полностью утрачена, независимое появление новой коррелятивной конструкции примерно настолько же вероятно, насколько кардинальная перестройка старой. В первом варианте нет ничего необычного: появление новой коррелятивной конструкции на фоне старой, по-видимому, произошло в истории русского языка, где коррелятивы в современном языке имеют мало общего с коррелятивами в древнерусском [Mitrenina, 2012]; в целом, коррелятивы типологически частотны, и нет ничего странного в том, чтобы язык развил такую стратегию независимо от генетических или ареальных предпосылок. В любом случае, изменения, которые придётся постулировать для вывода осетинской конструкции из праиранской, столь значительны, что такой путь развития практически неотличим от появления новой конструкции².

Идея об инновационности осетинских коррелятивов поддерживается данными среднеиранских языков, чья грамматика должна была быть близка грамматике предка осетинского языка (аланского или сарматского). В согдийском относительные предложения образуются при помощи восходящего к вопросительному слову показателя (*ke*)³ и резюмтивных местоимений;

²Ср. в этом смысле критику работы [Barðdal, Smitherman, 2013] в докладе М. Батт (2013), где показано, что независимая инновация дативных субъектов более вероятна, чем наследование праязыковой конструкции.

³*əti*, глоссируемый как “сомр”, является сочинительным союзом ‘и’, который также используется как универсальный подчинительный показатель [Yoshida, 2009, с. 317].

при этом зависимая клауза всегда следует за вершиной:

- (436) согдийский (иранские > индоевропейские)
xānd āfritēt *ōtākt* [*ke ʔti-šan sāk ʔti patšmār nēst*]
 те благословенные места REL COMP-их число и счёт нет
 ‘те благословенные места, **которым** нет числа и счёта’
 [Yoshida, 2009, с. 318]

Другие типы придаточных также не обнаруживают какого-либо сходства с коррелятивами:

- (437) *čan šē satu ʔfsānx zāy ʔti āyatim* [*paraw māθ-ʔti wānō*
 из 3 100 миль земля COMP я.пришёл потому_что-COMP так
patīyōš]
 я.слышал
 ‘Я пришёл из страны за 300 миль (отсюда), **потому что** я слышал сле-
 дующее...’
 [Yoshida, 2009, с. 320]

- (438) *xa pīdt wānō wēnant* [*ʔti xa brāmant ō ... xwatāw parēpant*]
 DEF слоны так увидели что DEF брахманы DEF царь забрали
 ‘Слоны увидели, что⁴ брахманы забрали царя.’
 [Yoshida, 2009, с. 320]

Хорезмийский, на первый взгляд, похож на осетинский в том, что также использует коррелятивы для всех типов придаточных:

- (439) хорезмийский (иранские > индоевропейские)
a-ci wašīyat ī pur-δāra aktek δāray-āmi-na, da=na
 какое завещание для (моего) сына я сделал тогда-его
tewār-δāra βānc-ina
 тебе я приложил
 (Q 345, [Henning, 1971, 13a] = QR 411, из [Durkin-Meisterernst, 2009a,
 с. 366])
- (440) *a-cūni nā yiwār-i-y-ī*, [*ka=hi-na-ci ya δāray-āmi*] ?
 как то ты знаешь что-его-их-от я имею
 ‘Откуда ты это знаешь — **что** у меня они от него?’
 (QR 360, из [Durkin-Meisterernst, 2009a, с. 365])
- (441) *mān-bā ka=mi-hi ḥalāl-a ak-βi-kām, da=wa*
 как только-мне-её законная вы сделаете то-её я буду слушать

⁴Можно допустить, что в данном примере *wānō* является коррелятом. Однако это маловероятно, учитывая то, что он не соответствует той роли, которую выполняет зависимая клауза (сентенциальный актант).

nyōs-ām-kām

‘когда вы сделаете её мне законной, тогда я буду её слушать’

(QR 69, из [Durkin-Meisterernst, 2009a])

Однако «коррелят» является обязательной согласовательной энклитикой, которая должна дублировать и обычные именные группы [MacKenzie, 1992; Durkin-Meisterernst, 2009a, с. 360]:

(442) *hāβr-ina[=hi]-di, yā duyd-a-mi*

‘Я дал её тебе (*hi-di*), мою дочь.’

(QR 12, из [Durkin-Meisterernst, 2009a, с. 360])

(443) *wāzay-ta[=ci], [c-]āyudc-a, ī xerāx*

‘Он вышел из них, из ножен, меч.’

(457.4, из [Durkin-Meisterernst, 2009a, с. 360])

Таким образом, коиндексирование актантов и сирконстантов является общей чертой хорезмийского синтаксиса и не имеет отношения к собственно системе подчинения. Это полностью противоположно ситуации в осетинском языке, где дублирование энклитикой возможно только при выносе вправо, а коррелят практически никогда не бывает энклитикой. Более того, постпозитивные относительные предложения в хорезмийском также имелись и были весьма распространены:

(444) *ī kt-ina nāw-i ki k-i=na utak*

действия эти что ты делаешь-их ты

(Q 217, [Henning, 1971, 23a] = QR 281, из [Durkin-Meisterernst, 2009a, с. 365])

В связи с этим хорезмийскую систему подчинения следует отнести к тому же типу, что и согдийскую, и она не имеет никаких существенных сходств с осетинской.

В хотаносакском языке относительные предложения также были каноническими и постпозитивными, а в обстоятельственных предложениях использовались подчинительные союзы без коррелятов:

- (445) хотаносакский (иранские > индоевропейские)
kṣīr-ä [*ku ne rre nāštā*] o *ṣ-a bis-a* [*ku hväst-ä mīde*]
 земля где не царь не-есть или DEF дом где хозяин умер
 ‘земля, где нет царя, или дом, где умирает хозяин’
 [Emmerick, 2009, с. 406]
- (446) *kho ju ṣ-a ṣṣav-a stār-yau haṃtsa ku nā sat-a štā*
 как именно DEF ночь звёзды с где не вошедшая есть
haṃbaḍ-a māst-ä
 полная луна
 ‘Совсем как ночь с (её) звёздами, когда полная луна не вошла ...’
 (Z 23.22–25, из [Emmerick, 2009, с. 411])

Данные среднеиранских языков показывают, что древнеиранские коррелятивы уже в этот период (~IV в. до Р.Х. – IX в. от Р.Х.) были практически полностью утрачены. Предок осетинского языка большую часть этого времени, а именно, до Великого переселения народов, т.е. до IV–V вв. от Р.Х. [Abaev, Bailey, 1985], несомненно находился в контакте с другими иранскими языками, и, насколько можно судить по данным внутренней реконструкции, обладал во многом схожей грамматикой; так, реконструируемая в [Belyaev, 2010] падежная система практически идентична хотаносакской и согдийской (лёгких основ). Учитывая то, насколько осетинские коррелятивы отличаются от древнеиранских, можно с высокой степенью уверенности заключить, что осетинский утратил исходную коррелятивную конструкцию в одно время с остальными иранскими языками на заре среднеиранского периода.

5.3.2. Новоиранские языки

Следует также рассмотреть ту гипотезу, что осетинские коррелятивы, хотя напрямую и не продолжают древнеиранские, являются частью общей тенденции, в целом характерной, по тем или иным причинам, для развития иранских языков. Рассмотрим основные черты подчинения в новоиранских языках, чтобы проверить данную гипотезу.

Прежде всего, ни в одном из известных мне языков коррелятивы не являются основным средством релятивизации, не говоря уже о других видах подчинения. В целом, для подчинительных конструкций в новоиранских языках характерно наличие «универсального» подчинительного союза (напр.,

перс. *ke*), восходящего к вопросительному слову и вводящего все типы зависимых клауз. Относительные предложения и сентенциальные актанты находятся в постпозиции и не отличаются в плане формального маркирования; в относительных предложениях дополнительно используются резюмptивы во всех позициях, кроме подлежащего и, в некоторых языках, прямого дополнения [Taghvaipour, 2004, с. 277]. Обстоятельственные предложения являются либо синтаксически относительными предложениями с вершиной-реляционным именем (напр., перс. *waqt-i ke* ‘в то время, что’) или используют тот же «универсальный» союз без дополнительного маркирования. Это можно проиллюстрировать следующими примерами из персидского языка:

- (447) современный персидский язык (юго-западно-иранские)
ān doxtar-i [*ke ali-rā dust dār-ad*] *raft*
 тот девочка-RESTR COMP Али-ACC друг иметь.PRS-3SG идти.PST[3SG]
 ‘Та девочка, которая любит Али, ушла.’
 [Windfuhr, J. R. Perry, 2009, с. 504]
- (448) [*pul ke mi-deh-i*], *mi-āy-am*
 деньги COMP IPFV-дать.PRS-2SG IPFV-прийти.PRS-1SG
 ‘Потому что/когда/если/хотя ты мне дашь за это деньги, я приду.’
 [Windfuhr, J. R. Perry, 2009, с. 517]
- (449) *hasan mi-dān-ad* [*ke ali in xāne-rā sāxt*]
 Гасан IPFV-знать.PRS-3SG COMP Али этот дом-ACC строить.PST[3SG]
 ‘Гасан знает, что Али построил этот дом.’

Такая система распространена по всему ареалу распространения иранских языков, от курдского (северо-западно-иранские) [Thackston, 2006, с. 72-77] до шугнанского (северо-восточно-иранские) [Durkin-Meisterernst, 2009b, с. 811-816] и пушту (северо-восточно-иранские) [Tegey, Robson, 1996, с. 199-236].

Но в некоторых языках, как в ваханском и зазаки, имеются и коррелятивы в качестве альтернативной (возможно, и доминирующей) стратегии релятивизации:

- (450) ваханский (памирские)
 [*pārd ya dəraxt dərəm tsə tu*] *yaw-ī kot-əv*
 ‘Они выкорчевали то дерево, которое было здесь в прошлом году.’
 [Bashir, 2009, с. 850]

- (451) зазаки (северо-западно-иранские)
 [*a seni wext-ê si çinêvi*] *nika a do fina biro*
 та женщина время-EZF её не_было теперь она FUT снова придёт
 ‘Та женщина, у которой не было времени, теперь придёт.’

[Todd, 2008, с. 112]

Из примеров видно, что эти коррелятивы сильно отличаются от осетинских. Демонстративы здесь используются и в качестве относительных показателей, и в качестве коррелятивов. Кроме того, коррелятивы используются только в функции релятивизации; для других типов придаточных используются обычные иранские конструкции, описанные выше.

Таким образом, во всех иранских языках присутствует полисемия релятивизации, номинализации и некоторых типов обстоятельственной связи, и можно даже предполагать, что за всеми этими конструкциями с точки зрения синтаксиса стоит релятивизация. Однако этот тип «универсальной» конструкции имеет мало общего с тем, что мы видим в осетинском. К тому же в новоиранских языках широко используются реляционные имена вроде персидского *vaqt* ‘время’ для маркирования обстоятельственных придаточных, тогда как для осетинского использование таких имён синтаксически возможно, но нетипично.

Общий вывод этого раздела состоит в том, что коррелятивная конструкция в осетинском языке является независимым образованием, которое не является ни унаследованным из праиранского языка, ни частью более общей тенденции в рамках генетической группы, к которой принадлежит осетинский язык.

5.4. Ареальный обзор

Выше мы убедились, что ни генетическое родство осетинского языка, ни общетипологические закономерности не могут в полной мере объяснить основные особенности осетинской системы подчинения. Теперь перейдём к следующей гипотезе: об ареальном влиянии на осетинский. Рассмотрим потенциальных кандидатов на такое влияние среди соседних языков.

5.4.1. Картвельские языки

На сегодняшний день достаточно надёжно установлено, что с грузинским языком у осетинского имеется не только ряд общих лексических изоглосс, но и некоторые схожие черты в морфологии и грамматике [Ахвледиани, 1960]. В частности, предглагольная позиция большинства подчинительных показателей, предположительно, возникла под грузинским влиянием [Erschler, 2012], а сходство между падежными системами двух языков указывает на глубокие исторические контакты [Belyaev, 2010].

Также в литературе упоминаются многочисленные лексические сходжения с сванским и мегрельским [Абаев, 1949с,а], однако имеющиеся на сегодняшний день грамматические описания этих языков недостаточно полны для того, чтобы строить какие-либо гипотезы об ареальном влиянии за пределами лексики.

В целом система подчинения в грузинском языке сильно отличается от осетинской и ближе к языкам «европейского стандарта». В грузинском для релятивизации используются постпозитивные финитные клаузы с внешней вершиной, в которых в качестве относительных местоимений используются вопросительные слова. Сентенциальные актанты следуют за главной клаузой в постпозиции, а обстоятельственные придаточные маркируются специализированными союзами:

- (452) грузинские (кارتвельские)
xut-i k'ac-i ga-mo-čn-d-a, [ro-mel-n-i-c
 пять мужчина=НОМ он=появился=AOR кто=НОМ=PL
mo-d-i-od-nen]
 они=приходили=IPF
 'Появилось пять мужчин, **которые** приближались.'
 [Hewitt, 1987, с. 186]
- (453) [*r-o-de-sa-c//r-o-ca om-i da-m-tav-r-d-eb-a*], (*maš-in*)
 когда война=НОМ она=закончится=FUT тогда
q'vela-n-i bedn-ier-eb-i v-i-kn-eb-i-t
 все=НОМ=PL счастливый=PL мы=будем=FUT
 'Когда закончится война, (тогда) мы все будем счастливы.'
 [Hewitt, 1987, с. 129]

- (454) *v-i-nan-e*, [*rom ta-n ar mi-i-γ-o*]
 я=сожалел=об=этом он=ERG не он=получил=это=AOR
 ‘Я сожалею, что он отказался это получать.’

[Hewitt, 1987, с. 218]

Единственное сходство с осетинским состоит в том, что в придаточных времени может факультативно использоваться коррелят (453), но это едва ли является достаточным аргументом в пользу контактного влияния.

Кроме того, как утверждают Дж. Хьюитт [Hewitt, 1987] и А. Харрис [Harris, 1994], в современном грузинском языке имеется также конструкция, напоминающая коррелятивную:

- (455) [*šen-gan rom pul-s mi-v-i-γ-eb*], *i-m-it*
 от=тебя деньги=DAT я=получу=это=FUT с=тем=INST
gada-v-i-xd-i val-s
 я=выплачу=это=FUT долг=DAT
 ‘Я выплачу долг деньгами, которые получу от тебя.’

[Hewitt, 1987, с. 191]

- (456) [*Durmišxan-s Alget-ze rom c'iskvili eč'ira*], *is c'iskvili ...*
 Дурмишхан-DAT Алгет-на та мельница он.её.имел та мельница
 ‘та мельница, которая была у Дурмишхана на Алгете...’

[Harris, 1994, с. 134]

Как показано в [Harris, 1994], эта конструкция не существовала в древнегрузинском языке и является среднегрузинской инновацией. По своим конкретным свойствам она не имеет ничего общего с осетинскими коррелятивами: подчинительным показателем является универсальный неизменяемый союз *rom*, релятивная группа необязательна и, если имеется, содержит демонстратив, а не показатель, восходящий к вопросительным, как в остальных грузинских придаточных и в осетинском языке. Вообще говоря, предположение, что эта конструкция является коррелятивной, принадлежит Г. Чинкве [Cinque, 2005, с. 77] и Р. Хендери [Hendery, 2012, с. 180-181]; А. Харрис [Harris, 1994] называет подобные примеры «препозитивными относительными с пробелом» (“pre-nominal gapped relative clauses”), что, возможно, является более адекватным анализом из-за использования союза *rom*, необязательности релятивной группы и того факта, что последняя содержит демонстратив. В этом случае конструкция, действительно, напоминает препозитивное

относительное предложение с пробелом, которое также факультативно может содержать резюмтивное местоимение или ИГ. Как было указано в главе 4, полные ИГ в качестве резюмтивов нечасты, но встречаются как минимум в разговорном английском [E. Prince, 1990] и в ливанском арабском [Aoun, Choueiri, Hornstein, 2001]; их использование совместимо с анализом резюмпии как прономинальной анафоры [McCloskey, 2002; Asudeh, 2012]. Поэтому анализ в терминах резюмпии как минимум не менее правдоподобен, чем коррелятивный анализ⁵.

Следовательно, едва ли грузинская система подчинения могла скольконнибудь существенно повлиять на осетинскую систему, за исключением, возможно, преимущественно предглагольной позиции союзов.

5.4.2. Нахско-дагестанские языки

В непосредственной близости к осетинскому находятся два языка, относящихся к нахско-дагестанской семье: чеченский и ингушский. Лексические заимствования говорят о том, что между этими языками и осетинским в прошлом были достаточно тесные контакты [Абаев, 1949b, passim]. Системы подчинения всех нахско-дагестанских языков схожи. Для релятивизации используются причастные клаузы в препозиции:

- (457) аштынский (даргинские > нахско-дагестанские)
 [*nus:a d-uk-un-zi-b*] *ustul-li-gu-d* *ham* *χ:^wel*
 1Pl NPL-есть.IPFV-PTCP-ATTR-N стол-OBL-SUB-NPL[ESS] всегда много
piq-li *sa-d*
 крошка-PL COP-NPL

‘Под столом, за которым мы едим, всегда бывает много крошек.’

В нахско-дагестанских языках встречаются примеры, внешне напоминающие осетинские коррелятивы в том смысле, что в них не устанавливается прямой кореферентности между внешней вершиной и какой-либо позицией внутри зависимой клаузы:

⁵В [Hendery, 2012, с. 181] утверждается, что “[n]o other languages from the region have relative clauses similar enough to the new correlative construction”, что не соответствует действительности: если эта конструкция является коррелятивной, то очевидным источником контактного влияния является осетинский, тогда как препозитивные относительные предложения с пробелом и факультативным резюмтивом имеются в нахско-дагестанских языках, например, в даргинских и в удинском [Lander, 2011].

- (458) арчинский (лезгинские > нахско-дагестанские)
 [*ħawan bu-l'u-tu-t*] *al'* *lo-t'u*
 баран III-зarezать.PFV-ATTR-4 мясо IV.give.PFV-NEG
 'Они не отдали мясо зарезанного барана.'

[Daniel, Lander, 2010, с. 22]

Однако существенное отличие от осетинского состоит в том, что в таких относительных конструкциях ИГ в зависимой клаузе, которую можно считать «связанной» с вершиной, не является мишенью релятивизации. Мишень же обычно выражается пробелом (gap) (457).

Иногда допустимо факультативное использование резюмptивов (в качестве которых используются рефлексивные местоимения) [Lander, 2011, с. 7], но резюмptивные ИГ никогда не содержат вложенной вершины. Более того, есть основания полагать, что в нахско-дагестанских относительных конструкциях вообще нельзя говорить о мишени релятивизации в синтаксическом смысле в силу существования примеров следующего типа:

- (459) *ħalq'-li-ž* [*č'u-li* *d-aqal* *arc* *d-irq'-u-se*]
 народ-OBL-DAT Refl-ERG NPL-много деньги NPL-делать.IPFV-PRS-ATTR
administracija-lla bek' *w-ič'-aq-u*
 администрация-GEN голова M-хотеть.IPFV-CAUS-PRS
 'Люди любят главу администрации, (такого) что они много зарабатывают.'

[Ландер, 2012, с. 39]

Из этого видно, что структура нахско-дагестанских относительных принципиально отличается от структуры осетинских коррелятивов. В дагестанских языках отношение скорее устанавливается не между вершиной и мишенью релятивизации, а между вершиной и всей относительной клаузой, которая ограничивает референцию вершины некоторым контекстно заданным способом. В осетинском же языке и релятивная группа (т.е. мишень), и коррелят (т.е., в некотором смысле, вершина) обязательно присутствуют в относительной конструкции и всегда однозначно идентифицируются. Поэтому вопрос о том, между чем и чем устанавливается кореферентность, не стоит; специфика осетинских коррелятивов состоит лишь в характере отношения между этими двумя элементами.

Обстоятельственные придаточные выражаются при помощи специализированных деепричастий, реляционных имён с причастными клаузами, или номинализаций с падежами и послелогоми:

- (460) цахурский (лезгинские > нахско-дагестанские)
 [*Ru gaba Gat:i=w=xan-a=w=?-u-mē*] *zi w=ulq̄-es-da*
 ты.ERG ковёр.3 3=заканчивать-3=делать-PF-LIM я.ERG 3=везти-POТ-AA
ma-na šalhar-ē-qa
 этот.3-AA город-IN-ALL
 ‘Когда ты закончишь (ткать) ковёр, я отвезу его в город.’
 [Калинина, Чумакина, 1999, с. 544]

- (461) кункинский (даргинские)
 [*re<d>il isturi-be aχtar-d-arq'-ib*] *zamana*
 все<NPL> история-PL проверка-NPL-делать.PFV-PRET время
il-ti bandit-e q:ačav-e b-uc-uj
 DemMed-PL бандит-PL разбойник-PL NPL-поймать-SBJV.3
b-iχ-ub-l=ak:u it:-a-d
 N-мочь-PRET-CVB=NEG.3 DemDist:PL-OBL-ERG
 ‘Когда они проверили все истории, они не смогли поймать этих бандитов и разбойников.’
 (устный текст, полевые данные автора)

Сентенциальные актанты маркируются инфинитивом, формами сослагательного наклонения, номинализациями, деепричастиями, или союзами на конце клауз:

- (462) ингушский (нахские > нахско-дагестанские)
Suona lou, wa nouq'ostal dar
 1Sg.DAT хотеть 2Sg.ERG помощь D.делатьVN
 ‘Я хочу, чтобы ты помог.’
 [Nichols, 2011, с. 550]⁶
- (463) гинухский (цезские > нахско-дагестанские)
b-eti-š=eλ [ixtilat.kep b-uw-ayaz]
 III-хотеть-WPST=NARR веселие(III) III-делать-PURP
 ‘(Они) хотели повеселиться.’
 [Forker, 2013, с. 599]

⁶Глоссы в [Nichols, 2011] слишком сильно отличаются от того, что принято в остальных частях данной диссертации, поэтому я модифицировал часть сокращений для того, чтобы быть последовательным.

В некоторых языках коррелятивы имеются, но используются (насколько можно судить по грамматикам) только в универсальном значении и в целом довольно маргинальны; более того, лексические вершины, по-видимому, не допустимы ни в главной, ни в зависимой клаузах:

- (464) багвалинский (андийские > нахско-дагестанские)
 [*he=m=Rala tali*Ha=w w=uk'a q'oča=m=o ek'a], o=w
 кто=Н=РАЛА счастливый=М М=быть хотеть=Н=СВВ есть этот=М
be?ila w=uk'a w=uku-r-ō=w aram-ēna
 хороший М=быть М=быть.должным-IPF-PTCP=М люди-СОМТ
 'Кто хочет быть счастлив, тот должен хорошо относиться к людям.'
 [Лютикова, 2001, с. 510]

В ингушском, географически ближайшем к осетинскому языку этой группы, система в целом та же (см. также пример на сентенциальный актанта в (462)):

- (465) [*Muusaaz suoga* — *hwadanna*] *axcha*
 Муса.ERG 1Sg.ALL ДХ-Д.дать.PTCP.PL деньги
 'деньги, которые Муса мне задолжал' [Nichols, 2011, с. 587]
- (466) *Max t'iera wa-bealcha* *aaz* *seina* *mashen*
 цена вниз вниз-В.идтисввtemp 1Sg.ERG 1Sg.Refl.DAT машина
iesagju.
 купить-J.FUT
 'Когда цены упадут, я куплю машину.'
 [Nichols, 2011, с. 601]

К сожалению, на сегодняшний день отсутствует грамматическое описание чеченского, которые было бы достаточно подробным для изучения системы подчинения в этом языке; однако чеченский генетически очень близок ингушскому, из чего можно сделать вывод, что система подчинения в чеченском скорее всего в основном такая же, как в ингушском и в других нахско-дагестанских языках.

Таким образом, в области подчинения между нахско-дагестанскими языками и осетинским нет практически ничего общего. Коррелятивы имеются в очень небольшом числе языков этой семьи и являются довольно маргинальной стратегией. В целом, в этих языках проявляется тенденция разделять семантические типы клауз по разным синтаксическим конструкциям (деепричастным, причастным, инфинитивным и т.п.) — полная противоположность

тому, что мы имеем в осетинском.

5.4.2.1. Тюркские языки

К осетинскому географически примыкает **карачаево-балкарский** язык, относящийся к тюркской семье. Подчинение в этом языке типично для этой семьи [Johanson, 1998, с. 60-66]: различные типы подчинения маркируются рядом нефинитных форм — номинализациями, причастиями и деепричастиями.

- (467) [*men üy-ge bar-gan-dan soŋra*] *saŋ-ŋa tübe-di-m*
 я дом-DAT идти-PTCP-AVL после ты-DAT встретить-PST-1SG
 ‘После того, как я пришёл домой, я тебя встретил.’

[Seegmiller, 1996, с. 39]

- (468) [*tay bak-ma-gan*] *at-xa min-me-z*
 жеребёнок кормить-NEG-PTCP конь-DAT седлать-NEG-3SG
 ‘Тот, кто не кормит жеребёнка, не будет скакать на коне.’

[Seegmiller, 1996, с. 41]

- (469) [*siz student bol-yan-üyiz-ni*] *biz bile-biz*
 вы студент быть-PST-2PL-ACC мы знать-1PL
 ‘Мы знаем, что вы студенты.’

[Алиев, 1973, с. 308]

Коррелятивы для тюркских языков нехарактерны [Lipták, 2009b, с. 10]. Таким образом, устройство системы подчинения в карачаево-балкарском языке не обнаруживает каких-либо нетривиальных сходств с осетинским.

5.4.3. Абхазо-адыгские языки: подчинение в адыгейском

На мой взгляд, наиболее вероятно влияние на осетинское подчинение со стороны адыгской группы абхазо-адыгских языков. В частности, в [Erschler, 2009] предполагается, что посессивные префиксы в осетинском языке возникли под влиянием именно этих языков; в работе [Выдрин, в печ.] предполагается абхазо-адыгское влияние на развитие определённых модальных конструкций. Сопоставление будет основано на данных адыгейского языка [Тестелец, 2009], т.к. подчинение в этом языке описано подробнее, чем в других языках этой подгруппы, и для него имеются также глоссированные тек-

сты, по которым удобно проводить сравнительные подсчёты. Из того, что известно о кабардинском языке, его система подчинения схожа с адыгейской.

Адыгейский является полисинтетическим языком, коиндексирующим основные актанты предикации на глагольной вершине:

(470) *s-jə-β_wəneβ_w se χ_wəpe-t a-r*
1SG.PR-POSS-сосед я луг-OBL тот-ABS

qə-s-ŝ_wə-Ø-ŝ'-j-e-wəpč'e

DIR-1SG.IO-MAL-3SG.IO-LOC-3SG.A-DYN-косить

‘Мой сосед против моей воли на лугу это (часто) косит.’

[Аркадьев [и др.], 2009, с. 79]

5.4.3.1. Относительные предложения

Относительные клаузы в адыгейском находятся в препозиции и не получают специального маркирования, когда происходит релятивизация абсолютного актанта:

(471) [*a-č'e k_we-š't*] *çəfət sə-λ-e-χ_wə*
тот-INST идти-FUT человек-OBL 1SG.ABS-LOC-DYN-случиться

‘Я ищу человека, который бы туда пошёл.’

[Аркадьев [и др.], 2009, с. 105]

Когда релятивизируются другие позиции, они маркируются специальным префиксом *zə-*:

(472) [*se š'ežəβ_wašxe zə-fe-s-ŝə-βe*] *s-jə-č'ale*
я обед REL.IO-BEN-1SG.A-делать-PST 1SG.PR-POSS-мальчик

‘мой сын, для которого я сделал обед’

[Аркадьев [и др.], 2009, с. 104]

Относительные предложения в адыгейском могут быть безвершинными, обладать либо внутренней (маркированную адвербиалисом), либо внешней вершиной, или даже иметь обе вершины одновременно:

(473) безвершинное относительное
[*s-jə-pšəše zə-hə-βe-r*] *ŝ^wə-λeβ^wə*
1SG.PR-POSS-девочка REL-вести-PST-ABS 2PL.A-видеть
ŝ^wə-ŝ^we-jə.β^we-me ...
2PL.ABS-MAL-желать-COND

‘Если ты хочешь увидеть того, кто взял мою дочь ...’

(8 vozrast, 11a)

- (474) внутривершинное относительное
 [*č'al-ew* *mə* *mefe zawəle-m*
 мальчик-ADV ЭТОТ день несколько-OBL
zə-z-ve.k_wedə-ve-r] *qə-xe.č'ə-ž'ə-в*
 REFL.ABS-REL.A-терять-PST-ABS DIR-появиться-RE-PST
 'Мальчик, который прятался несколько дней, вернулся.'
 [Рогава, Керашева, 1966, с. 320]
- (475) "двухвершинное" относительное
 [*zek^weλ-ew* *jə-qale* *qe-z-ve-в^wəna-ve*] *λəχ^wəžə-r ja.dež'*
 солдат-ADV POSS-город DIR-REL.A-CAUS-граница-PST герой-ABS дом
qe-k^we-ž'ə-в
 DIR-идти-RE-PST
 'Солдат-герой, который защитил свой город, вернулся домой.'
 [Ландер, 2012, с. 244]

Безвершинные относительные со специализированными префиксальными показателями используются для различных типов обстоятельственных предложений:

- (476) придаточное времени (*zə- + OBL*)
 [*a-xe-r* *č'əle-m* *qə-ze-k_we-ž'ə-m*] *sase zvenjevoj*
 тот-PL-ABS аул-OBL DIR-REL.TEMP-идти-RE-OBL Сасэ звеньевой
pe-rə-tə-š'tə-ve
 LOC-INST-стоять-AUX-PST
 'Когда они вернулись в аул, Сасэ была передовой звеньевой.'
 [Рогава, Керашева, 1966, с. 420]
- условное придаточное (*zə- + INS*)
 [*swande newəš' wered q-ə-ʔ_we* *zə-χ_wə-č'e*] *se*
 Суанда завтра песня DIR-3SG.A-сказать REL.TEMP-стать-INST я
sə-qe-š_we-š't
 1SG.ABS-DIR-танцевать-FUT
 'Если Суанда будет завтра петь, я буду танцевать.'
 [Кузнецова, 2009, с. 302]

Примечательно, что, как и в осетинском, тип зависимой клаузы определяется двумя параметрами: выбор предглагольного относительного показателя и выбор падежа на глагольной словоформе.

Как было показано в [Герасимов, Ландер, 2008] и [Caponigro, Polinsky, 2011], синтаксические актанты и придаточные причины с префиксом *zere-* в ады-

гейском языке также с синтаксической точки зрения являются относительными:

- (477) **сентенциальный актант**
 [*azemat qə-zere-k^we-š'tə-r*] *s-e-šê*
 Азамат DIR-FCT-идти-FUT-ABS 1SG.A-DYN-знать
 ‘Я знаю, что Азамат придёт.’
 [Сердобольская, Мотлохов, 2009, с. 545]

- (478) **придаточное причины**
a-r jənstjət_wətə-m č'e.ha-v [*bere*
 тот-ABS институт-ОВЛ догнать-PST долго
zer-je-že-š'tə-ve-m] *paje*
 FCT-ОВЛ-читать-AUX-PST-ОВЛ для
 ‘Он сумел поступить в институт, потому что много занимался.’
 [Аркадьев [и др.], 2009, с. 99]

Косвенные вопросы также включают релятивизацию:

- (479) **косвенный вопрос**
se aslan zə-de-k^wa-ve-r *s-šê-r-ep*
 я Аслан REL.IO-LOC-идти-PST-ABS 1SG.A-знать-DYN-NEG
 ‘Я не знаю, куда ушёл Аслан.’
 (Н.В. Сердобольская, л.с.)

У осетинских коррелятивов и адыгейских относительных имеются следующие общие черты:

- Зависимая клауза находится в препозиции к главной.
- Показатели релятивизации являются предглагольными.
- Допустима как внутренняя, так и внешняя вершины, а также обе одновременно.
- Выражение семантики конструкции распределено между относительным показателем или группой и внешним элементом (падежом, послелогом и/или выбором коррелята в осетинском).
- Придаточные времени и условия выражаются безвершинными относительными/коррелятивами.

- Сентенциальные актанты и придаточные причины выражаются безвершинными относительными/коррелятивами.

Маловероятно, чтобы эти общие черты двух соседних языков были результатом случайного развития.

5.4.3.2. Сравнительная частотность и обсуждение

Мы убедились, что конструкции, похожие на релятивизацию, в адыгейском, как и в осетинском, используются для гораздо более широкого набора тип клауз, чем только относительные. Однако, как и в осетинском, этот вариант для таких типов клауз, как сентенциальные актанты и придаточные времени, не является единственно возможным: имеется также набор деепричастных форм, номинализации, и специальные морфологические категории, например, т.н. потенциалис. Следовательно, следует рассмотреть, употребляется ли в адыгейском релятивизация в той же степени, что и в осетинском.

Я проанализировал корпус, состоящий из 461 адыгейской клаузы, любезно предоставленный Ю.А. Ландером (л.с.), классифицировав клаузы так же, как было сделано выше для осетинского. Имеется, однако, небольшая оговорка: адыгейские тексты, хотя по происхождению и являются устными, в основном взяты из опубликованных источников, что может предполагать ту или иную степень редакторской правки со стороны составителей. Это могло оказать влияние на статистику.

В качестве эталона для сравнения я буду рассматривать данные русского разговорного языка; этот выбор представляется адекватным по следующим причинам: во-первых, в [Коротаев, 2009] доступна подробная статистика, основанная на корпусе [Кибрик, Подлесская, 2009] (1128 предложений); во-вторых, русский похож на осетинский в том, что в основном используется финитные зависимые клаузы, а также как на адыгейский, так и на осетинский в том, что в принципе допускает использование относительных предложений и для маркирования других типов зависимых клауз. Результаты сопоставления отражены в следующей таблице (в скобках после числа относительных клауз первый процент обозначает долю от общего числа клауз, тогда как второй процент обозначает долю от числа зависимых клауз; под «относительными» в осетинском понимаются коррелятивы; термин «гибридные» поза-

имствован из [Коротаев, 2009] и обозначает относительные предложения в функции, отличной от релятивизации):

	адыгейский	осетинский	русский
Зависимые клаузы	207 (45%)	61 (18%)	348 (31%)
Относительные предложения	49 (11%/24%)	40 (12%/66%)	60 (5%/17%)
– «гибридные»	23 (47% от отн.)	35 (88% от отн.)	18 (30% от отн.)
– актант	5	5	8
– цель	0	3	
– причина	3	1	
– время	14	15	12
– условие	1	9	(все обст.)
– место	0	2	
– образ действия	1	0	
– безвершинные	36 (74% от отн.)	39 (98% от отн.)	
Всего клауз	461	348	1128

Первое наблюдение, которое можно сделать, состоит в том, что в осетинском частотность зависимых клауз в целом гораздо ниже, чем в адыгейском или русском. В том, что касается сравнения с адыгейским, это может быть вызвано тем, что осетинские тексты записаны так, как были произнесены, тогда как адыгейские тексты взяты из опубликованных источников. Однако различие между осетинским и русским не может быть так объяснено, так что оно скорее всего является особенностью самого осетинского языка или жанра, к которому принадлежат конкретные тексты.

То, что в адыгейском больше зависимых клауз, чем как в русском, так и в осетинском, объясняется тем, что в этом языке в нарративной функции используются деепричастия и иные зависимые формы там, где в русском и в осетинском используется сочинение финитных клауз (всего в адыгейской выборке 43 нарративных придаточных, или 21% от общего числа зависимых клауз. Неясно, до какой степени адыгейские деепричастия действительно можно считать подчинительными [Ершова, 2010]; опуская конвербы, в адыгейском всего 164 зависимые клаузы, или 36%, что тоже является достаточно высокой цифрой, но уже сравнимой с русской. Если бы адыгейские тексты отражали реальный дискурс, доля зависимых клауз могла бы быть ещё ниже.

Применительно к настоящему исследованию особенно важно то, что доля относительных придаточных или коррелятивов в целом в дискурсе практи-

чески идентична в адыгейском и в осетинском (11% и 12% соответственно), что почти вдвое больше, чем соответствующая цифра для русского языка (только 5%). Более того, в адыгейском около половины всех относительных придаточных выполняют иные функции, что ниже, чем соответствующий осетинский показатель, но что также свидетельствует о том, что функциональная релятивизация не является единственной или главной функцией относительных конструкций в этом языке. Относительные клаузы или коррелятивы в адыгейской и в осетинской выборках выражают сентенциальные актанты (5 в обоих языках), придаточные причины (3 и 1) и, в большом количестве, придаточные времени (14 и 15). Наконец, и в адыгейском, и в осетинском подавляющее большинство относительных конструкций или коррелятивов являются безвершинными (74% и 98% соответственно).

Для сравнения, в русском языке только 30% относительных клауз употребляются в иных функциях, что, в сочетании с довольно низкой долей этого типа клауз в целом в дискурсе, говорит о том, что роль релятивизации в русской разговорной речи незначительна. Достаточно высокая доля актантных придаточных среди относительных предложений на первый взгляд противоречит ожиданиям, однако в русском языке они составляют только 4% от общего числа сентенциальных актантов (187), тогда как в адыгейском (5 из 33, или 15%) и в осетинском (5 из 20, или 25%) их доля гораздо выше. К сожалению, Н.А. Коротаев не даёт данных о частотности безвершинных относительных, однако, по моим субъективным ощущениям, для русской речи они не очень типичны, во всяком случае, не до такой степени, как в адыгейском или в осетинском.

Из этих данных можно сделать следующие выводы. Системы подчинения осетинского и адыгейского языков, конечно, не идентичны, но в обеих относительные предложения играют центральную роль и выходят за рамки собственно релятивной функции. Это резко противоречит тому, что мы видим в русском языке, где относительные придаточные довольно редки и в основном используются в своей прямой функции. В сочетании со структурными сходствами осетинского и адыгейского, описанными выше, представленные в этом разделе данные поддерживают гипотезу о влиянии абхазо-адыгских языков на осетинскую систему подчинения.

5.5. Выводы

В данной главе были рассмотрены три гипотезы о причинах возникновения осетинских коррелятивов в том виде, в котором они существуют в этом языке: типологическая, генетическая и ареальная. Показано, что ни типологическая, ни генетическая гипотезы несостоятельны, т.е., с одной стороны, конструкция не была унаследована из праязыка, с другой стороны, её независимое появление, хотя и возможно, с типологической точки зрения довольно маловероятно. В рамках ареальной гипотезы были рассмотрены системы подчинения соседних с осетинским языков: картвельских, нахско-дагестанских, абхазо-адыгских. Оказалось, что наиболее вероятным кандидатом на ареальное влияние являются абхазо-адыгские языки, в частности, их адыгская подгруппа. Как в адыгейском, так и в осетинском языке относительные предложения и схожие конструкции используются для всех типов зависимых клауз, и их роль значительно шире, чем в других языках; структурные свойства этих конструкций, несмотря на ряд различий, также весьма схожи. Данная гипотеза подтверждается статистическими данными, основанными на устной речи, которые показывают очень похожее распределение конструкций по функциональным типам придаточных.

Заключение

В диссертации рассматривались синтаксис и семантика осетинских коррелятивов в типологическом и формальном аспектах. Эти конструкции в осетинском интересны тем, что не вписываются ни в общепринятую типологию относительных предложений, ни в то, что нам известно о коррелятивах в других языках. В работе было показано, что:

- коррелятивы в осетинском языке обслуживают бóльшую часть типов подчинения, в том числе сентенциальные актанты, целевые придаточные и придаточные причины, и в этом смысле не являются собственно относительной конструкцией;
- бóльшая часть подчинительных показателей находится в предглагольной позиции, идентичной позиции для выноса вопросительных слов, но отличной от позиции, в которую выносятся другие фокусные элементы;
- небольшая группа подчинительных показателей обладает свободным расположением в пространстве перед глаголом, но корпусные данные о частотности различных линейных порядков позволяют говорить о том, что эти союзы в действительности занимают начальную позицию в клаузе, которой могут предшествовать вынесенные влево составляющие;
- осетинский язык в полной мере не соответствует ни «локальному», ни «дистантному» анализам коррелятивов; следует допускать обе возможности связывания, выбор одной из которых производится в зависимости от синтаксического окружения коррелята;

- множественные коррелятивы существенно отличаются по своему синтаксису от простых, и их следует рассматривать, как отдельную конструкцию; особо существенным является тот факт, что в них используются не специализированные подчинительные показатели, а вопросительные слова, причём требование обязательности коррелята действует только для линейно последнего из них;
- отношение между подчинительным показателем (союзом) и коррелятом не сводится к полной кореферентности: допустимо контекстное связывание (*bridging*), несколько подчинительных групп могут соответствовать одному корреляту (расщеплённые antecedенты), референция коррелята может быть шире, чем сумма референтов всех подчинительных групп;
- эти факты требуют анализировать отношение между подчинительной группой и коррелятом не как связывание переменной, подобно каноническим относительным конструкциям, но как кореферентность, аналогичную отношению между прономиналом и его antecedентом;
- коррелятивы могут иметь как специфичное, так и универсальное и интенциональное прочтения; последние надо описывать как «связанную анафору» (в англоязычной литературе известную как *donkey anaphora*) и как анафорическую референцию к предикату соответственно;
- осетинские коррелятивы по своей семантике нельзя отнести ни к одному из известных типов подчинения, хотя ближе всего они находятся к относительным предложениям с резюмтивными местоимениями, в связи с чем можно условно назвать корреляты их «обратными резюмтивами»;
- с точки зрения формального анализа для описания осетинских коррелятивов требуется использование динамической модели, такой как Теория репрезентации дискурса (DRT); в настоящей работе предложена формализация, использующая композиционный вариант DRT и Лексико-функциональную грамматику в качестве модели интерфейса синтаксиса и семантики;

-
- осетинские коррелятивы не имеют аналогов в других иранских языках, а с типологической точки зрения использование подобной стратегии для столь широкого круга типов подчинения необычно; вероятнее всего, что данная конструкция возникла в осетинском под влиянием абхазо-адыгских языков, где похожее распространение получили относительные предложения.

Список глосс

- A** агенс переходного глагола (участник A)
- AA** атрибутив 1-3-го класса ед. числа в прямой форме (в цахурском языке)
- ABL** отложительный падеж (аблатив)
- ABS** абсолютив
- ACC** аккузатив
- ACT** действительный залог
- ADD** аддитивная частица
- ADJ** прилагательное
- ADV** адвербиалис
- ALL** направительный падеж (аллатив)
- AN** абстрактное имя
- ANIM** одушевлённость
- AOR** аорист
- APX** аппроксиматив (падеж, обозначающий движение по направлению к ориентиру)
- ATTR** атрибутив

AUX вспомогательный глагол

AUX.DIR вспомогательных глагол направленного действия (в японском языке)

AUX.S вспомогательных глагол окончательного действия *shimau* (в японском языке)

BEN бенефактив

CAUS каузатив

CNTRF контрафактив

COMIT комитатив

COMP комплементаризер (сочинительный союз, вводящий сентенциальный актант)

COMPAR сравнительная степень

COND кондиционалис

CONTR контрастивная частица

COP связка

CVB конверб (деепричастие)

DAT дательный падеж

DEF определённость

Dem указательное местоимение

DIPFV зависимый имперфектив (в языках манде)

DIR директив (падеж, обозначающий движение в сторону ориентира)

Dist дейксис дальнего плана

DISTR дистрибутивный квантификатор

-
- DU** двойственное число
- DUR** дуратив
- DX** дейктический префикс (в ингушском)
- DYN** динамичность (в адыгейском языке)
- Emph** эмфатическая частица
- Encl** энклитическое местоимение
- EQU** экватив (падеж, обозначающий сравнение с объектом)
- ERG** эргатив
- ESS** эссивная ориентация
- EXI** экзистенциальная серия местоименно-предикативных показателей (в языках манде)
- Exst** экзистенциальный предикат
- EZF** изафет
- F** женский род
- FCT** показатель релятивизации фактивного аргумента (в адыгейском языке)
- FOC** фокусный показатель
- FUT** будущее время
- GEN** родительный падеж
- GEN** генеричность
- H** личный согласовательный класс (при невозможности однозначного отнесения к 1-му или ко 2-му классу) (в цахурском и багвалинском языках)
- HAB** хабитуалис
- HON** показатель вежливости

- HPL** множественное число людей (в нахско-дагестанских языках)
- IMP** императив
- IMPERS** имперсонал
- IN** внутренне-местный падеж (инэссив-иллатив)
- INCL** инклюзив
- INDEF** неопределённое местоимение
- INF** инфинитив
- INST** инструменталис
- INTR** показатель непереходности
- IO** непрямой объект
- IPF** имперфект
- IPFV** имперфектив
- JNT** сопряжённая серия местоименно-предикативных показателей; мена лексического тонального контура глагола в сопряжённых конструкциях (в языках манде)
- LIM** лимитативный конверб (в нахско-дагестанских языках)
- LOC** локатив
- M** мужской род
- MAL** малефактив
- Med** дейксис среднего плана (ближе к слушающему)
- N** средний род
- NARR** «нарративная» частица (в гинухском)
- NEG** отрицание

-
- NMLZ** глагольная номинализация
- NOM** именительный падеж
- NPL** множественное число объектов, не являющихся лицами (в нахско-дагестанских языках)
- NSBJ** несубъектная серия местоимений (в языках манде)
- NTR** мена лексического тонального контура в нейтральновидовой конструкции (в языках манде)
- OBL** косвенная основа
- OPT** оптатив
- PCVB** причастие-деепричастие
- PF** перфект
- PFV** совершенный вид
- PL** множественное число
- POSS** посессивный аффикс
- Poss** притяжательное местоимение
- POT** потенциалис
- PR** префиксальная форма (в адыгейском языке)
- PRET** претерит
- PROG** прогрессив
- Prox** дейксис ближнего плана
- PRS** настоящее время
- PST** прошедшее время
- Ptcl** частица

- PTCP** причастие
- PURP** показатель цели
- PV** преверб
- RALA** модальная частица
- RE** рефактив/реверсив
- RECESS** рецессив (падеж, обозначающий движение со стороны ориентира)
- Recip** реципрокальное (взаимно-возвратное) местоимение
- REDUP** редупликация
- REF** референциальный показатель (в леле)
- REFL** рефлексив (как грамматический показатель)
- Refl** рефлексивное местоимение
- REL** показатель релятивизации
- REM.P** давнопрошедшее время (в тариана)
- RESTR** рестриктивный показатель (в персидском языке)
- SBJV** сослагательное наклонение
- SG** единственное число
- SUB** локализация ниже ориентира
- SUPER** местный внешний падеж (суперэссив-суперлатив)
- TEMP** релятивизация времени или придаточное времени
- TERM** конечный показатель (в языках манде)
- TR** показатель переходности
- UNIV** универсальный квантификатор

Univ универсальный квантификатор

VIS зрительная засвидетельствованность (в тариана)

VN глагольное имя

WPST прошедшее засвидетельствованное

Литература

- Абаев В. И.* Мегрелизмы в осетинском // Осетинский язык и фольклор. Т. 1. — Москва, Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1949а. — С. 323—330.
- Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. 1. — Москва, Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1949б.
- Абаев В. И.* Поездка в Сванетию // Осетинский язык и фольклор. Т. 1. — Москва, Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1949с. — С. 291—308.
- Абаев В. И.* Ритмика осетинской речи // Осетинский язык и фольклор. Т. 1. — Москва, Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1949д. — С. 529—560.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. А—К'. — Москва, Ленинград : Издательство АН СССР, 1958.
- Абаев В. И.* Грамматический очерк осетинского языка. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1959.
- Алиев У. Б.* Синтаксис карачаево-балкарского языка. — Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1973.
- Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И.* Теоретическая грамматика японского языка. Т. 2. — Москва : Наталис, 2008.
- Аркадьев П. М.* [и др.] Введение: Основные сведения об адыгейском языке // Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка / ред. Я. Г. Тестелец ; при уч. П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий, Н. Р. Сумбатова. — Москва : Izdatel'stvo RGGU, 2009. — С. 17—120.
- Ахвледиани Г. С.* О некоторых вопросах аланско-(осетинско)-грузинских языковых взаимоотношений // Сборник избранных работ по осетинскому языку. Т. 1. — Тбилиси : Издательство Тбилисского государственного университета им. Сталина, 1960. — С. 167—179.

- Ахведиани Г. С., ред. Грамматика осетинского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. — Орджоникидзе : НИИ при Совете министров Северо-Осетинской АССР, 1963.
- Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1965.
- Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Ч. 2. Синтаксис. — Орджоникидзе : Ир, 1982.
- Беляев О. И. Относительное предложение в осетинском языке: синтаксис и семантика // Материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов». Секция «Филология». — Москва : Издательство МГУ, 2010а. — С. 261—264.
- Беляев О. И. Сочинительные конструкции с асимметричной семантикой в осетинском языке // Типологически редкие и уникальные явления на языковой карте России: Тезисы докладов международной научной конференции / ред. Е. В. Головки. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2010b. — С. 7—9.
- Беляев О. И. Коррелятивность в коррелятивах: связывание переменной или анафора? // Acta Linguistica Petropolitana. — 2011. — Т. 7, № 3. — С. 261—269.
- Беляев О. И. Подъём клитик из зависимой предикации в осетинском языке // Типология морфосинтаксических параметров (МГГУ им. М.А. Шолохова, 5 дек. 2011). — Москва, 2011а.
- Беляев О. И. Сочинение и подчинение в ицаринском, кункинском и аштынском диалектах даргинского языка // Acta Linguistica Petropolitana. — 2011b. — Т. 7, № 3. — С. 13—20.
- Беляев О. И. Коррелятивная конструкция и конструкция относительно предложения с внутренней вершиной в бесермянском диалекте удмуртского языка // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания: Формальный и функциональный подходы / ред. А. И. Кузнецова [и др.]. — Москва : Языки славянских культур, 2012.
- Беляев О. И. Осетинский как язык с двухпадежной системой: групповая флексия и другие парадоксы падежного маркирования // Вестник МГГУ. Серия «Филология». — 2014. — № 1.

- Выдрин А. П. Глагол в осетинском языке // Востоковедение: историко-филологические исследования : Памяти акад. М.Н. Боголюбова. Т. 30. — Санкт-Петербург. — В печ.
- Выдрин А. П. Редкий случай грамматикализации модального значения в осетинском языке // Acta Linguistica Petropolitana. — В печ.
- Выдрин А. П. Система модальности осетинского языка в сопоставительном освещении: дис. ... канд. филол. наук / Выдрин Арсений Павлович. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2011.
- Ганенков Д. С. Инфинитив в даргинском языке и типология контроля // Вопросы языкознания. — 2012. — № 2. — С. 93—108.
- Герасимов Д. В., Ландер Ю. А. Релятивизация под маской номинализации и фактивный аргумент в адыгейском языке // Исследования по глагольной деривации / ред. В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов. — Москва : Языки славянской культуры, 2008. — С. 290—313.
- Гращенко П. В. Сложные предикаты в осетинском языке // Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008» (Москва, 8—10 окт. 2008). — Москва : Институт востоковедения РАН, 2010. — С. 115—130. — (Бюллетень Общества востоковедов ; 17).
- Ершова К. А. Союзные формы глагола в адыгейском языке: сочинение или подчинение? // Acta Linguistica Petropolitana. — 2010. — Т. 7, № 3. — С. 58—63.
- Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. — 1975. — № 6. — С. 51—101.
- Зевахина Н. А., Оскольская С. С. Неопределённые местоимения без маркера неопределённости в русском языке // Третья конференция «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы» (Институт лингвистических исследований РАН, 12—14 сент. 2013). — Санкт-Петербург, 2013.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология. — Москва : Издательство восточной литературы, 1961.
- Калинина Е. Ю., Чумакина М. Э. Обстоятельственные предложения // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / ред. А. Е. Кибрик ; ред. Я. Г. Тестелец. — Москва : Наследие, 1999. — С. 537—559.

- Касаев А. М., ред. Осетинско-русский словарь : Около 28000 слов. — 4-е изд. — Владикавказ : Издательство Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований, 1993.
- Кибрик А. А., Подлеская В. И. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — URL: <http://www.spokencorpora.ru/>.
- Князев М. Ю. Предикатные актанты с местоимением *то* в русском языке: грамматические особенности и особенности употребления: дис. ... маг. / Князев Михаил Юрьевич. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2009.
- Коротаев Н. А. Синтаксис и просодия в системе средств дискурсивной связности текста: дис. ... канд. филол. наук / Коротаев Николай Алексеевич. — Российский государственный гуманитарный университет, 2009.
- Кузнецова Ю. Л. Модальность в адыгейском языке // Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка / ред. Я. Г. Тестелец ; ред. П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий, Н. Р. Сумбатова. — Москва : Издательство РГГУ, 2009. — С. 287—328.
- Кулаев Н. Х. К вопросу о проблеме падежей в осетинском языке // Вопросы составления описательных грамматик / ред. С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, А. А. Реформатский. — Москва : Издательство АН СССР, 1961. — С. 245—252.
- Кулаев Н. Х. Союзы в современном осетинском языке. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1959.
- Ландер Ю. А. Релятивизация в полисинтетическом языке: Адыгейские относительные конструкции в типологической перспективе дис. ... канд. филол. наук / Ландер Юрий Александрович. — Российский государственный гуманитарный университет, 2012.
- Летучий А. Б. О некоторых свойствах сентенциальных актантов в русском языке // Вопросы языкознания. — 2012. — № 5. — С. 57—87.
- Лютикова Е. А. Относительное предложение: Грамматика. Тексты. Словари // Багвалинский язык / ред. А. Е. Кибрик ; ред. К. И. Казенин, Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов. — Москва : Наследие, 2001. — С. 461—481.
- Макеева Н. В. Коммуникативные стратегии и коррелятивная конструкция в языке *кла-дан* и других южных манде // Вопросы языкознания. — 2013. — № 1. — С. 77—94.

- Пазельская А. Г. Проблема сочинения и подчинения // Мишарский диалект татарского языка: очерки по синтаксису и семантике / ред. Е. А. Лютикова [и др.]. — Казань : Магариф, 2007. — С. 115—125.
- Пекелис О. Е. Сочинение и подчинение в контексте причинной семантики: дис. ... канд. филол. наук / Пекелис Ольга Евгеньевна. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2009.
- Подлесская В. И. К типологии предикативного сочинения // Вопросы языкознания. — 1992. — Т. 4. — С. 90—102.
- Рогава Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка. — Краснодар, Майкоп : Краснодарское книжное издательство, 1966.
- Рудницкая Е. Л. Проблема алтайского сочинения в корейском языке // Вопросы языкознания. — 1997. — Т. 6. — С. 89—99.
- Сердобольская Н. В., Мотлохов А. В. Семантика конструкций с сентенциальными актантами в адыгейском языке: Очерки по грамматике адыгейского языка // Аспекты полисинтетизма / ред. Я. Г. Тестелец ; при уч. П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий, Н. Р. Сумбатова. — Москва : Издательство РГГУ, 2009. — С. 498—558.
- Сердобольская Н. В., Паперно Д. А. Полисемия грамматических средств номинализации и релятивизации в языках мира // International Symposium on the Grammar and Pragmatics of Complex Sentences (Subordination and Coordination) in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia (LENCA III): Abstracts (Tomsk State Pedagogical University, 27—30 июня 2006) / ред. В. Comrie [и др.]. — 2006. — URL: <http://www.ling.helsinki.fi/uhlcs/LENCA/LENCA-3/information/abstract-files/russian-abstracts/Serdobolsaya-Paperno.pdf> (дата обр. 15.01.2014).
- Серебрянников Б. А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. — Москва : Наука, 1964.
- Тестелец Я. Г., ред. Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка. — Москва : Издательство РГГУ, 2009.
- Третьякова О. Д. Неопределённые местоимения, лишённые маркера определённости, в типологической перспективе: дис. ... канд. филол. наук / Третьякова Ольга Дмитриевна. — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2009а.

- Третьякова О. Д. Функции неопределенных местоимений без показателя неопределенности (на материале славянских языков) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2009b. — № 1. — С. 134—147.
- Храковский В. С. Типология таксисных конструкций. — Москва : Знак, 2009.
- Шёгрень А. М. Осетинская грамматика съ краткимъ словаремъ осетинско-российскимъ и росийско-осетинскимъ. Ч. 1. Осетинская грамматика. — Санктпетербургъ : Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1844.
- Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 4. i–k. — Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2011.
- Abaev V. I., Bailey H. W. Alans // Encyclopædia Iranica. Т. 1. Ч. 8 / ред. E. Yarshater. — London, Boston : Routledge & Kegan Paul, 1985. — С. 801—803. — URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/alans-an-ancient-iranian-tribe-of-the-northern-scythian-saka-sarmatian-massagete-group-known-to-classical-writers-from> (дата обр. 15.01.2014).
- Aikhenvald A. Y. Language contact in Amazonia. — Oxford : Oxford University Press, 2002.
- Andrews A. Relative clauses // Language Typology and Syntactic Description. Т. 2. Complex Constructions / ред. T. Shopen. — Cambridge : Cambridge University Press, 2007. — С. 206—236.
- Aoun J., Choueiri L., Hornstein N. Resumption, movement, and derivational economy // Linguistic Inquiry. — 2001. — Т. 32, № 3. — С. 371—403.
- Arkhangelskiy T., Belyaev O. A comparison of Eastern Armenian and Iron Ossetic spatial systems // Languages and cultures in the Caucasus: papers from the international conference “Current Advances in Caucasian Studies”, Macerata, January 21–23, 2010 / ред. V. S. Tomelleri, M. Topadze, A. Lukianowicz. — München, Berlin : Verlag Otto Sagner, 2011. — С. 285—299. — (Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe).
- Arkhangelskiy T., Belyaev O., Vydrin A. The creation of large-scale annotated corpora of minority languages using UniParser and the EANC platform: posters // Proceedings of COLING 2012. Т. 9. — Mumbai : The COLING 2012 Organizing Committee, 2012. — С. 83—91.
- Arnold D., Sadler L. Pottsian LFG // Proceedings of the LFG10 Conference / ред. M. Butt, T. H. King. — Stanford, CA : CSLI Publications, 2010. — URL: <http://>

- www.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/LFG/15/papers/lfg10arnoldsadler.pdf (дата обр. 22.01.2014).
- Arsenijević B.* Clausal complementation as relativization // *Lingua*. — 2009a. — Т. 119, № 1. — С. 39–50.
- Arsenijević B.* {Relative {conditional {correlative clauses}}} // *Correlatives cross-linguistically* / ред. A. Lipták. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2009b. — С. 131–156.
- Asher N.* Reference to abstract objects in discourse. — Dordrecht : Kluwer, 1993. — (Studies in Linguistics and Philosophy ; 50).
- Asudeh A.* Control and resource sensitivity // *Journal of Linguistics*. — 2005. — № 41. — С. 465–511.
- Asudeh A.* The Logic of Pronominal Resumption. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — (Oxford Studies in Theoretical Linguistics ; 35).
- Asudeh A., Dalrymple M., Toivonen I.* Constructions with Lexical Integrity // *Journal of Language Modelling*. — 2013. — Т. 1, № 1. — URL: <http://nlp.ipipan.waw.pl/ojs/index.php/JLM/article/view/56> (дата обр. 14.01.2014).
- Asudeh A., Giorgolo G.* Flexible composition for optional and derived arguments // *Proceedings of the LFG12 Conference* / ред. M. Butt, T. H. King. — Stanford : CSLI Publications, 2012. — URL: <http://users.ox.ac.uk/~cpgl0036/pdf/lfg12asudehgiorgolo.pdf> (дата обр. 23.01.2014).
- Asudeh A., Toivonen I.* Copy raising and perception // *Natural Language and Linguistic Theory*. — 2012. — Т. 30, № 2. — С. 321–380.
- Austin P., Bresnan J.* Non-configurationality in Australian aboriginal languages // *Natural Language and Linguistic Theory*. — 1996. — Т. 14, № 2. — С. 215–268.
- Babby L.* Subject control as direct predication: evidence from Russian // *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics : the Connecticut meeting, 1997* / ред. Z. Bošković, S. Franks, W. Snyder. — Ann Arbor, MI : Michigan Slavic Publications, 1998. — С. 17–37. — (Michigan Slavic materials ; 43).
- Bach E., Partee B. H.* Anaphora and semantic structure // *Papers from the Parasession on Pronouns and Anaphora* / ред. J. Kreiman, A. E. Ojeda. — Chicago : Chicago Linguistic Society, 1980. — С. 1–28.
- Baker M. C.* Incorporation: a theory of grammatical function changing. — Chicago : University of Chicago Press, 1988.

- Barðdal J., Smitherman T.* The Quest for Cognates: A Reconstruction of Oblique Subject Constructions in Proto-Indo-European // *Language Dynamics and Change*. — 2013. — Т. 3, № 1. — С. 28—67.
- Barwise J., Cooper R.* Generalized Quantifiers and Natural Language // *Linguistic and Philosophy*. — 1981. — Т. 4, № 2. — С. 159—219.
- Barwise J., Perry J.* Situations and attitudes. — Stanford, CA : CSLI Publications, 1983. — (The David Hume Series).
- Bashir E. Wakhi* // *The Iranian languages* / ред. G. Windfuhr. — London : Routledge, 2009. — С. 825—858. — (Routledge Language Family Series).
- Belyaev O.* Systematic mismatches: coordination and subordination at three levels of grammar // *Journal of Linguistics*. — Т. 51, № 2. — В печ.
- Belyaev O.* Evolution of Case in Ossetic // *Iran and the Caucasus*. — 2010. — Т. 14, № 2. — С. 287—322.
- Belyaev O.* The syntax of clitic climbing in Ossetic // *Syntax of the World's Languages V* (CAAS, 1—4 окт. 2012). — Dubrovnik, 2012a.
- Belyaev O.* Towards an anaphoric approach to Ossetic correlatives // 45th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. Book of abstracts. — Stockholm : Stockholm University, 2012b. — С. 25.
- Belyaev O.* Two meanings of 'case': decomposition and underspecification of inflectional features in Ossetic // *Morphology and Meaning: book of abstracts* / ред. F. Rainer, F. Gardani, E. Peters. — Vienna : WU Wien, 2012c. — С. 17—18.
- Belyaev O.* Optimal agreement at m-structure // *Proceedings of the LFG13 Conference* / ред. M. Butt, T. H. King. — Stanford : CSLI Publications, 2013a.
- Belyaev O.* Superiority effects in Ossetic: structural vs. linear constraints // (Typology of Morphosyntactic Parameters, 15—17 окт. 2013). — Moscow, 2013b.
- Belyaev O., Vydrin A.* Participle-converbs in Iron Ossetic: syntactic and semantic properties // *Topics in Iranian Linguistics* / ред. A. Korn [и др.]. — Wiesbaden : Reichert, 2011. — С. 117—134. — (Beiträge zur Iranistik ; 34).
- Bhatt R.* Matching effects and the syntax-morphology interface: evidence from Hindi correlatives // *MIT Working Papers in Linguistics*. — 1997. — Т. 31. — С. 53—68.
- Bhatt R.* Locality in correlatives // *Natural Language & Linguistic Theory*. — 2003. — Т. 210. — С. 485—541.

- Bhatt R., Lipták A.* Matching effects in the temporal and locative domains // *Correlatives cross-linguistically* : в 1 т. / ред. А. Lipták. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2009. — С. 343—372. — (Language Faculty and Beyond).
- Bickel B.* Capturing particulars and universals in clause linkage: a multivariate analysis // *Clause linking and clause hierarchy: syntax and pragmatics* / ред. I. Bril. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2010. — С. 51—102. — (Studies in Language Companion Series ; 121).
- Bittner M.* Surface Composition as Bridging // *Journal of Semantics*. — 2001. — Т. 18. — С. 127—177.
- Borsley R. D.* Against ConjP // *Lingua*. — 2005. — Т. 115, № 4. — С. 461—482.
- Bos J., Buitelaar P., Mineur A.-M.* Bridging as Coercive Accommodation. — 2 авг. 1995. — URL: <http://arxiv.org/abs/cmp-lg/9508001> (дата обр. 16.01.2014) ; Paper presented at CLNLP workshop, Edinburgh, April 3-5, 1995.
- Bresnan J.* Control and Complementation // *Linguistic Inquiry*. — 1982. — Т. 13. — С. 343—434.
- Bresnan J.* *Lexical-Functional Syntax*. — Oxford : Blackwell, 2001. — (Blackwell Textbooks in Linguistics ; 16).
- Bresnan J., Mchombo S. A.* Topic, pronoun, and agreement in Chichewa // *Language*. — 1987. — Т. 63, № 4.
- Broadwell G. A.* Internally Headed Relative Clauses in Choctaw // *Kansas Working Papers in Linguistics*. — 1985. — Т. 10, № 2. — С. 16—24.
- Bruening B.* Precede-and-command revisited // *Language*. — В печ.
- Büring D.* *Binding Theory*. — Cambridge : Cambridge University Press, 2004. — (Cambridge Textbooks in Linguistics).
- Butt M., Deo A.* A historical perspective on dative subjects in Indo-Aryan // *Lexical-Functional Grammar Conference (University of Debrecen, 18—20 июля 2013)*. — 2013. — URL: <http://ling.uni-konstanz.de/pages/home/butt/main/papers/lfg13-slides.pdf> (дата обр. 18.01.2014).
- Butt M., Dyvik H.* [и др.] The Parallel Grammar Project // *Proceedings of COLING-2002 Workshop on Grammar Engineering and Evaluation*. — 2002. — С. 1—7.
- Butt M., King T. H., Niño M.-E.* [и др.] *A grammar writer's cookbook*. — Stanford, CA : CSLI Publications, 1999. — (CSLI Lecture Notes).

- Butt M., King T. H., Roth S.* Urdu correlatives: theoretical and implementational issues // Proceedings of the LFG07 Conference / ред. M. Butt, T. H. King. — Stanford : CSLI Publications, 2007. — URL: <http://www.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/LFG/12/papers/lfg07buttetal.pdf> (дата обр. 10.12.2013).
- Bybee J., Dahl Ö.* The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // Studies in Language. — 1989. — Т. 13. — С. 51–103.
- Cable S.* The syntax of the Tibetan correlative // Correlatives cross-linguistically / ред. A. Lipták. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2009. — (Language Faculty and Beyond ; 1).
- Callaway M.* The appositive participle in Anglo-Saxon // Publications of the Modern Language Association of America. — 1901. — Т. XVI. — С. 141–360.
- Campbell L.* On proposed universals of grammatical borrowing // Historical Linguistics 1989: papers from the 9th International Conference on Historical Linguistics, New Brunswick, 14–18 August 1989 / ред. H. Aertsen, R. J. Jeffers. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1993. — С. 91–110. — (Current Issues in Linguistic Theory ; 106).
- Caponigro I., Polinsky M.* Relative embeddings: A Circassian puzzle for the syntax/semantics interface // Natural Language and Linguistic Theory. — 2011. — Т. 29. — С. 71–122.
- Cardinaletti A.* Against optional and null clitics: Right dislocation vs. marginalization // Studia Linguistica. — 2002. — Т. 56, № 1. — С. 29–57.
- Carlson G.* Reference to Kinds in English: диссертация PhD / Carlson Greg. — University of Massachusetts - Amherst, 1977.
- Carpenter B.* Type-logical semantics. — Cambridge, MA : MIT Press, 1998. — (Language, Speech and Communication).
- Chaves R. P., Paperno D.* On the Russian Hybrid Coordination Construction // Proceedings of the 14th International Conference on Head-Driven Phrase Structure Grammar / ред. S. Müller. — Stanford Department of Linguistics, CSLI's LinGO Lab. Stanford, CA : CSLI Publications, 2007. — С. 46–64.
- Cheung J.* The Ossetic case system revisited // Evidence and Counter-Evidence. Essays in honour of Frederik Kortlandt. Т. 1. Balto-Slavic and Indo-European

- Linguistics / ред. A. Lubotsky, J. Schaeken, J. Wiedenhof. — Amsterdam, New York : Rodopi, 2008. — С. 87—106.
- Chierchia G.* Topics in the syntax and semantics of infinitives and gerunds: диссертация PhD / Chierchia Gennaro. — University of Massachusetts, Amherst, 1984.
- Chomsky N.* Aspects of the theory of syntax. — Cambridge, MA : MIT Press, 1965.
- Chomsky N.* Remarks on nominalization // Readings in English Transformational Grammar / ред. R. A. Jacobs, P. S. Rosenbaum. — Waltham : Ginn, 1970. — С. 184—221.
- Chomsky N.* Lectures on government and binding. — Dordrecht : Foris Publications, 1981.
- Chomsky N.* Barriers. — Cambridge, MA : MIT Press, 1986. — (Linguistic Inquiry Monographs ; 13).
- Cinque G.* A note on verb/object order and head/relative clause order // University of Venice Working Papers in Linguistics. — 2005. — Т. 15. — С. 49—104.
- Cinque G.* Five Notes on Correlatives // Typological Studies: Word Order and Relative Clauses. — London : Routledge, 2012a. — (Routledge Leading Linguists).
- Cinque G.* On Double-Headed Relative Clauses // Typological Studies: Word Order and Relative Clauses. — London : Routledge, 2012b. — (Routledge Leading Linguists).
- Clark H. H.* Bridging // Proceedings of the 1975 workshop on Theoretical issues in natural language processing / ред. R. Schank, B. L. Nash-Webber. — Stroudsburg, PA : Association for Computational Linguistics, 1975. — С. 169—174.
- Coppock E.* A semantic solution to the problem of Hungarian object agreement // Natural Language Semantics. — 2013. — № 21. — С. 345—371.
- Cristofaro S.* Subordination. — Oxford : Oxford University Press, 2003. — (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory).
- De Cuba C., Ürögdi B.* Eliminating factivity from syntax: Sentential complements in Hungarian // Papers from the 2007 New York Conference. Т. 11 / ред. M. den Dikken, R. M. Vago. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2009. — С. 29—64.
- Culicover P. W., Jackendoff R.* Semantic Subordination despite Syntactic Coordination // Linguistic Inquiry. — 1997. — Т. 28, № 2. — С. 195—217.
- Culicover P. W., Jackendoff R.* Simpler Syntax. — Oxford : Oxford University Press, 2005.

- Curry H. B., Feys R.* Combinatory logic. Т. 1. — Amsterdam : North-Holland, 1958.
- Dalrymple M.*, ред. Semantics and syntax in Lexical Functional Grammar: the resource logic approach. — Cambridge, MA : MIT Press, 1999. — (Language, Speech, and Communication).
- Dalrymple M.* Lexical Functional Grammar. — New York : Academic Press, 2001. — (Syntax and Semantics ; 34).
- Dalrymple M., Kaplan R. M., King T. H.* Economy of Expression // Lexical-Functional Grammar Conference (University of Debrecen). — 18–20 июля 2013.
- Dalrymple M., King T. H., Hayrapetian I.* Quantification, anaphora, and intensionality: the resource logic approach // Semantics and syntax in Lexical Functional Grammar / ред. M. Dalrymple. — Cambridge, MA : MIT Press, 1999. — С. 39–90. — (Language, Speech, and Communication).
- Dalrymple M., Lamping J.* [и др.] Quantifiers, anaphora and intensionality // Journal of Logic, Language and Information. — 1997. — Т. 6, № 3. — С. 219–273.
- Dalrymple M., Nikolaeva I.* Objects and information structure. — Cambridge : Cambridge University Press, 2011. — (Cambridge Studies in Linguistics ; 131).
- Daniel M., Lander Y.* The girl that is said, the meat that has been slaughtered, and the life that will be longed: on peculiar cases of relativization in East Caucasian // Syntax of the World's Languages IV: book of abstracts (23–26 сент. 2010). — Lyon, 2010. — С. 22–23.
- Davidson D.* On the Logical Form of Action Sentences // The Logic of Decision and Action / ред. N. Rescher. — Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 1967. — С. 81–120.
- Davison A.* Adjunction, features and locality in Sanskrit and Hindi/Urdu correlatives // Correlatives cross-linguistically / ред. A. Lipták. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2009. — С. 223–262. — (Language Faculty and Beyond ; 1).
- Dayal V.* Quantification in correlatives // Quantification in Natural Languages. Т. 2 / ред. E. W. Bach [и др.]. — Dordrecht, Boston, London : Kluwer, 1995. — С. 179–205.
- DeLancey S.* Relativization and Nominalization in Bodic // Proceedings of the Twenty-Eighth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: Special Session on Tibeto-Burman and Southeast Asian Linguistics. — 2002. — С. 55–72.

- Dixon R. M. W.* Basic linguistic theory. T. 1. Methodology. — Oxford : Oxford University Press, 2010a.
- Dixon R. M. W.* Basic linguistic theory. T. 2. Grammatical topics. — Oxford : Oxford University Press, 2010b.
- Dixon R. M. W.* Basic linguistic theory. T. 3. Further grammatical topics. — Oxford : Oxford University Press, 2012.
- Doron E.* On the syntax and semantics of resumptive pronouns // Resumptive Pronouns at the Interfaces / ред. A. Rouveret. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2011. — С. 287–318. — (Language Faculty and Beyond ; 5).
- Dryer M. S.* Descriptive theories, explanatory theories, and basic linguistic theory: The standing challenge of grammar writing // Catching language / ред. F. Ameka, A. Dench, N. Evans. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2008. — С. 207–234. — (Trends in Linguistics. Studies and Monographs ; 167).
- Durkin-Meisterernst D.* Khwarezmian // The Iranian languages / ред. G. Windfuhr. — London : Routledge, 2009a. — С. 336–376. — (Routledge Language Family Series).
- Durkin-Meisterernst D.* Shughni // The Iranian languages / ред. D. I. Edelman, L. R. Dodykhudoeva. — London : Routledge, 2009b. — С. 787–824. — (Routledge Language Family Series).
- É. Kiss K.*, ред. Discourse Configurational Languages. — Oxford : Oxford University Press, 1995.
- Emmerick R. E.* Khotanese and Tumshuqese // The Iranian languages / ред. G. Windfuhr. — London : Routledge, 2009. — С. 377–415. — (Routledge Language Family Series).
- Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. — Leiden, Boston : Brill, 2004. — (Handbook of Oriental studies. Central Asia).
- Erschler D.* Sluicing-like Phenomena and the Location of CP in Ossetic // Proceedings of IATL28 (Tel Aviv University, 16–17 окт. 2012). — URL: https://www.academia.edu/2494508/Sluicing-like_Phenomena_and_the_Location_of_CP_in_Ossetic (дата обр. 03.01.2014). — Предст.
- Erschler D.* Possession marking in Ossetic: arguing for Caucasian influence // Linguistic Typology. — 2009. — № 13. — С. 417–450.
- Erschler D.* From preverbal focus to preverbal “left periphery”: The Ossetic clause architecture in areal and diachronic perspective // Lingua. — 2012. — Т. 122, № 6. — С. 673–699.

- Falk Y. N.* Superiority Effects. — The Hebrew University of Jerusalem, февр. 2012. — URL: <http://pluto.huji.ac.il/~msyfalk/Superiority.pdf> (дата обр. 04.01.2014).
- Forker D.* A Grammar of Hinuq. — Berlin : De Gruyter Mouton, 2013. — (Mouton Grammar Library ; 63).
- Frajzyngier Z.* A Grammar of Lele. — Stanford : CSLI Publications, 2001. — (Stanford Monographs in African Languages).
- Gareyshina A.* [и др.] Sentential proforms and complementation in Ossetian // 33. Jahrestagung der Deutschen Gesellschaft für Sprachwissenschaft. Text: Strukturen und Verarbeitung (Georg-August-Universität Göttingen, 23—25 февр. 2011). — 2011. — URL: http://www.zas.gwz-berlin.de/fileadmin/veranstaltung_zas/workshops/archiv/proforms/gareyshina_ossetian.pdf (дата обр. 03.01.2014).
- Garrett A.* Relative clause syntax in Lycian and Hittite // Die Sprache. — 1994. — T. 36. — С. 29—69.
- Geach P.* Reference and Generality. — Ithaca, NY : Cornell University Press, 1962.
- Gibson J., Raposo E.* Clause union, the stratal uniqueness law and the chômeur relation // Natural Language and Linguistic Theory. — 1986. — № 4.
- Ginzburg J., Sag I. A.* Interrogative Investigations. — Stanford, CA : CSLI Publications, 2000. — (CSLI Lecture Notes ; 123).
- Giorgi A.* Toward a theory of long distance anaphors: a GB approach // The Linguistic Review. — 1984. — T. 3. — С. 307—361.
- Girard J.-Y.* Linear logic // Theoretical Computer Science. — 1987. — № 50. — С. 1—102.
- Green G. M.* Main clause phenomena in subordinate clauses // Language. — 1976. — № 52. — С. 382—397.
- Grosu A.* Strange relatives at the interface of two millenia // Glot International. — 2002. — T. 6, № 6. — С. 145—167.
- Grosu A., Landman F.* Strange Relatives of the Third Kind // Natural Language Semantics. — 1998. — T. 6, вып. 2, № 2. — С. 125—170.
- Haddad Y. A.* Copy Control in Telugu // Journal of Linguistics. — 2009. — T. 45, № 1. — С. 69—109.
- Haegeman L., Ürögdi B.* Referential CPs and DPs: An operator movement account // Theoretical Linguistics. — 2010. — T. 36, № 2. — С. 111—152.

- Harris A. C.* On the history of relative clauses in Georgian // Non-slavic languages of the USSR: papers from the Fourth Conference / ред. Н. I. Aronson. — Columbus, OH : Slavica, 1994. — С. 130—142.
- Haspelmath M.* The converb as a cross-linguistically valid category // Converbs in cross-linguistic perspective: Structure and meaning of adverbial verb forms - adverbial participles, gerunds / ред. М. Haspelmath, E. König. — Berlin : Mouton de Gruyter, 1995. — С. 1—55. — (Empirical Approaches to Language Typology ; 13).
- Haug D. T. T.* Partial dynamic semantics for anaphora: compositionality without syntactic coindexation // Journal of Semantics. — URL: <http://jos.oxfordjournals.org/content/early/2013/08/19/jos.fft008.abstract> (дата обр. 25.01.2014). — Пред. пуб.
- Hawkins J. A.* Efficiency and complexity in grammars. — Oxford, New York : Oxford University Press, 2004.
- Heim I. R.* The semantics of definite and indefinite noun phrases: диссертация PhD / Heim Irene Roswitha. — University of Massachusetts — Amherst, 1982. — URL: <http://scholarworks.umass.edu/dissertations/AAI8229562> (дата обр. 16.01.2014).
- Heine B., Kuteva T.* World Lexicon of Grammaticalization. — Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
- Heine B., Kuteva T.* Language contact and grammatical change. — Cambridge : Cambridge University Press, 2005. — (Cambridge Approaches to Language Contact).
- Hendery R.* Relative clauses in time and space. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2012. — (Typological Studies in Language ; 101).
- Henning W. B.* A fragment of a Khwarezmian dictionary / ред. D. N. MacKenzie. — London : Lund Humphries, 1971.
- Hewitt B. G.* The Typology of Subordination in Georgian and Abkhaz. — Berlin : Mouton de Gruyter, 1987. — (Empirical Approaches to Language Typology ; 5).
- Hock H. H.* Conjoined we stand: theoretical implications of Sanskrit relative structures // Studies in the Linguistic Sciences. — 1989. — Т. 19, № 1. — С. 93—126.
- Hoffner H. A. J., Melchert H. C.* A Grammar of the Hittite Language. Ч. 1. Reference Grammar. — Winona Lake, IN : Eisenbraus, 2008.

- Howard W. A.* The formulae-as-types notion of construction // To H.B. Curry: essays on combinatory logic, lambda calculus, and formalism / ред. J. P. Seldin, J. R. Hindley. — London : Academic Press, 1980. — С. 479—490.
- Huggard M.* On *wh*-(non)-movement and internal structures of the Hittite preposed relative clause // Proceedings of the 22nd Annual UCLA Indo-European Conference / ред. S. W. Jamison, H. C. Melchert, B. Vine. — Bremen : Hempen, 2011. — С. 83—104.
- Inada S.* On the “AMOUNT” relativization and its relatives // Linguistic Research. — 2009. — Т. 25. — С. 85—102.
- Izvorski R.* The syntax and semantics of correlative proforms // Proceedings of NELS 26 / ред. K. Kusumoto. — Amherst, MA : GLSA, 1996. — С. 133—147.
- Jackendoff R.* Semantic Interpretation in Generative Grammar. — Cambridge, MA : MIT Press, 1972.
- Jackendoff R.* X-bar syntax: a study of phrase structure. — Cambridge, MA : MIT Press, 1977. — (Linguistic Inquiry Monographs ; 2).
- Jackendoff R., Culicover P. W.* The semantic basis of control in English // Language. — 2003. — Т. 79. — С. 517—556.
- Jäger G.* Anaphora and type logical grammar. — Dordrecht : Springer, 2005. — (Trends in Logic ; 24).
- Janke V.* Control without a subject // Lingua. — 2008. — Т. 118, № 1. — С. 82—118.
- Johannessen J. B.* Coordination. — New York, Oxford : Oxford University Press, 1998. — (Oxford Studies in Comparative Syntax).
- Johanson L.* The structure of Turkic // The Turkic languages / ред. L. Johanson, É. Á. Csató. — London, New York : Routledge, 1998. — С. 30—66. — (Routledge Language Family Descriptions).
- Kachru Y.* Some Aspects of Pronominalization and Relative Clause Construction in Hindi-Urdu // Studies in the Linguistic Sciences. — 1973. — № 3. — С. 87—103.
- Kachru Y.* On Relative Clause Formation in Hindi-Urdu // Linguistics. — 1978. — № 207. — С. 5—26.
- Kamp H.* A theory of truth and semantic representation // Formal Methods in the Study of Language / ред. J. A. Groenendijk, T. M. Janssen, M. B. Stokhof. — Amsterdam : Mathematical Centre, 1981. — С. 277—322. — (Mathematical Centre Tracts ; 135).
- Kamp H., Reyle U.* From Discourse to Logic. — Dordrecht : Kluwer, 1993.

- Kaplan R. M., Bresnan J.* Lexical-Functional Grammar: a formal system for grammatical representations // The mental representation of grammatical relations / ред. J. Bresnan. — Cambridge, MA : MIT Press, 1982. — С. 173—281.
- Kaplan R. M., Maxwell III J. T.* Constituent coordination in Lexical-Functional Grammar // Formal issues in Lexical-Functional Grammar / ред. M. Dalrymple [и др.]. — Stanford : CSLI Publications, 1995. — С. 199—210. — (CSLI Lecture Notes).
- Kaplan R. M., Zaenen A.* Long-distance dependencies, constituent structure, and functional uncertainty // Alternative conceptions of phrase structure / ред. M. R. Baltin, A. S. Kroch. — Chicago : Chicago University Press, 1989. — С. 17—42.
- Karttunen L.* Discourse referents // Notes from the Linguistic Underground / ред. J. McCawley. — New York : Academic Press, 1976. — С. 363—385. — (Syntax and Semantics ; 7).
- Kayne R.* Why Isn't This a Complementizer? // Comparisons and Contrasts. — Oxford : Oxford University Press, 2010. — С. 190—227. — (Oxford Studies in Comparative Syntax).
- Kazenin K. I., Testelec Y. G.* Where coordination meets subordination: converb constructions in Tsakhur (Daghestanian) // Coordinating constructions / ред. M. Haspelmath. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2004. — С. 227—239. — (Typological Studies in Language ; 58).
- Keenan E. L.* Relative clauses // Language typology and syntactic description. T. 2. Complex constructions / ред. T. Shopen. — Cambridge : Cambridge University Press, 1985. — С. 141—170.
- Keenan E. L., Comrie B.* Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar // Linguistic Inquiry. — 1977. — Т. 8, № 1. — С. 63—99.
- Khachatryan M.* Between correlative clauses, pronoun retention strategy, paratactic construction and cleft: relative clauses in Mano // Association for Linguistic Typology 10th Biennial Conference (ALT 10, University of Leipzig, 15—18 авг. 2013). — 2013.
- Kholodilova M.* Inverse attraction in Ingrian Finnish relative clauses // Linguistica Uralica. — 2013. — Т. 49, № 2. — С. 96—116.
- King R.* The lexical basis of grammatical borrowing: a Prince Edward Island French case study. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2000. — (Current Issues in Linguistic Theory ; 209).

- King T. H.* Focus domains and information structure // Proceedings of the LFG97 Conference. — Stanford, CA : CSLI Publications, 1997. — URL: <http://www.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/LFG/2/king/king-lfg97.pdf> (дата обр. 13.11.2013).
- Kokkonidis M.* Why glue a donkey to an f-structure, when you can constrain and bind it instead? // Proceedings of the LFG05 Conference / ред. M. Butt, T. H. King. — Stanford, CA : CSLI Publications, 2005. — URL: <http://www.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/LFG/10/lfg05kokkonidis.pdf> (дата обр. 25.01.2014).
- Kroeger P. R.* Phrase structure and grammatical relations in Tagalog. — Stanford : CSLI Publications, 1993. — (Dissertations in Linguistics).
- Kuno S.* The structure of the Japanese language. — Cambridge, MA : MIT Press, 1973.
- Kuno S., Robinson J. J.* Multiple Wh Questions // Linguistic Inquiry. — 1972. — № 3.
- Lakoff G.* Performative subordinate clauses // Berkeley Linguistic Society. Т. 10. — 1984. — С. 472—478.
- Lambek J.* Bilinear logic in algebra and linguistics // Advances in Linear Logic / ред. J.-Y. Girard, Y. Lafont, L. Regnier. — Cambridge : Cambridge University Press, 1995. — С. 43—59. — (London Mathematical Society Lecture Notes ; 222).
- Lambek J.* The mathematics of sentence structure // The American Mathematical Monthly. — 1958. — Т. 65, № 3. — С. 154—170.
- Lambrech K.* Dislocation // Language Typology and Language Universals. Т. 2 / ред. M. Haspelmath [и др.]. — Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2001. — Гл. 80. С. 1050—1078.
- Lander Y.* The adrelative genitive in Udi: syntactic borrowing plus reanalysis // Languages and cultures in the Caucasus: papers from the international conference “Current Advances in Caucasian Studies”, Macerata, January 21–23, 2010 / ред. V. S. Tomelleri, M. Topadze, A. Lukianowicz. — München, Berlin : Verlag Otto Sagner, 2011. — С. 325—349. — (Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe).
- Landman M.* Variables in natural language: диссертация PhD / Landman Meredith. — University of Massachusetts - Amherst, 2006.
- Landman M., Morzycki M.* Event-Kinds and the Representation of Manner // Proceedings of the Western Conference in Linguistics (WECOL). Т. 14 (University of British Columbia, 1—3 нояб. 2002) / ред. B. Agbayani, P. Koskinen,

- V. Samian. — Fresno, CA : California State University, 2003. — С. 136—147. — URL: http://www.fresnostate.edu/artshum/linguistics/WECOL%20Web/WECOL%20volumes%20online_files/VOLUME%2014.pdf (дата обр. 17.01.2014).
- Langacker R. W.* On pronominalization and the chain of command // Modern studies in English / ред. D. A. Reibel, S. A. Schane. — Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1969. — С. 160—186.
- Larson R. K., Segal G. M.* Knowledge of Meaning. — Cambridge, MA : MIT Press, 1995.
- Lasnik H.* Remarks on coreference // Linguistic Analysis. — 1976. — № 2. — С. 1—22.
- Lefebvre C.* Grammaires en contact: d'efinition et perspectives de recherche // Revue québécoise de linguistique. — 1985. — Т. 14. — С. 11—47.
- Lehmann C.* Der Relativsatz: Typologie seiner Strukturen, Theorie seiner Funktionen, Kompendium seiner Grammatik. — Tübingen : Narr, 1984. — (Language Universals Series ; 3).
- Lehmann C.* Towards a typology of clause linkage // Clause combining in grammar and discourse / ред. J. Haiman, S. A. Thompson. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 1988. — С. 181—225. — (Typological Studies in Language ; 18).
- Lev I.* Packed computation of exact meaning representations: диссертация PhD / Lev Iddo. — Stanford University, 2007.
- Lipták A.* On the correlative nature of Hungarian left peripheral relatives // Dislocation: syntactic, semantic and discourse perspectives / ред. B. Shaer [и др.]. — London : Routledge, 2008. — С. 398—430.
- Lipták A., ред.* Correlatives cross-linguistically : в 1 т. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2009a. — (Language Faculty and Beyond).
- Lipták A.* The landscape of correlatives // Correlatives cross-linguistically / ред. A. Lipták. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2009b. — С. 1—48. — (Language Faculty and Beyond ; 1).
- Lyutikova E., Tatevosov S.* Nominalization and the problem of indirect access: evidence from Ossetian // Linguistic Review. — В печ.
- Lyutikova E., Tatevosov S.* The clause internal left edge: Exploring the preverbal position in Ossetian // International Conference on Iranian Linguistics 3. — University of Paris III: Sorbonne Nouvelle. Paris, 11—13 сент. 2009. — URL: http://otipl.philol.msu.ru/staff/people/tatevosov/clause_internal_left_edge_4.pdf (дата обр. 03.01.2014).

- Lyutikova E., Tatevosov S.* Complex predicates, eventivity, and causative-inchoative alternation // *Lingua*. — 2013. — № 135. — С. 81—111.
- MacKenzie D. N.* The Chorasmian Language // *CHORASMIA iii*. Т. 5. *Encyclopædia Iranica*. — 1992. — С. 517—520. — URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/chorasmia-iii> (дата обр. 16.02.2014).
- Maier E.* Presupposing acquaintance: a unified semantics for *de dicto*, *de re* and *de se* belief reports // *Linguistics and Philosophy*. — 2009. — № 32. — С. 429—474.
- Masica C. P.* *The Indo-Aryan Languages*. — Cambridge : Cambridge University Press, 1991. — (Cambridge Language Surveys).
- Maxwell III J. T., Manning C. D.* A theory of non-constituent coordination based on finite-state rules // *On-line Proceedings of the First LFG Conference (Rank Xerox, Grenoble, 26—28 авг. 1996)* / ред. M. Butt, T. H. King. — 1996. — URL: <http://www.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/LFG/1/MaxwellManning.ps> (дата обр. 14.01.2014).
- May R.* *The grammar of quantification: диссертация PhD* / May Robert. — Massachusetts Institute of Technology, 1977.
- McCarthy J. J., Prince A.* The emergence of the unmarked: Optimality in prosodic morphology // *Papers from the Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. Т. 24. — 1994. — С. 333—379.
- McCawley J. D.* *Relativization* // *Japanese generative grammar* / ред. M. Shibatani. — New York : Academic Press, 1976. — С. 295—306. — (Syntax and Semantics ; 5).
- McCawley J. D.* Remarks on adnominal, adsentential and extraposed relative clauses in Hindi // *Clause structure in South Asian languages* / ред. V. Dayal, A. Mahajan. — Dordrecht : Kluwer, 2004. — С. 291—313.
- McCloskey J.* *Transformational Syntax and Model Theoretic Semantics*. — Dordrecht : Reidel, 1979.
- McCloskey J.* Resumption, Successive Cyclicity, and the Locality of Operations // *Derivation and Explanation in the Minimalist Program* / ред. S. D. Epstein, T. D. Seeley. — 2002. — С. 184—226.
- McNally L.* Properties, entity correlates of properties, and existentials // *Quantification, definiteness & nominalization* / ред. A. Giannakidou, M. Rathert. — Oxford : Oxford University Press, 2009. — С. 163—187.

- Merchant J.* The Syntax of Silence: Sluicing, Islands and the Theory of Ellipsis. — Oxford : Oxford University Press, 2001. — (Oxford Studies in Theoretical Linguistics ; 1).
- Mitrenina O.* Correlatives: Evidence from Russian // Formal Studies in Slavic Linguistics: Proceedings of Formal Description of Slavic Languages 7.5 / ред. G. Zybatow [и др.]. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 2010. — С. 135–152. — (Linguistik International ; 25).
- Mitrenina O. V.* The Syntax of Pseudo-Correlative Constructions with the Pronoun *Kotoryj* ('Which') in Middle Russian // Slověne. — 2012. — № 1. — С. 61–73. — URL: http://slovene.ru/2012_1_Mitrenina.pdf (дата обр. 18.01.2014).
- Montague R.* English as a formal language // Linguaggi nella società e nella tecnica. — Milano : Edizioni di Comunità, 1970a. — С. 188–221.
- Montague R.* Universal grammar // Theoria. — 1970b. — № 36. — С. 373–398.
- Montague R.* The proper treatment of quantification in ordinary English: proceedings of the 1970 Stanford workshop on grammar and semantics // Approaches to natural language / ред. K. J. J. Hintikka, J. M. Moravcsik, P. Suppes. — Dordrecht : Reidel, 1973. — С. 221–242. — (Synthese Library ; 49).
- Moot R., Retoré C.* The logic of categorial grammars: a deductive account of natural language syntax and semantics. — Berlin, Heidelberg : Springer, 2012. — (Lecture Notes in Computer Science ; 6850).
- Morrill G.* Type Logical Grammar: categorial logic of signs. — Dordrecht : Kluwer, 1994.
- Munn A.* Coordinate structure and X-bar theory // McGill Working Papers in Linguistics. — 1987. — Т. 4. — С. 121–140.
- Muskens R.* Combining Montague semantics and discourse representation // Linguistics and Philosophy. — 1996. — № 19. — С. 143–186.
- Mycock L.* The Typology of Constituent Questions: a Lexical-Functional Grammar analysis of 'wh'-questions: диссертация PhD / Mycock Louise. — University of Manchester, 2006.
- Nichols J.* Ingush Grammar. — Berkeley : University of California Press, 2011. — (UC Publications in Linguistics ; 143).
- Nikitina T.* Clause-internal correlatives in Southeastern Mande: A case for the propagation of typological rara // Lingua. — 2012. — № 122. — С. 319–334.

- Noonan M. Complementation // Language typology and syntactic description. T. 2. Complex constructions / ред. Т. Shopen. — Cambridge : Cambridge University Press, 1985. — С. 42—140.
- Noonan M. Complementation // Language Typology and Syntactic Description. T. 2. Complex Constructions / ред. Т. Shopen. — 2-е изд. — Cambridge : Cambridge University Press, 2007. — С. 52—150.
- Nordlinger R. Constructive case: evidence from Australian languages. — Stanford : CSLI Publications, 1998. — (Dissertations in Linguistics).
- Nordlinger R. It's not what you do, it's the way that you do it: the role of formal theory in language description // Australian Linguistics Society Conference (сент. 2007). — Adelaide, 2007. — URL: <http://languages-linguistics.unimelb.edu.au/sites/languages-linguistics.unimelb.edu.au/files/nordlinger-its-not-what-you-do.pdf> (дата обр. 31.01.2014).
- Ott D., de Vries M. Right-dislocation as deletion. — Май 2013. — URL: <http://amor.cms.hu-berlin.de/~ottdenni/papers/rightdisl.pdf> (дата обр. 02.01.2014). — В подг.
- Pandharipande R. V. Marathi: a descriptive grammar. — London : Routledge, 1997. — (Descriptive Grammars).
- Partee B. H. Montague Grammar and transformational grammar // Linguistic Inquiry. — 1975. — Т. 6. — С. 203—300.
- Platero P. The Navajo relative clause // International Journal of American Linguistics. — 1974. — № 40. — С. 129—221.
- Pollard C., Sag I. A. Head-Driven Phrase Structure Grammar. — Stanford, CA : CSLI Publications, 1994.
- Postal P. On Raising: An Inquiry into One Rule of English Grammar and Its Theoretical Implications. — Cambridge, MA : MIT Press, 1974. — (Current Studies in Linguistics).
- Prince A., Smolensky P. Optimality Theory: Constraint Interaction in Generative Grammar: Constraint interaction in generative grammar. — Oxford : Blackwell, 2004.
- Prince E. On pragmatic change: the borrowing of discourse functions // Journal of Pragmatics. — 1988. — Т. 12. — С. 505—518.

- Prince E.* Syntax and discourse: a look at resumptive pronouns // Proceedings of the Sixteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society / ред. К. Халл [и др.]. — Berkeley Linguistics Society, 1990. — С. 482—497.
- Queixalós F.* Syntaxe sikuaní (Colombie). — Paris : Peeters, 2000. — (Langues et sociétés d'Amérique traditionnelle ; 7).
- Reinhart T.* Binding theory // The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences / ред. R. A. Wilson, F. C. Keil. — Cambridge, MA : MIT Press, 1999. — С. 86—88.
- Retoré C.* Calcul de Lambek et logique linéaire // Traitement automatique des langues. — 1996. — Т. 37, № 2. — С. 39—70.
- Reuland E.* Primitives of binding // Linguistic Inquiry. — 2001. — Т. 32, № 3. — С. 439—492.
- Rogers A.* Three Kinds of Physical Perception Verbs // Papers from the Seventh Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. — 1971. — С. 206—222.
- Rogers A.* Physical Perception Verbs in English: A Study in Lexical Relatedness диссертация PhD / Rogers Andy. — University of California at Los Angeles, 1973.
- Rosenbaum P.* The grammar of English predicate complement constructions. — Cambridge, MA : MIT Press, 1967.
- Ross J. R.* Constraints on Variables in Syntax: диссертация PhD / Ross John R. — Massachusetts Institute of Technology, сент. 1967.
- Sadock J. M.* The modular architecture of grammar. — Cambridge : Cambridge University Press, 2012. — (Cambridge Studies in Linguistics ; 132).
- Sag I. A., Gazdar G.* [и др.] Coordination and how to distinguish categories // Natural Language and Linguistic Theory. — 1985. — № 3. — С. 117—171.
- Sag I. A., Kaplan R.* [и др.] Unification and grammatical theory // Proceedings of the West Coast Conference on Formal Linguistics. Т. 5. — 1986. — С. 238—254.
- Van der Sandt R.* Presupposition projection as anaphora resolution // Journal of Semantics. — 1992. — № 9. — С. 333—377.
- Schmidtkе-Bode K.* A Typology of Purpose Clauses. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2009. — (Typological Studies in Language ; 88).
- Schwabe K.* Propositional correlates in German: towards a unified account // The 2nd Annual Tampa Workshop on Syntax, Semantics, and Phonology (University of South Florida, 11—12 марта 2011). — 2011.
- Seegmiller S.* Karachay. — München, Newcastle : LINCOM EUROPA, 1996. — (LANGUAGES OF THE WORLD/Materials ; 109).

- Sells P.* The syntax and semantics of resumptive pronouns: диссертация PhD / Sells Peter. — University of Massachusetts, Amherst, 1984.
- Sells P.* Binding resumptive pronouns // *Linguistics and Philosophy*. — 1987. — № 10. — С. 261—298.
- Sells P.* Korean and Japanese morphology from a lexical perspective // *Linguistic Inquiry*. — 1995. — Т. 26, Spring, № 2. — С. 277—325.
- Shieber S. M.* An introduction to unification-based approaches to grammar. — Stanford, CA : CSLI Publications, 1986.
- Simpson A., Choudhury A., Menon M.* Argument ellipsis and the licensing of covert nominals in Bangla, Hindi and Malayalam // *Lingua*. — 2013. — Т. 134. — С. 103—128.
- Skjærvø P. O.* Old Iranian // *The Iranian languages* / ред. G. Windfuhr. — London : Routledge, 2009. — С. 43—195. — (Routledge Language Family Series).
- Srivastav V.* The syntax and semantics of correlatives // *Natural Language and Linguistic Theory*. — 1991. — № 9. — С. 637—686.
- Stiebels B.* Towards a typology of complement control // *ZAS Papers in Linguistics* / ред. B. Stiebels. — 2007. — Т. 47: *Studies in Complement Control*. — С. 1—80.
- Stowell T.* Appositive and parenthetical relative clauses: Linguistic studies in honor of Henk van Riemsdijk // *Organizing grammar* / ред. H. Broekhuis [и др.]. — Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 2005. — С. 608—617.
- Subbarao K. V.* Complementation in Hindi syntax. — Delhi : Academic Publications, 1984.
- Sudhoff S.* Argumentsätze und *es*-Korrelate: zur syntaktischen Struktur von Nebensatz-einbettungen im Deutschen. — Berlin : Wissenschaftlicher Verlag, 2003.
- Taghvaipour M. A.* An HPSG analysis of Persian relative clauses // *Proceedings of the 11th International Conference on Head-Driven Phrase Structure Grammar* / ред. S. Müller. — Stanford, CA : CSLI Publications, 2004. — С. 274—293.
- Takahashi H.* Imperative in concessive clauses: Compatibility between constructions // *Constructions*. — 2008. — № 2. — URL: <http://elanguage.net/journals/constructions/article/view/60> (дата обр. 13.11.2013).
- Tegey H., Robson B.* A reference grammar of Pashto. — Washington, D.C. : Center for Applied Linguistics, 1996.

- Thackston W. M.* Kurmanji Kurdish. — Harvard University, 21 нояб. 2006. — URL: http://www.fas.harvard.edu/~iranian/Kurmanji/kurmanji_1_grammar.pdf (дата обр. 16.02.2014).
- Thomason S. G., Kaufman T.* Language contact, creolization, and genetic linguistics. — Berkeley, Los Angeles, Oxford : University of California Press, 1988.
- Todd T. L.* A grammar of Dimili: also known as Zaza. — Electronic publication. — 2008. — URL: <http://www.zazaki.de/english/T.L.Todd-AGrammarofDimli.pdf> (дата обр. 19.01.2014).
- Tomelleri V. S.* The category of aspect in Georgian, Ossetic and Russian: some areal and typological observations // *Faits de langues*. — 2009. — № 1. — С. 245—272.
- Van Valin R. D.* Exploring the syntax-semantics interface. — Cambridge : Cambridge University Press, 2005. — 344 с.
- Verma M. K.* The Noun Phrase in Hindi and English. — New Delhi : Motilal, 1966.
- Verstraete J.-C.* The status of purpose, reason and intended endpoint in the typology of complex sentences // *Linguistics*. — 2008. — № 46. — С. 757—788.
- Vydrin A.* Impersonal in Ossetic: towards a typology of impersonal in Iranian // Fifth International Conference on Iranian Linguistics (Department of General Linguistics, University of Bamberg, 18—21 сент. 2013). — 2013.
- Whitehead A. N., Russell B.* Principia mathematica. — 2-е изд. — Cambridge : Cambridge University Press, 1925—1927.
- Windfuhr G., Perry J. R.* Persian and Tajik // *The Iranian languages* / ред. G. Windfuhr. — London : Routledge, 2009. — С. 416—544. — (Routledge Language Family Series).
- Yoshida Y.* Sogdian // *The Iranian languages* / ред. G. Windfuhr. — London : Routledge, 2009. — С. 279—335. — (Routledge Language Family Series).
- Yuasa E., Sadock J. M.* Pseudo-Subordination: A Mismatch Between Syntax and Semantics // *Journal of Linguistics*. — 2002. — Т. 38, № 1. — С. 87—111.
- Zwart C. J.-W.* A Head Raising Analysis of Relative Clauses in Dutch // *The Syntax of Relative Clauses* / ред. A. Alexiadou [и др.]. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2000. — (Linguistik Aktuell/Linguistics Today ; 32).

Приложение А.

Теория Лексико-функциональной грамматики

Хотя основной целью данного исследования является типологически ориентированное описание осетинских коррелятивов, не предполагающее теоретического анализа, в ходе работы над диссертацией я пришёл к выводу о необходимости формализации как вспомогательного инструмента, позволяющего формулировать обобщения в непротиворечивой форме и получать на основании этих обобщений проверяемые предсказания. В качестве формализма мною была выбрана Лексико-функциональная грамматика (ЛФГ), которая будет вкратце описана в настоящей главе. Основные понятия ЛФГ будут играть большую роль в главах 3 и 4.

Теория Лексико-функциональной грамматики [Kaplan, Bresnan, 1982; Bresnan, 2001; Dalrymple, 2001] относится к группе нетрансформационных лексикалистских формальных грамматик. В ЛФГ язык описывается через параллельные структуры, связанные отношениями соответствия; грамматика описывает ограничения на эти структуры и отношения. В этом ЛФГ похожа на некоторые другие теории, в частности, «параллельную архитектуру» П. Куликовера и Р. Джэкендоффа [Culicover, Jackendoff, 2005] и Автолексическую грамматику Дж. Сейдока [Sadock, 2012].

Одна из последних версий архитектуры ЛФГ представлена на Рис. А. Впрочем, не все структуры являются общепризнанными; так, неясен статус морфологической (морфосинтаксической) структуры, а также аргументной структуры (функции которой некоторые авторы [Asudeh, Giorgolo, 2012] предлагают перенести на семантику). Из всего этого набора централь-

ную роль играют три общепринятых уровня: структура составляющих (с-структура), функциональная структура (f-структура) и семантическая структура (s-структура). Их я и рассмотрю в этом кратком введении в данную теорию.

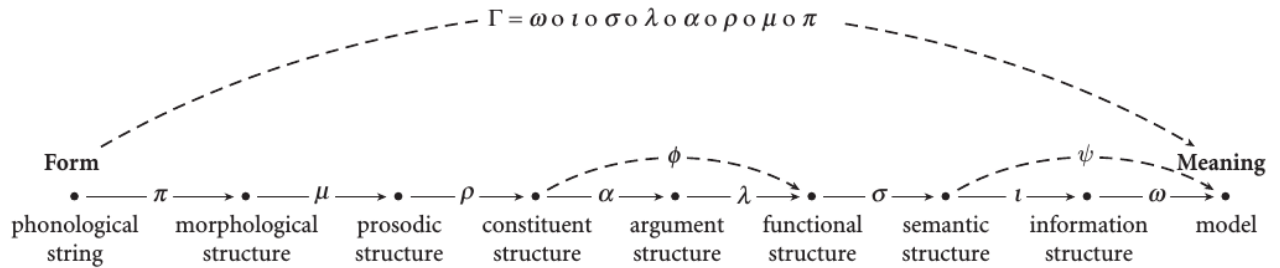

Рис. А.1.: Архитектура ЛФГ [Asudeh, 2012, с. 53]

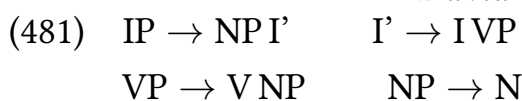
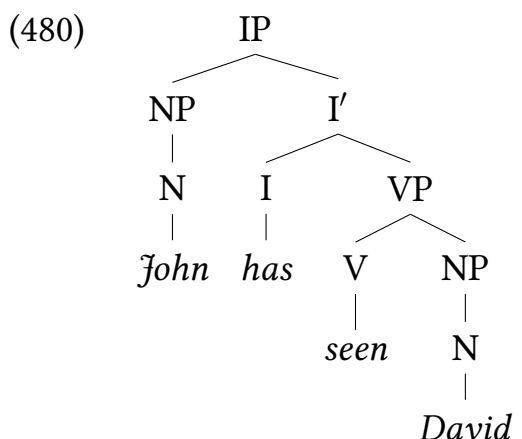
Очень важно понимать, что проекции, обозначенные на рис. А греческими буквами, являются не трансформационными отношениями, а лишь функциями, сопоставляющими одну структуру с другой. Иначе говоря, в модели ЛФГ структуры для предложения существуют параллельно, а не выводятся одна из другой. Кроме того, в ЛФГ, как и в других генеративных моделях, строго разграничиваются компетенция (competence) и употребление (performance) [Chomsky, 1965]; теория грамматики лишь исчисляет грамматически правильные предложения, а реальное использование языка должно регулироваться самостоятельными моделями порождения и восприятия речи.

Благодаря высокой степени формализованности, модульной архитектуре и значительной гибкости, ЛФГ широко используется в подробных описаниях типологически различных языков [Kroeger, 1993; Butt, T. H. King, Niño [и др.], 1999; Butt, Dyvik [и др.], 2002]. Поскольку ЛФГ оперирует в основном общепринятыми синтаксическими понятиями, такими как грамматические отношения и составляющие, а также проводит чёткое разграничение между морфологией и синтаксисом, она в высокой степени совместима с функционально-типологической традицией описания языков. ЛФГ, на мой взгляд, можно рассматривать в качестве формализации того представления о языке, которое сложилось в последние десятилетия среди лингвистов, специализирующихся на неформальном описании языка, и попытка обобщить которое содержится в таких работах, как [Dryer, 2008; Dixon, 2010a,b; 2012]; в то же время

этот формализм в значительной степени остаётся совместимым и с трансформационными теориями, и многие анализы переводятся с одного «языка» на другой без больших проблем¹. Именно поэтому я счёл использование ЛФГ оптимальным для целей данной диссертации².

А.1. Синтаксис

С-структура является деревом (480), которое задаётся при помощи правил контекстно-свободной грамматики, имеющими такой вид, как в (481).

Обычно ограничения на допустимые деревья описываются в одной из версий X'-теории [Chomsky, 1970; Jackendoff, 1977]. Самые важные отличия между тем вариантом этой теории, который используется в ЛФГ, и вариантами, которые используются в трансформационных парадигмах, состоят в следующем: во-первых, в ЛФГ те или иные грамматические или дискурсивные функции не обязательно ассоциируются с конкретными позициями в структуре составляющих, т.е. УТАН [Baker, 1988] не принимается; во-вторых, в ЛФГ помимо стандартных X'-категорий возможно использование неэндоцентричной категории S для описания структуры составляющих в неконфигурационных языках [Austin, Bresnan, 1996] и в некоторых других случаях. Следует сказать, что, в отличие от трансформационных теорий, где структура составляющих является обычно единственной собственно синтаксической репре-

¹В применении к коррелятивам ср., например, анализ Р. Бхатта [Bhatt, 2003], адаптированный для ЛФГ в [Butt, T. H. King, Roth, 2007].

²О важности формализации для лингвистического описания см. [Nordlinger, 2007].

зентацией предложения, в ЛФГ её роль состоит в линейной организации высказывания и связывании различных языковых уровней; кроме того, структура составляющих считается весьма вариативной в языках мира и в каждом конкретном случае устанавливается на основании специальных тестов, в основном поверхностно-ориентированных.

F-структуру часто рассматривают как, выражаясь математически, функцию от атрибутов к значениям, или как множество пар, где первый член — атрибут, а второй — значение. F-структуры обычно изображают в виде матриц «признак-значение» (attribute value matrix, AVM) вроде отмеченной как f в (482).

$$(482) \quad f: \begin{bmatrix} \text{PRED} & \text{'see(SUBJ OBJ)'} \\ \text{TENSE} & \text{PRES} \\ \text{ASPECT} & \text{PERF} \\ \text{SUBJ} & \begin{bmatrix} \text{PRED} & \text{'John'} \\ \text{NUM} & \text{SG} \end{bmatrix} \\ \text{OBJ} & \begin{bmatrix} \text{PRED} & \text{'David'} \\ \text{NUM} & \text{SG} \end{bmatrix} \end{bmatrix}$$

F-структура включает в себя разные виды признаков: выражающие грамматические отношения (грамматические функции, или GF), выражающие понятия информационной структуры, такие, как топик и фокус (дискурсивные функции³, или DF), выражающие лексические предикаты (PRED), и, наконец, признаки, выражающие различные грамматические категории, такие как число, лицо, падеж и т.п.⁴ Значением атрибута может быть или f-структура (GF, DF), или атомарное значение (грамматические атрибуты). Функции PRED относятся к особому виду значений, семантическим формам. Они обладают свойством уникальности: даже если один и

³В ряде работ дискурсивные функции переносятся на отдельный уровень, информационную структуру (i-структуру) [Т. Н. King, 1997; Dalrymple, Nikolaeva, 2011]. Я принимаю теорию М. Далримпла и И. Николаевой, о которой будет сказано ниже, но при этом допускаю и «грамматализованные дискурсивные функции» [Bresnan, Mchombo, 1987] на f-структуре в случае, если речь идёт о специализированных синтаксических позициях.

⁴В [Belyaev, 2013a] согласовательные признаки предлагается для некоторых языков перенести на морфосинтаксическую структуру (m-структуру); в данной работе я не буду учитывать этот уровень и рассматривать все категории на f-структуре.

тот же предикат встречается в предложении несколько раз, каждое из его вхождений рассматривается как уникальное значение. Другая важная черта семантических форм состоит в том, что они указывают те функции, которые являются управляемыми в той f-структуре, в которой находится предикат; иными словами, описывают набор обязательных актантов этого предиката.

F-структура может также представлять собой множество других f-структур. Например, адъюнкты принято считать множествами, как в (упрощённой) f-структуре в (483).

$$(483) \quad \text{John calmly waited outside.} \quad \left[\begin{array}{l} \text{PRED} \quad \text{'wait<SUBJ>'} \\ \text{SUBJ} \quad \left[\text{PRED} \quad \text{'John'} \right] \\ \text{ADJ} \quad \left\{ \begin{array}{l} \left[\text{PRED} \quad \text{'calmly'} \right] \\ \left[\text{PRED} \quad \text{'outside'} \right] \end{array} \right\} \end{array} \right]$$

Для обращения к значениям признаков используется скобочная нотация. Например, значение (*f* АСПЕКТ) в (482) — PERF, значение (*f* OBJ NUM) — SG, а значение (*f* SUBJ CASE) не определено.

Допустимые (well-formed) f-структуры должны соответствовать двум обязательным условиям: **условие полноты** и **условие связности**. Условие полноты гласит, что в f-структуре должны быть выражены все грамматические функции, управляемые её предикатом (т.е. все актанты); условие связности гласит, что в f-структуре не могут быть выражены грамматические функции, не управляемые предикатом (т.е., не может быть «лишних» актантов). Адъюнкты управляются любым предикатом.

F-структура проецируется из с-структуры при помощи функции ϕ . Принципы соответствия описываются при помощи **аннотированных контекстно-свободных правил**, узлы в правой части которых снабжаются функциональными уравнениями, задающими признаки на f-структуре. Уравнения используют «метапеременные» \downarrow и \uparrow , которые обозначают 'f-структура этого узла' и 'f-структура материнского узла', соответственно. Лексические единицы по существу представляют собой такие же правила, но для них используется другая нотация, показанная в (485). Некоторому набору правил соответствует минимальная f-структура, удовлетворяющая всем правилам; если между правилами есть противоречия, то такой

f-структуры не существует и, следовательно, предложение неграмматично. Правилам в (484)–(485) соответствуют структуры в (480) и (482).

$$\begin{array}{l}
 (484) \quad \text{IP} \rightarrow \text{NP} \quad \text{I}' \quad \text{I}' \rightarrow \text{I} \quad \text{VP} \\
 \quad \quad \quad (\uparrow \text{SUBJ})=\downarrow \quad \uparrow=\downarrow \quad \quad \quad \uparrow=\downarrow \quad \uparrow=\downarrow \\
 \quad \quad \quad \text{VP} \rightarrow \text{V} \quad \text{NP} \quad \text{NP} \rightarrow \text{N} \\
 \quad \quad \quad \quad \quad \uparrow=\downarrow \quad (\uparrow \text{OBJ})=\downarrow \quad \quad \quad \uparrow=\downarrow
 \end{array}$$

$$\begin{array}{l}
 (485) \quad \textit{John} \quad \text{N} \quad (\uparrow \text{PRED}) = \text{'John'} \\
 \quad \quad \quad \quad \quad (\uparrow \text{NUM}) = \text{SG} \\
 \quad \quad \quad \textit{David} \quad \text{N} \quad (\uparrow \text{PRED}) = \text{'David'} \\
 \quad \quad \quad \quad \quad (\uparrow \text{NUM}) = \text{SG} \\
 \quad \quad \quad \textit{has} \quad \text{I} \quad (\uparrow \text{ASPECT}) = \text{PERF} \\
 \quad \quad \quad \quad \quad (\uparrow \text{SUBJ NUM}) = \text{SG} \\
 \quad \quad \quad \quad \quad (\uparrow \text{SUBJ PERS}) = 3 \\
 \quad \quad \quad \textit{seen} \quad \text{V} \quad (\uparrow \text{PRED}) = \text{'see<SUBJ OBJ>'} \\
 \quad \quad \quad \quad \quad (\uparrow \text{TENSE}) = \text{PRES}
 \end{array}$$

Правила в (484) означают, что ИГ в позиции спецификатора IP приписывается грамматическая функция SUBJ, тогда как ИГ в позиции компонента занимает функцию OBJ. Аннотация $\uparrow=\downarrow$ означает, что f-структура аннотированного узла унифицируется со структурой непосредственно доминирующего узла. Такие аннотации весьма важны для формализма ЛФГ, т.к. позволяют строить единую f-структуру на основании информации из разных узлов c-структуры. Например, признаки TENSE и ASPECT в (482) проецируются из разных частей дерева — из узлов V и I, соответственно. Подобная унификация является отличительной чертой многих нетрансформационных грамматик, например, Вершинной грамматики составляющих (HPSG) [Pollard, Sag, 1994] (которая в остальном довольно сильно отличается от ЛФГ); поэтому для таких формализмов используется термин «унификационные грамматики» (Unification-based grammars) [Sag, Kaplan [и др.], 1986; Shieber, 1986].

Вкратце также проиллюстрирую два важных понятия формализма ЛФГ: функциональную неоднозначность (Functional Uncertainty) [Kaplan, Zaenen, 1989] и деление двух позиций одной f-структурой (structure sharing). Рассмотрим топикализацию в английском языке:

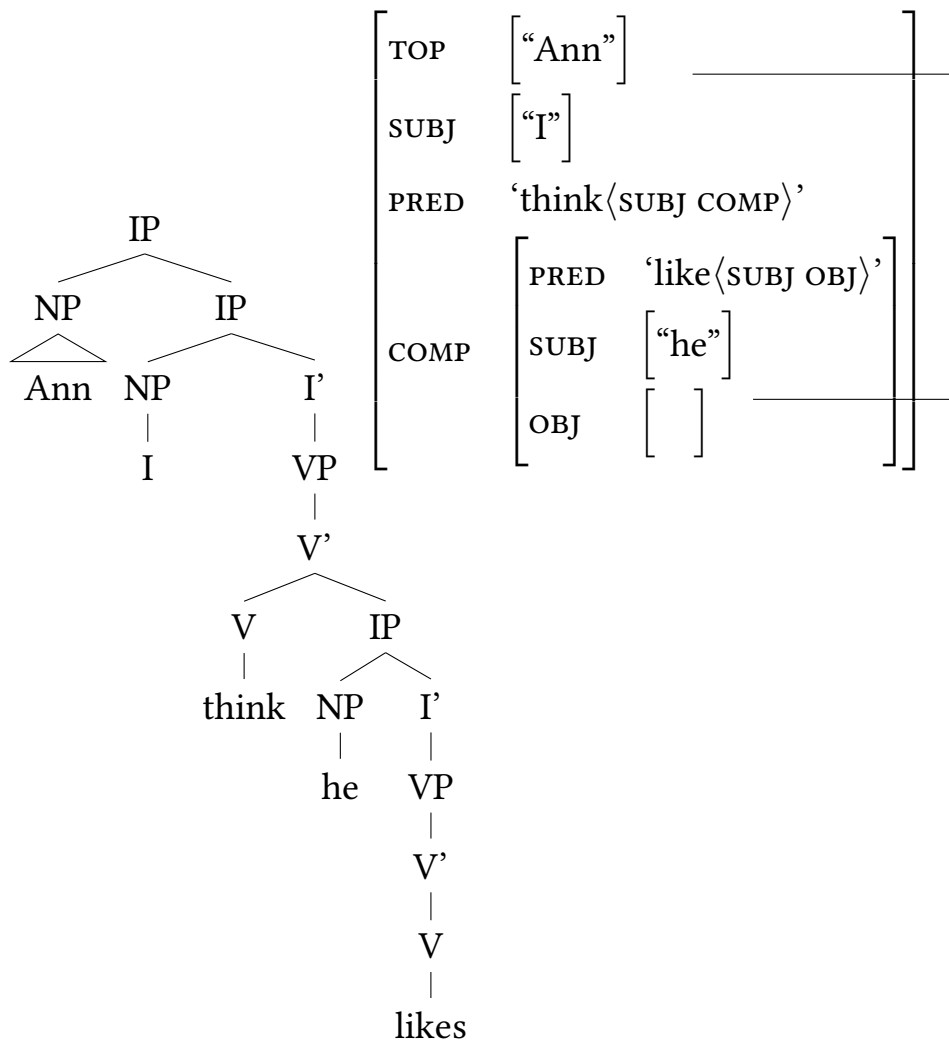
(486) Ann, he likes.

(487) Ann, I think he likes.

Позицию топика (адъюнкт к IP) можно описать следующим образом:

$$(488) \quad IP \rightarrow \begin{array}{c} NP \\ (\uparrow_{TOP})=\downarrow \\ (\uparrow_{COMP*GF})=\downarrow \end{array} IP, \text{ где } GF \equiv (SUBJ|OBJ|OBJ_{\theta}|OBL_{\theta})$$

То есть мы говорим, что адьюнкт к IP является топиком, а также занимает какую-то актантную позицию или в самой клаузе, или в сентенциальном комплементе любой глубины. Последнее и есть функциональная неоднозначность: мы используем для обозначения «пути» к f-структуре регулярное выражение, т.е. путь не является строго заданным. Аннотация же адьюнкта как топика в сочетании с этой аннотацией приводит к тому, что единственной f-структурой, удовлетворяющей таким уравнениям, является такая, в которой вынесенная ИГ занимает сразу две позиции: топика и некоторой грамматической функции.

То есть, можно сказать, что Функциональная неоднозначность в сочетании с возможностью для f-структуры занимать сразу несколько позиций выполняют в ЛФГ ту же роль, которую в трансформационных теориях выполняют передвижения. Следует, впрочем, оговориться, что приравнивать эти явле-

ния нельзя, т.к. они имеют ряд формальных отличий, и анализ в терминах передвижения не обязательно легко переводится в анализ в терминах ЛФГ (хотя часто это так). Кроме того, Функциональная неоднозначность является более общим понятием, чем передвижение, т.к. в принципе является «языком» для формулирования путей от одних структур к другим и используется, в частности, для описания таких далёких от трансформаций вещей, как двойное падежное согласование (Suffixaufnahme) [Nordlinger, 1998].

А.2. Семантика

В ранних работах по ЛФГ считалось, что *f*-структура является не только синтаксическим, но отчасти и семантическим уровнем репрезентации, а в функциях *PREP* содержится основное содержание значения [Kaplan, Bresnan, 1982]. Однако со временем стало ясно, что такой подход имеет массу проблем: например, неясно, как выражать семантику адъюнктов, кванторных слов, а также таких грамматических категорий, как вид и время. Постепенно исследователи пришли к выводу, что необходимо интегрировать ЛФГ с современными формально-семантическими подходами, берущими своё начало с [Montague, 1970a,b; 1973]. Таким образом, *f*-структура стала считаться одним из двух чисто синтаксических уровней репрезентации.

В последние годы доминировать в ЛФГ стала семантическая теория, в основе которой лежит «комбинаторная семантика» (Glue Semantics)⁵ [Dalrymple, 1999; Lev, 2007; Asudeh, 2012]. Сама по себе комбинаторная семантика не связана с какой-то конкретной теорией и представляет собой метод соединять значения с инструкциями о том, как они комбинируются (откуда и англоязычное название “glue”). Центральную роль в комбинаторной семантике играет линейная логика [Girard, 1987]. Центральной особенностью этой логики является её ориентация на формулы, как на ресурсы: в ходе доказательства каждая формула должна быть использована один и только один раз. Например, в классической логике, имея в качестве посылок A , $A \rightarrow B$, можно вывести A , $A \rightarrow B$, B , но в линейной логике при применении правила *Modus ponens* и импликация, и её антецедент «поглощаются», так что в дальнейшем дока-

⁵Мне не удалось подобрать благозвучный прямой перевод названия данной теории на русский язык.

зательстве доступен только ресурс B . Это свойство линейной логики хорошо соответствует семантике естественного языка; исчисление Ламбека [Lambek, 1958], лингвистическая ценность которого общеизвестна, очень близко к линейной логике [Retoré, 1996; Moot, Retoré, 2012], с тем отличием, что является ещё более ограниченным, т.к. в нём играет роль порядок посылок (импликация разделяется на два подтипа, \backslash и $/$), что важно для синтаксиса, но не играет роли при описании семантики.

Однако сама по себе линейная логика описывает только комбинирование выражений между собой; она непригодна для описания самих значений. Для того, чтобы при помощи линейной логики получать нужные значения, используется широко известное в теоретической информатике понятие соответствия Карри–Ховарда [Curry, Feys, 1958; Howard, 1980]. Математики Х. Карри и У. Ховард обнаружили сходство между построением доказательства в конструктивной логике и ходом выполнения компьютерной программы; в применении к семантике естественного языка последнее можно заменить лямбда-исчислением. Например, логическая импликация в логическом доказательстве соответствует применению аргумента к функции на уровне семантики. Лямбда-формулы и логические формулы принято писать через двоеточие; в данной конвенции основные правила вывода в соответствии Карри–Ховарда для линейной логики таковы ($-\circ$ — символ линейной импликации), по [Asudeh, 2012, с. 79–80]:

(489) а. применение функции к аргументу : удаление импликации

$$\frac{a : A \quad f : A -\circ B}{f(a) : B} -\circ_{\varepsilon}$$

б. абстракция : введение импликации

$$\frac{\begin{array}{c} [x : A]^1 \\ \vdots \\ f : B \end{array}}{\lambda x. f : A -\circ B} -\circ_{\mathcal{I},1}$$

в. попарная подстановка : удаление конъюнкции

$$\frac{\begin{array}{c} \vdots \\ a : A \otimes B \end{array} \quad \begin{array}{c} [x : A]^1 [y : B]^2 \\ \vdots \\ f : C \end{array}}{\text{let } a \text{ be } x \times y \text{ in } f : C} \otimes_{\varepsilon,1,2}$$

г. произведение : введение конъюнкции

$$\frac{\begin{array}{c} \vdots \\ a : A \end{array} \quad \begin{array}{c} \vdots \\ b : B \end{array}}{a \times b : A \otimes B} \otimes_{\mathcal{I}}$$

Значения, соединённые с логическими формулами, называются семантическими конструкторами (Meaning constructors); при этом каждому терму линейной логики приписывается также тип (в соответствии с типами λ -исчисления). Проще всего проиллюстрировать действие правила удаления импликации, которое и используется чаще всего. Допустим, что предложение *John saw David* предполагает следующие посылки:

$$(490) \quad \begin{array}{l} John : j_e \quad \lambda x.\lambda y.see(y, x) : d_e \multimap (j_e \multimap s_t) \\ David : d_e \end{array}$$

Построение значения для этого предложения происходит путём конструирования логического доказательства для ресурса, соответствующего всему предложению (в нашем случае s) на правой стороне, применяя аргументы к функциям на левой стороне (и совершая β -редукцию). Для (490) семантический вывод происходит следующим образом:

$$(491) \quad \frac{\frac{\lambda x.\lambda y.see(y, x) : d_e \multimap (j_e \multimap s_t) \quad David : d_e}{\lambda y.see(y, David) : j_e \multimap s_t} \quad John : j_e}{see(John, David) : s_t}$$

Правило введения импликации играет важную роль для описания различных дистантных зависимостей между элементами. Например, относительные предложения можно описать при помощи следующего набора конструкторов (пример из [Jäger, 2005, с. 43–45], с заменой грамматики Ламбека на линейную логику):

(492) the book which Russell wrote

(493) [the] $\lambda P.\iota x.P(x) : (bv_e \multimap br_t) \multimap b_e$

[book] $\lambda x.book(x) : (bv_e \multimap br_t)$

[Russell] $russell : r_e$

[wrote] $\lambda x.\lambda y.wrote(y, x) : b_e \multimap r_e \multimap w_t$

[which] $\lambda P.\lambda Q.\lambda x.Q(x) \wedge P(x) : (b_e \multimap w_t) \multimap (bv_e \multimap br_t) \multimap (bv_e \multimap br_t)$

Тогда получаем логический вывод на рис. А.3 на с. 294, где сначала вводится гипотеза, а затем при помощи правила добавления импликации «отбра-

сывается».

Как отмечают многие исследователи, роль гипотетических выводов в подобных доказательствах в целом соответствует следам и передвижениям в трансформационных теориях [Jäger, 2005, с. 45; Morrill, 1994; Carpenter, 1998]. Однако в данном случае это является чисто семантическим процессом, совместимым с любым синтаксисом при условии, что тот снабжает семантику нужными посылками.

Здесь мы переходим к следующему вопросу: каким образом синтаксис сообщает семантике нужные посылки? В ЛФГ семантические ресурсы, участвующие в логической стороне семантических конструкторов, проецируются при помощи функции σ от f-структуры на семантическую структуру (s-структуру). В принципе, s-структуры являются такими же множествами «признак — значение», как f-структуры, и, хотя часто являются атомарными⁶, могут включать в себя в качестве значений и другие s-структуры; например, для анафоры часто используют функцию АНТЕСЕДЕНТ, в которой находится s-структура антецедента местоимения [Dalrymple, 2001, с. 299–301].

Семантические конструкторы вводятся в виде аннотаций к лексическим единицам или контекстно-свободным правилам, при этом используются метапеременные \uparrow_σ и \downarrow_σ , что является сокращением для $\sigma(\uparrow)$ и $\sigma(\downarrow)$ соответственно (т.е., ‘семантическая проекция f-структуры доминирующего узла’ и ‘семантическая проекция f-структуры аннотируемого узла’). Чтобы предложение было семантически корректным, в доказательстве должны использоваться все семантические конструкторы, и результатом должно быть получение ресурса, соответствующего самой верхней f-структуре. Проиллюстрирую это на простом примере выше (482, 484), где конструкторами надо снабдить только лексические единицы (485). Они таковы (для краткости и простоты я опускаю функциональные аннотации, которые такие же, как выше):

$$\begin{aligned}
 & \text{John} \quad N \quad \text{John} : \uparrow_{\sigma\langle e \rangle} \\
 (494) \quad & \text{David} \quad N \quad \text{David} : \uparrow_{\sigma\langle e \rangle} \\
 & \text{seen} \quad V \quad \lambda X. \lambda Y. \text{see}(Y, X) : (\uparrow \text{OBJ})_{\sigma\langle e \rangle} \multimap [(\uparrow \text{SUBJ})_{\sigma\langle e \rangle} \multimap \uparrow_{\sigma\langle t \rangle}]
 \end{aligned}$$

Аннотации для имён ‘John’ и ‘David’ просто указывают, что семантические

⁶Вопрос о том, что должны включать в себя s-структуры, пока полностью не разработан. Некоторые авторы включают в них такие признаки, как одушевлённость [Dalrymple, Nikolaeva, 2011] и даже позиции для актантов и сирконстантов [Asudeh, Giorgolo, 2012].

ресурсы их f-структур соответствуют значениям *John* и *David* (оба — типа *e*). Аннотация глагола ‘seen’ указывает, что сначала должен быть «поглощён» ресурс прямого объекта (и значение глагола комбинировано со значением имени на семантической стороне), чтобы получить ресурс для ‘seen-David’; затем должен быть «поглощён» ресурс субъекта, в результате чего получаем значение для всего предложения. Если подставить соответствующие значения для s-структур, то получается доказательство в (491).

А.3. Важные конструкции и понятия

А.3.1. Квантификация

Поскольку в логической части семантических конструкторов используются полноценные формулы линейной логики, мы можем использовать в них различные операторы, в том числе, универсальные кванторы. Это позволяет получить элегантный анализ сферы действия кванторов, не прибегая к синтаксическим трансформациям. М. Далримпл и её соавторы [Dalrymple, Lamping [и др.], 1997] предложили следующую дефиницию для слова *everybody*:

$$(495) \quad \lambda P. \text{every}(z, \text{person}(z), P(z)) : \forall H_t. (\uparrow_{\sigma\langle e \rangle} \multimap H_t) \multimap H_t$$

Этот квантор имеет тип $\langle\langle e, t \rangle, t \rangle$, обычный для таких слов начиная с [Montague, 1973], но благодаря универсальной квантификации на логическом уровне мы можем подставлять в качестве сферы действия (т.е. *H*) различные предикации. Проиллюстрируем это на примере [Asudeh, 2005]:

(496) Everybody seemed to sleep.

$$(497) \quad f: \left[\begin{array}{l} \text{PRED} \quad \text{‘seem}\langle \text{SUBJ} \rangle\text{’} \\ \text{SUBJ} \quad g: \left[\begin{array}{l} \text{PRED} \quad \text{‘everybody’} \end{array} \right] \\ \text{XCOMP} \quad h: \left[\begin{array}{l} \text{PRED} \quad \text{‘sleep}\langle \text{SUBJ} \rangle\text{’} \\ \text{SUBJ} \quad g: \left[\quad \right] \end{array} \right] \end{array} \right]$$

У этого предложения будут следующие семантические посылки:

$$(498) \quad [\text{everybody}] \lambda P. \text{every}(z, \text{person}(z), P(z)) : \forall H_t. (g_e \multimap H_t) \multimap H_t$$

$$[\text{seem}] \lambda P. \text{seem}(P) : h_t \multimap f_t$$

$$[\text{sleep}] \lambda x. \text{sleep}(x) : g_e \multimap h_t$$

$$\frac{\lambda P. \iota x. P(x) : (bv_e \multimap br_t) \multimap b_e}{\iota x. \text{book}(x) \wedge \text{wrote}(x) : b_e}
\frac{\lambda x. \text{book}(x) : (bv_e \multimap br_t)}{\lambda Q. \lambda x. Q(x) \wedge \text{wrote}(\text{russell}, x) : (bv_e \multimap br_t) \multimap (bv_e \multimap br_t)} \multimap_{\varepsilon}
\frac{\text{wrote}(\text{russell}, m) : w_t}{\lambda x. \text{wrote}(\text{russell}, x) : b_e \multimap w_t} \multimap_{\mathcal{I}, 1}
\frac{\text{russell} : r_e}{\lambda y. \text{wrote}(y, m) : r_e \multimap w_t} \multimap_{\varepsilon}
\frac{[m : b_e]^1 \quad \lambda x. \lambda y. \text{wrote}(y, x) : b_e \multimap r_e \multimap w_t}{\lambda y. \text{wrote}(y, m) : r_e \multimap w_t} \multimap_{\varepsilon}$$

Рис. А.2.: Вывод ИГ *the book which Russell wrote*

$$\frac{\lambda x. \text{sleep}(x) : g_e \multimap h_t \quad \lambda P. \text{every}(z, \text{person}(z), P(z)) : \forall H_t. (g_e \multimap H_t) \multimap H_t}{\text{every}(z, \text{person}(z), \text{sleep}(z)) : h_t} \quad \lambda P. \text{seem}(P) : h_t \multimap f_t
\frac{\text{seem}(\text{every}(z, \text{person}(z), \text{sleep}(z))) : f_t}$$

$$\frac{[m : g_e]^1 \quad \lambda x. \text{sleep}(x) : g_e \multimap h_t}{\text{sleep}(m) : h_t} \quad \lambda P. \text{seem}(P) : h_t \multimap f_t
\frac{\text{seem}(\text{sleep}(m)) : f_t}{\lambda x. \text{seem}(\text{sleep}(x)) : g_e \multimap f_t} \quad \lambda P. \text{every}(z, \text{person}(z), P(z)) : \forall H_t. (g_e \multimap H_t) \multimap H_t
\frac{\text{every}(z, \text{person}(z), \text{seem}(\text{sleep}(z))) : f_t}$$

Рис. А.3.: Две интерпретации предложения *Everyone seems to sleep*

В результате получаем два возможных варианта деривации, соответствующие двум сферам действия квантора, см. рис. А.3.1 на с. 294.

Здесь опять можно увидеть параллель с трансформационными теориями, а именно, с «поднятием квантора» (Quantifier Raising) [May, 1977]. В генеративной литературе обычно считается, что эта операция происходит на уровне LF, т.е. скрыто; здесь же мы видим, что такое скрытое передвижение вполне легко может быть перенесено на чисто семантический уровень. Таким образом, логические доказательства в ЛФГ отчасти эквивалентны LF в трансформационных теориях; впрочем, неясно, до какой именно степени верна эта параллель.

А.3.2. Анафора

В большинстве подходов к анафоре в ЛФГ используется признак ANTECEDENT в семантической структуре местоимения [Dalrymple, T. H. King, Nuygetian, 1999]. Наиболее простой и элегантной формализацией анафоры такого рода является подход, в котором местоимение рассматривается как функция, принимающая антецедент в качестве аргумента [Dalrymple, T. H. King, Nuygetian, 1999], [Asudeh, 2012, с. 83–86]. А именно, семантический конструктор имеет следующую форму:

$$(499) \quad \lambda Z.Z \times Z : (\uparrow_{\sigma} \text{ ANTECEDENT}) \multimap ((\uparrow_{\sigma} \text{ ANTECEDENT}) \otimes \uparrow_{\sigma})$$

На логической стороне конструктора ресурс антецедента поглощается и объединяется конъюнкцией с ресурсом местоимения. На семантическом уровне значение антецедента удваивается, так что он может использоваться дважды: там, где нужно подставить ресурс антецедента, и там, где нужно подставить ресурс местоимения. Для такой подстановки используется уже упомянутое ранее правило удаления конъюнкции. Проиллюстрирую это на следующем примере из [Asudeh, 2012, с. 84]:

$$(500) \quad \text{Thora said she giggled.}$$

$$\begin{array}{c}
 \lambda U. \lambda Q. say(U, Q) : \quad \lambda X. giggle(X) : \\
 \frac{[x : t]^1 \quad t \multimap g \multimap s}{\lambda Q. say(x, Q) :} \quad \frac{[y : p]^2 \quad p \multimap g}{giggle(y) :} \\
 \frac{thora : \quad \lambda Z. Z \times Z :}{\frac{t \quad t \multimap (t \otimes p)}{thora \times thora : t \otimes p}} \quad \frac{g \multimap s}{say(x, giggle(y)) : s} \\
 \frac{\frac{let thora \times thora be x \times y in say(x, giggle(y)) : s}{say(thora, giggle(thora)) : s} \Rightarrow_{\beta}}{\otimes_{\epsilon, 1, 2}}
 \end{array}$$

В доказательстве p означает ‘местоимение’, \Rightarrow_{β} обозначает β -редукцию λ -терма, и $\otimes_{\epsilon, 1, 2}$ указывает на правило удаления конъюнкции [Asudeh, 2012, с. 79–80]. То, как применяется последнее, сводится к тому, что в качестве гипотез берутся две переменные, соответствующие местоимению и антецеденту, а затем они «отбрасываются», разделяя конъюнкцию на логическом уровне и подставляя соответствующие значения на уровне семантики.

При всей элегантности подобной модели, она имеет ряд недостатков. Во-первых, она совершенно не приспособлена для кросс-сентенциальной анафоры: у нас нет способа получить доступ к f -структурам или семантическим структурам предшествующих предложений. Во-вторых, она несовместима с такими особенностями прономинальной анафоры, как расщеплённость антецедента (*Петя_i встретил Машу_j, и они_{i+j} пошли гулять*) и ассоциативное связывание (bridging) [Clark, 1975; Heim, 1982] (*When I was at the mayor’s reception_i, the food_{j~i} was tasty*). Очевидно, что для описания таких явлений простая подстановка одной и той же переменной в несколько позиций не годится, и нужна теория, адекватным образом формализующая подобные виды анафоры.

Именно поэтому было предпринято несколько попыток интегрировать ЛФГ с Теорией репрезентации дискурса (DRT) [Kamp, 1981; Kamp, Reyle, 1993], пожалуй, одним из наиболее разработанных формализмов для описания анафоры. Поскольку сами принципы комбинаторной семантики нейтральны по отношению к тому, что именно используется в качестве метаязыка, достаточно иметь композиционный вариант DRT для того, чтобы провести такую интеграцию. Первой подобной попыткой в ЛФГ была λ -DRT М. Кокконидиса [Kokkonidis, 2005], однако у этого формализма есть ряд недостатков, в частности, неудовлетворительно описание синтаксических ограничений на анафору через специальную проекцию от f -структуры к индексам. Гораздо лучше подходит для описания подобных анафорических «сложностей» разработанная Д. Хаугом Частичная композиционная теория репрезентации дискурсия (Partial Compositional

Discourse-Representation Theory, PCDRT) [Haug, пред. пуб.], основанная на Композициональной теории репрезентации дискурса (CDRT) Р. Мускенса [Muskens, 1996]. В этой теории разрешение анафорических отношений в целом происходит уже после построения семантического представления, на уровне прагматики; поскольку речь идёт о дискурсивных референтах и отношениях между ними, все имена имеют тип $\langle\langle e,t \rangle, t \rangle$ ⁷, а не просто «е», например, значение предложения *Петя его увидел* будет конструироваться из следующих компонентов:

- (501) а. $\lambda P.[x_1 | \text{Петя}(x_1)]; P(x_1) : \forall \alpha_t (p_e \multimap \alpha_t) \multimap \alpha_t$
 б. $\lambda P.[x_1 | \partial(\text{male}(x_1)), \text{ant}(x_1)]; P(x_1) : \forall \alpha_t (h_e \multimap \alpha_t) \multimap \alpha_t$
 в. $\lambda x. \lambda y. \text{увидеть}(y, x) : h_e \multimap p_e \multimap s_t$

$$(502) \quad \frac{\frac{\frac{[m : h_e]^1 \quad h_e \multimap p_e \multimap s_t}{\lambda y. \text{увидеть}(y, m) : p_e \multimap s_t} \quad \lambda P.[x_1 | \text{Петя}(x_1)]; P(x_1) : \forall \alpha_t (p_e \multimap \alpha_t) \multimap \alpha_t}{[x_1 | \text{Петя}(x_1), \text{увидеть}(x_1, m)] : s_t}}{\lambda P.[x_1 | \partial(\text{male}(x_1)), \text{ant}(x_1)]; P(x_1) : \forall \alpha_t (h_e \multimap \alpha_t) \multimap \alpha_t} \quad \frac{\lambda x. [x_1 | \text{Петя}(x_1), \text{увидеть}(x_1, x)] : p_e \multimap s_t}{\lambda P.[x_1 x_2 | \partial(\text{male}(x_1)), \text{ant}(x_1), \text{Петя}(x_2), \text{увидеть}(x_2, x_1)] : s_t}}$$

Все имена и местоимения содержат квантор на логическом уровне, т.к. дефиниция существительного или местоимения не должна зависеть от того, в какой клаузе оно встречается. В принципе, вывод $A_e \Rightarrow (A_e \multimap B_t) \multimap B_t$ («подъём типа») является тривиально доказуемой теоремой линейной логики [Lambek, 1995, с. 45], поэтому такие «квантифицированные» дефиниции по сути эквивалентны ресурсам типа «е».

Как мы видим, при таком подходе тип местоимений не отличается от типа других ИГ; единственное отличие в том, что их значение содержит функцию $\text{ant}(x)$, требующую того, чтобы данному референту был приписан некоторый доступный (в терминах DRT) референт.

Однако в ряде случаев (рефлексивы, реципрокальные местоимения, контроль) кореферентность устанавливается при помощи синтаксиса. Для этого нужно использовать специальный семантический конструктор, связывающий два референта. Д. Хауг (л.с.) предложил два варианта такого конструктора:

⁷Это является общей чертой любого семантического анализа, основанного на композициональных вариантах DRT. Ср. недавнюю работу [Corroch, 2013], автор которой прямо извиняется за это, действительно, не очень элегантное решение (с. 355, сноска 4); однако, по-видимому, адекватных альтернатив пока что не имеется.

$$(503) \quad \lambda P.\lambda x.P(x)(x) : \forall \alpha_t.(ant_e \multimap pro_e \multimap \alpha_t) \multimap ant_e \multimap \alpha_t$$

$$(504) \quad \lambda P.\lambda x.\lambda y.[|x \in \mathcal{A}(y)|]; P(x)(y) : \forall \alpha_t.(ant_e \multimap pro_e \multimap \alpha_t) \multimap ant_e \multimap pro_e \multimap \alpha_t$$

В первом случае мы имеем дело со связыванием переменной, т.е. подставляем одно и то же значение в разные позиции. Во втором же случае речь идёт о более опосредованном отношении кореферентности между двумя различными референтами. Оба варианта конструктора нужны для разных целей: первый — для рефлексивов и других анафоров, второй — для контроля (т.к. возможен совместный контроль), резюмции и проч. В формализации в главе 4 будет подробно обоснован выбор одного из этих вариантов для анализа осетинских коррелятивов.

А.3.3. Сочинение

Следует также вкратце остановиться на описании сочинения, т.к. это требуется в некоторых частях формализации. Используемые мною репрезентации с- и f-структур сочинительных конструкций полностью следуют работе [Kaplan, Maxwell, 1995]. Семантика следует [Dalrymple, 2001, с. 374–379]. Сочинительные конструкции выражаются, как множества на f-структуре и как «плоские» составляющие на с-структуре⁸:

$$(505) \quad \begin{array}{ccc} XP \rightarrow XP & \text{Cnj} & XP \\ \downarrow \in \uparrow & \uparrow = \downarrow & \downarrow \in \uparrow \end{array}$$

$$\text{and Cnj } (\uparrow \text{ CONJ}) = \text{AND}$$

$$\lambda X.\lambda Y.X \wedge Y : (\uparrow \in)_{\sigma(t)} \multimap [(\uparrow \in)_{\sigma(t)} \multimap \uparrow_{\sigma(t)}]$$

А.4. Выводы

В настоящем разделе были описаны основы Лексико-функциональной грамматики в том объёме, в котором она использована в данной работе. Кроме того, описаны общепринятые варианты анализа некоторых важных конструкций: квантификации, анафоры, сочинения. Все эти конструкции будут важ-

⁸В принципе, ничто не мешает реализовать и анализ в терминах CoP [Johannessen, 1998] или BP [Munn, 1987]; однако «плоский» анализ общепринят в ЛФГ и формально проще, если только не требовать обязательно бинарного ветвления; кроме того, важные и, на мой взгляд, убедительные аргументы против CoP см. в [Borsley, 2005].

ны при формализации синтаксической структуры и семантики осетинских коррелятивов.

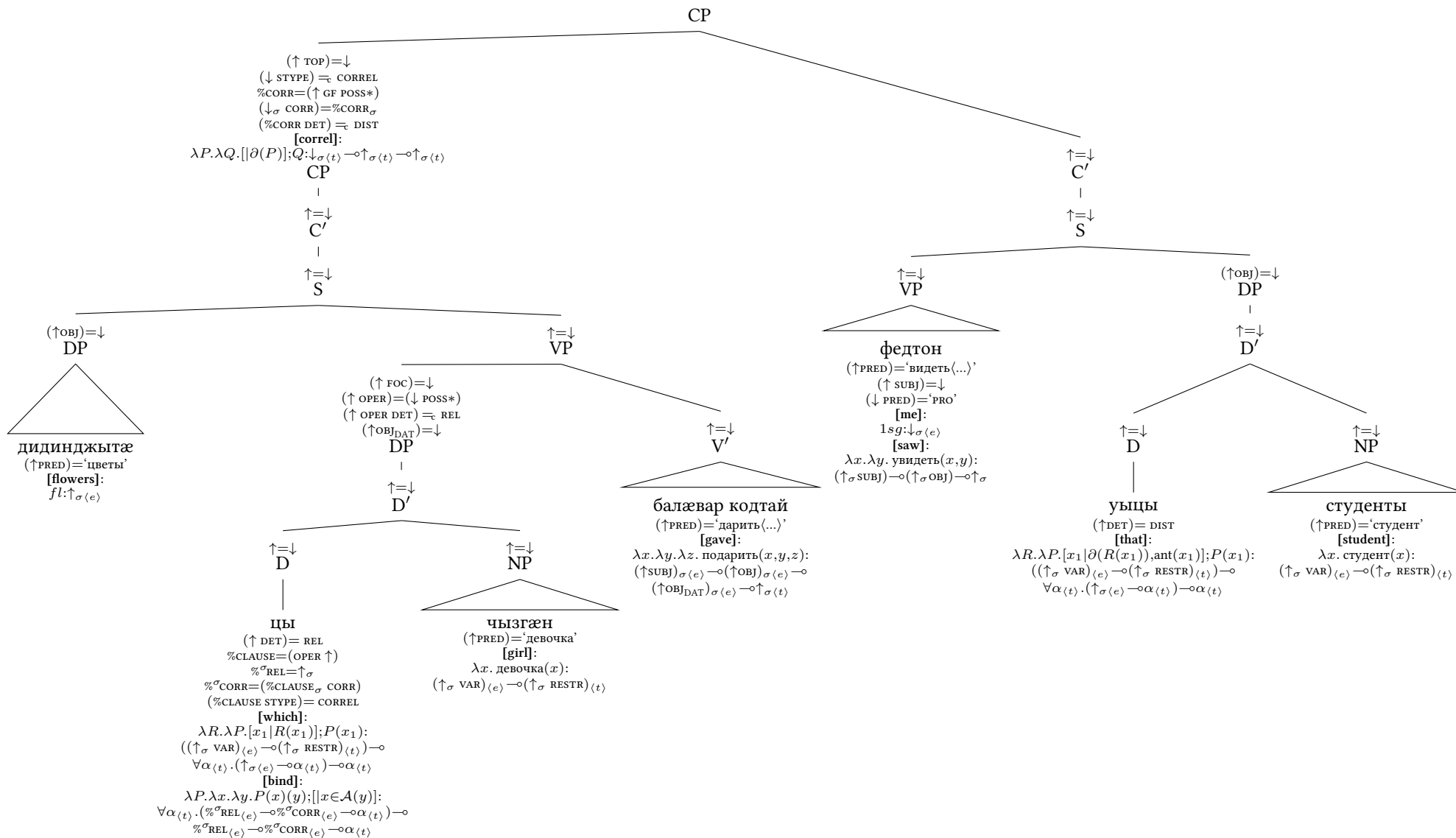
Приложение Б.

Полная структура осетинского примера с коррелятивной конструкцией

Теперь у нас есть все необходимые компоненты семантической деривации. Убедимся на примере, что их использование даёт верный результат. Рассмотрим следующий пример:

- (506) [*Дидиндж-ытæ цы чызг-æн ба-лæвар код-т-ай*], *фед-т-он* *уы-цы*
 цветок-PL что девушка-DAT PV-подарок делать-TR-PST.2SG видеть.PFV-TR-PST.1SG DemDist-ATTR
студент-ы
 студент-GEN
 ‘Которой девушке ты подарил цветы, я видел ту студентку.’

Применяя показанные выше правила фразовой структуры (для простоты я буду считать, что корреляты связываются дистантно), получаем следующую аннотированную с-структуру:

Ей соответствуют следующие f- и s-структуры:

$$\begin{array}{l}
 \left[\begin{array}{l}
 \text{PRED} \quad \text{'видеть' \langle \text{SUBJ OBJ} \rangle'} \\
 \text{TOP} \quad g: \left[\begin{array}{l}
 \text{PRED} \quad \text{'дарить' \langle \text{SUBJ OBJ OBJ}_{\text{DAT}} \rangle'} \\
 \text{STYPE} \quad \text{CORREL} \\
 \text{SUBJ} \quad y: \left[\text{pred} \quad \text{'PRO'} \right] \\
 \text{OBJ} \quad l: \left[\text{pred} \quad \text{'цветы'} \right] \\
 \text{OBJ}_{\text{DAT}} \quad w: \left[\begin{array}{l}
 \text{pred} \quad \text{'девочка'} \\
 \text{det} \quad \text{REL}
 \end{array} \right] \\
 \text{FOC} \quad w \\
 \text{OPER} \quad w
 \end{array} \right] \\
 \text{SUBJ} \quad m: \left[\text{PRED} \quad \text{'PRO'} \right] \\
 \text{OBJ} \quad h: \left[\begin{array}{l}
 \text{PRED} \quad \text{'студент'} \\
 \text{DET} \quad \text{DIST}
 \end{array} \right]
 \end{array} \right]
 \end{array}
 \begin{array}{l}
 f_{\sigma}: \left[\quad \right] \quad g_{\sigma}: \left[\text{CORR} \quad h_{\sigma} \right] \quad y_{\sigma}: \left[\quad \right] \quad l_{\sigma}: \left[\quad \right] \quad w_{\sigma}: \left[\begin{array}{l}
 \text{VAR} \quad wv \\
 \text{RESTR} \quad wr
 \end{array} \right] \quad m_{\sigma}: \left[\quad \right] \\
 h_{\sigma}: \left[\begin{array}{l}
 \text{VAR} \quad hv \\
 \text{RESTR} \quad hr
 \end{array} \right]
 \end{array}
 \end{array}$$

Им соответствуют следующие логические посылки:

$$[\text{correl}] := \lambda P. \lambda Q. [\partial(P)]; Q : g_{\sigma\langle t \rangle} \multimap f_{\sigma\langle t \rangle} \multimap f_{\sigma\langle t \rangle}$$

$$[\text{flowers}] := fl : l_{\sigma\langle e \rangle}$$

$$[\text{which}] := \lambda R. \lambda P. [x_1 | R(x_1)]; P(x_1) : (wv_{\langle e \rangle} \multimap wr_{\langle t \rangle}) \multimap \forall \alpha_{\langle t \rangle}. (w_{\sigma\langle e \rangle} \multimap \alpha_{\langle t \rangle}) \multimap \alpha_{\langle t \rangle}$$

$$[\text{girl}] := \lambda x. \text{девочка}(x) : wv_{\langle e \rangle} \multimap wr_{\langle t \rangle}$$

$$[\text{bind}] := \lambda P. \lambda x. \lambda y. P(x)(y); [|x \in \mathcal{A}(y)] : \forall \alpha_{\langle t \rangle}. (w_{\sigma\langle e \rangle} \multimap h_{\sigma\langle e \rangle} \multimap \alpha_{\langle t \rangle}) \multimap w_{\sigma\langle e \rangle} \multimap h_{\sigma\langle e \rangle} \multimap \alpha_{\langle t \rangle}$$

$$[\text{gave}] := \lambda x. \lambda y. \lambda z. \text{подарить}(x, y, z) : y_{\sigma\langle e \rangle} \multimap l_{\sigma\langle e \rangle} \multimap w_{\sigma\langle e \rangle} \multimap g_{\sigma\langle t \rangle}$$

$$[\text{you}] := 2sg : y_{\sigma\langle e \rangle}$$

$$[\text{saw}] := \lambda x. \lambda y. \text{увидеть}(x, y) : m_{\sigma\langle e \rangle} \multimap h_{\sigma\langle e \rangle} \multimap f_{\sigma\langle t \rangle}$$

$$[\text{me}] := 1sg : m_{\sigma\langle e \rangle}$$

$$[\text{that}] := \lambda R. \lambda P. [x_1 | \partial(R(x_1)), \text{ant}(x_1)]; P(x_1) : (hv_{\langle e \rangle} \multimap hr_{\langle t \rangle}) \multimap \forall \alpha_{\langle t \rangle}. (h_{\sigma\langle e \rangle} \multimap \alpha_{\langle t \rangle}) \multimap \alpha_{\langle t \rangle}$$

$$[\text{student}] := \lambda x. \text{студент}(x) : hv_{\langle e \rangle} \multimap hr_{\langle t \rangle}$$

Вывод на уровне линейной логики (сокращённый):

$$\begin{array}{c}
 \frac{[w_{\sigma\langle e \rangle}]^1 \quad \frac{\frac{l_{\sigma\langle e \rangle} \quad \frac{y_{\sigma\langle e \rangle} \quad y_{\sigma\langle e \rangle} \multimap l_{\sigma\langle e \rangle} \multimap w_{\sigma\langle e \rangle} \multimap g_{\sigma\langle t \rangle}}{l_{\sigma\langle e \rangle} \multimap w_{\sigma\langle e \rangle} \multimap g_{\sigma\langle t \rangle}}}{w_{\sigma\langle e \rangle} \multimap g_{\sigma\langle t \rangle}}}{g_{\sigma\langle t \rangle}}}{f_{\sigma\langle t \rangle} \multimap f_{\sigma\langle t \rangle}} \quad \frac{g_{\sigma\langle t \rangle} \multimap f_{\sigma\langle t \rangle} \multimap f_{\sigma\langle t \rangle}}{f_{\sigma\langle t \rangle}} \quad \frac{[h_{\sigma\langle e \rangle}]^2 \quad \frac{m_{\sigma\langle e \rangle} \quad m_{\sigma\langle e \rangle} \multimap h_{\sigma\langle e \rangle} \multimap f_{\sigma\langle t \rangle}}{h_{\sigma\langle e \rangle} \multimap f_{\sigma\langle t \rangle}}}{f_{\sigma\langle t \rangle}}}{\frac{f_{\sigma\langle t \rangle}}{w_{\sigma\langle e \rangle} \multimap h_{\sigma\langle e \rangle} \multimap f_{\sigma\langle t \rangle}} \multimap_{\mathcal{I},1,2}} \quad \frac{\forall \alpha_{\langle t \rangle}. (w_{\sigma\langle e \rangle} \multimap h_{\sigma\langle e \rangle} \multimap \alpha_{\langle t \rangle}) \multimap w_{\sigma\langle e \rangle} \multimap h_{\sigma\langle e \rangle} \multimap \alpha_{\langle t \rangle}}{w_{\sigma\langle e \rangle} \multimap h_{\sigma\langle e \rangle} \multimap f_{\sigma\langle t \rangle}}}{\frac{\dots}{f_{\sigma\langle t \rangle}}}
 \end{array}$$

Вывод на уровне значения:

$$\begin{array}{c}
 \frac{[m]^1 \quad \frac{fl \quad \frac{2sg \quad \lambda x. \lambda y. \lambda z. \text{подарить}(x, y, z)}{\lambda y. \lambda z. \text{подарить}(2sg, y, z)}}{\lambda z. \text{подарить}(2sg, fl, z)}}{\text{подарить}(2sg, fl, m)} \quad \frac{\lambda P. \lambda Q. [[\partial(P)]]; Q}{\lambda Q. [[\partial(\text{подарить}(2sg, fl, m))]]; Q}}{\frac{[[\partial(\text{подарить}(2sg, fl, m)), \text{увидеть}(1sg, n)]]}{\lambda x. \lambda y. [[\partial(\text{подарить}(2sg, fl, x)), \text{увидеть}(1sg, y)]]} \rightarrow_{\mathcal{I},1,2}} \quad \frac{[n]^2 \quad \frac{1sg \quad \lambda x. \lambda y. \text{увидеть}(x, y)}{\lambda y. \text{увидеть}(1sg, y)}}{\text{увидеть}(1sg, n)}}{\frac{\lambda P. \lambda x. \lambda y. P(x)(y); [[x \in \mathcal{A}(y)]] \quad \lambda P. [x_1 | \partial(\text{студент}(x_1)), \text{ant}(x_1)]; P(x_1)}{\lambda x. [x_1 | \partial(\text{студент}(x_1)), \text{ant}(x_1), \partial(\text{подарить}(2sg, fl, x)), \text{увидеть}(1sg, x_1), x \in \mathcal{A}(x_1)]} \text{ skip} \quad \lambda P. [x_1 | \text{девушка}(x_1)]; P(x_1)}}{[x_1 x_2 | \text{девушка}(x_1), \partial(\text{студент}(x_2)), \text{ant}(x_2), \partial(\text{подарить}(2sg, fl, x_1)), \text{увидеть}(1sg, x_2), x_1 \in \mathcal{A}(x_2)]}
 \end{array}$$

Получающаяся в результате DRS имеет в более удобной нотации следующий вид:

(507)

$x_1 x_2$
девушка(x_1)
$\partial(\text{студент}(x_2))$
$\text{ant}(x_2)$
$\partial(\text{дать}(2sg, fl, x_1))$
$\text{увидеть}(1sg, x_2)$
$x_1 \in \mathcal{A}(x_2)$